

Социологический институт
Российской Академии наук

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов
Социологического института РАН

Выпуск 7

Санкт-Петербург
2016

*Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН*

Р е д к о л л е г и я :

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН); *Р. Г. Браславский*, к. с. н. (зам. гл. ред., СИ РАН);
А. С. Быстрова, к. э. н. (СИ РАН); *К. С. Дивисенко*, к. с. н. (отв. секретарь, СИ РАН); *Е. А. Иванова*, к. и. н. (СПбНЦ РАН);
М. В. Масловский, д. с. н., проф. (СИ РАН); *Д. Б. Тев*, к. с. н. (СИ РАН);
И. Шубрт, д-р социол., доцент (Карлов университет, Прага, Чехия)

Сборник включает статьи, посвященные методологическим аспектам социологии детства, а также опыту исследований в этой развивающейся области социологии. Представлены работы по изучению ценностно-аттитудной структуры жизненного мира, мужского родительства, эволюции структуры российских домохозяйств и нарративному анализу полигамных семей в России.

Выделяется проблема социального неравенства и его проявления, в том числе в сфере наемного труда. Обоснованы основные тенденции в становлении группы «инноваторов», роль НКО как источника социального капитала.

Для социологов, демографов, экономистов, историков науки.

Научное ежегодное периодическое издание «Петербургская социология сегодня: Сборник научных трудов Социологического института РАН» выходит с 2009 г. Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

У ч р е д и т е л и :

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Социологический институт Российской академии наук (СИ РАН)

ISBN 978-5-94468-211-4

© Социологический институт РАН, 2016
© ООО «Издательство «Росток», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Дети, семья и общество

Барбохина В. А. Определение уровня кризисности семьи	11
Филипова А. Г. Актуальные проблемы отечественных социологических исследований детства	26
Волкова Е. Н., Волкова И. В., Исаева О. М. Дети-сироты и дети, растущие в семье: сравнительный анализ распространенности насилия	39
Волкова Е. Н. К вопросу о разработке методологии оценки распространенности насилия над детьми	58
Акулова М. В. Факторы, влияющие на формирование ответственного родительства в семьях, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции	75
Одиноква В. А., Колпакова О. И. Оценка воздействия программ профилактики ВИЧ-инфекции подростками, практикующими рискованное поведение	102
Одиноква В. А., Захарова Ю. П., Русакова М. М. Опыт социологического опроса детей, живущих в детских домах	116
Кузмаева О. В. Подходы к оценке основных параметров здоровья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	143
Семья Г. В. Сравнительный анализ систем защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в России и США	157
Дивисенко К. С. Биографический анализ ценностно-аттitudной структуры жизненного мира	182
Чикалова Е. А. Отцовство в фокусе западных социологических и психологических исследований: проблемы и перспективы ..	201

<i>Елисеева И. И.</i> Эволюция структуры российских домохозяйств: попытка объяснения	216
<i>Лурье С. В.</i> Современный опыт полигамных семей в среде российских мусульман: нарративный анализ	243

Социальное неравенство, мобильность и трудовые отношения

<i>Игнатова С. Н.</i> Социальное неравенство как норма	281
<i>Яковлева А. А., Ерофеева П. А.</i> Некоммерческий сектор как источник социального капитала и ресурс для социальной мобильности. К постановке исследовательской задачи	303
<i>Мищенко А. С.</i> «Инноваторы» как особая социально-профессиональная группа в современной России	319
Максимов Б. И. Трудовое законодательство и реальные практики трудовых отношений	350
<i>Тыканова Е. В.</i> Консолидация локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства Санкт-Петербурга	364
<i>Ирецкий А. Н.</i> Патологические варианты трансдисциплинарной мобильности в современной науке	389
<i>Бояркина С. И., Колесник Н. В.</i> Инновации в градостроительстве: сетевое взаимодействие науки и бизнеса	407

Научная жизнь

<i>Малинов А. В.</i> Научный центр исследования зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН	431
--	-----

In memoriam

<i>Божков О. Б.</i> Что оставишь после себя. Памяти Бориса Ивановича Максимова (1934—2016)	437
Summaries	442
Сведения об авторах	453

CONTENTS

Introduction	7
Children, Family and Society	
<i>Barabokhina V. A.</i> Measuring the Family's Crisis Level	11
<i>Filipova A. G.</i> Actual Problems of Domestic Sociological Childhood Research	26
<i>Volkova E. N., Volkov I. V., Isayeva O. M.</i> Children with Orphans and Children growing up in the Family: a Comparative Analysis of the Prevalence of Violence	39
<i>Volkova E. N.</i> On the issue of Developing a Methodology for Assessing the Prevalence of Violence against Children	58
<i>Akulova M. V.</i> Factors Influencing the Formation of Responsible Parenthood in Families Affected by HIV Infection	75
<i>Odinokova V. A., Kolpakova O. I.</i> Evaluation of Impact of HIV Prevention Programs by Adolescents at High Risk of Getting HIV ...	102
<i>Odinokova V. A., Zakharova J. P., Rusakova M. M.</i> Experience of a Sociological Survey of Children Living in State Care Institutions	116
<i>Kuchmaeva O. V.</i> Approaches to the Evaluation of the Main Parameters of the Health of Children-Orphans and Children Left Without Parental Care	143
<i>Semya G. V.</i> Cross System Analysis between Russia and US Child Protection System	157
<i>Divisenko K. S.</i> Biographical Research of the Value and Attitude Structure of the Lifeworld	182
<i>Chikalova E. A.</i> Fatherhood in Focus of Western Sociological and Psychological Research: Problems and Prospects	201
<i>Eliseeva I. I.</i> Evolution of Russian Households Structure: an attempt to explain	216

<i>Lurie S. V.</i> Contemporary Experience of Russian Muslim Poly- gamous Families: Narrative Analysis	243
---	-----

Social Inequality, Mobility and Labor Relations

<i>Ignatova S. N.</i> Social Inequality as the Norm	281
<i>Yakovlev A. A., Yerofeyeva P. A.</i> The Non-Profit Sector as a Source of Social Capital and Resource for Social Mobility. By Setting the Research Objectives	303
<i>Mishchenko A. S.</i> «Innovators» as a Specific Socio-Professional Group in Modern Russia	319
Maksimov B. I. Labour Legislation and the Real Labour Relations Practices	350
<i>Tykanova E. V.</i> Consolidation of Local Communities in a Situation of Challenging Urban Spaces of St. Petersburg	364
<i>Iretskiy A. N.</i> Pathological Variations of Transdisciplinary Mobility in Modern Science	389
<i>Boyarkina S. I., Kolesnik N. V.</i> Innovations in City Planning: Network Interaction of Science and Business	407

Scientific Events

<i>Malinov A. V.</i> The Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences	431
---	-----

In memoriam

<i>Bozhkov O. B.</i> What You Leave Behind. In Memory of Boris Ivanovich Maximov (1934—2016)	437
Summaries	442
Authors of the Issue	453

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной сборник научных трудов Социологического института РАН включает не только статьи научных сотрудников СИ РАН, но и исследователей из других организаций, имеющих тесные творческие контакты с СИ РАН. Тематически содержание сборника подразделяется на два раздела: «Дети, семья и общество» и «Социальное неравенство, мобильность и трудовые отношения».

Тематика первого раздела отражает, прежде всего, направления научно-практической деятельности Научного центра «Социологии детства», недавно созданного в СИ РАН. Авторы статей поднимают сложнейшие вопросы социологической науки об особенностях развития ребенка, оставшегося без попечения родителей, подвергшегося тому или иному насилию, особенностях родительства и детства в девиантных семьях. Фокус проблематики статей концентрируется на ребенке, методах выявления его оценок и предпочтений, представлений о будущем. Авторы статей рассматривают детей как респондентов, способных дать осмысленные ответы на поставленные вопросы. Ряд статей посвящен методологическим особенностям разработки вопросника и проведения опроса детей; обсуждается опыт использования метода фокус-групп при исследовании социальных проблем подростков в возрасте 16—18 лет. Особое внимание уделяется оценкам параметров здоровья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Лейтмотивом большинства статей можно считать восприятие социологии детства в России как проживающей свою начальную стадию. Особенно четко это обозначено в обзорной статье по проблемам социологии детства, охватившей отечественные публикации по этой теме за период 1990—2014 гг.

С этих позиций представляет интерес статья, посвященная сравнительному анализу систем защиты детей, оставшихся без попечения родителей, в России и США, в которой подчеркивается практически полная власть родителей над детьми в России, тогда как в США выполнение функций родительства находится под строгим контролем государства. Подробно рассмотрена проблематика отцовства в работах зарубежных исследователей — типология данного феномена, проблемы и перспективы отцовства в контексте современных процессов трансформации семьи.

В этом же разделе сборника представлена аналитическая статья, посвященная изучению изменений в структуре российских домохозяйств в постперестроечный период с позиций воздействия двух факторов — т. н. «женского перевеса» и интенсивности внутренней миграции. Так же обособлена по своим целям и задачам статья, посвященная проблемам реконструкции ценностно-аттитюдной структуры жизненного мира на основе автобиографических и проектных эссе. Современным вызовам отвечает тематика обзорной статьи об опыте полигамных семей мусульман в России.

Второй раздел сборника более разнороден по своей тематике. Здесь выделяется, прежде всего, проблема социального неравенства и ее проявления (в доступности городского пространства для разных социальных групп горожан, в трудовых отношениях). Социальное неравенство трактуется как норма, как источник развития (в духе Ч. Спенсера) и, напротив, равенство — как отклонение от нормы. Подчеркивается, что проблемное поле формируется в связи со сложившейся конфигурацией социального неравенства. Обоснованы новые тенденции в выделении социально-профессиональной группы т. н. «инноваторов» — носителей новой культуры профессиональной деятельности, восприятия и поведения, возникшей в информационных и высоких технологиях, как правило, в некоммерческом секторе.

Читатель с интересом воспримет очерк О. Б. Божкова о жизни и творческом наследии недавно ушедшего ленинградского-петербургского социолога, Бориса Ивановича Максимова, озаглавленный «Что оставишь после себя».

ДЕТИ, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО

В. А. Барабохина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ КРИЗИСНОСТИ СЕМЬИ

В статье описан метод оценки кризисности семейной ситуации, разработанный специалистами благотворительного фонда «Корчаковский центр» (ныне Фонд социально-культурных программ «Ресурсы»). Метод дает оценку в числовой форме, что позволяет получить точное представление об уровне неблагополучия в семье.

Ключевые слова: критерии кризисности, уровень неблагополучия, объем необходимого вмешательства, статус.

Известно, что успешность родителя в воспитании ребенка заключается в его интуиции и способности выполнять элементарные функции в соответствии с возрастом ребенка. Это предоставление эмоционального тепла и поддержки (в период младенчества); умение проявить власть и распорядиться имеющимися ресурсами (в период раннего и позднего детства); способность быть образцом и примером для подражания (в период младшего школьного возраста); умение оказаться другом и советчиком (в подростковый период). Для молодых родителей, лишенных в детстве возможности принимать заботу родителей, наблюдать и подражать их примерам, эта обделенность ведет к тому, что у них формируется более низкий воспитательный потенциал, в сравнении с другими молодыми родителями, не лишенными этого опыта. Причем не имеет значения то, что воспитание осуществлялось как в полных, так и в неполных семьях. Воспитательная неуверенность молодых

родителей из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, тем больше, чем больше у молодого родителя личный опыт лишения родительской заботы и меньше наблюдаемых примеров для подражания позитивных детско-родительских отношений.

БФ «Корчаковский центр» (ныне Фонд социально-культурных программ «Ресурсы») в течение десяти лет проводил работу, содействующую социализации семей выпускников детских домов и профилактике отказа родителей из числа детей-сирот от своих детей. В ходе работы возникла необходимость в разработке критериев, позволяющих в числовой форме определить уровень неблагополучия и спланировать объем необходимого вмешательства в семейную ситуацию. Оценка кризисности в числовой форме также позволяет специалисту планировать свою нагрузку. Предлагаемый ниже метод оценки кризисности оценивает семейную ситуацию с точки зрения специалиста по следующим статусам:

- социально-бытовой;
- социально-медицинский;
- социально-экономический;
- социально-правовой;
- социально-психологический;
- социально-педагогический.

Оценка ситуации может проводиться в течение нескольких дней или недель (в случаях высокой скрытности членов семьи). Информация должна собираться из различных источников:

- заявлений самих членов семьи, в том числе и детей;
- информации от социальных служб;
- информации из социального окружения (соседи, друзья, воспитатели детского сада и др.);
- собственные наблюдения специалиста по социальной работе.

Каждый статус описывается при помощи 4—9 критериев, сумма которых позволяет дать окончательную оценку глубины кризиса, который переживает оцениваемая семья.

Также важны временные наблюдения за процессами изменений, происходящих с семьей в процессе работы с ней. Это:

- входная оценка — в начале работы;
- промежуточная оценка — в период непосредственной работы через определенные временные промежутки;
- завершающая оценка — оценка результативности проведенной работы.

Если принять период в 9 месяцев за условную единицу оценивания — цикл оказания помощи семье по выведению ее из кризиса и наблюдение за происходящими изменениями, то входная оценка проводится в первый месяц начала работы с семьей; промежуточная — через 3—4 месяца, а завершающая — через 4—5 месяцев.

Когда специалист собрал информацию о состоянии семейной ситуации и о членах семьи, она обобщается и фиксируется в учетной форме — бланк для оценивания кризисной ситуации в семье (см. Приложение 1).

В данном перечне перечислено 38 критериев кризисности, по которым специалистом проводится оценивание и присваивается соответствующий балл — от 1 до 3. Один балл — «хорошо» — означает, что ситуация не требует вмешательства. Два балла — «удовлетворительно» — означает, что ситуация требует некоторого вмешательства. Три балла — «неудовлетворительно» — означает, что ситуация требует значительного вмешательства. Таким образом, для избежания различного подхода к оценке каждого критерия была разработана 3-х балльная пояснительная шкала, подробно раскрывающая содержание каждого критерия (по аналогии с медицинскими степенями или спортивными местами).

Полученная итоговая оценка (суммарный уровень кризисности семьи) позволяет в дальнейшем определить необходимый объем работы, формы, методы и стратегию работы для преодоления трудной жизненной ситуации. Далее составляется индивидуальный план работы с семьей и заполняется учетная форма.

**3-х балльная пояснительная шкала
к бланку для оценивания кризисной ситуации в семье**

Критерии	1 хорошо	2 удовлетвори- тельно	3 неудовлетво- рительно
<i>1. Социально-бытовой статус</i>			
1. Наличие жилища (отдельная, коммунальная квартира)	соответствует принятым нормам (9 м ²)	от 5 до 9 м ² на человека	меньше 5 м ² на человека или отсутствие жилища (БОМЖ)
2. Санитарно-гигиеническое состояние жилища	чаще всего чисто, сделан косметический ремонт	уборка только для конкретной ситуации, жилье нуждается в косметическом ремонте	антисанитарное состояние
3. Наличие необходимой мебели и предметов быта (мягкий и твердый инвентарь)	есть все необходимое	в наличии не полностью	нет основных вещей или ими невозможно пользоваться
4. Посуда, средства ухода за ней	есть в наличии и ею пользуются	недостаток посуды или ею не пользуются	минимальный набор или неудовлетворительное состояние
5. Наличие телефона (домашний, мобильный)	есть	нет домашнего, есть мобильный/есть возможность позвонить от соседей и др.	нет связи

Критерии	1 хорошо	2 удовлетвори- тельно	3 неудовлетво- рительно
6. Наличие дет-ского простран-ства	соответствует материальным возможностям семьи и возрасту ребенка	не соответствует материальным возможностям семьи и возрасту ребенка	отсутствует
7. Наличие на-выков приго-товления пищи	умение приго-товить пищу для себя и ребенка	однообразное меню или полу-фабрикаты	практически не умеют готовить
<i>2. Социально-медицинский статус</i>			
1. Наблюдения у специалистов	наблюдаются регулярно	наблюдаются нерегулярно	не наблюдаются
2. Простудные заболевания	1–2 раза в год	1 раз в 3 месяца	1 раз в 1–2 ме-сяца
3. Хронические заболевания	нет (= 0) при регулярном на-блюдении	есть, но наблю-дается нерегу-лярно	есть, но нет ле-чения и профи-лактики
4. Инвалидность	нет (= 0), при наличии все мероприятия проведены	установлена, но сроки не про-длены	есть основания, но не оформле-ны документы
5. Вредные при-вычки: курение, употребление алкоголя, нар-котиков	возможно куре-ние, редкое употребление алкоголя	регулярное употребление алкоголя	частое употреб-ление алкоголя или др. ПАВ (зависимость)
6. Наличие ап-течки, умелое пользование лекарствами	есть в наличии, умеют пользо-ваться	есть, но не пользуются	нет необходи-мых средств

Критерии	1 хорошо	2 удовлетвори- тельно	3 неудовлетво- рительно
7. Индивидуальное пользование полотенцами, смена постельного белья	наличие индивидуального комплекта	общее пользование одним комплектом	нет/есть, но не стирается
8. Внешний вид родителей и детей	опрятны чаще всего	мотивация опрятности — социально желательное поведение (редко, по ситуации)	чаще всего неопрятны
9. Наличие навыков по уходу за ребенком, соответствующее его возрасту	обеспечивают необходимый уход	ребенок периодически испытывает дефицит внимания и игнорирование потребностей	ребенок испытывает хроническое игнорирование своих базовых потребностей
<i>3. Социально-экономический статус</i>			
1. Уровень благосостояния и обеспеченности	доход соответствует или выше прожиточного минимума	оформлены документы на пособия, доход ниже прожиточного минимума	ниже прожиточного минимума, документы на пособия не оформлены
2. Наличие постоянной или временной работы	постоянная работа по трудовой или договору (или оформленный декретный отпуск)	нестабильная работа, неоформленный декретный отпуск	не работает

Критерии	1 хорошо	2 удовлетвори- тельно	3 неудовлетво- рительно
3. Навык самостоятельно вести семейный бюджет	умеют планировать и тратить деньги адекватно приоритетным потребностям семьи	умеют планировать, но тратят под внешним контролем	траты семейного бюджета не соответствуют реальным потребностям
4. Оплата коммунальных услуг	оплачивают регулярно	оплачивают от случая к случаю/внешний контроль	не оплачивают/большая задолженность
4. Социально-правовой статус			
1. Наличие паспорта, свидетельства о рождении, регистрации, трудовой книжки, ИНН, страхового свидетельства, мед. полиса	все есть	есть частично	нет основных документов
2. Состояние брачных отношений родителей	официальный брак или отцовство. Супруги живут вместе и воспитывают ребенка.	вдовство, развод, неполная семья, сожительство. На ребенка выплачивается пособие или есть помогающий сожитель	неполная семья. Мать (отец) реально одна (один) воспитывает ребенка и не имеет пособий, отсутствует помощь со стороны второго родителя
3. Образование родителей	9–11 классов и выше	неоконченное среднее образование/вспомогательная школа	начальная школа/нет образования

Критерии	1 хорошо	2 удовлетвори- тельно	3 неудовлетво- рительно
4. Наличие про- фессии (специ- альность)	есть	нет, но получает специальность (профессию)	нет
5. Наличие пра- вонарушений, су- димости	нет	состоит на учете (ОПН), наличие судимости, на- ходится под следствием	находится в местах лише- ния свободы
6. Посещение де- тей: ясли, детский сад, школа (адек- ватно возрасту — от полутора лет)	посещают дет- ское учрежде- ние	нерегулярное посещение	ничего не посе- щают
<i>5. Социально-психологический статус</i>			
1. Способность самостоятельно принимать реше- ния (социальная зрелость)	способны при- нимать соци- ально зрелые решения и действия при выходе из трудной жиз- ненной ситуа- ции	высокий уро- вень адаптивно- сти через стра- тегии манипу- ляции, ижди- венчества и т. д.	самостоятельно принятые реше- ния не способ- ствуют выходу семьи из кризи- са
2. Коммуника- тивные навыки взаимодействия с представителя- ми различных учреждений (со- циальный страх)	способны вы- страивать кон- такт сами или просят помо- щи для орга- низации вза- имодействия	перед взаимо- действием тре- буется доп. кон- сультация — на- писание текста, репетиция и др.	не могут сами выстраивать взаимодействие

Критерии	1 хорошо	2 удовлетвори- тельно	3 неудовлетво- рительно
3. Социальная сеть	друзья из различных социальных групп	друзья из одной («своей») социальной группы	одиноки, не поддерживают длительных контактов
4. Было ли временное изъятие ребенка	нет	1 раз	более 1 раза
5. Идентификация социальных ролей в семье	роли идентифицированы и распределены	искажение ролей, недостаточное распределение	нарушенная идентификация/распределение приводит к конфликтам
6. Идентификация социальных ролей в социуме	роли идентифицированы и распределены	искажение ролей, недостаточное распределение	нарушенная идентификация/распределение приводит к конфликтам
7. Половая идентичность	адекватная	недостаточно выраженная	неадекватная
8. Планы на будущее	Есть долгосрочные и краткосрочные, реалистичны	Отсутствие долгосрочных или краткосрочных планов/частично нереалистичны	Отсутствуют/нереалистичны

В разделе отдельно выделены такие пункты как: идентификация социальных ролей в семье, идентификация социальных ролей в социуме, половая идентичность. Обращаем внимание читателя на то, что у сирот, в разной степени, нарушено ощущение собственной идентичности и соответственно ощущение себя в той или иной социальной роли. Специалистами по со-

циальной работе также проводилась работа в направлении коррекции подобных нарушений.

Половая идентичность — ощущение себя в качестве мужчины или женщины, внутреннее переживание половой роли.

Половая роль — модель социального поведения, специфический набор требований и ожиданий, предъявляемых обществом к лицам мужского и женского пола.

Социальная роль — социальная функция личности, соответствующая принятым нормам поведения людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений.

Идентификация — уподобление (как правило, неосознанное) себя значимому другому (например родителю) как образцу на основании эмоциональной связи с ним.

Критерии	1 хорошо	2 удовлетворительно	3 неудовлетворительно
<i>6. Социально-педагогический статус</i>			
1. Способность самостоятельно писать письма, представлять их в соц. институтах	способны сами	требуется внешнее участие и контроль	не способны
2. Взаимодействие с ребенком (принятие, игнорирование, сотрудничество)	способны обеспечить взаимодействие с ребенком	есть трудности при выстраивании взаимодействия (коммуникативные, ролевые)	игнорирование потребности ребенка во взаимодействии/насилие
3. Влияние супружеских отношений на воспитание ребенка	благополучные отношения	часто ссорятся	открытый конфликт, насилие, мать одиночка
4. Организация досуга семьи	организуют	от случая к случаю	отсутствует

Пример расчета уровня кризисности

Проведя диагностику семейной ситуации, то есть оценив уровень кризисности по предлагаемым критериям, специалист может получить:

- минимальную оценку — 38 баллов. Каждый критерий получил оценку в 1 балл.
- среднюю оценку — 76 баллов. Каждый критерий получил оценку в 2 балла.
- максимальную оценку — 114 баллов. Каждый критерий получил оценку в 3 балла.

То есть получается неравенство:

0—38 баллов < 39—76 баллов < 77—114 баллов

3-й уровень < 2-й уровень < 1-й уровень

38 баллов 3-й уровень	76 баллов 2-й уровень	114 баллов 1-й уровень
--------------------------	--------------------------	---------------------------

Это формальные границы. Реальные оценки могут распределяться иначе. Например, при «хорошем» социально-бытовом статусе социально-медицинский статус получил оценку «удовлетворительно». То есть граница между уровнями оказалась взаимно перекрытой. Если рассмотреть содержание 2-го и 3-го уровней, то вы увидите, что в них оцениваются ситуации благополучия или отдельного неблагополучия на фоне удовлетворительного состояния семьи в целом. Поэтому, разрабатывая оценочную шкалу, была «раздвинута» граница между 2-м и 3-м уровнями. При этом граница между 1-м и 2-м уровнями была оставлена без изменения, так как взаимное наложение оценочных критериев говорит об ухудшающейся ситуации в семье.

Каким образом, в таком случае, определяется уровень кризисной ситуации в семье, в соответствии с которым будет планироваться работа с семьей и исчисляться занятость специалиста, осуществляющего эту работу?

Предлагается следующий расчет:

- Разделить пополам сумму баллов третьего уровня — $38 : 2 = 19$.
- Прибавить полученную цифру 19 к сумме баллов 3-го уровня — $38 + 19 = 57$. Эта цифра будет считаться нижней границей кризисности: между третьим и вторым уровнем.

Получается неравенство:

$$38 - 56 \text{ баллов} < 57 - 75 \text{ баллов} < 76 - 114 \text{ баллов} \\ 3\text{-й уровень} < 2\text{-й уровень} < 1\text{-й уровень}$$

Использование количественных оценок критериев кризисности наглядно показывает глубину проблемной ситуации, в которой оказалась семья. Метод позволяет структурировать работу специалиста по социальной работе, осуществлять детальное планирование, облегчает оценку эффективности его интервенции в семью.

Источники

Барбохина В. А. К вопросу об особенностях педагогической культуры одиноких матерей // Постинтернатное сопровождение детей-сирот: успешные практики, технологии, нормативное обеспечение. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 2. 22—23 июня, г. Смоленск / Под ред. И. А. Бобылевой. М.: Благотворительный фонд социальной помощи детям «Расправь крылья!», 2010. С. 140—150.

**Бланк для оценивания кризисной ситуации в семье
(учетная форма)**

№	Критерии	Сентябрь	Январь	Июнь
1.	Социально-бытовой статус			
1	Наличие жилья (отдельная, коммунальная квартира)			
2	Санитарно-гигиеническое состояние жилья			
3	Наличие необходимой мебели и предметов быта (мягкий и твердый инвентарь)			
4	Посуда, средства ухода за ней			
5	Наличие телефона (домашний, мобильный)			
6	Наличие детского пространства			
7	Наличие навыков приготовления пищи			
2.	Социально-медицинский статус			
1	Наблюдения у специалистов			
2	Простудные заболевания			
3	Хронические заболевания			
4	Инвалидность			
5	Вредные привычки: курение, употребление алкоголя, наркотиков			
6	Наличие аптечки, умелое пользование лекарствами			
7	Индивидуальное пользование полотенцами, смена постельного белья			
8	Внешний вид родителей и детей			
9	Наличие навыков по уходу за ребенком, соответствующее его возрасту			

Продолжение прил. 1

№	Критерии	Сентябрь	Январь	Июнь
3.	Социально-экономический статус			
1	Уровень благосостояния и обеспеченности			
2	Наличие постоянной или временной работы			
3	Навык самостоятельно вести семейный бюджет			
4	Оплата коммунальных услуг			
4.	Социально-правовой статус			
1	Наличие паспорта, свидетельства о рождении, регистрации, трудовой книжки, ИНН, страхового свидетельства, медицинского полиса			
2	Состояние брачных отношений родителей			
3	Образование родителей			
4	Наличие профессии (специальность)			
5	Наличие правонарушений, судимости			
	Посещение детей: ясли, детский сад, школа (адекватно возрасту — от 1 г 6 м)			
5.	Социально-психологический статус			
1	Способность самостоятельно принимать решения (социальная зрелость)			
2	Коммуникативные навыки взаимодействия с представителями различных учреждений (социальный страх)			
3	Социальная сеть			
4	Было ли временное изъятие ребенка / наличие регресса			
5	Идентификация социальных ролей в семье			
6	Идентификация социальных ролей в социуме			
7	Полороловая идентичность			
8	Планы на будущее			

Продолжение прил. 1

№	Критерии	Сентябрь	Январь	Июнь
6.	Социально-педагогический статус Способность самостоятельно писать письма, представлять их в соц. институтах Взаимодействие с ребенком (принятие, игнорирование, сотрудничество) Влияние супружеских отношений на воспитание ребенка Организация досуга семьи Уровень развития ребенка			
Итого (суммарный уровень кризисности семьи):				

А. Г. Филипова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЕТСТВА

В статье представлен обзор отечественных социологических исследований детства по материалам журнала «Социологические исследования» за период 1990–2014 гг. Обзор позволил обозначить ведущие темы изучения детства, эмпирические проблемы организации, проведения и интерпретации полученных данных, охарактеризовать исследования с точки зрения их локализации, длительности проведения, возрастных групп детей-информантов, используемых методов сбора и обработки данных.

Трудности изучения детей и детства связаны как с эмпирическим уровнем исследования, так и с его теоретико-методологическими основаниями, с развитием социологии детства как отраслевой науки. Российская социология детства испытывает проблемы статусной неопределенности, разобщенности научного сообщества, недостаточной включенности молодых исследователей. Все это тормозит разработку методологических оснований социологических исследований детства.

Обобщены рекомендации по упрочению статусных позиций социологии детства.

Ключевые слова: детство, социологические исследования, социология детства, научное сообщество.

Современное состояние социологии детства в России можно, пользуясь выражением финского исследователя Л. Ала-нен, охарактеризовать как проект на стадии начала. Невзирая на предпринимаемые с конца 1980-х годов советскими и рос-

сийскими учеными попытки теоретически обосновать новую отрасль знания, социология детства до сих пор не получила широкого признания научной общественности. Несмотря на очевидную актуальность социологических исследований детей и детства (заказчиками выступают как органы государства, так и общественные организации), в нашей стране недостаточно развиты социологические методики изучения детей, почти нет лонгитюдных исследований, и вообще ученые предпочитают изучать детей, обращаясь к мнению взрослых — родителей, воспитателей, учителей, социальных работников.

Для выявления актуальных проблем социологических исследований детства в России был проведен контент-анализ публикаций ведущего российского журнала по социологии — «Социологические исследования» за период с 1990 по 2014 г. Всего были проанализированы 128 статей, в которых содержалось описание эмпирических исследований детства с обращением в качестве информантов (экспертов) к самим детям.

Другим методом сбора данных стало полужформализованное интервью с экспертами в области социологических исследований детства в России. Список экспертов: Э1 — научный сотрудник Лаборатории мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета; Э2 — лектор Детского лектория Политехнического музея; Э3 — председатель Исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов, Э4 — руководитель центра «Исследования современного детства» национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Начнем обзор с общей характеристики исследований детства, представленных на страницах журнала. Вся совокупность журналов в соответствии с годом издания была разбита на пять временных групп: 1990—1994 гг., 1995—1999 гг., 2000—2004 гг., 2005—2009 гг., 2010—2014 г. (см. табл. 1)

Как видно из табл. 1, в пяти выделенных интервалах выпуска журнала публикации о детях и детстве представлены неравнозначно. В первом и втором периодах дети оказываются в фо-

Таблица 1

Сопряженность периодов и масштабов исследований детства

Масштаб исследования	Период издания					
	1990– 1994	1995– 1999	2000– 2004	2005– 2009	2010– 2014	1990– 2014
Международный	0	0	2	0	0	2
Общероссийский	6	0	4	1	1	12
Региональный	2	4	5	4	9	24
Межрегиональный	2	2	3	4	6	17
Локальный	11	10	22	17	13	73
Всего	21	16	36	26	29	128

кусе социологических исследований менее часто, чем в последующем. В 1990-е гг. статьи о детях размещаются в рубриках «Факты. Комментарий. Заметки (с рабочего стола социолога)», «Прикладные исследования». Впоследствии тематическое наполнение журнала было расширено, «детские» исследования уже помещались в такие рубрики, как «Социология образования», «Социология семьи», «Социология молодежи». Третий интервал (2000–2004 гг.) характеризуется как некоторым количественным перевесом публикаций о детстве, так и большим разнообразием масштабов исследований. В него попали два международных исследования.

Анализ масштабов организации и проведения социологических исследований детства позволяет сделать заключение о его преимущественно локальном характере. Большая часть статей написана на основе эмпирических данных, собранных в городе (другом населенном пункте), его части, либо конкретном учреждении (социальном приюте, реабилитационном центре, воспитательной колонии и пр.). Таким образом, публикации журнала в большей степени пополняют теоретический и эмпирический арсенал социологии детей (микроуровень), нежели чем социологии детства (макроуровень).

Описание лонгитюдных исследований присутствует в 14,1% публикаций. Всего в 6 статьях для обработки количественных данных используется программа SPSS (ее аналоги).

Вся совокупность методов исследования детства, выделенная на основе изученных статей, оказалась, по большому счету, представлена двумя: анкетированием (82,2% исследований) и интервьюированием (20,3%). Менее представлены в арсенале ученых наблюдение (8,6%), кейс-стади (2,3%), фокус группы (3,1%) и др.

Необходимо заметить, что изучение детей, в отличие от изучения взрослых, ограничено социальными и психологическими рамками. Психологические ограничения исследовательских возможностей связаны с эмоционально-психологической незрелостью ребенка, который не всегда в состоянии справиться с задачами выражения собственных чувств, формирования оценочных суждений. Социальные рамки обусловлены сензитивностью отдельных детских тем (например, семейного насилия) и недостаточным социальным опытом ребенка. В этом случае выразить собственные эмоции, чувства, мысли детям помогают качественные методы сбора данных: в игре, рисунке сделать это намного проще, нежели чем в ответах на прямые вопросы. Поэтому для сбора информации о детях и детстве ученому необходимы «мягкие», дружественные к ребенку («child-friendly») методики исследования¹. Наличие подобных методов было обнаружено всего в восьми статьях сформированной выборки. Более того, авторы не всегда дают описание подобных методов, ограничиваясь их названием, что не позволяет оценить степень их «дружественности» к ребенку.

¹ «*Child-friendly*» методы — способы получения неколичественной информации в игровой форме с использованием проективных методик, анализа продуктов творческой деятельности, в привычной для ребенка среде с реализацией принципов наглядности, эмоциональной насыщенности, динамичности, соединения различных стимульных материалов.

Распределение возрастных групп информантов-детей в представленной подборке статей выглядит следующим образом: дошкольники — 3,1% исследований, младшие школьники — 8,6%, подростки — 71,1%, юношество — 69,5%.

Изучение баз проведения исследований (преимущественно с использованием метода анкетного опроса) демонстрирует устойчивую приверженность ученых учреждениям образования: общеобразовательным школам, профессиональным училищам, коррекционным и интернатным учреждениям (104 статьи). Среди других мест сбора данных о детях и детстве фигурируют: учреждения социальной защиты (3 статьи); общественный транспорт, улица (6); учреждения здравоохранения (7); учреждения системы исполнения наказаний (13) и др.

Неравенство позиций ребенка и взрослого в учреждениях образования, интернатных организациях, неизбежно воспроизводится в исследовании:

Появляется учитель в классе, который всегда присутствует, и привыкший отдавать команду, он говорит: Урок, вы заполняете [анкеты] (Э1)

Сама обстановка образовательных учреждений не отвечает задачам исследования. Один эксперт привел пример вмешательства директора детского дома в ход исследования, когда все дети ответили на вопрос об уполномоченном по правам ребенка, действующем в г. Санкт-Петербурге, поскольку были заблаговременно подготовлены директором.

По материалам российских исследований можно выделить две ключевые социальные роли детей и подростков — потребители и информанты. В одном случае дети предстают как объект социализирующих, защитных, контролирующих и прочих действий взрослых. В особенности это наблюдается в отношении двух социально уязвимых групп детей — сирот и инвалидов, — чьи интересы, особенности адаптации, проблемы изучаются не напрямую, а посредством обращения к мнению «экспертов»: родителей, педагогов, медицинских работников и прочих институциональных взрослых. Представление детей как участников социальной реальности преимущественно сво-

дится к социальной роли информантов, отчасти интерпретаторов.

Дети выступают информантами, поскольку являются носителями специфической информации об определенной детской общности: учащиеся массовой или элитарной школ, дети из полных или неполных семей, дети мегаполисов и дети провинций и т.д. Менее часто дети выступают в роли носителей знания по вопросам, не связанным с детством, как, например, отношение к атомной энергетике, формирование этнических представлений, отношение к олимпийским ценностям и др.

Темы исследований детей и детства по материалам статей были разделены на 15 групп, в отдельных работах встречаются темы из нескольких групп. Группы выделялись на основании повторов тем в 3-х и более публикациях.

Частотное распределение выглядит следующим образом: сиротство, безнадзорность (7 публикаций); инвалидность (7); девиации (16); правонарушения (10); бедность, социальное неравенство (5); здоровье (18); образование (20); детский труд (8); семья (20); ценностные ориентации, самоопределение (44); миграция (5); насилие (6); самоуправление (4); общение (7); досуг (11).

В 1990-е гг. сохраняются «настройки» советских социологических исследований — изучаются ценностные ориентации детей и юношества, организация свободного времени, особенности общения, семья как институт социализации детства и пр. Однако кризисное состояние российского общества приводит к распространению девиаций среди населения разных возрастных групп. В результате социологи обращаются к проблемам наркомании и противоправного поведения детей и подростков. В 2000-е гг. усиливается интерес социологов к двум важным составляющим качества детства: здоровью и образованию детей и двум наиболее уязвимым группам детей: сиротам и инвалидам. Тем более что внимание общественности к проблемам и тех, и других способствует внедрению новых технологий социальной адаптации и реабилитации — появляются инклюзивные и интегрированные школы, приемные семьи,

детские деревни, обсуждаются вопросы безбарьерной среды, преодоления дефектов воспитания «государственных» детей — все это становится предметом социологических исследований. Новыми темами изучения мира детства «нулевых» стали темы миграции, самоуправления, насилия, социального неравенства и социальной эксклюзии.

Проблемы социологических исследований детства связаны с трудностями развития российской социологии детства как отраслевой науки.

Показатели, характеризующие состояние социологии детства в России на данном этапе, таковы. С 2008 г. в структуре Российского общества социологов действует исследовательский комитет по социологии детства, целью которого является «консолидация российских ученых-исследователей и содействие эффективной разработке актуальных проблем в области социологии детства», комитет не проводит собственных исследований. В 2013 г. в Национальном исследовательском университете Высшая школа экономики создан центр «Исследования современного детства», реализующий полидисциплинарную программу исследований конкретных моделей детства, государственной политики в отношении детства, общественно-культурного образа современного детства. С 2014 г. в составе сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) выделен научно-исследовательский центр социологии детства. Можно заметить, что все эти исследовательские институции действуют относительно недавно, поэтому о конкретных результатах их работы говорить пока рано.

В российских университетах нет программ подготовки бакалавров и магистров в области социологии детства, однако примерно в 3—4 университетах страны читаются курсы по Социологии детства. Учебно-методическая литература по социологии детства представлена всего двумя работами: учебное пособие С. Н. Щегловой «Детство: методы исследования»

(1999)¹ и конспект лекций Э. Ш. Камалдиновой «Социология детства» (2013).

В России не издаются журналы по социологии детства, нет постоянных тематических рубрик по социологии детства в социологических журналах. В 2009 г. пятый номер журнала «INTER» был посвящен теме детства. Исследователи искали ответы на вопросы: «Может ли ребенок быть социальным актером? Могут ли практики детства стать самостоятельным и самоценным объектом социального анализа? Социально видим ли ребенок в городском пространстве?» (INTER. 2009. С. 5). В журнале «Вестник РГГУ» (серия «Социология») периодически появляются рубрики, в названии которых фигурирует детство: «Социология семьи, молодежи и детства» (2008. № 2), «Социология детства» (2013. № 2), «Социология детства и молодежи» (2014. № 4).

В 2012 г. впервые произошло выделение секций по социологии детства в рамках российских социологических конгрессов: «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (секция 8) и «Социология в системе научного управления» (секция 40). В 2014 г. российское общество социологов, Институт социологии РАН и ИНИОН выступили организаторами Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации». Как отмечается в аннотации сборника докладов конференции, в нем «освещены актуальные вопросы реализации “Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг.”», что задает вектор развития социологии детства в направлении социальной экспертизы, научной оценки достижений и промахов государственной политики в интересах детей. Все эти события можно расценивать как первые шаги к научному признанию социологии детства.

² В 2000 г. это пособие было переиздано под названием «Как изучать детство. Социологические методы исследования современных детей и современного детства».

Серьезной организационной проблемой российской социологии детства является проблема научной разобщенности, которая приводит к распылению финансовых, инновационных, человеческих ресурсов:

Какое бы ни было маленькое сообществом социологов детства, просто крошечное, не говоря о том, насколько крошечное вообще сообщество социологов... они при этом между собой все размежеваны и не общаются, нет коммуникаций... (Э1)

Кроме того, социологии детства как молодой науке приходится отвоевывать свое право на существование среди таких отраслевых социологий, как социология семьи, социология образования. Складывается ситуация, когда социология детства «везде растворена, во всех областях» (Э1). Иллюстрацией такого поглощения социологии детства более влиятельной отраслевой социологией является серия «Труды по социологии образования», издаваемая Институтом социологии Российской академии образования. В данной серии были опубликованы работы: «Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника» (1995), «Подросток: нормы, риски, девиации» (2005), «Социология дошкольного детства» (2013) и др. В то же время социология детства «растворена» в социологии молодежи, это очевидно по журнальным публикациям, по тематике научных конференций (например, «Дети и молодежь — будущее России», «Одаренные дети и молодежь», «Дети и молодежь групп риска» и др.).

Статусная неопределенность социологии детства приводит к тому, что исследователи не задерживаются в ней, перетекая в другие, более перспективные направления социологической науки. Один эксперт обратил внимание на отсутствие молодых исследователей в социологии детства. Подтверждением тому стал анализ состава участников конкурса выпускных, дипломных, бакалаврских квалификационных работ и магистерских диссертаций в области социологии детства, проводимого с 2009 г. исследовательским комитетом «Социология детства». Около 60% конкурсантов — это выпускники психологических и педагогических специальностей. Из 30 работ,

представленных на конкурс в 2013 г., всего 6 работ были подготовлены выпускниками социологических факультетов, остальные — выпускниками факультетов и кафедр социальной работы, дошкольного и начального образования, дефектологического образования, социальной и коррекционной педагогики и др. (<http://ik.childsoc.ru/index.php?parametrr=5943>)

При этом молодые исследователи в силу небольшой разницы в возрасте с респондентами-детьми имеют явные преимущества в сравнении со старшими коллегами — они лучше понимают детский язык, проще входят в детское сообщество, лучше улавливают новые явления в детской среде.

Проблема развития социологии детства (и это не только российская специфика) заключается в сложности самого объекта изучения — детства. Исследователи боятся смещений результатов в силу социальной незрелости детей, их неискренности либо, наоборот, готовности давать социально желательные ответы. Детство — это другой мир, не всегда понятный взрослым: *социологов пугает ограниченность представлений в собственной голове об ограничениях в голове детей.* (Э1)

Концептуальной проблемой для российской социологии детства является преобладающий социализационный подход к детям в противовес восприятию ребенка как актора:

Ребенок не мыслится как отдельное от каких-либо институтов. (Э1)

у нас тяжело принимается идея, что дети — это что-то такое отдельное от того-то. Это должны быть либо дети и школа, либо дети и семья, либо дети и те же самые детские дома. (Э3)

Для того чтобы получить мнение ребенка, «не из мнения взрослого, а именно из мнения ребенка», нужны специальные методики исследования, особая организация пространства исследования, доверие ребенка к исследователю и, по возможности, выравнивание позиций исследователя и исследуемого. Чтобы проникнуть в мир ребенка, ученым нужны дети как проводники, как исследователи и как интерпретаторы.

На нашей российской почве с трудом приживаются идеи новой социологии детства о множественности детства, социальной активности детей и их участии в конструировании детства и взрослости. И это, конечно, не в последнюю очередь связано с устоявшимся в общественном сознании образе ребенка как не-взрослого, не-самостоятельного, не-разумного. Один эксперт привел в качестве примера ситуацию на занятии с детьми 10—12 лет в Университете детей (г. Москва): *Лектор приходит со своим ребенком на лекцию, читает лекцию и всю лекцию шпыняет и затыкает своего ребенка, чтобы ребенок не мешал работать. Ну, понятно, никакого чувства собственного достоинства у зрителей при этом не развивается (Э2)*

Множественность детства означает разнообразие эмпирического материала и разнообразие теоретических конструкций. К. Н. Поливанова, руководитель центра Современного детства, выразила свой исследовательский подход как *«выстраивание маршрута среди множества точек, а не удерживание какой-то одной позиции»*.

Подводя итог анализу отечественных публикаций, содержащих описание эмпирических исследований детства, можно сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, исследования в этой области связаны с кризисным состоянием детства, они являются своего рода «откликом» на возникшие в обществе социальные проблемы.

Во-вторых, необходимо отметить, что российские исследователи детства испытывают проблемы методологического характера. Это проявляется как в слабой разработанности методов изучения детей (в особенности дошкольного возраста), недостаточной востребованности «мягких» методик, неиспользовании внеинституциональных территорий в качестве локаций для сбора данных, так и в пренебрежительном отношении некоторых авторов к оформлению методологических основ научной работы (в статьях нет описания цели и задач, выборки и других важных характеристик исследования), необходимости пересмотра теоретических подходов к детству.

В-третьих, исследования детства не носят систематического характера. Публикации в журнале «Социологические исследования» демонстрируют своего рода «вбрасывания» тем в пространство социологии детства без продолжения, без серьезных научных дискуссий. Это происходит отчасти по причине статусных проблем российской социологии детства.

В-четвертых, проблема разобщенности профессионального сообщества в области изучения детства приводит к многочисленным повторам теоретических конструктов, «заезженности» отдельных тем (например, темы ценностных ориентаций). В результате в проблемном поле российской социологии детства остается много «белых пятен».

В-пятых, развитие отечественной социологии детства происходит на уровне эмпирических исследований, которые не находят затем своего отражения в разработке теорий. Однако и результаты эмпирических исследований редко находят отражение в политических решениях, правовых документах, новых технологиях социальной работы и пр.

В-шестых, исследования детства, представленные на страницах журнала «Социологические исследования», наряду с социологами осуществляются психологами, педагогами, юристами, но, как правило, без установления междисциплинарных контактов, что также не способствует разработке теоретических основ социологии детства.

В ходе изучения проблем российских исследований детства были выработаны следующие рекомендации по упрочению статусных позиций социологии детства:

1. Формирование сетевого сообщества теоретиков и практиков в области социологии детства с последующим подключением в мировые научные сети (формирование актива удаленного доступа, использование информационных технологий в условиях работы удаленного доступа, организация социологической экспертизы, организация интернет-форума, банка данных социологических исследований).

2. Создание электронного журнала «Детство в России» с выделением тематических рубрик: Теория. Методология; Ис-

тория социологии детства; Методы социологических исследований детства; Социальная политика в интересах детей; Дети и среда; Нетипичное детство; Дети изучают детей; Кафедра. Консультации и др.

3. Развитие социогграфии детства как теоретико-прикладной основы подготовки докладов о положении детей в РФ.

4. Подготовка серии мастер-классов «Как изучать детство?» (целевая аудитория — специалисты социальных служб, образовательных и культурно-досуговых учреждений).

5. Формирование социологических лабораторий исследования детства при базовых кафедрах (социологии, социальной работы, социальной педагогики, организации работы с молодежью) высших учебных заведений для реализации социальных проектов, социальных заказов на проведение исследований от администрации образовательных учреждений, городских и региональных органов власти; установление контактов с бизнес-сектором (проведение исследований в области индустрии детских товаров, детского досуга и пр.), с некоммерческим сектором (детскими и молодежными общественными организациями, а также взрослыми социально направленными НКО).

6. Создание детско-юношеской социологической службы «Глазами ребенка» (на базе среднего общеобразовательного учебного заведения). Возможные направления исследований — «Детство в городской среде», «Школа будущего», «Здравоохранение, дружественное детям», «Самосохранительное поведение подростков» и др.

Источники

Исследовательский комитет «Социология детства» Российского общества социологов, Итоговая справка о V Всероссийском конкурсе дипломных работ и магистерских диссертаций в области социологии детства 2013 год, <http://ik.childsoc.ru/index.php?parametr=5943>

Письмо редакторов // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2009. № 5. С. 5.

Е. Н. Волкова, И. В. Волкова, О. М. Исаева

**ДЕТИ- СИРОТЫ И ДЕТИ, РАСТУЩИЕ В СЕМЬЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ
НАСИЛИЯ**

В статье приводятся результаты сравнительного анализа распространности насилия среди детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, растущих в семье. Данные получены с помощью адаптированной версии опросника International Child Abuse Screening Tool – Children version (ICAST-C). Дети-сироты значительно чаще становятся жертвами физического и психологического насилия, а именно жестоких дисциплинарных наказаний, а также драк, побоев, преследований, угроз, унижений и оскорблений. Сексуальное насилие во всех его формах встречается одинаково часто в обеих сравниваемых группах. Показано, что в школе ребенок-сирота оказывается наиболее уязвим с точки зрения повторения актов прямой агрессии со стороны сверстников, а также жестких дисциплинарных наказаний со стороны педагогов.

Ключевые слова: насилие и жестокое обращение с детьми, оценка распространности, дети-сироты

Во многих государствах мира существует официальная и доступная для специалистов статистика о положении детей. Например, на открытом в сети Интернет ресурсе приводятся данные о распространности насилия, различных его форм и видов (например, (Child Welfare Information Center, 2013), (Canadian Child Welfare Research Portal, 2008) (Child protection Australia, 2012—2013). Изучение распространности насилия в национальном масштабе аккумулируется в общемировые

тенденции состояния и развития детей (UNICEF, 2012) (ISPCAN, 2012).

Параллельно с масштабным сбором данных о положении детей проводятся локальные исследовательские проекты, показывающие актуальность проблемы в отдельных государствах, типах учреждений, возрастных и социальных группах детей. В сравнительных исследованиях применяется, как правило надежный и валидный измерительный инструмент, прошедший культурную адаптацию в конкретной стране. Мета-анализ данных локальных исследований и государственной статистики позволяет лучше понять проблему и наметить пути ее решения. Изучение распространенности и выявление случаев насилия над детьми — необходимое условие развития системы защиты детей в любой стране. Развитая и функциональная информационно-аналитическая база данных, аккумулирующая информацию о детях — медико-демографические данные, сведения об уровне образования детей, материальном положении, организации досуга и т. д., имеет важное значение для определения стратегических направлений деятельности государства в целом, организаций, ведомств, отдельных специалистов, особенно в случаях, если речь идет о социально значимых и одновременно социально опасных тенденциях в сфере защиты детства.

Начиная с 90-х годов XX в. в России началась работа по созданию действенной системы защиты детей и в частности, системы защиты детей от насилия. Важным достижением этой работы является принятие Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг. (Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761, 2012). В качестве основных задач развития системы защиты детей в этой стратегии обозначены:

- внедрение новых технологий и методов раннего выявления семейного неблагополучия и оказания поддержки семьям с детьми, находящимися в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, социально-психологической реабилитации детей, пострада-

- давших от жестокого обращения и преступных посягательств;
- разработка методологии и систематизация исследований по вопросам рисков детства;
 - организация обучения педагогических, медицинских, социальных работников и иных специалистов, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации;
 - разработка и организация системы мониторинга эффективности мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг.

Целью данной работы является изучение распространённости насилия и жестокого обращения с детьми в локальном исследовании. В исследовании приняли участие 227 детей (131 девочка, 96 мальчиков) в возрасте от 11 до 18 лет. Из этого количества детей 30 человек (13,2%) составляли дети-сироты.

Сбор данных для исследования проводился в летних лагерях и средних общеобразовательных школах Нижегородской области, где дети этой группы учились и отдыхали вместе со своими сверстниками, живущими в семье.

Разрешения на проведение исследования были получены у директоров школ, руководителя лагеря и руководителей детских домов. Родители или опекуны подписывали информированное согласие на участие в исследовании. После этого дети по желанию принимали участие в исследовании. На каждой стадии исследования сборщики данных разъясняли цели и задачи исследования, предупреждали о том, что может возникнуть чувство неудобства при заполнении анкет, и обращали внимание на возможность отказаться от участия. Анкеты заполнялись в классах или группах. Ответы участников были анонимны, анкеты были закодированы и помещены в запечатанный пакет. В качестве сборщиков данных выступали практические психологи, прошедшие обучение и инструктаж.

Математическая обработка результатов исследования проводилась на основе программы SPSS for Windows версия 22. В качестве основного статистического метода анализа данных

использовался Хи-квадрат Пирсона с поправкой на непрерывность.

В исследовании под физическим насилием понимались любые действия родителей или опекунов, которые приводят к возникновению у ребенка телесных повреждений, причиняют вред его здоровью или развитию. К эмоциональному насилию относились эпизодические или регулярные оскорбления или унижения ребенка, высказывания угроз в его адрес, демонстрация негативного отношения или отвержение, которые приводят к возникновению эмоциональных или физических нарушений. Под сексуальным насилием понимались любые действия, совершаемые взрослым с ребенком, которые направлены на получение взрослым сексуального удовлетворения. Пренебрежением основными потребностями (нуждами) ребенка считались постоянное или периодическое неисполнение родителями или лицами, их заменяющими, своих обязанностей по удовлетворению потребностей ребенка в развитии и заботе, пище и крове, медицинской помощи и безопасности, приводящие к ухудшению состояния здоровья ребенка, нарушению его развития или получению травмы (Волкова, 2011).

Методика

В качестве измерительного инструмента для получения данных использовалась адаптированная версия опросника International Child Abuse Screening Tool – Children version (ICAST-C) на русском языке (Волкова et al., 2012). Опросник является продуктом разработки группы международных экспертов из восьми университетов. Процедуры разработки – обсуждения в фокусных группах, в которую входили 12 экспертов, Delphi-группы (37 экспертов на первом этапе разработки, 31 эксперт на втором этапе разработки), помогли установить информативность пунктов опросника, возможность переноса результатов для оценки последствий физического, эмоционального и сексуального насилия, а также скорректировать содержание пунктов. Итоговые опросники были переведены на 6 языков и тестированы в 7 странах. Перевод опрос-

ников, их начальная культурная адаптация и апробация в России проводилась исследовательским коллективом под руководством Е. Н. Волковой. На последних Международных Конгрессах по проблемам насилия над детьми (2006–2014 гг.) были представлены результаты использования диагностического инструментария для оценки распространенности насилия над детьми в мире и опыт работы международной группы по сбору и анализу данных по оценке распространенности насилия над детьми. Как показали данные сравнительного анализа, информативность этих инструментов была достаточной для оценки распространённости насилия в разных странах.

Опросник ICAST-C включает в себя описание социально-демографических характеристик ребенка (пол, возраст, информацию о составе семьи, профессии родителей, месте проживания, религиозной и этнической принадлежности), вопросы об обстановке в семье, а также несколько вопросов по эмоциональному, физическому, сексуальному насилию в школе и дома, а также пренебрежению нуждами детей.

Инструкция опросника ориентировала детей на описание ситуации в школе и в реальной семье. В случае воспитанников детского дома уточнялось, что речь идет о биологической семье ребенка, а не о детском доме.

Для исследования ответы участников были сгруппированы по стандартным для данного опросника шкалам: насильственное окружение, эмоциональное насилие дома, физическое насилие дома, сексуальное насилие дома, пренебрежение ребенком, эмоциональное насилие в школе, физическое насилие в школе, сексуальное насилие в школе. Информация о том, кто выступал насильником (взрослый или другой ребенок) и о частотности случая в данном исследовании не изучалась.

Каждая шкала, раскрывающая виды насилия, была разделена на подшкалы для уточнения конкретных форм и проявлений. В шкалу сексуального насилия были включены формы контактного, неконтактного насилия и изнасилования. Контактным сексуальным насилием в данном случае считаются все формы нежелательных прикосновений к половым органам

ребенка или насильника, а также нежелательные поцелуи или поглаживания. К неконтактным формам относятся попытки заставить ребенка смотреть откровенные фильмы или фотографии, раздеться или смотреть на раздетого человека.

Среди форм физического насилия были выделены подшкалы «Нанесение прямого вреда здоровью ребенка» и «Жестокое дисциплинарное наказание». К нанесению вреда здоровью относятся действия, направленные на то, чтобы поранить ребенка оружием, избить рукой, обжечь, утопить, удушить. Разновидностями жестокой дисциплины считаются ограничение свободы, выкручивание уха, протаскивание за волосы — действия, которые не столь болезненны физически, но нацелены на то, чтобы дать ребенку осознать власть насильника над ним и его способность наказывать.

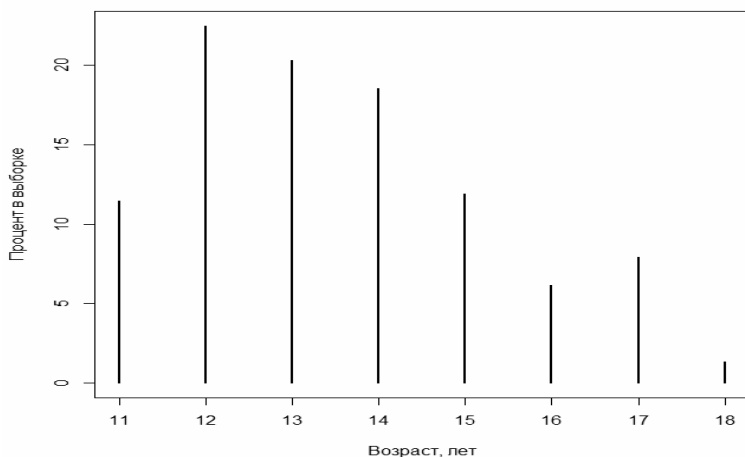
Эмоциональное насилие включает в себя подшкалы «Угрозы благополучию ребенка» и «Унижения». К угрозам относятся любые формы запугивания, угрозы причинить физический вред. Высмеивание, обзывание, попытки пристыдить ребенка на основании его семейной ситуации, состояния здоровья или национальности считаются формами унижения.

Среди форм пренебрежения нуждами ребенка были выделены шкалы «Пренебрежение физическими нуждами ребенка» и «Психологическое пренебрежение». Пренебрежение физическими нуждами ребенка — это отказ родителей одевать ребенка, кормить и поить его, давать нужные лекарства, т. е. действия, которые могут навредить физическому здоровью ребенка. Психологическое пренебрежение подразумевает отсутствие заботы, внимания и поддержки со стороны родителей.

Исследование было одобрено Этическим комитетом психологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, зарегистрированного в Международной системе Health and Human Services (HSS).

Результаты

Распределение детей-респондентов по возрасту представлено на нижеследующем рисунке.

Распределение респондентов по возрасту

Значимых различий по признаку пола во всех возрастных категориях нет.

67 респондентов (29,5%) живут в неполной семье, только с одним родителем, в подавляющем большинстве случаев, только с матерью; 130 респондентов (57,2%) живут в полной семье и с матерью, и с отцом; 30 респондентов (13,2%) не имеют родителей.

129 респондентов (56,8%), сообщили, что принадлежат к какой-либо религиозной группе, из них 118 (91,8%) считают себя православными, 2 (1,4%) — католиками, 1 (0,7%) — протестантам, 4 (2,8%) — мусульманами, 4 (2,8%) — последователями других религий.

Подавляющее число респондентов — 197 человек (87%) — русские, 8 человек (3,4%) — татары; представители других национальностей (евреи, мордва, чуваша и др.) составляют менее 2% респондентов в каждой группе.

Согласно полученным результатам, 78,4% детей в выборке сталкивались с той или иной формой насилия в течение своей

жизни. При этом $\frac{3}{4}$ опрошенных переживали насилие в семье, и $\frac{2}{3}$ детей пострадали от насилия в школе. Подробнее распространенность форм и видов насилия представлена в табл. 1. Из результатов необходимо отметить, что для нашей выборки в целом характерен высокий уровень психологического насилия дома (более, чем у $\frac{2}{3}$ выборки), причем ребенку в семье угрожают чаще, чем в школе (54% против 30%). Также в семье больше детей подвергаются побоям (49% против 33% в школе). В школе, однако, чрезвычайно сильно выражено сексуальное насилие, особенно контактное (27%).

Таблица 1

Распространенность насилия над детьми

Виды и формы насилия	Институт социализации	
	Семья	Школа
Любой вид насилия	171 (75,3%)	145 (63,9%)
Физическое: повреждения наказание	117 (51,5%) 112 (49,3%) 51 (22,4%)	86 (37,9%) 75 (33,0%) 46 (20,2%)
Эмоциональное: угрозы унижения	156 (68,7%) 122 (53,7%) 127 (55,9%)	133 (58,6%) 68 (29,9%) 122 (53,7%)
Сексуальное: контактное неконтактное изнасилование	21 (9,2%) 9 (3,9%) 15 (6,6%) 7 (3,0%)	61 (26,9%) 51 (22,5%) 13 (5,7%) 10 (4,4%)
Пренебрежение: физическими нуждами психологическое	85 (37,4%) 20 (8,8%) 81 (35,7%)	

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что почти все виды насилия в одинаковой степени присутствуют и у мальчиков, и у девочек. На уровне тенденции исключениями служат физическое насилие в школе, которое более характерно для мальчиков (45%), чем для девочек (33%), и сексу-

альное насилие дома, которое больше затрагивает девочек (13% против 4% у мальчиков). Девочки также значительно больше подвержены унижениям дома, чем мальчики. Остальные формы и типы насилия по признаку пола не различаются.

Сравнительный анализ результатов исследования для детей- сирот и детей, живущих в семье, показал существенную дифференциацию в распространенности школьного и домашнего насилия. В табл. 2 представлены результаты оценки распространенности домашнего насилия для детей- сирот и детей, живущих в семье.

Таблица 2

Распространенность домашнего насилия для детей-сирот и детей, живущих в семье

Виды и формы насилия	Общая (N = 227)	Сироты (N = 30)	Дети в семье (N = 197)	χ^2
Любой вид насилия	171 (75,3%)	26 (87,7%)	145 (73,6%)	1,73
Физическое: повреждения наказание	117 (51,5%)	24 (80,0%)	93 (47,2%)	9,93** ¹
	112 (49,3%)	23 (76,7%)	89 (45,2%)	9,10**
	51 (22,4%)	15 (50,0%)	36 (18,3%)	13,28***
Эмоциональное: угрозы унижения	156 (68,7%)	25 (83,3%)	131 (66,5%)	2,69
	122 (53,7%)	25 (83,3%)	97 (49,2%)	10,84***
	127 (55,9%)	22 (73,3%)	105 (53,3%)	3,46 .
Сексуальное: контактное неконтактное изнасилование	21 (9,2%)	5 (16,7%)	16 (8,1%)	1,36
	9 (3,9%)	1 (3,3%)	8 (4,1%)	0
	15 (6,6%)	4 (13,3%)	11 (5,6%)	1,43
	7 (3,0%)	0 (0,0%)	7 (3,6%)	0,23
Пренебрежение: физическими нуждами психологическое	85 (37,4%)	23 (76,7%)	62 (31,5%)	20,81***
	20 (8,8%)	8 (26,7%)	12 (6,1%)	11,28**
	81 (35,7%)	22 (73,3%)	59 (29,9%)	19,5***

¹ Уровень значимости p : . < 0,1; * — < 0,05; ** — < 0,01; *** — < 0,001.

² Процент от числа человек в группе, который сталкивался с указанным видом/типом насилия.

Результаты показывают, что дети-сироты в два раза чаще подвергались всем формам физического насилия, угрозам в свой адрес; в три-четыре раза чаще испытывали физическую нужду и пренебрежение потребностями в заботе, защите, ласке и внимании. Отличительной особенностью полученных результатов является то обстоятельство, что уровень распространенности сексуального насилия в двух сравниваемых группах не имеет значимых различий. Несмотря на то, что на уровне тенденции распространенность контактных и неконтактных форм сексуального насилия в группе детей-сирот выше, эта разница не достигает достоверных значений, а такая форма как изнасилование в группе детей-сирот отсутствует вовсе.

В табл. 3 представлены результаты оценки распространенности школьного насилия для детей-сирот и детей, живущих в семье.

Таблица 3

**Распространенность школьного насилия для детей-сирот
и детей, живущих в семье**

Виды и формы насилия	Общая (N = 227)	Сироты (N = 30)	Дети в семье (N = 197)	χ^2
Любой вид насилия	145 (63,9%)	24 (80,0%)	121 (61,4%)	3,13 . ¹
Физическое: повреждения наказание	86 (37,9%) 75 (33,0%) 46 (20,2%)	15 (50,0%) 15 (50,0%) 13 (43,3%)	71 (36,0%) 60 (30,5%) 33 (16,8%)	1,60 3,65 . 9,79**
Эмоциональное: угрозы унижения	133 (58,6%) 68 (29,9%) 122 (53,7%)	23 (76,7%) 14 (46,7%) 21 (70,0%)	110 (55,8%) 54 (27,4%) 101 (51,3%)	3,83 . 3,72 . 2,95 .
Сексуальное: контактное неконтактное изнасилование	61 (26,9%) 51 (22,5%) 13 (5,7%) 10 (4,4%)	8 (26,7%) 7 (23,3%) 1 (3,3%) 3 (10,0%)	52 (26,4%) 44 (22,3%) 12 (6,1%) 7 (3,6%)	0 0 0,04 1,26

¹ Уровень значимости р: . < 0,1; * — < 0,05; ** — < 0,01; *** — < 0,001.

² Процент от числа человек в группе, который сталкивался с указанным видом/типом насилия.

Результаты свидетельствуют, что дети-сироты в два с половиной раза чаще становятся жертвами жестоких дисциплинарных наказаний в школе — это самая существенная область различия сравниваемых групп. Также дети-сироты в школе чаще, чем дети, живущие в семье, становятся жертвами драк, побоев, преследований, угроз, унижений и оскорблений. Сексуальное насилие во всех его формах встречается одинаково часто в обеих сравниваемых группах.

Обсуждение результатов

По данным нашего исследования физическому насилию подвержен почти каждый второй ребенок — около половины выборки, дети-сироты подвергаются физическому насилию почти в два раза чаще. В национальном исследовании в США было установлено, что также примерно половина детей подвергаются физическому насилию в школе, причем каждый десятый ребенок получает при этом серьезную физическую травму (Finkelhor et al., 2005). Однако общий уровень физического насилия над ребенком — в школе и в семье — в нашем исследовании оказался выше, чем в США, что связано, на наш взгляд, с определенным типом российской культуры воспитания, допускающей и даже разрешающей широкое применение физических наказаний и в целом высоким уровнем физического насилия в семье. Принято считать, что уровень физического насилия тесно связан с культурными нормами, особенно с отсутствием законодательного запрета на применение физических наказаний (Durrant, 1996). Отличительной особенностью россиян, по мнению специалистов, является терпимое отношение к насилию и жестокому обращению в целом. Жертвенность представляет собой социально желательное поведение в нашем обществе. Страдания, а тем более физические, имеют ореол святости. Более того, проявление насилия понимается как знак внимания («Бьет, значит любит» — гласит известная российская поговорка). С другой стороны, физическое насилие составляет контекст современной жизни в России с постоянно идущими военными действиями, криминальными

событиями, техногенными и социальными катастрофами. Особую роль в популяризации физического насилия играют средства массовой информации и сеть Интернет. Телевизионные фильмы, передачи, социальные сети, компьютерные игры заполнены прямой и неявной пропагандой насилия. Даже реклама транслирует идею обыденности и поэтому допустимости физического ущерба, вреда и даже смерти: например, реклама содержания дня телевизионных передач под лозунгом «День семьи и семейных ценностей» предлагает зрителям посмотреть фильмы «Брат», «Брат-2», «Сестры».

Высокий уровень физического насилия для детей-сирот вполне предсказуем и объясним: именно обстановка в семье, угрожающая здоровью и благополучию ребенка, является причиной изъятия ребенка из семьи и лишения родителей родительских прав. Известно, что подавляющее большинство детей — сирот в России — это социальные сироты. В государственных учреждениях системы здравоохранения, социальной защиты, образования Нижегородской области в 2013 г. проживало более 3500 детей-сирот. Из них 2926 детей (83,3%) были социальными сиротами. Причинами, по которым эти дети были изъяты из семьи, были чаще всего связаны с насилием и жестоким обращением с этими детьми в семье, где они проживали. Так, в более чем 70% случаев детей определяли в государственное учреждение из-за неспособности родителей исполнять свои родительские обязанности надлежащим образом, а в 110 случаях детей изымали из семьи в связи с прямой угрозой их жизни и здоровью.

Уровень психологического насилия в нашей группе респондентов также оказался достаточно высоким и сравним, например, с показателями из Бразилии (Franzin et al., 2014). Психологическое насилие — самый распространенный вид насилия, ему подвергаются около 60% детей. Большую опасность для ребенка с точки зрения эмоционального насилия представляет семья: именно там чаще всего ребенок сталкивается с угрозами нанесения физического вреда, различными запугиваниями и унижением.

Насилие в школе обнаруживается в двух основных формах (Волкова, 2011). Во-первых, оно проявляется как особый — жесткий и даже жестокий — стиль общения учителя с ребенком. Во-вторых, это жестокие отношения между детьми в одно- и разновозрастных группах. Часто эта форма насилия описывается понятием «школьная травля», или буллинг (Olweus, 2001).

Природа насильственных действий со стороны взрослых и сверстников по отношению к ребенку остается до конца неизученной. Однако уже сегодня можно утверждать, что совершение насильственных действий детьми по отношению к другим детям напрямую связано с их собственным психологическим неблагополучием: как правило, в основе жестокого поведения детей и подростков лежит собственный травматический опыт. Причины насильственных действий учителя по отношению к детям сложнее и многообразнее. Это и все та же собственная психологическая травма, и синдром эмоционального выгорания в результате высокого энерго- и нервно-емкого труда, и отсутствие должного уровня навыков конструктивного взаимодействия, и недостаточный уровень профессиональной компетентности. Дети-сироты чаще других детей стимулируют негативные реакции со стороны педагогов. Их чаще критикуют, обижают, никогда не хвалят (или делают это очень редко), не поощряют, не прислушиваются к мнению ребенка, постоянно напоминая о его несостоятельности, глупости и т. д. Чаще всего это происходит при посторонних (одноклассники, учащиеся других классов), из-за чего наносится более тяжкая травма ребенку. Иногда, учитель специально высмеивает и оскорбляет близких ребенку людей, чтобы его еще больше унижить и обидеть.

Травма, которую ребенок может получить в школе, не всегда является результатом пусть интенсивного, но одномоментного воздействия со стороны взрослого или другого ребенка. Гораздо опаснее представляется тот общий травматический контекст отношений, который, к сожалению, все в большей степени определяет школьную жизнь наших детей.

Характерной особенностью насилия является то, что неоднократно физическое, психологическое, социальное или вербальное нападение осуществляется теми, чья власть формально или ситуативно выше. Это означает, что обидчиками в школе часто становятся не только общепризнанные школьные хулиганы, но ученики с высоким социальным статусом и нормативно закрепленным преимущественным социальным положением в школе и в классе. Внешне в глазах педагогов такие ученики часто выглядят весьма благополучными, более того, они часто являются школьными активистами и хорошо и отлично успевающими учащимися. Угрозы, вызывающие чувство страха и продолжительное эмоциональное напряжение тормозят нормальное эмоциональное развитие ребенка. Эмоции развиваются односторонне, искажается как понимание собственных эмоций, так и их внешнее проявление. Вследствие этого ребенок не научается понимать чувства других людей и адекватно реагировать на них.

Переживание, выражение радости и положительных чувств — серьезная проблема для детей — жертв насилия просто потому, что они часто не умеют находить радость в том, от чего радуются другие дети. У них хуже развита способность к эмпатии, они не способны понимать чувства других людей, сопереживать им.

Как правило, образ я ребенка, пережившего насилие, упрощается. В этом образе отмечается гипервыраженное представление о себе как о жертве, преувеличенное (или преуменьшенное, практически исключенное) представление о тех частях, своего тела, которые были в центре событий. Образ Я теряет свою сложность и дифференцированность, становится неопределенным, размытым, а порой противоречивым и разорванным во времени. Наиболее универсальной и тяжелой реакцией на любое насилие, является низкая самооценка, которая способствует сохранению и закреплению психологических нарушений, связанных с насилием. Ребенок с низкой самооценкой переживает чувство вины, стыда, для него характерна постоянная убежденность в собственной неполноценности,

в том, что «ты хуже всех». Общие тенденции в развитии самоотношения ребенка, пережившего насилие, связаны с утратой чувства собственной ценности. Общей характеристикой самосознания становится его ригидность как известная закрытость новому опыту. Возможности познания мира, сравнения себя с ним, развитие своих представлений ребенка о самом себе все более суженными и ограниченными. Вследствие этого ребенку трудно добиться уважения окружающих, успеха, общение его со сверстниками затруднено. Такой ребенок испытывает трудности социализации: он пытается избегать отношений с другими людьми. Часто бывает и наоборот — другие дети избегают дружить с жертвами насилия, поскольку боятся, что сами станут жертвами насилия, следуя логике: «Каков твой друг — таков и ты». В результате этого формирование дружеских отношений может стать проблемой для жертвы, а отверженность нередко экстраполируется и на другие сферы социальных отношений.

Распространенность сексуального насилия в нашей выборке оказалась сопоставимой для детей-сирот и для детей, растущих в семье. На наш взгляд, это объясняется иной по своей природе детерминацией, чем физическое или психологическое насилие.

Самая тяжелая по своим последствиям форма сексуального насилия — изнасилование — встречается в 3—4,4% в школе и дома для обеих сравниваемых групп. Однако среди детей-сирот каждый десятый ребенок сообщил о случаях изнасилования, причем этим случаям ребенок подвергался в образовательном учреждении. С помощью выбранной измерительной процедуры не удалось выяснить, в каком именно образовательном учреждении ребенок попал в эту ситуацию. Однако о респондентах, сообщивших об этих случаях, были проинформированы взрослые, подписавшие информированное согласие для исследования.

Результаты, полученные в нашем исследовании, значительно ниже, чем опубликованные в литературе (до 24,3%, например; см. Priebea & Svedin, 2008). Однако в исследованиях пока-

зано, что степень раскрываемости и открытости информации о распространенности изнасилований детей крайне небольшая. Так, например, по данным шведских исследователей (Priebea & Svedin, 2008) 25,7% девочек и 38,5% мальчиков никогда и никому не расскажут о случившемся, а среди оставшихся детей 64,5% будут обсуждать проблему со сверстниками; к родителям и профессионалам обратятся немногие. Как показывает опыт, даже в том редком случае, когда ребенок обратится к взрослым, он не обязательно встретит понимание и помощь. Часто его рассказ сочтут преувеличением, выдумкой и проигнорируют. В нашем исследовании дети-сироты ни разу не сообщили о случаях изнасилования дома, что, может быть связано, с одной стороны, с недостаточной чувствительностью инструмента и всей измерительной процедуры к изучению именно этой формы сексуального насилия. С другой стороны, возможно, дети замалчивали имевшийся травматичный опыт в силу различных причин — от страха быть обнаруженным до желания защитить свою биологическую семью от негативного воздействия социума. В любом случае, необходимы дальнейшие процедуры изучения и расследования истории жизни этих детей.

Существует мнение, что чаще дети подвергаются сексуальному насилию со стороны незнакомцев. Однако, несмотря на существующий стереотип, среди всех случаев насилия над детьми — 75—90% (по разным источникам) насильников знакомы детям, и только 10—25% случаев насилия совершается совершенно незнакомыми людьми. В 45% случаев насильником является родственник, в 30% — более дальний знакомый (друг брата, любовник матери или бабушки). Среди родственников наиболее часто насилие совершается отцом, отчимом, опекуном, реже — братом или дядей (Черепанова, 1996). Изнасилование — это форма сексуального насилия, которая чаще других становится предметом специальных следственных действий. Официальная статистика обычно содержит сведения о распространенности сексуальных преступлений в отношении детей. Например, приводятся данные о распространённо-

сти преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних — случаев за 2012 г. (время проведения данного исследования). Кроме того, случаи изнасилования часто не бывают внезапными, а предваряются историей других форм сексуального использования ребенка.

Пренебрежение нуждами ребенка — в случае пренебрежения физическими нуждами (отказ в пище, одежде по сезону, крове, необходимых лекарствах) и в случае психологического пренебрежения (отказ во внимании, признании, заботе) — исследовалось для семейной ситуации. Пренебрежение интересами и нуждами ребенка — отсутствие должного обеспечения основных нужд и потребностей ребенка в пище, одежде, жилье, воспитании, образовании, медицинской помощи со стороны родителей или лиц, их заменяющих, в силу объективных причин (бедность, психические болезни, неопытность) и без таковых. Типичным примером пренебрежительного отношения к детям является оставление их без присмотра, что приводит к несчастным случаям, отравлениям и другим опасным для жизни и здоровья ребенка последствиям. В нашей стране пренебрежение нуждами детей рассматривается как неисполнение родителем или лицом его заменяющим обязанностей по надзору, защите и обеспечению основных потребностей ребенка, наносящее значительный вред нормальному развитию ребенку или серьезный риск этого, однако результаты нашего исследования показывают, что почти 77% детей-сирот подвергались этому виду насилия, причем подавляющее большинство испытывали депривацию психологических потребностей (см. табл. 2). Пренебрежение физическими нуждами детей встречается в общей выборке детей примерно в 9% случаев, что сопоставимо с результатами национального исследования в США (10% случаев; см. Finkelhor et al., 2005).

Выводы

В данном исследовании не представлены результаты анализа частоты случаев насилия, субъектов насилия и ряд других важных вопросов. Специально не рассматривался вопрос

о поливиктимизации как совокупном и системном воздействии на ребенка различных видов и форм насилия, однако результаты позволяют предполагать, что по крайней мере 10% респондентов общей выборки — жертвы разных видов насилия, среди детей-сирот процент поливиктимизации в 4,5 раза выше. Наконец, размер исследовательской выборки относительно небольшой, и остается надеяться, что с появлением новых исследований на эту тему получится провести дополнительный анализ и уточнить выявленные тенденции. Однако, локальные исследования распространенности насилия позволяют очертить круг первостепенных задач для организации помощи пострадавшему ребенку и профилактической работы.

Существование ребенка в условиях, сопряженных с постоянной опасностью травм, других физических повреждений, в условиях побоев, издевательств непременно скажется на формировании устойчивых форм его поведения либо по агрессивному, либо по виктимному типу. Такой ребенок, попадая в общественные места, например, в школу, оказывается наиболее уязвим с точки зрения повторения актов прямой агрессии со стороны сверстников, а также жестких дисциплинарных наказаний со стороны педагогов. Можно сказать, что ребенок-сирота оказывается в ситуации не столько реабилитирующий его уже имеющуюся физическую и особенно психологическую травму, а напротив, в ситуации дополнительной травматизации. С одной стороны, он уже изъят из семейной обстановки, нарушающей нормальность его личностного развития и часто угрожающей его здоровью и жизни, и помещен в детский дом или интернат, а с другой стороны, социальное или образовательное учреждение само выступает источником опасности.

Наше исследование позволяет утверждать, что сегодня актуальными направлениями деятельности по предотвращению насилия над детьми-сиротами должны стать не только привычные программы профилактики родительского благополучия, но и специальные программы профессиональной помощи таким детям, а также программы обязательной подготовки педагогических кадров для учреждений, в которых находятся эти дети.

Источники

- Волкова Е. Н. Насилие и жестокое обращение с детьми. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2011.
- Волкова Е. Н. и др. Возможности использования опросника ICAST-C в условиях российской действительности // Научное мнение. 2012. Вып. 12. Р. 115–122.
- Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». [Online] Available at: <http://base.garant.ru/70183566/> [Accessed 14 июня 2015].
- Canadian Child Welfare Research Portal, 2008. Canadian Incidence Study of Reported Child Abuse and Neglect 2008 (CIS-2008): Major Findings. [Online] Available at: <http://cwrrp.ca/publications/2117> [Accessed 17 июня 2015].
- Child protection Australia // Child welfare series. 2012–2013. Issue 58. Р. 22.
- Child Welfare Information Center, 2013. Child Maltreatment report. [Online] Available at: <http://www.acf.hhs.gov/programs/cb/resource/child-maltreatment-2013> [Accessed 17 июня 2015].
- Finkelhor D., Ormrod R., Turner H. Hamby S. L. The victimization of children and youth: a comprehensive, national survey // Child Maltreatment. 2005. № 10 (1). Р. 5–25.
- ISPCAN, 2012. Promoting Research to Prevent Child Maltreatment. [Online] Available at: http://www.who.int/violence_injury_prevention/violence/child/ispscan_report_june2013.pdf [Accessed 17 июня 2015].
- Priebea G. Svedin C. Child sexual abuse is largely hidden from the adult society An epidemiological study of adolescents' disclosures // Child Abuse & Neglect. 2008. Issue 32. Р. 1095–1108.
- UNICEF, 2012. Child Maltreatment: Prevalence, Incidence and Consequences in the East Asia and Pacific region. [Online] Available at: http://www.unicef.org/eapro/Child_Maltreatment.pdf [Accessed 17 июня 2015].

Е. Н. Волкова

**К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ
МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ
НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ**

В статье раскрываются основные методологические проблемы организации исследований по оценке распространенности насилия над детьми, связанные с определением общих понятий, субъективными трудностями сбора данных, организационных исследовательских процедур, интерпретацией результатов исследования. Для валидной оценки распространенности насилия над детьми необходим комплекс данных официальной статистики о положении детей в Российской Федерации, социологических опросов населения и специалистов, работающих с детьми и результатов психологических и социально-психологических исследований ребенка и его социального окружения. При организации исследований необходимо соблюдение этических норм исследования с участием детей, соблюдение принципа добровольности участия, предотвращение вторичной травматизации детей. Организация и проведение исследований требует специальной подготовки исследователя и сборщиков данных.

Ключевые слова: методология, оценка распространенности, насилие над детьми, организация исследований.

Оценка распространенности насилия над детьми представляет собой важную научную и практическую проблему. Во-первых, сегодня насилие и жестокое обращение с детьми признается глобальной проблемой с серьезными жизненными последствиями (Всемирная организация здравоохранения, 2014). Во-вторых, изучение распространенности и выявление

случаев насилия над детьми — необходимое условие развития системы защиты детей в любой стране. Достоверная информация о распространенности насилия имеет важное значение для определения стратегических направлений деятельности государства в целом, организаций, ведомств, отдельных специалистов, особенно в случаях, если речь идет о социально значимых и одновременно социально опасных тенденциях в сфере защиты детства (Волкова, 2011).

Следует отметить, что насилие как феномен социальной действительности и предмет научного исследования весьма труден для изучения в силу ряда причин объективного и субъективного характера.

Во-первых, существует известная неопределенность в понимании насилия среди юристов, психологов, педагогов, медиков. Вместе с тем, часто точные дефиниции насилия игнорируются в силу обыденности и узнаваемости этого явления и поэтому не требующего специального пояснения. Так, в части первой статьи 19 Конвенции ООН о правах ребенка сказано, что государства-участники должны принять все необходимые меры, в том числе и законодательные, для защиты ребенка от всех форм физического и психического насилия, оскорбления или злоупотребления, грубого обращения или эксплуатации (Конвенция о правах ребенка, 1989). Однако при этом не раскрывается, содержание понятий «насилие», «злоупотребление», «оскорбление», «эксплуатация».

Говоря о насилии по отношению к детям, часто употребляется два основных понятия: собственно насилие над детьми (англ. *abuse* — насилие, злоупотребление) и «жестокое обращение с детьми» (англ. *maltreatment* — плохой, недостаточный уход). Эти термины применяются в X Международной классификации болезней и причин смерти, по которой кодируются документы лечебных учреждений в России.

В 1999 г. Всемирная организация здравоохранения предложила следующее определение понятия насилия по отношению к детям: насилие — это все формы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуальное насилие, пренеб-

режение или пренебрежительное отношение, коммерческая или иная эксплуатация, которая ведет к реальному или потенциальному урону здоровью ребенка, его жизни, развитию или достоинству в контексте отношений ответственности, доверия или силы.

В настоящее время чаще всего используются три основания для классификации видов или типов насилия, в соответствии с которыми проводятся исследования в данной области, разрабатываются и внедряются специализированные программы помощи и профилактики.

Первая типология основана на характеристиках объекта насилия. К таким характеристикам могут относиться возраст (например, насилие над детьми или престарелыми), пол (насилие над женщинами), состояние здоровья (насилие над инвалидами или недееспособными), этническая принадлежность, социальный статус, профессия и др.

Вторым основанием для классификации может быть выбрана та социальная среда или сфера, в которой совершается насилие. С этой точки зрения различают семейное насилие, институциональное насилие (насилие в школе, насилие в интернате и т. д.). Так, под семейным насилием понимаются агрессивные и враждебные действия в отношении членов семьи и совершаемых членами семьи, в результате которых объекту насилия могут быть причинены вред, травма, унижения или иногда смерть.

Третья классификация основана на характере насильственных действий. По отношению к насилию над детьми различают четыре основных вида насилия — физическое насилие, сексуальное насилие, психологическое (психозэмоциональное) насилие и пренебрежение основными нуждами детей. Эти виды насилия включают широкий диапазон различных действий.

При изучении физического насилия различают прямые физические повреждения ребенку или риск таких повреждений и меры жесткого дисциплинарного воздействия. Психологическое насилие — это постоянно повторяющиеся унижения,

оскорбления, издевательства или терроризирования (угрозы, подвергание опасностям) ребенка. Часто психологическое насилие обозначают как эмоциональное насилие (по направленности на эмоциональную сферу психического) и вербальное насилие (по способу нанесения травмы). Эмоциональное и вербальное насилие характеризуется присвоением кличек, оскорблениями, угрозой физической расправы или ущерба, криком и проявлением гнева, отказом во взаимоотношениях (эмоциональная и вербальная изоляция), давлением или принуждением выполнять то, что человек выполнять не хочет.

Сексуальное насилие — это сексуальное поведение взрослого, вовлекающее в сексуальные действия ребенка, или сексуальная эксплуатация ребенка. Сексуальное насильственное поведение включает в себя не только изнасилование, но и другие действия. Его диапазон широк и включает нежелательные сексуальные комментарии и взгляды; словесные оскорбления и скабрзные замечания; эксгибиционизм (демонстрация половых органов); нежелательные прикосновения и ощупывания частей тела; вуайеризм (систематическое подглядывание); обман (особенно в отношении детей и подростков) и запугивание, шантаж и принуждение к близости через физический вред или угрозу вреда семье и друзьям; настойчивое давление и принуждение к проституции; сообщение информации, несоответствующей возрасту и инцест; демонстрация порно и развратные действия, а также непристойные телефонные звонки. Крайней степенью сексуального насилия является изнасилование. Принципиально важным при определении сексуального насилия является тот факт, что при сексуальном насилии вовлечение ребенка в ситуацию производится взрослым человеком или кем-то значительно старшим по возрасту или положению, находящимся в позиции власти или доверия. Ребенок не способен осознанно дать согласие на какие-либо сексуальные отношения с взрослым и часто не воспринимает ситуацию сексуального насилия как насильственную.

Пренебрежение нуждами детей — это неисполнение родителем или лицом его заменяющим обязанностей по надзору,

защите и обеспечению основных потребностей ребенка, наносящее значительный вред нормальному развитию ребенку или серьезный риск такого вреда. Различают пренебрежение физическими потребностями (потребность в пище, одежде, приюте, недостаток присмотра или защиты от опасности), пренебрежение медицинскими нуждами, пренебрежение потребности в образовании и психологическое пренебрежение. Психологическое пренебрежение — это постоянное невыполнение родителем или лицом его заменяющим минимальной потребности ребенка в поддержке, внимании и любви.

Насилие — это также пренебрежение родителями своими обязанностями, невнимание, эмоциональная холодность, грубость по отношению к детям, унижение человеческого достоинства и любое нарушение внутренней границы личностных переживаний.

Неоднозначность понимания феномена насилия — это не единственная сложность его изучения. Проблема насилия и жестокого обращения с ребенком сложна для диагностики еще и потому, что сильно нагружена субъективными предпочтениями и эмоциональными переживаниями и исследователя, и респондента. Здесь, прежде всего, следует отметить различные социальные и профессиональные установки с точки зрения терпимости к насилию по отношению к детям. Особенности российского менталитета существенно влияют на возможности изучения проблемы насилия над детьми. Жертвенность признается одной из ведущих социальных установок в обществе. Это, на наш взгляд, определяет терпимое отношение к насилию и жестокому обращению. Более того, проявление насилия часто понимается в России как знак внимания («Бьет, значит, любит» — хорошо известная российская поговорка). В силу этого существует известное сопротивление изучению насилия над детьми: общество в целом и многие специалисты помогающих профессий в России считают насилие вполне допустимым, часто отождествляя его с дисциплинарным воздействием или наказанием, необходимым для воспитания ребенка. Воз-

никает своеобразное снижение чувствительности к проявлениям насилия.

Еще одна группа причин связана с высоким уровнем травматизации современного российского общества. Распространенность случаев насилия над детьми — по результатам исследования разных авторов она составляет от 3% до 60% от общего количества детского населения — по данным статистики заставляют считать эту проблему актуальной и, возможно, аффективно заряженной, для значительной части населения современной России. Весьма часто психологическая травма в результате насильственных действий существенно превышает травму физическую и этот травматический след порождает особое предвзятое отношение к исследуемому феномену. С одной стороны, возникает естественная человеческая реакция возмущения случаем насилия по отношению к ребенку и в результате — усиление в оценке степени глубины и широты травматических последствий. С другой стороны, при идентификации и оценке случая насилия возможна определенная слепота исследователя в силу причин, схожих с описанными ранее: если в личной судьбе исследователя или респондента присутствовал случай насилия, возможна рестимуляция, приводящая в действие защитные механизмы психики. Поэтому особые требования должны предъявляться при организации исследовательских процедур. Обязательное требование — соблюдение этических норм исследования с участием детей, соблюдение принципа добровольности участия и ненанесения дополнительной травмы ребенку при исследовании. Безопасность, доброжелательность и доверительность — обязательные характеристики исследовательского процесса.

В изучении распространенности насилия возникает двусмысленная ситуация при получении согласия на исследование у родителей или лиц их заменяющих и несущих ответственность за ребенка. Известно, что в случае насилия, именно эти взрослые часто бывают не заинтересованы в том, чтобы случаи насилия над их детьми стали известны, поскольку выступают либо прямыми, либо косвенными субъектами наси-

лия: информация о распространенности насилия над ребенком будет искажаться в сторону преуменьшения. Поэтому обязательные процедуры получения согласия на проведение исследования должны опираться на позицию не только и не столько родителей, сколько представителей государственных учреждений.

Эти и другие сложности делают весьма актуальной задачу оценки распространенности насилия не только в плане практических действий и результатов, но и в плане организации специальных научных исследований, как то — разработки методологии оценки распространенности насилия над ребенком.

Начиная с 90-х гг. XX в. в России началась работа по созданию действенной системы защиты детей и в частности, системы защиты детей от насилия. Важным достижением этой работы является принятие Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы (Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы», 2012). В качестве основных задач развития системы защиты детей в этой стратегии обозначены:

- внедрение новых технологий и методов раннего выявления семейного неблагополучия и оказания поддержки семьям с детьми, находящимися в социально опасном положении и иной трудной жизненной ситуации, социально-психологической реабилитации детей, пострадавших от жестокого обращения и преступных посягательств;
- разработка методологии и систематизация исследований по вопросам рисков детства;
- организация обучения педагогических, медицинских, социальных работников и иных специалистов, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации;
- разработка и организация системы мониторинга эффективности мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 гг.

Очевидно, что каждая из этих задач должна опираться на данные о распространенности насилия над детьми. Однако статистическая информация часто является противоречивой, поскольку данные приводятся из статистики нескольких ведомств и они не согласуются между собой. Например, данные о количестве детей, оставшихся без попечения родителей, полученные из ведомств образования, здравоохранения, социальной защиты могут существенно различаться между собой; данные о венерических заболеваниях у детей и подростков, передающихся половым путем, не соотносятся с данными Министерства внутренних дел о сексуальных преступлениях против детей. Многие показатели государственной статистики, показывая вроде бы позитивные результаты деятельности системы защиты детей, в действительности демонстрируют противоположное: например, Министерство социальной защиты показывает рост, развитие сети учреждения реабилитационного и приютского профиля, а Министерства внутренних дел сообщает, что почти каждый третий ребенок возвращен в детские дома и школы — интернаты после побегов оттуда, что является отражением неблагополучия жизненной ситуации этих детей.

В настоящее время государственным документом о распространенности преступлений, насильственных действий, жестокого обращения и пренебрежения нуждами детей является ежегодный доклад о положении детей. Такие доклады составляются в каждом регионе Российской Федерации. В Нижегородской области эти доклады готовятся с 2004 г. В Доклад включаются данные, аккумулирующие сведения о состоянии здоровья, образования детей, информация правоохранительных органов, учреждений социальной защиты населения, общественных организаций. Информация о случаях насилия над детьми стала включаться в содержание таких докладов относительно недавно, в течение последних 3—5 лет. Чаще всего это группы информационных показателей, учитывающих количество официально зафиксированных преступлений в отношении детей, связанных с нанесением побоев, повлекших за собой лёгкий вред здоровью, причинение тяжкого вреда здо-

ровью и убийства. Отдельно учитываются преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних. Как правило, эта информация включается в доклад от служб и подразделений Министерства внутренних дел, Это в некоторой степени позволяет оценить распространенность двух видов насилия — физического и сексуального насилия, причем только в их наиболее явных и тяжелых формах. Значительное количество случаев насилия над детьми — случаи психологического насилия, жестоких дисциплинарных воздействий, неконтактные и контактные (но не изнасилования) формы сексуальных посягательств — остается латентным. Это существенно ограничивает понимание масштаба проблемы (Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2014; Доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Нижегородской области в 2013 году, 2014).

Опираясь на анализ научных исследований (в основном, диссертаций по психологическим, педагогическим и медицинским наукам), из материалов официальной государственной статистики можно извлечь информацию, которая может указывать на распространенность насилия над детьми. Например, такие показатели как «убийство матерью новорожденного», «умышленное причинение вреда здоровью детей и подростков», «половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 14 лет», «развратные действия», «торговля несовершеннолетними», «вовлечение детей и подростков в занятия проституцией» и другие прямо свидетельствуют о количестве случаев насилия над детьми. Зарегистрированные преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних характеризуют ситуацию насилия и жестокого обращения с детьми и подростками.

Поведенческие нарушения и возникшие трудные жизненные ситуации, а также нарушения здоровья и смертность в детском и подростковом возрасте свидетельствуют о возможном совершении насилия по отношению к ним (в качестве причины нарушений в поведении; проблем социального характера, нахождения в трудной жизненной ситуации и др.). Это такие

показатели, как «смертность детей и подростков от неестественных причин в возрасте 0—14 лет (в частности от несчастных случаев, травм и отравлений)», «количество самоубийств в детском и подростковом возрасте», «заболеваемость вследствие травм, отравлений и других внешних причин», «заболеваемость детей и подростков болезнями, передаваемыми половым путем», «прерывание беременности (аборты) у женщин в возрасте до 16 лет», «численность детей, обслуженных в следующих видах учреждений: социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних; социальный приют для детей и подростков; о кризисный центр для женщин; другие учреждения социального обслуживания семьи и детей», «численность детей, у которых выявлено расстройство питания; рахит; анемия», «количество детей, находящихся в специальных школах для совершивших общественно опасные деяния», «количество детей в детских домах-интернатах», «численность подростков, совершивших преступления и правонарушения», «численность детей, отобранных у родителей, лишенных родительских прав», «численность детей, отобранных у родителей без лишения их родительских прав», «количество несовершеннолетних матерей».

К сожалению, такая информация составляет достояние ведомственной статистики и редко анализируется с точки зрения распространенности проблемы насилия на детьми в стране или в отдельном регионе. Как правило, таких данных нет и в материалах, необходимых для подготовки государственных докладов о положении детей в том ракурсе, о котором идет речь, а именно, с точки зрения оценки распространенности различных форм насилия над детьми и как следствие, оценки уровня благополучия детей. Это мифологизирует масштаб проблемы и не позволяет специалистам определить наиболее актуальные направления профилактической и реабилитационной работы.

Известно, что большинство детей вообще не сообщают о фактах насилия или их сообщения родителям, педагогам не воспринимаются всерьез или замалчиваются в силу социаль-

ной нежелательности этого явления. Кроме того, само определение насилия довольно расплывчато и неоднозначно, что затрудняет оценку его распространенности. В связи с этим тенденцию распространения случаев жестокого обращения с детьми надо оценивать не только на основе материалов государственной статистики, но и с помощью независимых социологических и социально-психологических исследований.

В качестве базовой модели одним из наиболее эффективных для оценки распространенности данных и мониторинга ситуации представляется подход, предложенный ЮНИСЕФ (*Manual for the management of indicators of violence against children*, 2008), основанный на учете и анализе не только случаев насилия над детьми, но и оценке состояния среды жизни ребенка, которая может выступать как фактором защиты по отношению к нему, так и фактором опасности. Этот подход приводится в Модели двенадцати индикаторов насилия над детьми, одна часть которых описывает собственно насилие над детьми как нарушение прав ребенка, другая — характеристики среды жизни ребенка. Однако это не изолированные друг от друга группы: большинство индикаторов в области насилия над детьми направлены на то, чтобы измерить степень нарушения прав ребенка и ущемления его жизненных интересов и степень включенности и дееспособности государственных служб и социальных структур для защиты детей от насилия. В Модели двенадцати индикаторов насилия над детьми при оценке распространенности насилия над ребенком учитываются сообщения ребенка о насилии над ним самим; показатели детской смертности из-за насилия; вызовы скорой помощи при покушениях на детей и др.

Вместе с тем, учитывается уровень развития жизненных навыков детей, отношение взрослых к насилию над детьми, официальные отчеты о насилии над детьми, доказанные случаи насилия над детьми, обращения детей-жертв в службы помощи и другие. Каждый из индикаторов раскрывается через совокупность определенных показателей. Так, например, критерий «Сообщения ребенка о насилии над ним самим» в каче-

стве показателя имеет процент количества детей, которые в своих самоотчетах сообщили о том, что были жертвами насилия в течение последних 12 месяцев. Для ситуации в России сюда могут войти обращения детей к Уполномоченному по правам ребенка, количество обращений в полицию, в учреждения социальной защиты, образования и здравоохранения. Конечно, в настоящий момент в России нет механизма подачи и рассмотрения таких заявлений специальным порядком, однако, даже в имеющейся системе сбора данных возможно выделить заявления, поступившие от детей, как доказательные. Критерий «Официальные отчеты о насилии над детьми» может включать в себя информацию о сообщении о случаях насилия на единый детский телефон доверия, информацию о случаях насилия и покушения на детей, полученную инспекторами по делам несовершеннолетних, а также врачами больниц и поликлиник. Критерий «Обращения детей-жертв в службы помощи» содержит информацию о количестве обращений по поводу насильственных действий над детьми в травматологические пункты, больницы и поликлиники, подразделения по делам несовершеннолетних, к уполномоченному по правам ребенка, в службы социальной защиты на основании заявлений о случае. Адаптация предложенной модели к российским условиям могла бы служить основой для разработки методологии оценки распространенности насилия над детьми. Мы полагаем, что соотнесение данных о количестве случаев насилия над детьми и данных о состоянии среды жизни ребенка является принципиальным моментом при разработке дизайна исследований о распространенности насилия. Источниками информации в этом случае могут выступать материалы официальной статистики о положении детей в Российской Федерации (и отдельных субъектах Федерации); данные социологических опросов населения и специалистов, работающих с детьми; данные психологических и социально-психологических исследований ребенка и его социального окружения.

Статистические данные о количестве случаев насилия связаны, как правило, с информацией о зарегистрированных пре-

ступлениях в отношении детей. Между тем, одной из отличительных особенностей насилия над детьми является ее латентный, скрытый характер. Поэтому статистические данные о распространенности насилия не позволяют в полной мере оценить масштаб проблемы и выстроить на этой основе реабилитационную и профилактическую работу: необходима организация локальных исследований распространенности насилия над детьми.

Подобные исследования, как правило, включают в себя взаимодействие с детьми (среди которых могут быть и пострадавшие дети, и агрессоры), с родителями детей (среди которых есть такие, кто активно противодействует насилию над ребенком, и те, кто является прямым или косвенным субъектом насилия), с руководителями и специалистами образовательных, медицинских, социальных и других учреждений, где находятся дети. Эти обстоятельства необходимо учитывать при организации исследований.

В российской практике родители и специалисты не всегда выступают надежными источниками информации и в силу тех причин, о которых говорилось ранее, и в силу особенностей личного опыта. Например, многие россияне считают физическое наказание допустимым и даже желательным способом воспитания. Данные социологических опросов свидетельствуют о широком применении родителями, учителями, воспитателями физических наказаний детей. В качестве дисциплинарных мер используют различные виды физического наказания — от подзатыльников, шлепков, пощечин до порки ремнем, выставлении в мороз на улицу без теплой одежды, запираения на длительное время (в кладовке, туалете) без еды и питья. Среди основных причин, провоцирующих взрослых применять меры физического воздействия, указываются плохое поведение, школьная неуспеваемость, невыполнение домашних обязанностей и т. п. Как правило, каждое дисциплинарное воздействие приносит взрослому определенную эмоциональную разрядку и обосновывается пользой для дальнейшей жизни ребенка. Поэтому идентификация жестких дисциплинарных воздействий

как физического насилия, как умышленного нанесения вреда ребенку взрослым оказывается затруднительной.

Еще более трудно различимым бывают такие виды насилия как эмоциональное насилие и психологическое пренебрежение ребенком, потому что эти виды насилия воспринимаются взрослыми не как нарушение человеческого достоинства ребенка и нанесение ему вреда, а как неотъемлемое право взрослого продемонстрировать свои «искренние чувства негодования». Особое место занимает поведение взрослых (чаще учителей, воспитателей), поддерживающее оскорбительные действия в отношении ребенка со стороны других детей. Борьба с кличками, обзывательствами, ябедничеством у детей часто не только не ведется, а порой и поощряется взрослыми, поскольку облегчает задачу управления детским коллективом. Иными словами, насилие над детьми «удобно» и необходимо для большинства взрослых людей.

С другой стороны, значительная часть педагогов, медиков, психологов и родителей находятся во власти иллюзорных представлений о феномене насилия. Например, большинство людей полагает, что насилие совершает посторонний и незнакомый ребенку человек, причем ребенок своим поведением и/или внешним видом сам провоцирует нападение и поэтому нуждается не в помощи, а наказании или порицании. Поэтому, например, факты насилия над детьми в семье, школе, детском доме редко доходят до судебного разбирательства. Часто случаи насилия над ребенком воспринимаются как область приватности, частного дела семьи или школы и не соотносятся с проблемой нарушения права ребенка на полноценную жизнь. Последствия пережитого ребенком насилия не осознаются, а нарушения в здоровье, характере, поведении не рассматриваются в связи с полученной травмой.

Бытовое и профессиональное сознание склонно рассматривать проблему насилия над детьми мозаично, как отдельные случаи, происходящие либо семье, либо на улице, либо в образовательном и социальном учреждении. Между тем, в публикациях многих ученых (например, исследования D. Finkelhor,

2005—2014) убедительно показано, что поливиктимизация как системное воздействие различных и постоянных ситуаций и микро-ситуаций насилия является отличительной особенностью именно насилия над детьми.

Поэтому при организации исследования важно разъяснять взрослым, что представляет собой феномен насилия над ребенком, какие действия в отношении детей являются насильственными и к каким последствиям социального, психологического и поведенческого характера они приводят. Используя определения понятия «насилия над ребенком», важно выделить два основных критерия — намеренность нанесения вреда и невозможность для ребенка покинуть угрожающую ситуацию, которые позволяют точно отнести те или иные воздействия на ребенка к насильственным.

Любая ситуация насилия и жестокого обращения сложна для изучения потому, что сильно нагружена эмоциональными переживаниями респондента. Даже исследование, затрагивающее вопросы насилия, может содержать потенциальную травму. Поэтому особые требования предъявляются к соблюдению этических норм при организации исследовательских процедур. Обязательное требование — соблюдение принципа добровольности участия и ненанесения дополнительной травмы ребенку при исследовании. Безопасность, доброжелательность и доверительность — обязательные характеристики исследовательского процесса.

Можно сформулировать основные правила организации исследований по оценке распространенности насилия над детьми:

- исследование распространенности насилия над детьми должно быть одобрено Этическим комитетом (такой комитет существует, например, на факультете психологии Санкт-Петербургского государственного университета);
- информированное согласие на проведение исследования должно быть получено не только у родителей детей или лиц, их заменяющих, но и у руководителей тех учрежде-

- ний (образовательных, социальных, медицинских), где находятся дети;
- процедура исследования должна быть добровольной и нетравмирующей для ребенка;
 - в исследовании необходим валидный и надежный измерительный инструмент;
 - сбор данных должен проводиться специально обученными исследователями (лучше всего, практическими психологами, работающими с детьми).

Таким образом, основные вопросы разработки методологии исследований в области оценки распространенности насилия над детьми связаны с выработкой однозначных дефиниций основных и рабочих понятий, с нивелированием влияния объективных и субъективных барьеров при проведении и организации исследования, с регламентацией инструментов и исследовательских процедур, с соблюдением этических норм проведения исследований с участием детей. Для валидной оценки распространенности насилия над детьми необходим комплекс данных официальной статистики о положении детей в Российской Федерации, социологических опросов населения и специалистов, работающих с детьми и результатов психологических и социально-психологических исследований ребенка и его социального окружения. Проведение такого рода исследований требует специальной подготовки исследователей и сборщиков данных.

Источники

- Волкова Е. Н. Насилие и жестокое обращение с детьми. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2011.
- Всемирная организация здравоохранения. (Декабрь 2014 г.) Жестокое обращение с детьми. Информационный бюллетень № 150. Получено 28 апреля 2015 г. из: Всемирная организация здравоохранения: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs150/ru/>
- Доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Нижегородской области в 2013 году. Получено 2015 июня 2014 г. из: Правительство Нижегородской области: <http://government-nnov.ru/?id=148800>

- Конвенция о правах ребенка. (20 ноября 1989 г.) Получено 14 июня 2015 г. из: Организация Объединенных Наций: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
- Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2013 г. М., 2014.
- Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». Получено 14 июня 2015 г. из: Информационно-правовой портал «Гарант»: <http://base.garant.ru/70183566/>
- Manual for the management of indicators of violence against children. (2008). Получено 14 июня 2015 г., из UNICEF: <http://www.unicef.org/violencestudy/pdf/Manual%20Indicators%20UNICEF.pdf>

М. В. Акулова

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА В СЕМЬЯХ,
ЗАТРОНУТЫХ ЭПИДЕМИЕЙ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ**

В статье рассматриваются вопросы актуальности разработки рекомендаций и широкого внедрения системы мероприятий, направленных на профилактику рисков нарушения детско-родительских отношений у женщин, узнавших о своем диагнозе «ВИЧ-инфекция» в период беременности, и оказания им помощи при подготовке к выполнению материнской роли. Также обращается внимание на то, что законодательная база, касающаяся проблем оформления усыновления и опекуна людьми, имеющими данный диагноз, предполагающий некоторый риск возникновения осложнений хронических соматических заболеваний, является устаревшей и не учитывает современную специфику течения и развития ВИЧ-инфекции, социальный портрет, высокий родительский потенциал женщин, принявших свой диагноз и эффективно осуществляющих свою материнскую роль.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, фактор риска, беременность, наблюдение, роль матери.

На современном этапе развития медицинской науки ВИЧ-инфекция определяется как «антропонозное инфекционное хроническое заболевание, характеризующееся специфическим поражением иммунной системы, приводящим к медленному ее разрушению до формирования синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИД), сопровождающегося развитием оппортунистических инфекций и вторичных злокачественных новообразований» (Покровский 2010, 1). При надлежащем образе жизни и своевременно начатом высокоактивным антиретровирусном лечении ВИЧ-инфекция в организме ВИЧ-ин-

фицированного человека может десятки лет находиться в стагнации, не переходя в более продвинутые стадии заболевания, а сам он в данном случае может долгие годы сохранять свою социальную активность.

В России ВИЧ начал распространяться в середине восьмидесятых годов, когда появились первые случаи заболевания. Широкую общественную огласку получила история с внутрибольничным инфицированием ВИЧ в 1989 г. более 250 детей в медицинских учреждениях на юге России (Покровский 2010, 1).

С годами тема ВИЧ-инфекции для Российской Федерации не становится менее актуальной, все большее число семей вовлекаются в решение комплекса проблем, связанных с эпидемией. Как заявил в Мельбурне, Австралия, на проходившей с 20 по 25 июля 2014 г. под эгидой Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) 20-й Международной конференции по СПИДу. Исполнительный директор ЮНЭЙДС Мишель Сидибэ: «Над шестью странами — Российской Федерацией, Центральноафриканской Республикой, Демократической Республикой Конго, Индонезией, Нигерией и Южным Суданом — нависла тройная угроза — большое бремя ВИЧ, низкий охват антиретровирусной терапией и отсутствие снижения или слабое снижение числа новых случаев ВИЧ-инфекции» (<http://www.un.org/russian/news/story.asp>).

Общее число россиян, инфицированных ВИЧ, зарегистрированных в Российской Федерации на конец 2014 г. составило более 930 000 человек. При сопоставлении верифицированных данных за первое полугодие 2014 г. по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. можно видеть рост количества новых случаев ВИЧ-инфекции на 10,4%. С 2002 г. отмечается увеличение среди регистрируемых случаев доли женщин. К 1 ноября 2014 г. в России было зарегистрировано около 318 тысяч инфицированных ВИЧ женщин (36,9% всех зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции). Большая их часть инфицируется половым путем (12). По данным, опубликованным в Информационном сборнике статистических и аналитических мате-

риалов ФБУЗ «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека «Инфекционная заболеваемость в РФ в 2012—2013 гг.», уровень роста заболеваемости ВИЧ-инфекцией в 2013 г. по сравнению с 2012 г. составил +18,17% (3). Т. е. наблюдается тенденция ускорения темпов развития эпидемии. И хотя в целом по РФ эпидемия носит концентрированный характер, в ряде регионов эпидемия ВИЧ-инфекции характеризуется как генерализованная, т. е. вышедшая за пределы уязвимых групп населения (потребителей инъекционных наркотиков; лиц, вовлеченных в сферу оказания сексуальных услуг; мужчин, практикующих секс с мужчинами) в общую популяцию. При этом наблюдается «старение эпидемии»: в 2000 г. на долю подростков и молодежи в возрасте 15—20 лет приходилось 24,7% вновь выявленных случаев ВИЧ-инфекции, в результате ежегодного уменьшения в 2013 г. эта группа составила лишь 1,4%; в возрастной группе 20—30 лет доля случаев ВИЧ-инфекции сократилась соответственно с 64% в 2001—2004 гг. до 31,8% в 2013 г.; увеличение доли новых выявленных случаев наблюдалось в возрастной группе 30—40 лет (с 9,9% в 2000 г. до 46,2% в 2013 г.) и 40—50 лет (с 2,4% в 2000 г. до 13,6% в 2013 г.) (12). Представленные данные свидетельствуют о недостаточной осведомленности о мерах профилактики заболевания в этих возрастных группах и имеющих место рискованных в плане инфицирования практиках поведения. Кроме того, все большее число ВИЧ-инфицированных выявляется впервые на поздних стадиях ВИЧ-инфекции, что говорит о том, что ВИЧ-инфицированные люди продолжительное время не знали о своем диагнозе и являлись источниками инфекции для основного населения.

Что касается путей передачи заболевания: хотя у 57,0% ВИЧ-позитивных с установленными факторами риска заражения, обнаруженных в 2013 г., основным фактором риска было указано употребление наркотиков нестерильным инструментарием (2012 г. — 56,3%, 2011 г. — 55,8%, 2010 г. — 56,0%, 2009 г. — 58,7%), тем не менее, картину вовлечения общего

населения в эпидемию характеризует постоянное увеличение полового пути передачи. Гетеросексуальные контакты как основной фактор риска заражения были указаны у 41% впервые выявленных ВИЧ-позитивных в 2013 г. среди лиц с известными причинами заражения (в 2009 г. — 38,1%). В абсолютных цифрах за весь период наблюдения гетеросексуальные контакты как основной фактор риска заражения были указаны у более 115 тыс. инфицированных ВИЧ, в последние годы отмечен рост абсолютного числа таких лиц (12).

Особенно тревожно, что в эпидемический процесс вовлекаются женщины репродуктивного возраста. Рождаемость среди ВИЧ-инфицированных женщин растет, с каждым годом растет и количество детей, рожденных ВИЧ-инфицированными матерями. Около 40% ВИЧ-инфицированных беременных впервые узнают о положительном ВИЧ-статусе при постановке на учет по беременности. В результате развития эпидемии ВИЧ/СПИДа в России ВИЧ-позитивные женщины оказались одной из наиболее уязвимых и депривированных групп населения. Хотя «портрет» ВИЧ-инфицированной женщины в настоящее время значительно изменился и приобрел черты социально адаптированной молодой женщины, тем не менее стереотип восприятия «ВИЧ-инфицированного» обществом сохраняется до сих пор. ВИЧ-инфекция отождествляется с наркопотреблением, проституцией, гомосексуальными связями (20), что ведет к стигматизации и дискриминации в обществе людей, затронутых эпидемией.

По выводам Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом в Российской Федерации «организационные и профилактические мероприятия по противодействию эпидемии ВИЧ-инфекции не направлены на основные движущие силы эпидемии, осуществляются на недостаточном уровне и не позволяют добиться ощутимых результатов в борьбе с эпидемией ВИЧ-инфекции» (12).

В своем обращении 23 июля 2014 г. к участникам прошлых и будущей Конференции по вопросам ВИЧ/СПИДа в Восточной Европе и Центральной Азии Академик РАН Помощник

Председателя Правительства Российской Федерации, Со-Председатель Конференции по вопросам ВИЧ/СПИДа в Восточной Европе и Центральной Азии 2016 г. Геннадий Онищенко отметил следующее: «На четвертой конференции по ВИЧ/СПИДу в Восточной Европе и Центральной Азии, которая состоялась 12–13 мая (2014 г. — М. А.) в Москве, определена проблема, которая будет сохранять свою актуальность для региона на протяжении ближайших 10 лет — выход эпидемии ВИЧ/СПИДа за пределы уязвимых групп и ее распространение среди общего населения. В связи с этим необходима смена парадигмы борьбы с ВИЧ/СПИДом, которая ранее строилась вокруг возможности удержать эпидемию в рамках относительно ограниченных групп. Смена парадигмы должна вести к более эффективному контролю за эпидемией, лучшей интеграции населения в систему профилактики, лечения и поддержки при ВИЧ/СПИДе и более целесообразному расходованию средств» (<http://eesaac2014.org/>).

I

Специалистами отмечается, что в настоящее время эпидемия затрагивает уже абсолютно все слои общества, от нее серьезно страдают также образованные и социально адаптированные (так называемые «благополучные») группы населения, то есть те, кто вносит самый весомый вклад в экономическое и социальное развитие страны (8). В России довольно быстро растет число детей, рожденных ВИЧ-инфицированными матерями. За годы эпидемии было рождено более 97 тыс. таких детей, из которых ВИЧ-инфекция диагностирована у 5957 детей (1). Небольшой процент таких детей получают ВИЧ-инфекцию от матери, но те дети, которым посчастливится избежать диагноза «ВИЧ-инфекция», будут испытывать на себе все негативные последствия эпидемии, затронувшей их семью (2). Это обусловлено множеством факторов, в том числе тем, что в условиях развивающейся эпидемии наблюдается низкая информированность по вопросам ВИЧ-инфекции общества в целом и неготовность к решению целого комплекса проблем,

связанных с данным заболеванием, семей, все в большем числе вовлекаемых в эпидемию. Проблемы, с которыми приходится сталкиваться ВИЧ-инфицированным лицам и их ближайшему окружению, касаются не только медицинского, но и психологического, социального, правового аспектов. Влияние ВИЧ-инфекции на психическое состояние ВИЧ-инфицированного человека, на формирование его отношений с окружающим миром с близкими людьми безусловно имеет место. «Нет соматических болезней без психических, из них вытекающих отклонений, как нет психиатрических заболеваний, изолированных от соматических симптомов» (Д. Д. Плетнев, 1927) (10). Возвращаясь к индивидууму и двусторонней связи между психикой и телом, можно отметить, что ВИЧ-инфекция не является исключением из общей закономерности, и эта связь и взаимозависимость психического и физического состояний прослеживается также. Концентрируя внимание на детях из таких семей, можно отметить, что переживаемые детьми из семей, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции, эмоциональные стрессы нередко приводят к психосоматическим расстройствам, которые негативно переживаются формирующейся личностью и тем самым усугубляют возникающие нарушения здоровья. Защитные механизмы у детей еще недостаточно зрелые, и они не способны справиться с этой патологией. В результате она может стать препятствием для нормального развития ребенка (18). При этом необходимо отметить, что серьезным барьером в доступе к получению помощи для семей, затронутых эпидемией, становится до настоящего времени существующая стигматизация (как самостигматизация, так и со стороны окружающих) и дискриминация «ВИЧ-позитивных» семей в обществе. Возникающие в результате заболевания проблемы тяжелым психологическим бременем ложатся на всех членов семьи ВИЧ-позитивных лиц, что в определенных условиях накладывает отпечаток на взаимоотношения внутри семьи и, как следствие, на эмоциональное состояние ребенка. Наиболее характерная черта ребенка — его эмоциональность. Он очень живо откликается и на негативные, и на положительные изме-

нения в его окружении. Эти переживания в большинстве случаев носят позитивный характер. Они имеют очень большое значение в приспособлении ребенка к изменяющейся жизни. Однако при определенных условиях чувства могут играть и отрицательную роль, приводя к нервно-психическим или соматическим расстройствам. Это происходит в тех случаях, когда сила эмоции достигает такой степени, что становится причиной развития стресса (10). При неоднократном повторении или при большой продолжительности аффективных реакций в связи с затянувшимися жизненными трудностями эмоциональное возбуждение может принять застойную стационарную форму. Развитию заболевания после эмоционального стресса способствует состояние беспомощности, когда окружение воспринимается небезопасным, не доставляющим удовольствия, а ребенок чувствует себя покинутым (18).

Это становится еще более актуальным, когда наступает время, и дети, рожденные ВИЧ-положительными матерями, достигают возраста поступления в дошкольные образовательные учреждения, школы. В то же время опыт показывает, что учреждения зачастую не готовы работать с детьми, затронутыми эпидемией ВИЧ-инфекции. Сотрудники дошкольных образовательных учреждений испытывают высокую степень настороженности по отношению к таким детям и их семьям, неуверенность в себе и страх за свое здоровье и здоровье других детей; им не хватает знаний по проблемам ВИЧ-инфекции. В результате педагоги, воспитатели, психологи и даже медицинские работники дошкольных учреждений могут невольно способствовать усилению негативного воздействия эпидемии. В то же время, если окружение индивида разделяет его оценки и мнения, и ребенок может всегда найти эмоциональную поддержку, то вероятность болезнетворного действия эмоционального стресса уменьшается. Для человека (в особенности в детском возрасте) наличие социальных связей столь важно, что даже только их недостаточность может стать причиной развития стресса (10). Стресс, постоянное вовлечение в стрессовые ситуации характерны для жизни с ВИЧ. Стресс, как не-

специфический ответ организма на любое предъявленное ему требование (17), с различной степенью силы и тяжести проявляется в различные периоды жизни ВИЧ-инфицированного человека. Стресс — это не просто нервное напряжение. Доктор Дж. Мейсон, бывший президент Американского психосоматического общества и один из наиболее известных исследователей психологических и психопатологических аспектов биологического стресса, считает общим знаменателем всех стрессоров активацию «физиологического аппарата, ответственного за эмоциональное возбуждение, которое возникает при появлении угрожающих или неприятных факторов в жизненной ситуации, взятой в целом» (16).

Жизнь с ВИЧ — это серьезное испытание для семьи, и те кризисные ситуации, которые чаще всего возникают, связаны с эмоциональными потерями и глубокими негативными переживаниями. Классификация стрессов относит эти ситуации к пятому уровню стрессорных факторов и определяет как чрезмерно тяжелые (3). По классификации С. А. Разумова (1976), базирующейся на разделении стрессоров, непосредственно или косвенно участвующих в организации эмоционально-стрессовой реакции у человека, ВИЧ-инфекцию можно отнести, как хроническое длительно текущее заболевание, к 3 типу *стрессоров рассогласования деятельности*, как стрессор психосоциальных и физиологических ограничений (9).

Многолетнее изучение особенностей социально-психологической адаптации людей, живущих с ВИЧ, на различных этапах их жизни показало наличие взаимосвязи между течением заболевания и тем, как люди приспосабливаются к новым условиям. Эти наблюдения позволили выделить условно несколько основных моментов в развитии заболевания, когда ВИЧ-инфицированные люди и их семьи особенно психологически уязвимы и нуждаются в поддержке. Специфичность реагирования в стрессе обуславливается не только характером внешней стимуляции, но и психологическими особенностями самого человека (11).

Первым стрессорным фактором, с которым встречается семья, становится факт выявления ВИЧ-инфекции. Установление диагноза может происходить в ситуации полной неожиданности, например, при получении результатов тестирования во время желанной беременности, либо быть условно ожидаемым, как в случае с установлением диагноза у ребенка, рожденного от ВИЧ-положительной мамы. Диагноз «ВИЧ-инфекция» является тяжелым стрессорным фактором, сообщение диагноза приводит к психической травме пациента (4). При этом состояние здоровья у ВИЧ-инфицированной женщины может быть вполне удовлетворительным. В этот период на первый план выступают эмоциональные переживания которые могут привести к повышению риска развития различных форм суицидального поведения. Беременная женщина может испытывать разные негативные чувства, например: тревогу по поводу возможного нарушения конфиденциальности, невозможности что-либо изменить и т. д.; страх по поводу возможного заражения ВИЧ близких или угрозы преждевременной смерти и т. п.; опасения по поводу доступности лечения или возможности сохранения социального статуса и др.; чувство утраты планов на будущее, положения в обществе и в семье, финансовой стабильности, физической привлекательности, здоровья, самостоятельности и т. п.; печаль по поводу ожидаемых или свершившихся потерь; чувство вины по отношению к людям, которых она могла заразить или которым в связи с болезнью «поломала» жизнь; угрызения совести из-за собственного поведения, приведшего к инфицированию; агрессивность по отношению к конкретному человеку предполагаемому источнику заражения, либо к обществу в целом. Этапы принятия диагноза от шока и полного отрицания, до принятия и адаптации к жизни с ВИЧ имеют как общие закономерности, так и индивидуальные особенности, свою эмоциональную окраску (4). Выпавшие на время беременности переживания могут отодвинуть саму беременность, ожидание ребенка на другой план. В данном контексте, женщины, заранее осведомленные о своем диагнозе и планирующие рождение ребенка при пол-

ном принятии своего диагноза, безусловно находятся в более благоприятной психологической ситуации. Период принятия диагноза, сочетающийся с беременностью, требует обязательного вмешательства специалистов, организации комплексной помощи женщине и ее окружению, обязательному выявлению проблемных зон и содействию в формировании адекватных материнских установок.

Сразу после получения информации о диагнозе следующей из наиболее серьезных стрессорных ситуаций является проблема раскрытия ВИЧ-положительного статуса родным и близким, другим значимым людям. Из-за раскрытия статуса часто происходит осложнение супружеских отношений (возникает атмосфера взаимного недоверия, внутрисемейные конфликты, угроза распада семьи). Соккрытие одним из супругов своего «ВИЧ-статуса» вносит в семейные отношения оттенок напряженности, подозрительности. Чувство одиночества ВИЧ-положительной женщины нередко усугубляется изоляцией в то время, когда ей особенно необходимо взаимопонимание и возможность поговорить с кем-то о своих страхах и одиночестве. Могут осложниться отношения с друзьями и коллегами из-за предвосхищения (как правило, преувеличенного) предстоящего отвержения, отказа в поддержке и т. п. (4) Для женщины, живущей с ВИЧ, важно, что подумают о ней окружающие, как будут восприняты ее объяснения по поводу того, как она получила инфекцию. Бывают случаи, когда ВИЧ-инфицированные беременные женщины остаются без поддержки родных и близких, включая отца будущего ребенка, которые отказываются от женщины из-за ее диагноза (14).

Женщины часто беспокоятся о том, что они не смогут в должной мере ухаживать за детьми. Описанные ранее проблемы, связанные с установлением диагноза, могут значительно ухудшить состояние психического и физического здоровья беременной женщины, увеличить риск передачи ВИЧ плоду, привести к разрыву семейных отношений, спровоцировать отказ от своего ребенка. С момента определения беременности ВИЧ-инфицированной женщине приходится решать ряд слож-

ных задач. В то время, когда женщина особенно нуждается в помощи и поддержке близких и любимых людей, она стоит перед очень трудным выбором — сообщить им о своем «страшном» диагнозе или нет? Женщина опасается (и, к сожалению, в ряде случаев, вполне обоснованно) негативной реакции близких ей людей (4). Иногда именно предполагаемая резкая отрицательная реакция со стороны мужа или родителей заставляет женщину прервать беременность или заранее планировать отказ от своего ребенка. Несмотря на то, что за женщиной всегда остается право альтернативного выбора сохранения или прерывания беременности, необходимость принятия такого решения в условиях всеобщего осуждения и психологического давления — очень трудный и ответственный шаг для ВИЧ-инфицированной женщины. ВИЧ-инфицированная женщина может испытывать страх перед будущим и неуверенность в себе, особенно, если она еще слишком молода, материально не обеспечена, не имеет образования; если у нее мало друзей и родственников, которые относились бы к ней с сочувствием и могли бы ей помочь в трудную минуту, или если женщина практически не имеет источников материальной и социальной поддержки. Высокий уровень стигматизации и дискриминации по отношению к ВИЧ-инфицированным людям вообще, а к беременным женщинам в особенности, часто провоцирует ситуацию, когда многие ВИЧ-инфицированные женщины предпочитают «исчезнуть» из поля зрения врачей вплоть до родов, тем самым подвергая риску инфицирования ВИЧ будущего ребенка (2). Необходимость приема противовирусных препаратов для профилактики передачи ВИЧ будущему ребенку может вызвать у женщин ряд довольно тяжелых побочных эффектов и просто стать для беременной женщины «очень неприятной и тяжелой» процедурой, что, в свою очередь, может препятствовать формированию у женщины позитивного отношения к будущему ребенку и к материнству в целом.

Рождение в «ВИЧ-положительной» семье ребенка, даже желанного, сопряжено с новыми страхами, связанными с состоянием здоровья новорожденного младенца. Дети, рожденные

ВИЧ-инфицированными матерями, могут быть более слабыми, недоношенными, с меньшим весом, что может быть связано с анамнезом матери, с ослабленным иммунным статусом ВИЧ-инфицированной женщины. Тем не менее, эти дети, в большинстве своем, не отличаются от других новорожденных по своему физическому и нервно-психическому развитию, хороший уход за ребенком, рожденным ВИЧ-инфицированной матерью, может быстро привести все показатели физического и нервно-психического развития в норму (6). Непонимание этих обстоятельств пугает женщину и ее родственников, которые зачастую принимают подобное состояние ребенка исключительно, как «проявления СПИДа». Присутствует также страх, что ребенок все-таки инфицировался ВИЧ и в скором времени либо умрет, либо станет инвалидом. Ситуация в акушерских стационарах также не способствует психологическому равновесию. Для многих ВИЧ-инфицированных женщин время, проведенное в родильном доме, является крайне отрицательным опытом из-за отношения медработников. Предвзятое отношение медицинских работников к ВИЧ-инфицированным женщинам чаще всего вызвано преувеличенными страхами по поводу рисков профессионального заражения ВИЧ, которые коренятся в отсутствии достаточных знаний о ВИЧ-инфекции и путях ее передачи (14). Стигматизация и дискриминация со стороны окружающих по отношению к ВИЧ-инфицированным людям — распространенное явление. Низкий уровень знаний о ВИЧ-инфекции, способах ее передачи и профилактики среди широких кругов медицинских, социальных работников, психологов и педагогов, а также среди населения в целом (включая ВИЧ-положительных женщин и членов их семей) порождает высокий уровень стигматизации (и самостигматизации) и, как следствие, дискриминации ВИЧ-инфицированных женщин и их детей. Часто специалисты не готовы предоставить женщине достоверную информацию о ВИЧ/СПИДе.

Женщина, вынашивающая беременность в очень агрессивной среде и подвергающаяся постоянному психологическому

давлению и осуждению со стороны окружающих, постоянно находится в стрессовой ситуации. При этом, тем не менее, практика показывает, что у большинства женщин с ВИЧ беременность протекает без существенных последствий для здоровья, дети благодаря проведенной комплексной профилактике рождаются здоровыми. Большинство ВИЧ-положительных женщин в настоящее время воспитывают здоровых детей (14). В данном случае важную роль играет своевременное обращение женщины за помощью, ранняя постановка на учет, всесторонняя поддержка в трудной жизненной ситуации, своевременное назначение профилактического антиретровирусного лечения (8). От состояния женщины в послеродовой период напрямую зависят психосоматические расстройства новорожденного. У только что родившегося младенца контакт с внешним миром существует благодаря органам чувств матери, с которой у него прочная симбиотическая связь. Поэтому любые отрицательные эмоции, потрясения, переживаемые матерью, воспринимаются ребенком как ее часть. Ребенок может реагировать на беспокойство, тревогу, депрессию, отчаяние матери только изменением своего соматического здоровья. Даже недоношенные дети у матерей, переживающих материальные невзгоды, предательство близких или болезнь родителей, отзываются на них остановкой роста, стойкой потерей массы тела и неспособностью усваивать получаемое питание (10).

II

Семьи, затронутые эпидемией ВИЧ-инфекции, сталкиваются с дискриминационным отношением окружающих и по мере взросления ребенка. В данном контексте актуален термин «дети, затронутые эпидемией ВИЧ-инфекции», применяя который, специалисты имеют в виду не только ВИЧ-инфицированных детей, но и детей, которые имеют ближайших родственников, с диагнозом «ВИЧ-инфекция», проживают вместе с ними (2). Независимо от того, инфицирован ли сам ребенок ВИЧ или его родственники, общественное отвержение и стигматизация (в том числе и со стороны медицинских, педагогических

ческих работников, соседей, сослуживцев родителей, сверстников и т. д.) преследуют всех детей, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции, создавая ряд социально-психологических и педагогических проблем, угрожая здоровью и развитию детей.

Если ребенку установлен диагноз «ВИЧ-инфекция», родители стараются всячески сохранить тайну диагноза, так как при раскрытии статуса окружающим нередко наблюдались случаи отказа в приеме в детские образовательные учреждения, предвзятое отношение воспитателей, педагогов, учителей, окружающих ребенка взрослых и сверстников. До сих пор фиксируются случаи нарушения прав ВИЧ-инфицированных людей на получение медицинской помощи, особенно, если ВИЧ-инфицированный член семьи (отец, мать) страдает зависимостью от психоактивных веществ. Отказ в доступе к медицинской помощи, реабилитационным программам, несвоевременное назначение высокоактивной антиретровирусной терапии таким родителям приводит к быстрому ухудшению состояния их здоровья, присоединению различных оппортунистических инфекций, туберкулеза (13). Ребенок в такой семье оказывается более уязвимым: болезнь родителей существенно снижает их финансовые возможности и приводит к невозможности обеспечить ребенку достойный уровень ухода и развития. В таких семьях может наблюдаться пренебрежение нуждами ребенка, который не получает должного внимания, неполноценно питается, отстает в развитии от сверстников. Также, если родители серьезно больны, ребенок испытывает страх смерти родителей, психологические проблемы, обусловленные состоянием родителей, либо смертью близких.

Так как в связи с особенностями диагностирования ВИЧ-инфекции у ребенка окончательный диагноз ребенку устанавливается только на 18-м месяце, этот период отягощен для семьи тревожным ожиданием и страхами. Если по прошествии этого периода диагноз «ВИЧ-инфекция» ребенку все-таки установлен, для родителей наступает период следующего серьезного испытания: новый виток принятия диагноза теперь уже ребенка, преодоление чувства вины, принятие мер, направлен-

ных на сохранение его здоровья, в котором анализы и обследования, своевременный прием назначенных лекарственных препаратов и соблюдение доз, приучение ребенка к самостоятельному следованию режиму приема препаратов — далеко не полный перечень. Помимо этого, необходимо соблюдать график прививок, следить за состоянием здоровья ребенка и немедленно сообщать лечащему врачу о замеченных симптомах заболевания или необычном поведении ребенка, необходимо организовать общение малыша со сверстниками, чтобы обеспечить ему полноценное развитие и социализацию в коллективе. Позже ребенку необходимо организовать доступ в детские учреждения наравне с другими детьми. По всем данным его развитие не должно отличаться от развития других детей. Для сохранения и поддержания физического здоровья необходимо обеспечить постоянное медицинское наблюдение, заботу, качественный уход, полноценное и рациональное питание в соответствии с возрастом, своевременное выявление и лечение заболеваний и болезненных симптомов, связанных с прогрессированием ВИЧ-инфекции. По мере взросления ВИЧ-инфицированного ребенка перед родителями будут вставать все новые и новые задачи: как объяснить ребенку необходимость постоянного приема препаратов и сформировать приверженность так, чтобы ни один прием лекарств не был пропущен, как и когда рассказать ребенку о его диагнозе и диагнозе родителей, чтобы психологические последствия информирования были минимальными, какую и когда предоставить информацию о путях передачи ВИЧ-инфекции, о правах и обязанностях ВИЧ-инфицированных людей, как избежать разглашения ребенком информации о диагнозе в детских учреждениях, в школе.

Особое значение для нормального нервно-психического развития ребенка имеет постоянное полноценное общение с ним, проведение игр и развивающих занятий. Именно дефицит общения явился основной причиной того, что практически все первые «отказные» дети, затронутые эпидемией ВИЧ-инфекции, родившиеся в стране демонстрировали при-

знаки весьма существенного отставания физического и нервно-психического развития. Эти явления не носили в подавляющем большинстве случаев врожденный характер, а стали результатом искусственной изоляции детей, которым приходилось первые 2—3 года жизни проводить в стационарах лечебных учреждений, что и приводило к состояниям, часто необратимым, социально-педагогической запущенности, «госпитализму». Изоляция детей, рожденных ВИЧ положительными матерями, не была связана с тем, что эти дети представляли какую-либо инфекционную опасность при уходе за ними или общении. Причиной была неготовность государственных органов и учреждений к решению проблем, связанных с ВИЧ-инфекцией, а также недостаточная информированность по проблемам ВИЧ-инфекции как медицинского сообщества в целом, так и всего населения (2). Широкий резонанс в начале 2000-х годов имел документальный фильм «Клетка», снятый об отказных детях, оставленных ВИЧ-инфицированными матерями в инфекционной больнице города Иркутска. С первого дня жизни в течение 2—3 лет дети провели в изоляции от внешнего мира в больничных палатах, запертые в детских «кроватках-клетках». К трем годам жизни, даже те, кто не получил ВИЧ-инфекцию от матери, превратились, как их окрестила пресса, в иркутских «Маугли». Для лечения и реабилитации этих детей в 2002 г. был организован Центр «Аистенок». Фактически Центр «Аистенок» являлся третьим детским отделением Иркутской городской клинической инфекционной больницы, которое было специально укомплектовано дополнительными педагогическими и медицинскими кадрами, что позволило на базе отделения больницы практически сделать медико-педагогическое учреждение для детей, рожденных ВИЧ-положительными матерями. Основной задачей медицинского и педагогического персонала Центра «Аистенок» было обеспечить безболезненную адаптацию отказных детей к социальному миру и поддержать состояние здоровья и качества жизни детей, рожденных ВИЧ-положительными матерями, и детей с ВИЧ-инфекцией. Большинство детей всех возрастов

находились на III и IV уровнях развития, что соответствовало 2—2,5 годам у детей пятого года жизни. Это явление было характерно, прежде всего, для детей, которые долго содержались в условиях больничной изоляции и поступили в Центр «Аистенок» в возрасте старше 2 лет. Очевидно, это связано как с отягощенной наследственностью, так и с длительной, тяжелой депрессией и изоляцией детей в течение двух-трех лет.

В настоящее время законодательных ограничений по приему детей, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции, в детские дошкольные учреждения нет (15), тем не менее и сегодня могут возникнуть серьезные проблемы с устройством ребенка, в детское образовательное учреждение в связи с отказом (чаще всего необоснованным и противозаконным) администрации таких учреждений в приеме детей, рожденных ВИЧ-инфицированными матерями. Ребенок начинает испытывать большой психологический прессинг, замыкается в себе, ощущает себя изгоем. Все это может привести к психоэмоциональным и соматическим расстройствам, к задержке психического и физического развития ребенка.

По этому поводу можно привести результаты опроса по выявлению и анализу трудностей, с которыми приходится сталкиваться семье, в которой воспитывается ВИЧ-инфицированный ребенок, в связи с оформлением в детский сад или его посещением, а также причин не толерантного отношения со стороны персонала детских садов и родителей других детей к посещению детского сада ВИЧ-положительными детьми, который был проведен в Иркутске в конце 2005 г. К этому времени значительная часть детей, рожденных за весь период эпидемии в Иркутске от ВИЧ-инфицированных матерей, достигли возраста посещения детских учреждений. Были опрошены три группы респондентов, проживающих на территории г. Иркутска: члены 20 семей, в которых живут ВИЧ-положительные дети дошкольного возраста; родители «других» детей дошкольного возраста, посещающих детский сад (20 человек); сотрудники детских садов (20 человек). Результаты исследования показали, что фактически все 20 участников опроса

в той или иной мере столкнулись с трудностью в плане оформления ребенка в детский сад и его последующего пребывания в нем. Были отмечены следующие негативные моменты, с которыми пришлось столкнуться семьям, воспитывающим ВИЧ-положительного ребенка: разглашение диагноза медицинским персоналом, отказ в оформлении или не надлежащим образом оформленные документы, необходимые для приема в детский сад; отказ в приеме ребенка в детский сад со стороны персонала; отрицательное и агрессивное отношение родителей «других» детей; высокая плата за услуги детского сада; «длинные» очереди в детские сады; отсутствие и/или недостаток знаний и навыков отстаивания своих прав и прав своего ребенка; отсутствие заинтересованности в устройстве своего ребенка в детский сад. Судя по результатам исследования, среди членов семей, воспитывающих ребенка с ВИЧ-инфекцией, отношение родителей складывалось из личного опыта (столкновения со случаями проявления стигмы и дискриминации при устройстве ребенка в детский сад и т.п.), наличия и полноты знаний о ВИЧ/СПИДе (особенностях протекания инфекции у детей, путях передачи и средствах защиты/мерах безопасности и т.д.), наличия и полноты знаний о своих правах и правах своего ребенка, наличия навыков отстаивания своих прав, распространенных стереотипов по отношению к ВИЧ-положительным детям в обществе. Среди проявлений стигмы и дискриминации особенно часто родители (опекуны) ВИЧ-позитивных детей отмечали отношение медицинских специалистов: это и случаи разглашения диагноза, в том числе различные виды пометок на сопроводительных документах малыша, включая медицинские карты; отказ в предоставлении медицинского сервиса; негативное, предвзятое отношение со стороны медперсонала; отсутствие у педиатров достаточных знаний о мерах профилактики ВИЧ-инфекции и навыков работы с ВИЧ-положительными детьми. Обращаясь к ответам родителей «других» детей, можно говорить о том, что большинство родителей считали, что дети с ВИЧ должны посещать отдельные (возможно, специализированные) детские сады, в силу

того, что возможно заражение ВИЧ при контактах детей друг с другом. Уровень информированности о проблеме у большинства опрошенных был невысок, особенно в отношении путей передачи вируса, а также распространенности ВИЧ среди широких слоев населения. Тема ВИЧ/СПИДа воспринималась как проблема отдельных, чаще всего, маргинальных групп населения, таких как потребители наркотиков. По мнению этой группы опрошенных, другие случаи инфицирования являются редким исключением, например, когда заражение происходит при порезах, травмах, переливании крови в лечебных учреждениях. В отношении безопасного секса также не было однозначного мнения, имели распространение представления, что жизнь в браке, продолжительное знакомство с сексуальным партнером являются гарантией защиты. Также родители демонстрировали стремление обезопасить своих детей от всех возможных рисков и опасностей, поэтому даже минимальная вероятность наличия риска заражения преувеличенно воспринималась ими не иначе, как реальная угроза здоровью и жизни их детей. Аналогичная ситуация наблюдалась и со стороны персонала детских учреждений. Высказанные суждения позволили выделить некоторые стереотипы в восприятии темы ВИЧ/СПИДа со стороны персонала детских садов. Во-первых, стереотипы, связанные с тем, что для детей с ВИЧ-инфекцией необходим особый медицинский контроль. Во-вторых, восприятие проблемы ВИЧ/СПИДа как проблемы, касающейся исключительно маргинальных групп («наркоманов», либо тех, кто часто «меняет половых партнеров», «не обращает внимания на внешность своих партнеров», «беспорядочные контакты», «неблагополучные семьи» и пр.). В-третьих, стереотипы в отношении восприятия ВИЧ-положительного (будь то ребенок или взрослый) как склонного к агрессии и неадекватному поведению по отношению к окружающим. И в целом, наблюдалось отсутствие однозначного отношения сотрудников и персонала детских садов к тому, чтобы дети с ВИЧ посещали учреждения на общих основаниях. По мнению всех участников исследования, отношение персонала детских садов к тому,

чтобы ВИЧ-положительные дети посещали детские учреждения на общих основаниях, в большинстве случаев негативное. Были получены следующие объяснения ситуации: в современных условиях организации воспитательного процесса в детских садах персонал, по их собственному выражению, «не в состоянии уследить за всеми детьми»; персонал детских садов не владеет достоверной и достаточной информацией о ВИЧ/СПИДе и о том, какой уход и подход необходимы ребенку, живущему с ВИЧ; персонал детских садов боится реакции родителей; персонал опасается за собственное здоровье и здоровье других детей, а также детей с ВИЧ; персонал детских садов не владеет информацией о правах детей, живущих с ВИЧ; среди персонала распространены ошибочные стереотипы в отношении того, кто подвержен риску заражения ВИЧ/СПИДом и какое воздействие ВИЧ оказывает на организм человека, в особенности на его нервную систему (адекватность восприятия и поведения) (19). Для любого ребенка начало посещения детского учреждения является стрессовой ситуацией, которая может негативно повлиять на состояние здоровья ребенка, особенно в период адаптации. Для ребенка с ВИЧ-инфекцией первая встреча с новым миром может быть особенно травматичной. Многие из перечисленных моментов не являются достаточно вескими для того, чтобы лишать ребенка права пользоваться услугами детского сада и полноценно развиваться, и могут быть устранены, как показал опыт в Иркутске, если постоянно проводить работу с персоналом дошкольных учреждений, родителями как ВИЧ-положительных ребятишек, так и с «другими» родителями. Безусловно, самое благоприятное влияние на развитие ребенка будет иметь его общение со сверстниками. Нахождение ребенка в детском саду делает возможным трудоустройство его родителей, улучшая тем самым материальное благополучие семьи, и, как следствие, качество жизни ребенка, в частности, его питание. Все это создает более благоприятные условия для поддержания психического, физического здоровья ребенка.

III

Как сами стрессорные события, так и ожидание их и страх перед их наступлением формируют определенную провоцирующую среду, влияющую на внутрисемейные и детско-родительские отношения. Специфичность реагирования в стрессе обуславливается не только характером внешнего воздействия, но и психологическими особенностями самой ВИЧ-положительной женщины (11). Как было отмечено ранее все факторы, связанные с наличием в семье ВИЧ-инфекции, могут иметь определенные последствия для детей в виде особенностей межличностных отношений в плане возможности разностороннего развития, доступа в образовательную среду, формирования социальных навыков и т. п.

Наибольшие негативные последствия для семей, затронутых эпидемией, формируются в связи с проявлением стигмы и дискриминации в обществе по отношению к ВИЧ-инфицированным людям. В контексте ВИЧ-инфекции эта тема становится особенно актуальной в связи с тем, что стигматизация и дискриминация ВИЧ-инфицированных людей, а также людей, находящихся в зоне высокого риска инфицирования, как уже было продемонстрировано выше, приводит к очень серьезным последствиям, как для отдельных людей и семей, так и для общества в целом (5). Всеобщее осуждение людей, затронутых указанными проблемами, приводит к тому, что люди, знающие о своем диагнозе, всячески стараются скрывать его от общества и от своих близких, боятся обращаться за помощью и лечением, что неизбежно ведет к серьезным медицинским и психологическим последствиям. Кроме того, те, кто практиковал рискованные формы поведения, боятся пройти обследование, чтобы не оказаться в числе отвергаемых обществом. В таком случае эпидемия приобретает скрытый характер, повлиять на ее течение становится практически невозможно. Выявление ВИЧ-инфицированных людей в такой ситуации происходит только на поздних, тяжелых стадиях заболевания, когда больной человек вынужденно обращается за медицин-

ской помощью. Но при современном состоянии медицины можно на более ранних стадиях заболевания начать высокоактивную антиретровирусную терапию, которая позволит значительно продлить продолжительность жизни ВИЧ-инфицированного человека, сохранить качество его жизни, а также, что немаловажно, снизить риск передачи вируса, в том числе, от матери ребенку. Дискриминация¹ ВИЧ-инфицированных людей, представляющая собой стигму, облеченную в действия, лишает человека прав и возможностей, имеющих у большинства в обществе.

В семье стигма по отношению к ВИЧ-инфицированному ребенку или члену семьи, может проявляться как в виде презрительных высказываний, «негативных прозвищ», избегания контактов, страха, насилия и т. п., а также, наоборот, в виде «менторского» отношения, гиперопеки. Чрезмерно опекающий родитель принимает решения за ребенка, защищает его даже от незначительных или воображаемых трудностей вместо того, чтобы помочь преодолеть их. Отношение родителей к больному ребенку, которое можно охарактеризовать как фобию утраты, воспитательскую неуверенность, выраженную гиперпротекцию, чрезмерную требовательность также влияет на формирование психосоматической ситуации ребенка. Это приводит к зависимости ребенка и мешает формированию у него ответственности, приобретению социального опыта за пределами семьи, изолирует от других источников социальных влияний. У таких детей возникают трудности в общении с окружающими, у них высока в связи с этим опасность невротических срывов и психических расстройств (10).

Социальная изоляция семьи может стать фактором риска для ребенка, так как она противодействует его контактам с окружением. Обособление семьи обычно возникает как следствие изменений личности родителей или их ригидных предпочтений, резко отличающихся от принятых в окружении. Родительские страхи могут стать причиной ограничения детской активности (10).

В данной ситуации важно обретение внутренней силы и психологической защищенности — эмпаурмент, когда сама ВИЧ-инфицированная женщина, приобретает знания и навыки, уверенность в своих силах, позволяющие преодолеть внутреннюю и внешнюю стигму и противостоять дискриминации. Это также касается и дискриминационных законов, не учитывающих современную специфику течения и развития ВИЧ-инфекции, социальный портрет, родительский потенциал ВИЧ-инфицированной женщины. Известны случаи, когда ВИЧ-инфицированным женщинам отказывали в оформлении опекунов, пренебрегая ее высоким родительским потенциалом. После смерти матери, ВИЧ-позитивная женщина, брат которой был отдан для опеки в чужую семью, пыталась получить право заботиться о брате, однако попечительские органы отказали ей в этом, ссылаясь на постановление Правительства РФ № 542, согласно которому пациент с инфекционным заболеванием не может принять ребенка под опеку до снятия с диспансерного учета. Так как при ВИЧ-инфекции диспансерный учет является пожизненным, то нормативная база не позволяет даже ближайшим родственникам официально оформить опекунов. Данная ситуация в ходе долгих судебных разбирательств все-таки была решена в пользу ребенка и его старшей сестры, что создало прецедент в судебной практике, подтверждающий, что существующее положение вещей не учитывает изменения, произошедшие в картине развития заболевания, внедрения высокоэффективных методов поддержания здоровья ВИЧ-положительных женщин, а также высокий родительский потенциал женщин, принявших свой диагноз и эффективно осуществляющих свою материнскую роль.

В контексте рассмотренной ситуации актуальной представляется разработка рекомендаций для создания системы мероприятий, направленных на профилактику рисков нарушения детско-родительских отношений у женщин, узнавших о своем диагнозе в период беременности, и на оказание помощи в подготовке их к ответственному выполнению материнской роли,

а также необходимость наработки доказательной базы для внесения предложений по изменению существующей нормативной базы, касающейся проблем оформления усыновления и опекунов ВИЧ-инфицированными людьми.

Источники

- Аксёнов П. Г., Акулова М. В., Блинова О. Г. Схема направления наркопотребителей на лечебно-профилактические мероприятия: Руководство по проведению семинара-тренинга для сотрудников правоохранительных органов и медико-социальных служб. М.: Управление ООН по наркотикам и преступности, 2011.
- Акулова М. В. Пути решения проблемы интеграции в общество детей, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции // Всероссийская конференция «Пути решения проблемы сиротства в России»: Сб. тезисов. М., 2006.
- Беляева В. В. Консультирование при инфекции ВИЧ: Пособие для врачей, работающих с ВИЧ-инфицированными пациентами. М., 2001.
- Бодров В. А. Роль личностных особенностей в развитии психологического стресса. Психические состояния. СПб., 2000.
- ВИЧ-инфекция и СПИД: Клинические рекомендации. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. акад. РАМП В. В. Покровского. М.: Геотар-Медиа, 2010.
- Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия социально депривированных групп населения (на примере наркопотребителей и ВИЧ-инфицированных). Казань: Казан ун-т, 2012.
- Загайнова А. И., Березовская Е. К. Детское лицо «недетской болезни»: Информационное пособие для работников дошкольных образовательных учреждений по проблемам детей, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции. Иркутск: Иркутское областное отделение Российского Красного Креста, 2006.
- Инфекционная заболеваемость в РФ в 2012–2013 гг.: Информационный сборник статистических и аналитических материалов. М.: ФБУЗ «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2014.
- Исаев Д. Н. Психопатология детского возраста: Учебник для вузов. СПб., 2001.

- Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб., 2005.
- Недзельский Н., Морозова. Е. М. Поддержка людей, живущих с ВИЧ. М.: Просветительский центр «ИНФО-Плюс», 2003.
- Паулино А. Индивидуально-психологические особенности ВИЧ-инфицированных. Ростов-на-Дону, 2006.
- Право на будущее: Информационное пособие для семей, затронутых эпидемией ВИЧ-инфекции, по вопросам планирования семьи, рождению и воспитанию малыша первые месяцы жизни / Под ред. М. В. Акуловой. Иркутск: Иркутское областное отделение Российского Красного Креста, 2008.
- Профилактика ВИЧ-инфекции: Санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1.5.2826-10. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2011.
- Профилактика заражения ВИЧ: М.: Методические рекомендации. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2014.
- Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. А. Е. Тарас, К. В. Сельченко. М., 2002.
- Разумов С. А. Эмоциональные реакции и эмоциональный стресс // Эмоциональный стресс в условиях нормы и патологии человека. М., 1976.
- Селье Г. Что такое стресс. Оптимальный уровень стресса // Селье Г. Психические состояния. СПб., 2000.
- Справка «ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2013 г.». М.: Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН ЦНИИЭ Роспотребнадзора, 2014.
- Услуга «Социально-психологическое сопровождение семей, затронутых ВИЧ-инфекцией»: Методические рекомендации. Кн. 20 / Под ред. М. О. Егоровой; ведущий разработчик М. В. Акулова. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2013. (Профилактические услуги по предупреждению социального сиротства: В 26 кн.).
- Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»; принят Государственной Думой 24 февраля 1995 г.

Используемая терминология

Вирус иммунодефицита человека (ВИЧ) — вирус, способный со временем уменьшать количество клеток крови, отвечающих за иммунную систему организма (Т-лимфоцитов), приводя к развитию состояния СПИД.

ВИЧ-положительный/позитивный/инфицированный — человек, у которого были выявлены антитела к ВИЧ и поставлен диагноз «ВИЧ-инфекция».

ВИЧ-статус — наличие или отсутствие ВИЧ-инфекции в организме конкретного человека. ВИЧ-статус может быть отрицательным (нет ВИЧ-инфекции) или положительным.

Дискриминация — различие: ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой, национальной принадлежности, по признаку пола, религиозных убеждений и иным признакам; в контексте данной работы ограничение и ущемление в правах людей, живущих с ВИЧ, по признаку наличия у них заболевания (ВИЧ-инфекции).

Люди, живущие с ВИЧ (ЛЖВ) — этим термином обозначаются все инфицированные ВИЧ люди.

Синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД) — комплекс вторичных симптомов, вызываемых ВИЧ, характеризующийся присоединением инфекций и развитием полиорганной недостаточности. Синдром приобретенного иммунодефицита — состояние, возникающее при поздних стадиях ВИЧ-инфекции и характеризующееся наличием выраженных болезненных симптомов и проявлением инфекционных и/или онкологических заболеваний, возникающих вследствие значительного снижения иммунитета.

Стигма — социальный ярлык, который формирует негативное отношение окружающих к человеку и человека к самому себе.

Стигматизация — суждение о человеке на основе только одного признака, отличающего его от других, отказ ему в многогранности его личности (в контексте Руководства — негативное отношение окружающих к наркопотребителям и/или людям, живущим с ВИЧ).

Сопровождение — система поддержки лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, осуществляемая на основе взаимодействия специалистов разного профиля — психологов, педагогов, ме-

дицинского и социального работников, с целью сохранения и укрепления социального, психологического и физического здоровья сопровождаемых

Социализация — процесс усвоения и активного воспроизведения индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений в его собственном опыте.

Тест на антитела к ВИЧ — анализ крови, определяющий не наличие вируса, а присутствие в крови антител, которые вырабатываются при заражении ВИЧ. Является стандартным лабораторным методом подтверждения диагноза «ВИЧ-инфекция».

Эмпаурмент — вовлечение людей в непосредственное участие в принятие решений о необходимых действиях.

В. А. Одинокова, О. И. Колпакова

**ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОГРАММ ПРОФИЛАКТИКИ
ВИЧ-ИНФЕКЦИИ ПОДРОСТКАМИ,
ПРАКТИКУЮЩИМИ РИСКОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ**

В статье описаны результаты исследования, целью которого являлось изучение воздействия программ профилактики ВИЧ, реализованных в профессиональных лицеях и колледжах, с позиции подростков-участников программ. Исследование проводилось в апреле 2015 г/ в Санкт-Петербурге и Калининграде. В качестве теоретической основы использовалась модель оценки RE-AIM. Метод исследования — фокус-группы с подростками в возрасте от 16 до 18 лет. Исследование показало, что при значительном охвате подростков профилактическими мероприятиями и регулярном их проведении в учебных заведениях они рассматриваются подростками как скучные и неэффективные. Описываются факторы, которые с точки зрения подростков, снижают эффективность профилактических программ, предлагаются меры по повышению эффективности профилактических вмешательств, приводятся рекомендации для специалистов, проводящих работу по профилактике ВИЧ-инфекции среди подростков, практикующих рискованное поведение.

Ключевые слова: влияние, профилактика, ВИЧ-инфекция, подростки группы «риска».

Введение

Оценка проектов и программ в сфере профилактики ВИЧ среди молодежи проводится в Российской Федерации крайне редко. На фоне возрастания роли полового пути передачи ВИЧ (ВИЧ-инфекция в России 2014, ВИЧ-инфекция в Российской

Федерации 2014) крайне важно повышать эффективность этих программ и внедрять культуру оценки программ в практику структур, осуществляющих планирование и организацию профилактики ВИЧ среди учащейся молодежи. Помимо достаточно сложных и дорогостоящих количественных методов оценки влияния программ в сфере здоровья на поведение молодежи, возможно и использование качественных методов, обеспечивающих адекватную оценку и рефлексию как специалистами, так и участниками программ. В данной статье описан опыт привлечения к оценке профилактических программ благополучателей/ участников профилактических мероприятий — учащихся профессиональных лицеев и колледжей Санкт-Петербурга и Калининграда.

Цель исследования

Цель исследования состояла в изучении воздействия профилактических вмешательств в сфере ВИЧ в профессиональных лицеях и колледжах с позиции молодых людей — участников программ. Исследование было выполнено в рамках проекта «Усиление работы в сфере профилактики ВИЧ-инфекции и ассоциированных заболеваний среди молодежи, в высокой степени подверженной риску заражения ВИЧ в регионе Северного измерения». Проект реализовывался в период с 1 сентября 2013 г. по 31 августа 2015 г. в Финляндии, Латвии, Польше и России (Калининград и Санкт-Петербург) при финансовой поддержке Европейского Союза. Проект координируется Секретариатом Партнерства стран Северного измерения в сфере общественного здоровья и социального благополучия. Основными партнерами проекта являются Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит» (Россия), Национальный институт по вопросам здоровья и социального благополучия (Финляндия), Калининградская региональная общественная молодежная организация «ЮЛА» (Россия), Общественный Комитет по СПИДу (Польша), Балтийская Ассоциация по вопросам ВИЧ-инфекции (Латвия).

Методы

В апреле 2015 г. в Санкт-Петербурге и Калининграде были проведены 2 фокус-группы с 24 молодыми людьми в возрасте от 16 до 18 лет.

В качестве теоретической основы использовалась модель оценки влияния профилактических программ на общественное здоровье RE-AIM. Модель была разработана Р. Е. Глазгоу с соавторами. На создание модели RE-AIM повлияла работа Абрамса. Абрамс и его коллеги определяли эффект воздействия (impact of an intervention) как произведение охвата программы (reach) (или процент населения, получивший доступ к программе) и его эффективности (efficacy). Глазгоу, для более полного описания характера воздействия программ на здоровье населения, расширил эту концепцию, добавив к ней еще три измерения: внедрение в практику (adoption); реализация (implementation); поддержание (устойчивость профилактического поведения) (maintenance). (Glasgow et al., 1999: 1323–1325). Таким образом, модель влияния профилактических программ в сфере здоровья является функцией пяти факторов: охват (reach); эффективность (efficacy); внедрение в практику (adoption); реализация (implementation); поддержание (устойчивость профилактического поведения) (maintenance). Рассмотрим подробнее каждый из факторов.

Охват

Под этим фактором понимается число людей, готовых принять участие в программе, а также степень репрезентативности этой группы. Оценка репрезентативности участников является сложной задачей. Для этого требуется сбор их демографических и психосоциальных характеристик, а в некоторых случаях требуется информация и о тех людях, которые не являются участниками программы. Определение степени репрезентативности участников программы должно быть приоритетным для будущего исследования. К сожалению, зачастую случается так, что участниками профилактических программ являются

те, кто меньше всего в них нуждается. Увеличение разрыва между социальными слоями общества, влияние социально-экономического статуса на состояние здоровья, понимание того, в какой степени программа доступна тем, кто действительно в ней нуждается — эти факторы являются крайне важным для реализации профилактической программы. (Glasgow et al., 1999: 1323—1325). Также существует ряд стратегий, которые используются для того, чтобы группа людей, которые принимают участие в программе, была более репрезентативной. Выбор стратегии во многом зависит от характеристик целевой группы и организации, которая реализует программу. (What is RE-AIM?).

Эффективность

Этот фактор предполагает оценку как позитивных, так и негативных результатов программы, в том числе изменения в поведении, оценка перспективы качества жизни участников программы, удовлетворенность участниками результатами программы. Важно понимать не только какие положительные результаты принесет программы, но и убедиться в том, что удельный вес негативных последствий не будет превышать позитивные. Изменения в поведении могут оцениваться на трех уровнях: среди участников программы (например, прекращение курения, изменение пищевых привычек), среди сотрудников, реализующих профилактическую программу (установление контакта с пациентами, предоставление консультаций), среди заказчиков, которые поддерживают профилактическую программу (принятие программы, изменение политики). (Glasgow et al., 1999: 1323—1325). Эффективность профилактической программы можно повысить за счет использования научно-обоснованного подхода к ее реализации, привлечения к сотрудничеству партнерских организаций, оценки доступных ресурсов, разработки и внедрения эффективной системы документации, запроса обратной связи у целевой группы (What is RE-AIM?).

Внедрение в практику

Под этим фактором понимается количество участников, представляющих целевую группу, репрезентативность мест, где реализуется программа, количество агентов воздействия (людей, реализующих программу). Для повышения вероятности внедрения программы в практику рекомендуется:

- 1) проводить оценку организации, которая будет исползовать программу, и профессионального уровня людей, реализующих программу;
- 2) привлекать к разработке и реализации программы чиновников профильных ведомств;
- 3) проводить оценку барьеров, которые могут возникнуть во время реализации программы. (Glasgow et al., 1999: 1323–1325; What is RE-AIM?).

Реализация

Этот фактор предполагает оценку соответствия, последовательности, стоимости тех воздействий, которые были реализованы в ходе осуществления программы, тому, что было запланировано изначально. Существует ряд стратегий, которые способствуют эффективному осуществлению различных компонентов программы, выбор стратегии зависит от ситуации:

- 1) соответствие уровня сложности программы профессиональному уровню людей, реализующих программу;
- 2) проведение фокус-групп с представителями целевой группы на этапе разработки профилактической программы;
- 3) разработка детального руководства по внедрению программы, с предоставлением альтернативных стратегий по осуществлению ее компонентов, рассчитанных на меньшее количество ресурсов и специалистов с разным профессиональным опытом;
- 4) обучение специалистов, которые будут задействованы в проведении программы, и их поддержка на ранних этапах реализации программы. (Glasgow et al., 1999: 1323–1325; What is RE-AIM?).

Поддержание (устойчивость профилактического поведения)

Под этим фактором понимается степень устойчивости профилактического воздействия на поведение представителей целевой группы после окончания программы (например, продолжают ли представители целевой группы практиковать поведение, рекомендованное разработчиками профилактической программы, через 6 и более месяцев после последней интервенции). Существуют определенные стратегии для поддержания устойчивости профилактического поведения как на индивидуальном уровне (например, формирование участниками программы групп поддержки, которые будут продолжать работу после завершения программы), так и на уровне организации (например, реализация программы стала входить в должностные обязанности сотрудников организации) (Glasgow et al., 1999: 1323–1325; What is RE-AIM?).

Модель RE-AIM широко применяется для оценки программ в области общественного здоровья (см., например: Folta et al., 2015: 94–102; Garvey et al., 2015: 117–125; Martínez-Donate et al., 2015: 1469; McGoe et al., 2015: 58–67), в том числе программ, направленных на профилактику ВИЧ-инфекции (см., например: Graffy et al., 2012: 1022).

В данном исследовании для оценки охвата учащихся профессиональных лицеев и колледжей профилактическими программами им предлагалось кратко описать мероприятия по профилактике ВИЧ-инфекции, в которых они участвовали (если такие были) и указать причины, по которым молодые люди могут избегать участия в подобных мероприятиях.

Оценка эффективности воздействия в исследовании осуществлялась с помощью вопросов о наиболее и наименее удачном мероприятии по профилактике ВИЧ-инфекции, в которых молодым людям доводилось участвовать, о жизненных событиях, изменивших их представления о ВИЧ-инфекции, о методах профилактической работы, которые, с точки зрения участников, наиболее эффективны. Обсуждался вопрос о том, могут ли профилактические программы спровоцировать рис-

кованное поведение у молодых людей и, если да, то в каких случаях.

Внедрение профилактических программ в повседневную деятельность организаций, работающих с подростками и молодежью, оценивалось с помощью вопросов о том, кто должен проводить профилактические программы, с какого возраста нужно рассказывать молодым людям про ВИЧ, должны ли они участвовать в профилактических программах в обязательном порядке или по желанию.

Для исследования особенностей реализации программ, направленных на профилактику ВИЧ-инфекции у подростков и молодежи, участникам фокус-групп предлагали дать рекомендации представителям министерства здравоохранения и другим специалистам, которые занимаются разработкой таких программ.

Оценка степени воздействия программ на формирование устойчивого профилактического поведения осуществлялась с помощью вопроса о том, обсуждались ли с молодыми людьми во время профилактических мероприятий типичные ситуации с высоким риском заражения ВИЧ-инфекцией, в которые, по данным опросов, они наиболее часто попадают.

Результаты

В Санкт-Петербурге охват молодежи профилактикой ВИЧ оказался достаточно высоким. Во время обучения в школе и в профессиональном лицее/колледже юноши и девушки принимали участие в тематических лекциях, тренингах, читали профилактические брошюры. Участие в большинстве таких мероприятий было обязательным для учащихся и почти все они проводились в дневное время вместо учебных занятий. Некоторые такие мероприятия проводились в рамках более широких программ, направленных на профилактику употребления наркотиков или сохранение репродуктивного здоровья. В Калининграде участники фокус-группы, напротив, не смогли назвать ни одного профилактического мероприятия, которое проводилось у них в учреждении (даже те, кто, по данным ведущих, участвовал в мероприятиях по профилактике ВИЧ).

Эффективность мероприятий по профилактике ВИЧ участники фокус-групп в Калининграде и Санкт-Петербурге оценили как низкую — они не смогли описать ни одного запомнившегося мероприятия. Были названы следующие основные причины низкой эффективности профилактических мероприятий:

- 1) низкая согласованность мероприятий, предоставление на всех мероприятиях одной и той же профилактической информации;
- 2) негативная эмоциональная окраска мероприятия (посыл ведущего, что лекарства от СПИДа не существует и что все, кто заразились, умрут);
- 3) поверхностный характер информации, отсутствие информации о том, что делается для решения проблемы ВИЧ-инфекции;
- 4) отсутствие энтузиазма у ведущего мероприятия, формальный подход к проведению профилактической работы;
- 5) отсутствие индивидуального подхода в профилактической работе;
- 6) необходимость преодолевать собственные негативные эмоции, которые связаны с проблемой ВИЧ-инфекции (страх, стеснение, стыд).

По мнению молодых людей, эти же факторы снижают интерес к мероприятиям по профилактике ВИЧ-инфекции и, таким образом, приводят к снижению охвата профилактическими программами. Дополнительным барьером к участию в таких программах учащиеся профессиональных лицеев и колледжей считают их проведение в неудобное время (в выходной, вечером после занятий и т. д.).

Участники фокус-групп и в Калининграде, и в Санкт-Петербурге сошлись во мнении, что мероприятия по профилактике ВИЧ-инфекции не могут спровоцировать поведение риска у подростков. По крайней мере, им не известны случаи, когда после участия в профилактической программе у юношей или девушек возникало желание попробовать новый для себя вид рискованного поведения, который обсуждался на занятиях.

Наиболее значимым информационным источником по теме ВИЧ ребята считают Интернет, при этом не все они смогли самостоятельно найти в нем достоверную информацию о том, как защитить свое здоровье. Помимо Интернета, некоторые участники фокус-групп считают эффективным распространение профилактических брошюр/ плакатов, индивидуальные консультации со специалистами за пределами учебного заведения. Лекции, тренинги, станционные игры, акции, по мнению ребят, эффективны только в том случае, если содержат новую информацию о проблеме и если ведущие обладают качествами, необходимыми для успешного проведения профилактической работы. Мнения учащихся профессиональных лицеев и колледжей об эффективности тематических фильмов в профилактике ВИЧ-инфекции разделились: некоторые из них считают этот метод одним из самых эффективных, другие — напротив, одним из самых неэффективных. По-видимому, во многом эффективность определяется содержанием фильма.

Участники фокус-групп считают, что профилактика ВИЧ должна осуществляться с 13—14 лет. Важно учитывать жизненную ситуацию и особенности развития каждого конкретного человека (с кем-то такие мероприятия нужно начинать проводить в 12 лет и младше, а с кем-то — не раньше 19 лет).

Участие в профилактических мероприятиях должно быть обязательными — особенно, в самом начале профилактической программы. Все участники должны получить необходимую базовую информацию о проблеме, а потом иметь возможность выбора — посещать такие мероприятия или нет.

По мнению учащихся профессиональных лицеев и колледжей, оптимальная регулярность проведения профилактических мероприятий — 1 раз в год или в 1,5 года.

В качестве ведущих программ участники фокус-групп в Санкт-Петербурге и Калининграде хотели бы видеть молодых специалистов 25—30 лет или ровесников-волонтеров. Ведущими могут быть как мужчины, так и женщины. Ребята считают, что ведущие профилактических мероприятий должны обладать достоверной информацией о проблеме, быть креа-

тивными, общительными, толерантными, внимательными, эффективно взаимодействовать с аудиторией. Важно, чтобы эти люди относились к проведению профилактической работы не формально, стремились донести профилактическую информацию до участников на понятном для них языке, в том числе с помощью примеров из повседневной жизни. Мнения ребят по поводу привлечения к проведению профилактической работы людей, живущих с ВИЧ/СПИДом, разделились: участники из Санкт-Петербурга считают, что это может быть полезно, а участники из Калининграда опасаются встреч с такими людьми, в том числе из-за того, что ошибочно полагают, что могут заразиться от них ВИЧ-инфекцией.

Основные рекомендации участников фокус-групп по поводу реализации программ по профилактике ВИЧ-инфекции касались их содержания. Фактически, ребята говорили о необходимости разработки доказательных профилактических программ, отражающих потребности молодых людей и содержащих информацию о том, в каких ситуациях наиболее высок риск заражения ВИЧ-инфекцией в России.

Участники фокус-групп и в Калининграде, и в Санкт-Петербурге, отметили, что во время профилактических мероприятий с ними не обсуждались ситуации с высоким риском заражения ВИЧ-инфекцией, в которые, по данным исследований, часто попадают молодые люди. Исследование среди молодежи, проведенное сотрудниками РОО «Стеллит» (Санкт-Петербург и Калининград, май 2014 г., объем выборки 821 чел.), показало, что к таким ситуациям относятся, в частности, ранее вступление в сексуальные контакты, сексуальные контакты в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, сексуальные контакты без использования презерватива, частая смена половых партнеров и другие. Данные исследования вызвали у ребят большой интерес, было видно, что между собой они часто обсуждают подобные вопросы и что обсуждение таких ситуаций в рамках профилактических программ сделало бы их более интересными и приближенными к реальности. Участники фокус-групп считают, что вопросы о том, в каком

возрасте стоит начинать половую жизнь и о том, что во время первого сексуального контакта необходимо использовать презерватив, должны обсуждать с детьми, в первую очередь, родители. Рискованные ситуации, в которые могут попадать молодые люди, уже имеющие сексуальный опыт, более комфортно обсуждать не с родителями, а со специалистами во время тренингов и групповых дискуссий.

Выводы

При значительном охвате молодежи профилактическими мероприятиями и регулярном их проведении в учебных заведениях, их влияние крайне мало. Они не соотносятся с реальными потребностями молодежи в сфере профилактики, рассматриваются молодыми людьми как скучные и неэффективные.

Повышение эффективности воздействия в сфере профилактики ВИЧ-инфекции в профессиональных лицеях и колледжах возможно за счет включения в профилактические программы компонентов, позволяющих обсуждать с представителями целевой группы ситуации с высоким риском заражения ВИЧ, в которые, по данным исследований, часто попадают подростки и молодежь. При этом, помимо предоставления информации о рисках, важно информировать участников профилактических программ о том, как защитить свое здоровье и как правильно поступить в тех случаях, когда избежать ситуации «риска» не удалось.

Важно согласовывать содержание профилактических мероприятий — по крайней мере, тех, которые проводятся в одном учебном заведении. На мероприятиях необходимо освещать различные аспекты проблемы ВИЧ-инфекции, следить за тем, чтобы профилактическая информация не дублировалась.

Мероприятия, на которых предоставляются базовые знания о ВИЧ-инфекции, путях передачи, способах защиты, должны быть обязательными для всех учащихся профессионального лицея или колледжа. В идеальном варианте они должны проводиться в учебное время и должны быть включены в учебную программу.

При проведении профилактических мероприятий важно комбинировать различные методы профилактической работы. Помимо групповых форм работы, необходимо предусмотреть возможность проведения индивидуальных консультаций с участниками программы (можно направлять их за дополнительной информацией к специалистам молодежных консультаций и других профильных учреждений). В случае использования в профилактической работе тематических фильмов и видеороликов, важно уделять большое внимание их содержанию, следить за тем, чтобы они не вызывали у участников негативных эмоций. Людей, живущих с ВИЧ/СПИДом, можно привлекать к проведению профилактических мероприятий только после того, как участники программы усвоят информацию о путях передачи ВИЧ-инфекции и о том, в каких бытовых ситуациях риск заражения отсутствует. При проведении профилактической работы полезно использовать печатные материалы для того, чтобы у молодых людей была возможность получить более детальную информацию о проблеме в комфортной обстановке без сверстников. Учитывая высокую популярность Интернета как источника информации, важно предоставить учащимся профессиональных лицеев и колледжей ссылки на сайты, где они смогут получить достоверную информацию о проблеме ВИЧ-инфекции и о том, как защитить свое здоровье.

Особые требования необходимо предъявлять к ведущим профилактических мероприятий. По возможности, программы по профилактике ВИЧ-инфекции должны проводить молодые специалисты или специально подготовленные волонтеры из числа активных учащихся профессионального лицея или колледжа. Важно, чтобы эти люди обладали необходимыми знаниями о проблеме ВИЧ-инфекции и владели методами, позволяющими эффективно донести профилактическую информацию до целевой аудитории. Заинтересованность в проведении профилактической работы, общительность, внимательность, толерантность также являются существенными качествами ведущих профилактических программ.

Источники

- ВИЧ-инфекция в России сегодня // Демоскоп *Weekly*. № 599—600. 19 мая — 1 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 29.06.2015. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0599/index.php>.
- ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2014 года: Документы // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 29.06.2015. URL: <http://hivrussia.ru/files/spravkaHIV2014.pdf>.
- Folta S., Lichtenstein A., Seguin R. A., Goldberg J. P., Corbin M. A., Wiker N., Gauker J., Chui K., Nelson M. E. The Strong Women—Healthy Hearts program in Pennsylvania: RE-AIM analysis // *Translational Behavioral Medicine*. March 2015. Vol. 5, issue 1. P. 94—102.
- Garmy P., Jakobsson U., Carlsson K. S., Berg A., Clausson E. K. Evaluation of a School-Based Program Aimed at Preventing Depressive Symptoms in Adolescents // *The Journal of School Medicine*. April 2015. Vol. 31, issue 2. P. 117—125.
- Glasgow R. E., Vogt T. M., Boles S. M. Evaluating the public health impact of health promotion interventions: the RE-AIM framework // *American Journal of Public Health*. September 1999. Vol. 89. № 9. P. 1322—1327. Date of access: 25.06.2015. URL: <http://ajph.aphapublications.org/doi/pdf/10.2105/AJPH.89.9.1322>
- Graffy J., Goodhart C., Sennett K., Kamusiime G., Tukamushaba H. Young people's perspectives on the adoption of preventive measures for HIV/AIDS, malaria and family planning in South-West Uganda: focus group study // *BMC Public Health*. November 2012. No. 12 (1022). P. 1022. Date of access: 23.06.2015. URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/12/1022>.
- Martínez-Donate A. P., Riggall A. J., Meinen A. M., Malecki K., Escaron A. L., Hall B., Menzies A., Garske G., Nieto F. J., Nitzke S. Evaluation of a pilot healthy eating intervention in restaurants and food stores of a rural community: a randomized community trial // *BMC Public Health*. February 2015. No. 15 (136). P. 1469. Date of access: 02.07.2015. URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/15/136>.
- McGoey T., Root Z., Bruner M. W., Law B. Evaluation of physical activity interventions in youth via the Reaach, Efficacy/Effectiveness, Adop-

tion, Implementation, and Maintenance (RE-AIM) framework: A systematic review of randomised and non-randomised trials // Preventive Medicine. July 2015. Vol. 76. P. 58–67.

What is RE-AIM?: About RE-AIM // RE-AIM.org. Date of access: 23.06.2015. URL: http://www.re-aim.hnfe.vt.edu/about_re-aim/what_is_re-aim/index.html.

**В. А. Одинокова, Ю. П. Захарова,
М. М. Русакова**

**ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА ДЕТЕЙ,
ЖИВУЩИХ В ДЕТСКИХ ДОМАХ**

В последние годы, как в России, так и за рубежом растет интерес к вопросам детства и расширяется круг лиц, заинтересованных в получении актуальной информации о детях. Необходимость в таких знаниях имеется у органов социальной защиты, молодежной политики, образования, уполномоченных по правам ребенка, специалистов в сфере оценки проектов и программ. В статье рассматривается опыт организации опроса воспитанников детских домов на тему их благополучия и соблюдения прав. На основе проведенного эмпирического исследования изучаются факторы надежности и валидности опроса детей, а также условия их повышения. Приводятся рекомендации по проведению опроса детей, а также направления дальнейшего развития применения опросных методов в детской аудитории.

Ключевые слова: социология, опрос, дети, детские дома, надежность

Введение

В последние годы, как в России, так и за рубежом растет интерес к вопросам детства и расширяется круг лиц, заинтересованных в получении актуальной информации о детях. Необходимость в таких знаниях у органов социальной защиты, молодежной политики, образования, уполномоченных по правам ребенка, специалистов в сфере оценки проектов и программ.

Включение детей в мониторинг и оценку как государственных, так и негосударственных программ становятся все более

актуальным и способствуют реализации права детей на участие в принятии решений, затрагивающих их интересы, предусмотренное Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2015 гг. в Российской Федерации.

Реализация принципа участия подразумевает направленность на охват и включение в деятельность подавляющего большинства детей. Акции, опросы являются массовыми формами вовлечения детей в принятие решений и охватывают большинство детей вне зависимости от их социальных характеристик и способностей (Калабихина, Кучмаева, Луковицкая и др., 2014: 36). В то же время среди потенциальных и действительных заказчиков результатов опроса детей одним из актуальных вопросов является вопрос о надежности таких данных.

Крупнейший исследователь детского благополучия А. Бен-Арье приводит обзор исследований с участием детей, которые показали высокий уровень надежности ответов детей. Более того, погрешности в ответах детей, которые мы можем наблюдать, не превышают тех погрешностей, которые имеют место, когда мы пытаемся получить информацию о значимых для детей вещах из альтернативных источников, таких как родители, учителя и другие окружающие их взрослые люди (Ben Arie, 2005).

На надежность результатов опроса детей влияют две большие группы факторов: когнитивные (связаны с содержанием и языком вопросов, а также возрастом и развитием детей) и ситуационные (связаны со способом и ситуацией опроса) (Brener, Billy, Grady, 2003).

По данным С. М. Майоровой-Щегловой, дети могут быть отнесены к группе респондентов, которые обладают низким уровнем искренности, он составляет около 68% (Майорова-Щеглова, Интернет-ресурс). Очевидно, что с возрастом и развитием когнитивных возможностей надежность ответов детей повышается. В одном из немногих существующих исследований надежности ответов детей 8–14 лет оценивались трудности, которые испытывают дети при участии в групповых опро-

сах. Перечень трудностей включал в себя следующие: дают неверный ответ, отвечают, не дослушав вопрос, просят объяснить вопрос, просят повторить вопрос. Какие-либо трудности при участии в опросе продемонстрировали 19% детей в возрасте 8—9 лет, 17% детей в возрасте 10—11 лет и 13% детей в возрасте 12—14 лет (Fuchs, 2008).

Вопросы надежности ответов детей тесно связаны и с содержанием вопросов, на которые их просят ответить. Надежность ответов детей снижается в том случае, если вопросы затрагивают такие стороны жизни детей, которые осуждаются обществом и влекут за собой санкции со стороны взрослых (курение, употребление алкоголя, наркотиков, половой опыт, воровство). Надежность ответов также снижется в том случае, если вопросы затрагивают ситуации, в которых ребенок был жертвой насилия и злоупотребления — из-за опасений ребенка, что его положение может ухудшиться, из-за угроз насильника. Во всех этих случаях говоря о недостаточной искренности, мы имеем в виду занижение (*under-reporting*) то есть дети скорее молчат об употреблении ими веществ и перенесенном насилии, чем будут лгать о том, что с ними было то, чего в действительности не было. Таким образом, вопросы соблюдения прав детей — один из сложнейших для систематического наблюдения. В итоге, оказывается, то, что определенный в исследовании уровень распространенности насилия, других нарушений прав детей или поведенческих отклонений у детей — вероятнее всего, более низкий, чем он есть в действительности.

Помимо тематики вопросов, на надежность ответов влияют такие эффекты как точность припоминания давности события (чем дальше событие отстоит от настоящего времени, тем сложнее припомнить, когда оно было), избирательность воспоминания (помнятся только значимые, эмоционально насыщенные события), социальная желательность (желание представить себя «в лучшем свете»), язык опроса и структура анкеты или интервью и др. (Щеглова, 2000; Fadnes, Taube, Tylleskär, 2009).

Важно признать наличие естественного дисбаланса влияния между взрослым (исследователь) и ребенком (участни-

ком), и то, как это может повлиять на результат опроса детей. Этот дисбаланс не может быть устранен полностью, однако различные шаги могут быть приняты, чтобы свести к минимуму воздействие взрослого, в том числе (Shaw, Brady, Davey, 2011): юмор и непринужденная, неформальная обстановка, неформальная одежда (но не нарочито «молодежная»), понимание участниками, что ответы на вопросы — это не экзамен или проверка.

Существенным моментом обеспечения качества результатов детей является их мотивация к участию в исследованиях и оценке. Анкетирование является одним из основных инструментов оценки программ в сфере детства, финансируемых государством, за рубежом. Одним из следствий частого заполнения разнообразных анкет у детей становится «анкетная усталость», при которой заполнение идет механически, формально (Кошелева, 2015). А. Бен-Арье обобщил результаты исследований, посвященных мнениям самих детей относительно их участия в исследованиях их благополучия (исследования были проведены в Великобритании и Норвегии). Оказалось, что детям, в целом, нравится, когда их спрашивают; для них важно, чтобы вопросы, которые им задаются, были интересны; для них важно, что исследования, в которых они участвуют, потенциально приведут к изменениям; кроме того, некоторые дети были заинтересованы в том, чтобы стать исследователями (Ben-Arieh, 2005).

Важно отметить, что практически все условия, негативно влияющие на надежность ответов, возможно минимизировать различными исследовательскими техниками (обзор см. Fadnes, Taube, Tylleskär, 2009), а также путем повышения мотивации и ответственности детей-участников. Исследователь, который хочет изучать детей, должен использовать адаптированные для детей методы и способы сбора информации, которые были бы интересны детям, как участникам исследования. Важно, чтобы методы исследования были настроены на язык респондента, на истолкование смыслов в контексте социального опыта детей.

А. Бен-Арье обобщил результаты исследований, посвященных мнениям самих детей относительно их участия в исследованиях их благополучия (исследования были проведены в Великобритании и Норвегии). Оказалось, что детям, в целом, нравится, когда их спрашивают; для них важно, чтобы вопросы, которые им задаются, были интересны; для них важно, что исследования, в которых они участвуют, потенциально приведут к изменениям; кроме того, некоторые дети были заинтересованы в том, чтобы стать исследователями (Ben-Arieh, 2005).

Методы

Проблемы обеспечения прав и благополучия детей-сирот являются одной из наиболее острых тем в информационной повестке. Источниками сведений о соблюдении прав и благополучии детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является отчетность органов и учреждений системы защиты прав детей. Эта развернутая система мониторинга позволяет изучать различные показатели, отражающие деятельность учреждений и движение детей-сирот на ежегодной основе в разрезе регионов и в Российской Федерации в целом. Статистические показатели крайне важны для оценки прогресса в сфере обеспечения прав и повышения качества жизни детей. В то же самое время, они крайне мало говорят о действительном положении, условиях жизни и благополучии детей.

В рамках проекта «Развитие системы мониторинга благополучия, соблюдения прав и содействия устройству в семье детей-воспитанников интернатных учреждений» авторы разработали протокол пилотного исследования по оценке благополучия и соблюдения прав детей-сирот. Были разработаны процедуры опроса детей, обеспечивающие анонимность. Для сбора данных было разработано вопросник «Благополучие и соблюдение прав детей».

В разработке и пилотировании процедур опроса и вопросника приняли участие специалисты Научно-исследовательского центра социологии детства СИ РАН (Санкт-Петербург), РОО СПСБН «Стеллит» (Санкт-Петербург), Центра психоло-

го-медико-социального сопровождения «Семья» (Уфа) и Некоммерческого партнерства «Семья детям» (Екатеринбург). Итоговая версия вопросника представляла собой двадцати-страничный журнал, исполненный в цветном оформлении, с красочным титульным листом.

Вопросник содержал следующие основные разделы: Информированное согласие, «О твоих привычках и умениях», «О здоровье и самочувствии», «О твоей учебе в школе», «Об отношениях с другими людьми — взрослыми и детьми», «О безопасности и дисциплине», «Жизнь в детском доме», «Об образе жизни», «О твоих правах», «Будущее». Кроме того, вопросник содержал шкалу «самооценки честности». В последнем вопросе «Честно ли ты отвечал/а на вопросы?» детям предлагается выбрать ответ по 5-балльной шкале от «честно ответил/а на все вопросы» до «ни на один вопрос не ответил/а честно». На последней разлинованной странице детям предлагается инструкция: «Если хочешь, напиши, что тебе понравились в этой анкете, а что не понравилось».

Оформление вопросника было выполнено с учетом возможностей и интересов детей и включало в себя умеренное количество нейтральных по оформлению картинок, иллюстрирующих вопросы, в объеме примерно одной картинки на разворот; иллюстрирование частотных шкал цветовым градиентом; иллюстрирование субъективных оценочных шкал «смайликами», по типу принятых в педиатрии шкал боли. Из вопросника была исключена техническая информация, которая обычно присутствует в вопросниках для удобства ввода (например, коды ответов). Последовательность вопросов в вопроснике была выдержана в соответствии с принципом «нейтральное-напряженное-нейтральное». Вопросы о фактах были равномерно перемешаны с оценочными вопросами (подробно см.: www.kidswellbeing.ru).

При существующей организации системы детских домов директор (должностное лицо) детского дома является одновременно и представителем (опекуном) каждого ребенка, проживающего в этом учреждении, что закладывает основы для

конфликта интересов в вопросе обеспечения благополучия и соблюдения прав ребенка и способствует «закрытости» учреждения. Взрослые — воспитатели и специалисты детского дома — находятся по отношению к детям в позиции педагогов, при которой ребенок является объектом ухода, воспитания и обучения, при этом взрослые за них «отвечают». Директора и воспитатели, по их собственным словам, перегружены отчетностью и проверками детского дома. В связи с перечисленным, инициативы, связанные с доступом в детский дом и опросом живущих в них детей, воспринимаются чаще всего, негативно.

Пилотные исследования проводились в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Республике Башкортостан. Перед началом работы с детьми были получены все требуемые согласования: с вышестоящими органами образования, социальной защиты населения в субъекте Российской Федерации, в ведомстве которых находятся учреждения для детей-сирот, а также с уполномоченными по правам ребенка, с руководителями детских домов.

Особый акцент при проведении процедуры добровольного информированного согласия был сделан на анонимный (для детей) и конфиденциальный (для взрослых) характер исследования. Все исследователи (как организаторы, так и интервьюеры) были специалистами внешними, по отношению к системе детских домов. И дети, и взрослые были ознакомлены с целями исследования. В процедуре информированного согласия со взрослыми подчеркивалось, что опрос не является проверкой и не повлечет за собой каких-либо санкций. Из 26 детских домов от участия отказались 5 (все — в Санкт-Петербурге). В процедуре информированного согласия с детьми исследователи обращались к детям как к «экспертам», подчеркивали значимость их ответов. Дети-участники вознаграждались красочными «сертификатами благодарности», подписанными руководителем проекта и Уполномоченным по правам ребёнка в субъекте РФ. Условием участия детей было добровольное информированное согласия как со стороны опекуна (директора), так и самого ребенка.

Работа с детьми проводилась в двух формах — группового опроса или индивидуального интервью. Интервью проводились высококвалифицированными психологами, имеющими опыт работы с детьми в детских домах, но при этом не являющиеся (и никогда не являвшиеся) сотрудниками детских домов.

При групповом опросе количество детей в группе составило до 10 человек. На группу 5—10 человек было необходимо присутствие как минимум двух специалистов, которые в ходе заполнения помогали детям. Индивидуальное интервью проводилось с детьми 7—9 лет, детьми со сниженным интеллектом и со сниженной остротой зрения. В зависимости от степени утомления, детям предлагалось сделать небольшой перерыв. При индивидуальном интервью специалист садился рядом с ребенком, для того, чтобы ребенок мог участвовать в заполнении, видеть картинки, самостоятельно отмечать ответы.

На основе конфиденциального интервью с директором и воспитателями была получена информация о характеристиках детского дома, составе воспитанников, «трудностях» и потребностях детского дома в сфере обеспечения благополучия и соблюдения прав воспитанников.

По каждому детскому дому интервьюерами был подготовлен отчет. Количественные результаты опроса детей анализировались с учетом полученной качественной информации о детском доме и сведений из интервью с директором. Проводилась оценка согласованности информации, полученной от детей, наблюдении фактической информации о детском доме.

Оценка надежности и валидности вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» проводилась с помощью нескольких методов:

- структурированное наблюдение в ходе работы детей с вопросником «Благополучие и соблюдение прав детей», в рамках которого производилась регистрация вопросов и реакций детей, отказов от участия и его причин, условий организации опроса детей, а также обсуждение с детьми и их устные отзывы об участии в исследовании;

- оценка ретестовой надежности вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей»;
- корреляция ответов детей на вопросник «Благополучие и соблюдение прав детей» и стандартизованного инструмента оценки психологического благополучия — вопросника «Сильные стороны и трудности» (в адаптации Е. Слободской);
- анализ пропущенных ответов на вопросник «Благополучие и соблюдение прав детей»;
- «самооценка искренности» детей;
- анализ письменных отзывов детей на вопросник «Благополучие и соблюдение прав детей».

Результаты

Всего в пилотном исследовании приняли участие 517 воспитанников (215 в Санкт-Петербурге, 124 в Екатеринбурге и 178 в Республике Башкортостан). Общее количество детских домов, принявших участие в пилотном проекте, составило 21 (9 в Санкт-Петербурге, 6 в Екатеринбурге и 6 в Республике Башкортостан). Детские дома были как однородным по составу детей (относительно типа образовательной программы), так и смешанными (бывшие коррекционные детские дома). Пилотные исследования были проведены в марте-мае 2015 г.

Возраст воспитанников, принявших участие в проекте, составил от 7 до 22 лет (средний возраст 14 лет). Количество воспитанников в возрасте 18 лет и старше составило всего 3,8% выборки. По полу дети-участники распределились примерно поровну (53,7% мальчики). По национальности большинство детей русские (77,6%), башкиры (9,3%) и татары (6,8%).

*Структурированное наблюдение
в ходе работы детей с вопросником*

Реакции детей

Реакция детей на предложение принять участие в опросе преимущественно варьировала от нейтральной до положительной. Отношение детей варьировало в разных дестках до-

мах. Дети заинтересовались тематикой опроса, охотно задавали вопросы, интересовались тем, как будут использоваться результаты опроса.

«Дети сидели за отдельными партами, были расслаблены, свободно общались, смеялись, при этом дети были легко управляемые, послушные, хорошо шли на контакт, внимательно слушали исследователя. На вопрос о том, знают ли они свои права, был смех и ответ самой старшей девочки (11 лет): “Да, мы знаем, но больше всего мы знаем свои обязанности”» (из отчета интервьюера, Санкт-Петербург).

«Дети были в спокойном и сосредоточенном состоянии. <...> Малая часть подростков (13–14 лет) вела себя шумно, разговаривали между собой, вслух отвечали на некоторые вопросы, смеялись» (из отчета интервьюера, Екатеринбург).

«Приступив к вопросам, комментировали некоторые вопросы вслух и переговаривались, после моей просьбы о самостоятельной работе, ребятами был дан комментарий: “Но у нас общие проблемы, мы один коллектив, мы — команда, мы — семья”» (из отчета интервьюера, Санкт-Петербург).

«Дети [обучающиеся по программам VII и VIII видов] были в спокойном и сосредоточенном состоянии, охотно шли на контакт, при необходимости задавали вопросы, отнеслись к исследованию внимательно. <...> ...не были слишком дружелюбны или слишком враждебны, вели себя адекватно ситуации. При знакомстве отвечали на вопросы общего характера, охотно шли на контакт, не стеснялись. На предложения участвовать в исследовании отзывались охотно» (из отчета интервьюера, Екатеринбург).

«Большинство старших подростков отнеслись к опросу нейтрально. <...> Младшие дети, особенно в процессе индивидуального интервьюирования, были более активны, задавали много вопросов, с удовольствием рассказывали о себе» (из отчета интервьюера, Республика Башкортостан)

Опрос детей, обучающихся по программам VII и VIII видов (с задержкой психического развития и легкой степенью ум-

ственной отсталости), требовал больше помощи со стороны психологов, и занимал вдвое больше времени, чем опрос детей без задержки развития. После опроса дети были значительно более утомленными.

Отказы от участия

Все дети были информированы о возможности отказаться от участия в исследовании. Некоторые дети задавали вопрос о том, не грозит ли им какое-то наказание, в том случае, если они откажутся. Если ребенок выражал желание отказаться, интервьюер предлагала заслушать информацию о проекте, полистать вопросник и после этого принять окончательное решение. Для того, чтобы избежать внешнего давления на решение детей об участии, интервьюеры предлагали тем, кто пришел, не желает участвовать, но не хочет уходить, посидеть и сдать незаполненный вопросник.

В целом, от участия отказались 8 детей, сославшись на занятость, или без объяснения причин отказа. Все отказавшиеся сразу покинули помещение для опроса. При этом детьми не было сдано ни одного незаполненного вопросника: все были заполнены качественно, с небольшим количеством пропусков, без оскорбительных рисунков и примечаний, что нередко бывает, когда детей принуждают к участию в анонимном опросе.

Содержание вопросника

По наблюдениям исследователей, некоторым детям и подросткам были непонятны слова «регулярно», «сверстник» и «ровесник», словосочетание «хронические заболевания». Интервьюерам приходилось объяснять эти слова детям. Вопросы о правах детей вызвали трудности у многих участников, что говорит скорее о низкой информированности детей о правах. Кроме того, самими детьми отмечалась низкая надежность вопросов об употреблении опьяняющих веществ:

«Один из старших подростков отметил, что вопрос про употребление алкоголя и наркотиков “глупый, потому что никто

все равно не напишет правду, если он пробовал наркотики, даже если ему много раз скажут, что все останется в тайне» (из отчета интервьюера, Екатеринбург).

У детей с задержкой психического развития возникало больше трудностей и вопросов относительно заполнения вопросника, что обуславливало преимущественно индивидуальный характер работы с ними. У некоторых детей 7–11 лет с задержкой психического развития при индивидуальном интервью отмечались трудности в определении эмоций и работе со шкалой оценок.

Оформление вопросника

Все дети, участвовавшие в проекте, положительно оценили оформление вопросника, удобство заполнения и качество иллюстраций. Оформление понравилось и старшекласникам, и детям младшего возраста. Как только дети получали опросники, они тут же принимались их листать, с интересом, рассматривая картинки. Было заметно, что такой формат вопросника незнаком детям, и мотивирует их к участию. Большое количество устных и письменных отзывов были посвящены положительной оценке оформления вопросника.

Отношение детей к участию

Отношение детей к участию можно охарактеризовать, в целом, как спокойное и положительное. В различных детских домах дети реагировали на предложение принять участие в проекте либо нейтрально, либо с энтузиазмом. Сертификат благодарности был положительно принят детьми.

«Отвечая на вопрос об их отношении к исследованию, дети говорили, что это важное исследование, они “за” него, им интересно в нем участвовать» (из отчета психолога, Екатеринбург).

«...мальчик, прочитав информированное согласие, спросил о том, как скоро информация, полученная во время исследо-

вания, поможет улучшить жизнь детей в их детском доме» (из отчета психолога, Республика Башкортостан).

«Перед тем, как выдать детям вопросники, интервьюер показала им бланк сертификата и сказала, кем он подписан. Некоторые ребята выразили свое отношение возгласами типа “ого!”. Когда интервьюер вручала ребятам сертификат, большинство из них принимались его рассматривать и говорили «спасибо» (из отчета психолога, Екатеринбург).

Влияние взрослых

Директора и воспитатели реагировали на предложение принять участие в проекте в начале настороженно. После знакомства с целями, условиям участия и методическими документами взрослые меняли свое отношение, выражали заинтересованность в результатах. В дальнейшем, руководители и воспитатели детских домов, преимущественно, положительно относились к проекту, сами охотно заполняли вопросники, способствовали организации детей, не вмешивались в процедуры опроса.

«Воспитатели отнеслись к предложению принять участие в исследовании очень заинтересовано, подошли даже воспитатели, у которых по графику в этот день был выходной. Много рассказывали о своих воспитанниках, об их достижениях, чувствовалось, что они очень любят их, гордятся ими. Задавали очень много вопросов по теме исследования, а также интересовались, как прошло исследование в других детских домах, как реагировали дети, все ли согласились пройти анкетирование и т. п.» (из отчета интервьюера, Республика Башкортостан).

В различных детских домах отношение к исследованию, даже после формального согласия, было очень разным — доброжелательным, безразличным или напряженным. В некоторых учреждениях отмечалась тенденция в ответах взрослых к отражению «общей» позиции детского дома и администрации по отношению к изучаемым вопросам.

«Воспитатели отреагировали на наше предложение принять участие в исследовании напряженно, как нам показалось, особенно им не понравилось то, что мы попросили их не обсуждать вопросы во время заполнения анкет» (из отчета психолога, Республика Башкортостан).

«Отношение воспитателей к исследованию можно охарактеризовать как незаинтересованное, никаких вопросов воспитатели не задавали, было такое ощущение, что делают это “для галочки”» (из отчета психолога, Республика Башкортостан).

Скептицизм и сомнения в отношении принятого в проекте подхода к оценке благополучия детей, который высказывался некоторыми директорами и воспитателями, можно обобщить следующими категориями:

- Сомнение в том, что дети справятся с вопросами, особенно в отношении детей с задержкой психического развития и легкой степенью умственной отсталости.
- Недостаточность вопросов об ответственности и обязанностях самих детей в вопросах поддержания дисциплины, о насилии самого ребенка в отношении других детей и взрослых в детском доме, об обязанности учиться.

Очевидно, что влияние взрослых на результаты опроса детей значительно. В проекте приняли участие только те детские дома, которые выразили готовность сотрудничать. В рамках пилотного проекта это влияние было мало контролируемо исследователями.

В целом, кроме отдельных случаев, администрация и сотрудники детского дома, собрав детей, позволяли общаться с ними наедине. В нескольких случаях в помещении присутствовал педагог, воспитатель или психолог, но во всех этих случаях взрослые не вмешивались в процесс работы с детьми.

«Трудностей с обеспечением добровольного и конфиденциального участия не возникло. Все воспитатели, организовав присутствие детей, удалились. <...> Никто в нашем присутствии детей к работе не принуждал, своих инструкций по вы-

полнению не давал» (из отчета психолога, Республика Башкортостан).

«Во время опроса в помещении присутствовал педагог, но дети при нем вели себя расслабленно и свободно, педагог детей к дисциплине не призывал, был индифферентен к процессу, занимался своими делами» (из отчета психолога, Санкт-Петербург).

В целом, в большинстве детских домов отношение к опросу было нейтральное или доброжелательное. Тем не менее, в некоторых детских домах наблюдались признаки манипулирования детьми. Например, в одном из детских домов у исследователей реакции детей во время опроса контрастировали с тем, как реагировали дети в других детских домах. Ребята вели себя нейтрально, не шли на контакт, однако и отказов от участия не было. Они молча выслушали вводную речь, при заполнении анкеты вопросов практически не задавали. При попытке получить их отзывы после заполнения, дети давали социально желательные ответы. В другом детском доме директор, представляя исследователей детям, связала их приход с недавними нарушениями правил поведения детьми.

Очевидно, что надлежащий уровень искренности может быть достигнут только в том случае, если дети ничего не опасаются и их мнением не манипулируют, что скорее относится к «благополучным» детским домам.

При количественном анализе результатов опроса детей отмечалось соответствие характеристик детского дома и информации, полученной от детей. Например, сообщение детей о том, что они редко посещают душ, соответствовало информации о том, что в детском доме есть проблемы с организацией санузла; сообщение детей о том, что они редко выезжают за пределы детского дома, посещают театры и музей соответствовало тому, что детский дом находится в сельской местности, на удалении от объектов культурной инфраструктуры; сообщение детей о том, что они имеют возможность зарабатывать соответствовало информации о том, что у детей есть возможности

продавать за небольшие деньги сувениры, сделанные собственными руками.

Ретестовая надежность

Ретестовая надежность — это идентичный ответ на вопрос, заданный более чем один раз, — самый очевидный и понятный метод определения надежности ответов детей. Ретестовая надёжность может иметь определенный интервал времени, либо может быть представлена в виде идентичных по смыслу вопросов, расположенных в разных частях вопросника.

В вопроснике «Благополучие и соблюдение прав детей» ретестовая надежность составила более 80%. В первом случае оценивалось совпадение ответов на вопрос о частой головной боли, боли в животе из вопроса 7 вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» и утверждение «У меня часто бывают головные боли, боли в животе и тошнота». Совпадение ответов на эти вопросы составило 87,8% (табл. 1).

Таблица 1

Совпадение ответов на вопросы о симптомах

Вопросы		Как часто ты чувствуешь себя так: болит голова, живот?		Всего
		Никогда/почти никогда/иногда	Часто/почти постоянно	
У меня часто бывают головные боли, боли в животе и тошнота	Неверно, отчасти верно	396 (82,2%)	35 (7,3%)	443
	Верно	24 (5,0%)	27 (5,6%)	51
	Всего	431	63	482

Во втором случае оценивалось совпадение ответов на вопрос о количестве друзей из вопроса 27 вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» и утверждение «У меня есть, по крайней мере, один хороший друг». Совпадение ответов на эти вопросы составило 81,1%% (табл. 2).

Таблица 2

Совпадение ответов на вопросы о дружбе

Вопросы		Сколько у тебя по-настоящему близких друзей?		Всего
		Ни одного	1 друг и больше	
У меня есть, по крайней мере, один хороший друг	Неверно, отчасти верно	27 (5,5%)	82 (16,9%)	109
	Верно	10 (2,1%)	367 (75,5%)	377
	Всего	37	449	486

Несмотря на то что мы предполагали, что ответы детей младшего возраста могут быть менее надежны, результаты ретеста показали, что это не так: % совпадений ответов детей на два вопроса был максимальным у детей младшего возраста и незначительно снижался с возрастом (табл. 3). Это может объясняться различными условиями проведения опроса для детей разного возраста: среди детей младшего возраста большее число участников было охвачено индивидуальным интервьюированием с психологом, что могло повысить надежность ответов детей. Подростки и молодежь, преимущественно, были опрошены в форме группового опроса.

Таблица 3

Совпадение ответов на вопросы о симптомах и о дружбе, по возрасту

Вопросы	Совпадение	Возраст			
		8–10	11–12	13–14	15 и старше
О симптомах	Не совпадают	8,7%	11,5%	11,6%	14,2%
	Совпадают	91,3%	88,5%	88,4%	85,8%

Продолжение табл. 3

Вопросы	Совпадение	Возраст			
		8–10	11–12	13–14	15 и старше
О дружбе	Не совпадают	13,0%	20,7%	17,2%	21,1%
	Совпадают	87,0%	79,3%	82,8%	78,9%

Учитывая то, что шкалы ответов на вопросы, с помощью которых оценивалась ретестовая надежность, не были полностью идентичными, полученные результаты можно считать удовлетворительными.

**Корреляция ответов детей на вопросник
«Благополучие и соблюдение прав детей»
и вопросник «Сильные стороны и трудности»**

В основе оценки валидности вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» лежит гипотеза о связи оценок и фактов жизни детей, которые изучаются с помощью этого вопросника, и результатами стандартизированной методики оценки психологического благополучия с помощью вопросника «Сильные стороны и трудности (CCT)».

Скрининговый вопросник «Сильные стороны и трудности» (SDQ) разработан британским детским психиатром Р. Гудменом. Перевод и адаптация в России осуществлена Е. Р. Слободской. Это краткий вопросник, на который может ребенок (с 10-летнего возраста) (Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G., 2005; Strengths and Difficulties Questionnaire <http://www.sdqinfo.com/>). В Великобритании вопросник является стандартным инструментом скрининга психического здоровья у детей, поступающих на государственное обеспечение (в учреждение или fosterную семью). Вопросник состоит из следующих пяти субшкал: эмоциональные симптомы, поведенческие проблемы, проблемы внимания, проблемы во взаимоотношениях со сверстниками, просоциальное поведение.

Корреляция между вопросами вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» и шкалами ССТ изучалась с помощью U-теста по методу Манна и Уитни для дихотомических шкал и коэффициента корреляции r Спирмена для порядковых шкал. Большинство вопросов вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» коррелировали с ССТ на уровне $p \leq 0,01$ (на основе коэффициента корреляции r Спирмена), что говорит о высокой степени согласованности обоих вопросников.

Анализ пропущенных ответов

Для того, чтобы проанализировать отказы детей от ответов на поределенные вопросы, мы проанализировали частоту пропущенных ответов.

Наиболее часто дети пропускали вопросы о родственниках (8,7% пропусков), правах детей (7%) и жестоком обращении (2—4%). В целом, процент пропусков ответов на отдельные вопросы был очень низкий, и составлял менее 1%. В вопросниках в среднем, имелось 0—3 пропуска ответов на отдельные вопросы. Полностью на все вопросы обоих вопросников («Благополучия и соблюдение прав детей» и «Сильные стороны и трудности»), т. е. вообще без пропусков, ответили 317 детей (61%) выборки.

Для того, чтобы изучить характеристики детей, пропускавших ответы на некоторые вопросы, мы сравнили детей, ответивших полностью на все вопросы (317 чел.) и детей, которые пропустили хотя бы один вопрос (200 чел.) По социально-демографическим характеристикам эти дети не различались, однако были обнаружены отличия детей, пропускавших ответы, по ряду вопросов о благополучии (на основе применения критерия хи-квадрат Пирсона, $p \leq 0,05$). В частности, дети, пропускавшие ответы, по сравнению с теми, кто полностью заполнил оба вопросника...:

- чаще имеют трудности во взаимоотношениях со сверстниками;

- чаще сообщают, что им «трудно/очень трудно» разговаривать со взрослыми в детском доме о вещах, которые их действительно беспокоят;
- чаще сообщают о том, что подвергались психологическому насилию со стороны взрослого в учебном заведении.

Таким образом, тенденцию пропускать ответы имеют более уязвимые дети, чувствующие себя менее защищенными в отношениях как со сверстниками, так и со взрослыми.

«Самооценка искренности»

Для того, чтобы взглянуть на искренность ответов глазами самих детей в конце вопросника «Благополучия и соблюдение прав детей» мы попросили их дать оценку собственной искренности. Почти 80% детей сообщили, что честно ответили на все вопросы, еще 14% честно ответили на большинство вопросов.

Для того, чтобы понять, какие дети менее честно отвечали на вопросы, согласно их самооценке, мы сравнили детей, сообщивших о том, что честно ответили на большинство вопросов, с остальными детьми, которые выбрали другие варианты ответа (от «честно ответил/а на большинство вопросов» до «ни на один вопрос не ответил честно») (на основе применения критерия хи-квадрат Пирсона, $p \leq 0,05$). «Не вполне честные» дети...:

- чаще жалуются на симптомы расстройств;
- дают более низкую оценку своему здоровью;
- чаще сообщают о пробе опьяняющих веществ;
- чаще сообщают о психологическом и физическом насилии, других жестоких и печальных вещах, чаще дрались;
- чаще подвергались дисциплинарным взысканиям;
- чаще уходили из детского дома без предупреждения;
- хуже информированы об Уполномоченном по правам ребенка и правах детей;
- чаще сообщают о том, что, по их мнению, их права в детском доме нарушались;

- чаще обладают симптомами расстройств эмоциональной сферы, поведения, внимания, и взаимоотношений со сверстниками (по ССТ);

- реже демонстрируют просоциальное поведение (по ССТ).

Таким образом, менее искренними, по их собственной оценке, были дети, обладающие различным поведенческими и психологическими трудностями. Как и в случае с детьми, пропускавшими ответы на вопросы, эти дети представляются наиболее уязвимыми.

Анализ письменных отзывов детей на вопросник

В конце вопросника мы просили детей, по желанию, дать письменный отзыв на вопросник и процедуры опроса. Из числа опрошенных детей 202 дали письменный отзыв. Из них, положительные отзывы написали 199 детей. Чаще всего дети подчеркивали, что им понравилось оформление вопросника, содержание вопросов, понятность вопросов, тема опроса, возможность быть услышанным. В негативных отзывах дети подчеркивали, что опрос бесполезен, поскольку «ничего не изменит», что вопросы были «слишком личными».

«Понравилось, что анкета анонимная и следовательно, большинство детей напишет правду о проживании в детских домах» (юноша, 18 лет).

«Анкета удобно оформлена, здесь очень интересные картинки и вопросы, мне очень понравилась» (девочка, 14 лет).

«Мне понравилась анкета, очень интересные вопросы и красивые картинки. Спасибо, что мне выпала такая возможность ответить на эти вопросы» (девочка, 16 лет).

Мне нравится, что эта анкета анонимна, но все же хотелось бы, чтобы меня услышали (что есть нарушения в детских домах. Хоть об этом и многие боятся говорить.) А в общем анкета очень хорошая, спасибо! Подходит как детям, так и подросткам (девочка, 15 лет).

«Мне понравилось то, что в этой анкете можно написать правду» (мальчик, 12 лет).

Заключение

Методы изучения благополучия детей с участием самих детей активно развиваются во всем мире. В то же время опыт оценки благополучия соблюдения прав детей, воспитывающихся в детских домах, очень ограничен, а в России полностью отсутствует.

Организация опроса в условиях детского дома — очень трудоемкий процесс, требующий значительного числа согласований, переговоров, выдвигающий высокие квалификационные требования к исследователям.

В то же время, опрос детей обладает, как и опрос взрослых весьма существенными ограничениями и преимуществами.

Корректное применение методов опроса для оценки благополучия и соблюдения прав детей — воспитанников детского дома предполагает выполнение целого ряда условий: высокая квалификация исследователей, согласие опекунов детей и сотрудничество со стороны детского дома в вопросах обеспечения всех требуемых процедур участия детей, поддержка со стороны вышестоящих органов государственной власти и уполномоченных по правам ребенка.

Дети демонстрировали трудности, которые испытывают респонденты при участии в опросах — просили пояснить вопрос, или разъяснить значение некоторых слов. Часть трудностей, если не все, было возможно минимизировать за счет тщательной адаптации тематики и языка вопросника к уровню развития детей и внимательной работы интервьюеров по время заполнения детьми вопросников.

В силу развития когнитивных способностей дети младшего возраста могут стать респондентами исследования только при соблюдении ряда условий, наиболее важными из которых является индивидуальный подход, профессионализм интервьюера, дружественная и уважительная позиция по отношению к ребенку, максимальная адаптация методов исследования к возможностям ребенка и интересное для ребенка содержание опроса.

Дети в детском доме легко становятся объектом манипуляции со стороны взрослых, склонны не доверять взрослым, имеют мало опыта в части влияния их группового мнения на принятие решений. Все это препятствует получению надежных результатов опроса детей. Вероятнее всего, по вопросам, касающимся насилия и употребления опьяняющих веществ, результаты занижены.

Для предотвращения манипулирования детьми, в оценке благополучия и соблюдения прав детей путем опроса детей важно привлечь внимание опекунов к тому, что оценка не является проверкой учреждения и не ставит своей целью выявление нарушений прав, поскольку это является обязанностью и компетенцией органов защиты прав детей. Важно также подчеркнуть, что результаты детей не будут использоваться для выявления «плохих» и «хороших» условий их жизни, и дальнейшего применения санкций.

Для повышения надежности результатов опроса детей возможно рассматривать такие методы, которые усиливают чувство уверенности участников в анонимности и безопасности: например, это может быть опрос с помощью интерактивной компьютерной программы (CASI — Computer assisted survey instrument). Исследования показали, что это метод нравится детям и способствует более искренним вопросам, касающимся сенситивных тем. Однако отношение детей к таким методам обеспечения их участия, влияние на искренность детей, необходимо изучать в отдельном исследовании.

Потенциально, надежность ответов детей на опросы, касающиеся различных сторон их благополучия и безопасности, может повышаться, если дети увидят, что их ответы были изучены взрослыми, и к их мнениям прислушались. Это требует формирования определенной культуры опроса мнений детей, ознакомления их с результатами опроса и обеспечения их участия в принятии решений на основе полученной в результате опроса информации.

Также для повышения надежности ответов детей можно рекомендовать следующие меры. При проведении группового

опроса и индивидуального интервью с детьми необходимо исключить влияние взрослых людей на ответы детей: не допускается, если воспитатели проводят опрос, помогают детям отвечать, заглядывают в ответы. Эти меры снижают риски манипулирования.

В то же время, важно учитывать, что дети, особенно младшего возраста, чувствуют себя комфортнее, если известный им взрослый человек, воспитатель, находится рядом, в том же помещении, во время проведения опроса.

Дети чувствуют себя комфортнее в группе с другими детьми. Однако важно, чтобы в группе были дети одного возраста, а желательно и одного пола. При проведении опроса необходимо рассадить детей так, чтобы они не смогли видеть ответы друг друга и обмениваться мнениями.

При организации процедуры опроса важно предусмотреть, чтобы директор или воспитатель представил исследователей детям, для того, чтобы дети понимали, что их участие согласовано и разрешено. При этом важно исключить принуждение детей к участию, разъяснив им цели исследования, добровольность, анонимность их участия.

Наилучшие даты для проведения опроса — это середина (до нового года) или окончание учебного года, поскольку впечатления детей от зимних или летних каникул могут повлиять на ответы детей о недавнем опыте. Наиболее подходящее время для опроса детей — первая половина дня, когда дети еще энергичны и полны сил. Важно не назначать опрос на то время, которое обычно является у детей свободным, личным — это вызывает недовольство у детей. И напротив, если детей «снимут с уроков» — это будет способствовать их положительному настрою.

Для того, чтобы снизить эффекты дисбаланса влияния между взрослым/интервьюером и ребёнком/респондентом, в процессе вступительной речи и дальнейшего опроса важно не доминировать, занимать равную с детьми позицию; не высказывать осуждающих оценок в отношении того или иного поведения детей; избегать формальной организации, напри-

мер — взрослый — на кафедре, дети — за партами; быть на уровне ребенка. Рекомендуется одеваться неформально, избегая «взрослых» атрибутов (галстуки, пиджаки и т. п.). Ко всему относиться с юмором, быть открытым и дружелюбным.

- Если дети ведут себя слишком активно, следует дать возможность им успокоиться, выговориться, прежде чем приступить к заполнению вопросника.
- Если ребенок выражает недовольство длиной анкеты, количеством вопросов следует напомнить ему о праве отказаться, и мягко попросить, если анкета уже начата все же собраться силами и заполнить опросник до конца.
- После завершения работы с вопросником и выдачи сертификатов благодарности необходимо поговорить с детьми об их впечатлениях, о том, какие вопросы были сложными, какие вопросы следовало бы еще задать, о чем сами дети считают нужным рассказать взрослым. Эта беседа является уникальной возможностью для исследователей еще раз перепроверить надежность и валидность вопросника, сформировать рекомендации к его дополнению.

Преимуществами опроса детей является большой охват детей, стандартизация, удобство обработки, экономичность. Участие детей в опросе позволяет узнать мнения тех детей, которые обычно «выпадают» из всех стандартных форм участия детей, поскольку опрос не предъявляет ребенку требований смелости, активности, инициативы, умения четко формулировать мысли и других социальных навыков, которые часто бывают недостаточно развиты у детей-сирот.

Адаптированный, «дружественный» детям вопросник нравится детям, они относятся серьезно к его заполнению, ценят и понимают условия анонимности, и рассчитывают на то, что их ответы будут изучены людьми, принимающими решения.

Первичная оценка надежности и валидности вопросника «Благополучие и соблюдение прав детей» и процедур, обеспечивающих анонимное участие детей, продемонстрировала удовлетворительный результат. Однако важно учесть, что результаты

опроса детей отражают, в большей степени, опыт детей, которые находятся в лучших условиях, чувствуют себя в большей безопасности и отличаются лучшим психическим здоровьем. Хуже опрос репрезентирует мнение и опыт уязвимых детей.

Интерпретацию результатов детей важно выполнять в связи со сведениями о детском доме, отчетами о качестве процедур сбора данных. Важно учитывать, что на благополучие детей влияет целая группа факторов разного уровня:

- Психосоциальные характеристики детей (предшествующий помещению в детский дом травматический опыт, возраст, в котором ребенок впервые оказался в детском доме, продолжительность жизни в системе учреждений для детей-сирот, нарушения здоровья и др.)
- Актуальные условия жизни детей и характеристики детского дома (например, комфорт, безопасность, отношения со взрослыми, отношения с детьми, удовлетворение потребностей детей и др.).
- Фактор селекции (особенность функционирования системы учреждений для детей-сирот, при которой в одни детские дома попадают успешные, «удобные» дети, а в другие — неблагополучные, с проблемным поведением, с психиатрическими диагнозами).
- Условия опроса и комфорт, обеспечивающие искренние и надежные ответы детей.

Результаты опроса детей, обработанные в общем массиве (например, на уровне региона, города), могут быть обсуждены вместе с детьми и руководителями учреждений, для выработки совместных решений по улучшению жизни детей. Такое обсуждение будет способствовать формированию у детей чувства контроля, значимости их мнений, самооценки и активной жизненной позиции.

При этом крайне важно, чтобы результаты опросов детей не использовались для сравнения конкретных учреждений. В этом случае, при проведении последующих опросов ответы детей неизбежно станут предметом жесткого манипулирования, что происходит практически с любым «индикатором эффективности».

Источники

- Калабихина И. Е., Кузмаева О. В., Луковицкая Е. Г., Козлов В. А., Давтян М. Д., Калабихина М. Д., Чурилова Е. В. Методические рекомендации по развитию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в муниципальных образованиях. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2014. 114 с.
- Кошелева Н. Международные тренды в оценке программ в сфере детства (презентация), 2015// Об оценке просто. URL: http://www.ozenka.info/usefuldata/materiali_s_konferencii_11-2014/kosheleva_12-11/205_file_1.pdf (дата обращения: 01.06.2015)
- Майорова-Щеглова С. М. Социологические исследования детей: границы и возможности применения неопросных методов // «Социология детства» URL: http://childsoc.ru/doc/metod_1.pdf (дата обращения: 01.06.2015)
- Щеглова С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства // Юнпресс, 2001. URL: <http://www.ynpress.ru/cgi-bin/main.cgi?action=show&dir=metodbiblioteka&file=11> (дата обращения: 01.06.2015).
- Ben-Arieh A. Where are the children? Children's role in measuring and monitoring their well-being // Social Indicators Research. 2005. Vol. 74. № 3. P. 573–596.
- Brener N. D., Billy J. O. G., Grady W. R. Assessment of factors affecting the validity of self-reported health-risk behavior among adolescents: evidence from the scientific literature // Journal of adolescent health. 2003. Vol. 33. № 6. P. 436–457.
- Fadnes L. T., Taube A., Tylleskär T. How to identify information bias due to self-reporting in epidemiological research // Int J Epidemiol. 2009. Vol. 7. № 2. P. 3.
- Fuchs M. The reliability of children's survey responses: the impact of cognitive functioning on respondent behavior // Proceedings of Statistics Canada Symposium. 2008. URL: <http://www.statcan.gc.ca/pub/11-522-x/2008000/article/10961-eng.pdf> (дата обращения: 01.06.2015).
- Shaw C., Brady L. M., Davey C. Guidelines for research with children and young people // London: National Children's Bureau Research Centre. 2011. URL: <http://www.nfer.ac.uk/nfer/schools/developing-young-researchers/NCBguidelines.pdf> (дата обращения: 01.06.2015).

О. В. Кузмеева

**ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ОСНОВНЫХ ПАРАМЕТРОВ
ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ**

В работе рассмотрены возможности использования различных источников данных и методик для оценки состояния здоровья детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей. Сложность оценки связана и с многообразием объектов и субъектов оценки. Целесообразно использовать комплекс данных: статистическую отчетность, данные выборочных исследований и ведомственного учета, качественные исследования, экспертные опросы. Методические подходы Детского фонда ЮНИСЕФ, Всемирной организации здравоохранения позволяют сформировать систему показателей для анализа состояния здоровья. Большую роль в возможности анализа состояния здоровья детей, оставшихся без попечения родителей, в России играют проводимые с 2013 г. диспансеризации различных категорий детей. Анализ показателей детской заболеваемости, инвалидности и смертности позволяет говорить о проблемах со здоровьем у детей-сирот, находящихся в интернатных учреждениях.

Ключевые слова: дети-сироты; дети, лишенные попечения родителей; состояние здоровья детей; оценка здоровья

Оценка состояния здоровья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сопряжена с рядом трудностей, обусловленных проблемами в сборе достоверной информации и получении объективных оценок, требует применения совокупности количественных и качественных методов анализа.

Среди источников данных, которые могут быть использованы, можно назвать официальную статистическую отчетность, данные выборочных исследований и ведомственного учета, качественные исследования, экспертные опросы.

С точки зрения подходов к оценке проектов программ, перечисленные источники данных вписываются в совокупность методик оценки, опирающихся на эмпирические исследования; показатели (индикаторы) и мнения экспертов.

Мозаичность картине оценки добавляет и многообразие объектов и субъектов оценки: существует значительная специфика в получении данных, характеризующих состояние здоровья детей, воспитывающихся в замещающих семьях и общественных институтах. С другой стороны, различные субъекты оценки (сами дети, медики, приемные родители, воспитатели, эксперты) характеризуют разные аспекты проблемы.

Необходимость использования различных источников информации, в том числе и статистической, обусловлена отсутствием четкого статистического мониторинга, фрагментарностью данных, позволяющих достаточно полно охарактеризовать состояние детей- сирот и детей, лишенных попечения родителей. В статистической отчетности медицинских учреждений дети, лишенные попечения родителей, не выделяются в отдельную группу. Формы, посвященные детям-сиротам, воспитывающимся в общественных институтах (интернатных учреждениях) содержат отдельные сведения о численности детей-инвалидов (например, формы РИК 103, Д-13).

В целом, характеризуя состояние здоровья детей, с учетом мировой практики, можно использовать данные о заболеваемости, инвалидности и детской смертности.

Международные организации (Детский фонд ЮНИСЕФ, Всемирная организация здравоохранения) формируя систему показателей, позволяющих оценить здоровье детей, подчеркивают необходимость рассмотрения здоровья не только как исключительно медицинской категории, но и как социального феномена, неотъемлемого элемента благополучия детей. Так, структура показателей ВОЗ для оценки состояния здоро-

вья содержит следующие разделы: забота о детях, иммунизация, смертность, питание(<http://apps.who.int/gho/data/node.main.CHILDHEALTH?lang=en>).

При оценке параметров здоровья в ходе оценки результативности социальных проектов и программ рассматриваются прежде всего такие его важнейшие составляющие, как физическое здоровье, психическое здоровье и здоровый образ жизни. В частности, физическое здоровье характеризуется с точки зрения следующих параметров: доступ к оздоровительным услугам надлежащего качества; просветительская работа и повышение уровня знаний о поддержании здоровья; увеличение числа людей, которые ведут активный образ жизни; распространение партнёрской практики совместного принятия решений; увеличение числа людей, излечившихся от тяжелых физических заболеваний.

Психическое здоровье рассматривается с позиций распространенности партнерской практики совместного принятия решений; увеличения числа людей, которые следят за состоянием психического здоровья и ведут полноценный и самостоятельный образ жизни, излечившихся от психических заболеваний, с гармоничным состоянием психического здоровья¹.

При оценке здорового образа жизни уделяется внимание доступу к услугам и ресурсам, способствующим повышению уровня осведомлённости о материнском здоровье и формированию основ здорового образа жизни в раннем возрасте; просветительской работе и повышению уровня знаний о поддержании здоровья; укреплению культуры рационального (здорового) питания; увеличению числа людей, которые ведут активный образ жизни; снижению уровня токсикомании и наркомании (в том числе табакокурения).

¹ Характеристики представлены в матрице социальных результатов, составленной на основе ресурсов платформы wikiVOIS platform и Стандарты инвестиционной деятельности и отчётности IRIS. Источник: интернет ресурс: www.wikivois.org. Перевод выполнен компанией Evolution&Philanthropy (UK) филиал в РФ, 2013. Интернет ресурс <http://ep.org.ru>

При анализе параметров социального неблагополучия детей выделяются следующие характеристики, затрагивающие состояние их здоровья: численность детей и подростков, состоящих на учете в наркологических диспансерах; заболеваемость детей и подростков социально-опасными заболеваниями (используются данные текущего статистического учета заболеваемости с разбивкой по полу и возрастным группам); смертность детей и подростков от внешних причин (данные статистики смертности по причинам с разбивкой по полу и возрастным группам).

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 116 «О мерах по совершенствованию организации медицинской помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 апреля 2013 г. № 216н был утвержден Порядок диспансеризации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе усыновленных (удочеренных), принятых под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью. Благодаря этому в настоящее время имеется возможность оценить состояние здоровья детей, проживающих в замещающих семьях и выявить дифференциацию характеристик состояния здоровья детей, проживающих в кровных семьях, замещающих семьях и интернатных учреждениях.

Анализ данных Федерального фонда обязательного медицинского страхования о численности детей, прошедших диспансеризацию в 2013 году, и численности детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, позволяет судить, что данные о состоянии здоровья и имеющихся ограничениях здоровья получены на основе обследования 52% детей данной категории (<http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/155>) (табл. 1). Пока эта цифра весьма далека от 100% (хочется верить, что в дальнейшем охват диспансеризацией детей будет более полным), однако и она позволяет сделать достаточно обоснованные выводы.

Таблица 1

**Распределение детей по группам здоровья
по данным профилактических осмотров, 2013 г., %**

Группы здоровья	Все дети	Воспитанники интернатных учреждений для детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей	Дети-сироты и дети лишенных попечения родителей в замещающих семьях
I группа	25,8	5,3	20,9
II группа	59,2	35,7	53,0
III группа	13,5	35,7	23,2
IV группа	1,0	12,7	1,7
V группа	0,5	10,6	1,2

Как видно, для детей, проживающих в интернатных учреждениях, характерны значительные проблемы со здоровьем. Во многом именно эти проблемы и ограничивают для них шансы жить и воспитываться в семье. Дети, проживающие в настоящее время в замещающих семьях, тем не менее, обладают худшим здоровьем на фоне других детей, проживающих с рождения в семейной обстановке, в своей кровной семье.

Анализ данных профилактических осмотров показал, что удельный вес воспитанников, отстающих в физическом развитии, увеличился, и в 2013 г. составил 41,4% (в 2012 г. — 40,7%) от общего числа всех воспитанников. Вместе с тем удельный вес воспитанников, отстающих в психическом развитии, практически не изменился и в 2013 г. составил 67,6% (в 2012 г. — 67,7%) от общего числа всех воспитанников.

В структуре заболеваемости, как и в предыдущие годы, ведущие места занимают заболевания органов дыхания (2013 г. — 32,2%, 2012 г. — 32,4%, 2011 г. — 32,99%), болезни нервной системы (2013 г. — 14,3%, 2012 г. — 14,0%, 2011 г. — 12,8%), врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (2013 г. — 10,3%, 2012 г. — 10,5%, 2011 г. — 10,2%).

Данные статистической отчетности позволяют судить, что удельный вес детей-инвалидов среди воспитанников домов ребенка в 2013 г. составил 25,7% от общего числа детей, воспитывающихся в домах ребенка (в 2012 г. — 24,6%). В учреждениях соцзащиты для инвалидов находилось 27,6% всех воспитанников — детей-сирот, проживающих в интернатных учреждениях. Хотя, видимо, это далеко не полная картина детской инвалидности среди воспитанников: данные отчетности не позволяют определить численность детей с инвалидностью, проживающих не в специализированных учреждениях для детей-инвалидов, а в других типах учреждений.

Данные отчетности позволяют рассчитать коэффициенты смертности для детей, лишенных попечения родителей. Оценка может быть произведена по данным о возрастной структуре воспитанников интернатных учреждений и численности умерших в течение года

В последние годы отмечается снижение смертности детей в домах ребенка. В 2013 г. коэффициент смертности детей в домах ребенка составил 15,9‰ (в 2012 г. — 16,4‰, в 2011 г. — 17,1‰). Доля умерших детей первого года жизни от общего числа умерших составила 51,5% (в 2012 г. — 52,5%, в 2011 г. — 51,0%). В целом коэффициент смертности для детей, состоящих на учете в банке данных детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, составил 11,7‰ в 2013 г. (14,2‰ в 2012 г.). Однако аналогичные данные в контексте детей, проживающих в замещающих семьях, не разрабатываются. Несмотря на определенные позитивные тенденции в сфере семейного жизнеустройства детей, остается много сложностей. Численность детей-инвалидов, переданных на безвозмездную форму опеки, не имеет однозначной тенденции, а численность усыновленных детей-инвалидов сокращается. Все это позволяет говорить, что актуальность оценки состояния здоровья детей-сирот в общественных институтах сохранится и в будущем.

Данные выборочных обследований могут значимо дополнить картину детского здоровья, получаемую по данным статистической отчетности. Недостатком данных статистики

Таблица 2

Семейное устройство детей-инвалидов (чел.)

	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Численность детей-инвалидов, переданных на безвозмездную форму опеки	624	558	686
Численность детей-инвалидов, переданных на возмездную форму опеки	412	384	715
Численность усыновленных детей-инвалидов	214	200	132
в том числе иностранными гражданами	176	171	68

здравоохранения в контексте оценки здоровья детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, помимо незначительного объема данных, разрабатываемых в разрезе данной социально-демографической группы, выступает и тот факт, что статистика здравоохранения оперирует фактами наличия заболеваний по «обращаемости», в случае обращения человека в учреждение здравоохранения за медицинской помощью. Иные факты, характеризующие проблемы со здоровьем или качеством медицинской помощи, остаются вне внимания статистики. Данная проблема полноты данных актуализирует обращение к выборочным опросам различных целевых групп. В этом случае важно опираться на достоверные, репрезентативные данные. В частности, в последние годы Росстат расширяет круг проводимых выборочных обследований, в том числе в сфере охраны здоровья, самосохранительного поведения, факторов, влияющих на состояние здоровья населения (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Sdp2013.Bfs.Publisher/index.html).

Интерес к оценке состояния здоровья выступает мировым трендом, что связано с пониманием значимости здоровья человека, формирования человеческого капитала как условия

благополучия не только конкретного человека, но и общества в целом. Кроме того, доля лиц с ограниченными возможностями здоровья в популяции увеличивается, что связано в том числе и с успехами диагностики и медицины высоких технологий. В среднем в мире около 2,5% детей имеют существенные нарушения здоровья и еще около 8% имеют трудности с «поведением или (и) обучением» (Поощрение прав детей, 2008).

Общепризнано, что сами дети могут внести важный вклад в принятие решений, затрагивающих их собственное развитие, право ребенка быть услышанным и серьезно воспринятым является одним из четырех главных принципов Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 и ратифицированной Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-I. Данное право должно применяться при толковании и применении всех остальных прав, в том числе и права на выживание и развитие, на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml). Однако, как показывает опыт проведения оценки с участием детей, ее результаты весьма чувствительны к процедурам, соблюдению принципа анонимности, корректности формулировок в инструментарии исследования, наличию проблем в семьях или учреждениях; требуют обеспечения доверия детей к интервьюерам. С одной стороны, дети не готовы делиться своей личной информацией с посторонними для них людьми. С другой — возникает желание «не подставлять» близких, друзей, когда возникают те или иные проблемы, сложности.

Так, для изучения ситуации и выявления имеющихся проблем в образовательных учреждениях с круглосуточным пребыванием детей Республиканским центром социально-психологической помощи семье, детям, молодежи разработана анкета. Анкетирование проводится в режиме мониторинга. В ходе этого анкетирования на вопрос: «Доволен ли ты отношением к себе учителей в школе-интернате?» — положи-

тельный ответ дали 95% опрошенных (Алексеева, Кучмаева, Петрякова, 2011: 10). Такое единодушие в оценках вызывает определенные сомнения, в том числе в соблюдении принципа независимости оценок в ходе анкетирования детей.

Мнение детей должно быть учтено, однако, в совокупности с другими источниками. Так, данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2011 г. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html) (табл. 3) позволяют оценить физическую активность и состояние здоровья детей на основе оценок родителей ребенка (для детей в возрасте до 15 лет) и самих детей (в возрасте 15–17 лет). Данное обследование носит периодический характер, оценку здоровья можно будет получать в режиме мониторинга. К сожалению, в рамках этого и других выборочных обследований, проводимых Росстатом, носящих репрезентативный характер и позволяющих охарактеризовать ситуацию не только для России в целом, но и для ее отдельных регионов, не выделяется группа детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей.

Таблица 3

**Физическая активность и состояние здоровья детей
в возрасте до 18 лет (по данным комплексного наблюдения
условий жизни населения 2011 г., %)**

	Всего	в том числе проживают			в том числе в возрасте, лет				
		в городах	из них с численностью населения 1 млн и более	в сельской местности	до 3	3–6	7–11	12–14	15–17
Дети в возрасте до 18 лет, способные вести активный образ жизни – всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Продолжение табл. 3

	Всего	в том числе проживают			в том числе в возрасте, лет				
		в городах	из них с численностью населения 1 млн и более	в сельской местности	до 3	3–6	7–11	12–14	15–17
из них занимающиеся спортом или активными видами отдыха	53,5	55,1	64,1	49,5	—	27,3	54,9	64,5	77,6
Дети в возрасте до 18 лет – всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них по оценке состояния здоровья:									
хорошее	67,6	67,4	69,8	68,0	72,4	66,1	65,4	62,0	73,2
удовлетворительное	30,1	30,1	28,7	30,1	25,9	31,8	31,9	34,8	25,0
плохое	1,8	1,9	1,2	1,7	1,4	1,8	1,9	2,7	1,5
очень плохое	0,3	0,4	0,3	0,0	0,0	0,2	0,4	0,5	0,1

Интересные результаты дают и локальные выборочные исследования. В 2011 г. в Москве было проведено исследование доступности образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (Кучмаева, Петрякова, Дементьева, 2012: 208). В ходе опроса родителей детей с ограниченными возможностями здоровья выявилась, в частности, картина с диагностикой у детей серьезных нарушений здоровья (см. табл. 4).

У большинства детей проблемы со здоровьем были выявлены достаточно рано: у трети это происходило в возрасте до 1 года, в большинстве случаев — при рождении; еще у трети — в возрасте от 1 года до 2 лет. В целом у 92,4% детей диагностика серьезных проблем со здоровьем осуществлялась в возрасте до 5 лет.

Таблица 4

Распределение детей с ОВЗ по возрасту выявления у них проблем в состоянии здоровья, %

Возраст, лет	Доля, %
0	31,8
1–2	30,9
3–5	29,7
6–7	4,9
8–10	1,9
11 и старше	0,8
Итого	100,0
Средний возраст	2,4

Исследование позволило так же выявить распространенность тех или иных ограничений здоровья у детей. В зависимости от характера проблем со здоровьем дети распределены следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Распределение детей с ОВЗ по основным группам нарушения здоровья, в процентах

Вид нарушения здоровья	Всего
Нарушения речи	39,6
Задержка психического развития	36,3
Нарушения умственного развития	29,8
Нарушения опорно-двигательного аппарата	28,6
Хроническое заболевание, влияющее на общее самочувствие, возможность переносить учебные нагрузки	26,7
Нарушения зрения	20,4
Расстройства эмоционально-волевой сферы и поведения	21,8
Нарушения слуха	14,1

Необходимо использовать возможности специально организованных социологических исследований (количественных и качественных), позволяющих получать характеристики ситуации со здоровьем детей от широкого круга субъектов (медиков, родителей, детей, педагогов, воспитателей. При этом в ходе проведения опросов и интервью детей, родителей, специалистов крайне важно обеспечить независимость оценок. Важную роль в получении достоверных данных для оценки имеющихся проблем может сыграть учет и анализ структуры рассмотренных обращений, жалоб и заявлений детей, родителей, воспитателей в аппараты уполномоченных по правам ребенка разного уровня.

Анализ опыта деятельности по оказанию медико-социальных услуг замещающим семьям (Сопровождение сирот, 2014: 312) позволяет судить, что одно из самых востребованных направлений деятельности на этапе сопровождения семей заключается в выявлении психологических, а также социально-педагогических проблем и потребностей ребенка-инвалида и членов его семьи и осуществлении специальных коррекционных и поддерживающих программ психологической и педагогической направленности.

Опыт использования сопровождения, т. н. «домашних визитов» семей с детьми при реализации различных программ и проектов и их оценке широко распространен и за рубежом (Mattox, Hunter, Kilburn, Wiseman, 2013). Данные подобного рода мониторингов также могут быть использованы для оценки ситуации с состоянием здоровья детей.

В регионах России в качестве мониторинга медико-социальных проблем и состояния здоровья детей в замещающих семьях используются возможности социального сопровождения семей участковыми социальными работниками, психолого-медико-педагогического сопровождения замещающих семей. В интернтных учреждениях осуществляется медицинское сопровождение обучающихся (диагностика (первичная, заключительная), мониторинг состояния физического и психического здоровья обучающихся.

Важно, чтобы формирование набора индикаторов и показателей для оценки здоровья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей осуществлялось с учетом:

- возможности и доступности сбора необходимой информации;
- отражения в перечне индикаторов и показателей всех аспектов анализируемой проблемы;
- необходимости обеспечения комплексной и объективной оценки, что требует использования методов количественной и качественной оценки ситуации; при этом должен быть обеспечен баланс качественных и количественных показателей;
- минимизации набора индикаторов и показателей в целях обеспечения реализуемости мониторинга состояния здоровья.

В завершение хотелось бы отметить, что если мы не располагаем нужными данными, то лучше вообще воздержаться от количественных оценок. Использование неподходящих данных приведет лишь к искажению проблем. Универсальных подходов к оценке социальной эффективности не существует, в каждом конкретном случае от аналитика требуются здравый смысл, учет специфики ситуации и опыт.

Источники

Алексеева Т. Н., Кугмаева О. В., Петрякова О. Л. Обеспечение прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: Сборник материалов из опыта работы уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2011.

Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. 2013. Министерство труда и социального развития РФ. Источник: интернет ресурс: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/155>

Данные сайта Evolution&Philanthropy (UK) филиал в РФ. Интернет ресурс. Режим доступа: <http://ep.org.ru>

Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, 2011 г. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html

- Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
- Кузмаева О. В., Петрякова О. Л., Дементьева И. Ф. и др. Проблема доступности среднего образования для несовершеннолетних лиц с ограниченными возможностями здоровья в г. Москве. М.: ФГНУ ИСВ РАО, 2012. 208 с.
- Поощрение прав детей с ограниченными возможностями: Дайджест «Инночети». М.: ЮНИСЕФ, 2008.
- Сайт Всемирной организации здравоохранения. Электронный ресурс. <http://apps.who.int/gho/data/node.main.CHILDHEALTH?lang=en>
- «Сопровождение сирот: современные вызовы». Материалы межрегиональной научно-практической конференции (5–6 декабря 2013 г., г. Калуга) / Сост. И. А. Бобылева. М.: Благотворительный фонд социальной помощи детям «Расправь крылья!», 2014. 312 с.
- Getting To Outcomes for Home Visiting. How to Plan, Implement, and Evaluate a Program in Your Community to Support Parents and Their Young Children, Teryn Mattox, Sarah B. Hunter, M. Rebecca Kilburn, and Shelley H. Wiseman]. RAND Corporation, 2013.

Г. В. Семья

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ЗАЩИТЫ
ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ,
В РОССИИ И США**

Данный кросс-культурный анализ содержит описание российской и американской систем защиты детей с указанием на законодательные, терминологические сложности сопоставления, с учетом социальных установок общества.

Статья содержит обзор целей, законов и процедур, принятых в России и США в данной области, краткий обзор эволюции политики защиты детей. Сравнение проводится по параметрам системы профилактики социального сиротства и семейного устройства детей-сирот. Приведена статистика из государственных источников и авторских мониторингов.

Ключевые слова: кросс-культурный анализ, защита прав детей, статистика, законодательство, профилактика отобрания ребенка из семьи, фостерная забота, опека родственниками, опека и попечительство, усыновление, сиротство, ребенок-сирота, организация для детей-сирот, возврат ребенка в семью, выпускник организации для детей-сирот.

Цель государственной политики России и США — сохранить ребенка в кровной семье, а в случае невозможности — найти ему постоянное семейное устройство. Однако подходы, организация, процедуры существенно различаются, что приводит часто к непониманию причинно-следственных связей, невозможности сравнить статистические данные, в том числе в сфере оценки здоровья и благополучия детей в обществен-

ных институтах и замещающих семьях. Неточности при переводе на конференциях, в статьях часто меняют смысл сказанного и вызывает недоумение. Одного терминологического словаря также недостаточно, необходимо понимать законодательный и культурный «background» происходящего.

В течение двух лет автор изучал систему защиты ребенка в США (фостерную систему)¹, постепенно разрушая для себя мифологизированное представление о том, как это происходит в другой стране, включая международное усыновление. И главное, к чему приходишь при анализе различий: в России ребенок «принадлежит» родителям, в США ребенок «принадлежит», в первую очередь, государству, и оно строго контролирует выполнение функций родительства. С этим связано огромное количество сообщений, поступающих в социальные службы от соседей, сотрудников детских организаций, посторонних лиц и пр., большая часть из которых потом не подтверждается (например, в Лос-Анджелесе в 2013 г. было подтверждено только около 15% сообщений).

Следует отметить, что в России мы часто употребляем термины материнство/отцовство, говоря о восприятии детей и детства, а в США употребляется термин родительство, что считается в духе времени политкорректным в современном обществе.

В данной статье сравниваются и анализируются основные параметры системы защиты детства, достижения и существующие проблемы. Необходимо отметить, что в обеих странах есть социальные практики, законодательные подходы, достойные адаптации, апробации и использования. Более того, часть социальных практик, «рожденных» самостоятельно в странах, очень близки и похожи.

Во-первых, Россия, в отличие от США, присоединилась к Международной Конвенции о правах ребенка, и поэтому

¹ В качестве руководителя группы российских стажеров в США в рамках программы Фонда «Евразия» «Обмен социальным опытом и знаниями» (2013–2015).

основная цель государственной политики — защита прав и законных интересов детей, главным из которых является право ребенка жить и воспитываться в семье. Для этого семье и детям предоставляются различные виды социальной помощи и поддержки, дополнительные льготы. Главная цель профилактической работы — сохранить ребенка в кровной семье.

В ответ на возрастающее количество детей в фостерных домах и беспокойства о безопасности детей, которые остаются или возвращаются в семью после размещения в фостерные учреждения, Конгресс США принял Закон об усыновлении и безопасности в 1997 г. (ASFA, Государственный закон 105-89). Сегодня федеральное законодательство США опирается на три национальных приоритета при обеспечении защиты и благополучия детей (Mallon G. and Hess: 2014):

- *обеспечение безопасности.* Все дети имеют право жить в условиях, где отсутствуют насилие и пренебрежительное отношение. Безопасность детей является важнейшим условием, определяющим все усилия по их защите;
- *обеспечение стабильности.* Дети нуждаются в семье и постоянном месте, которое они могут называть домом. Чувство стабильности и привязанности является центральным в здоровом развитии ребенка. До тех пор пока не будут найдены опекуны или созданы условия для постоянного проживания, следует приложить все усилия и найти стабильный, безопасный и долговременный дом для тех детей, которые не могут благополучно воссоединиться со своими семьями;
- *обеспечение благополучия ребенка и семьи.* Дети заслуживают заботливого окружения, в котором удовлетворяются их индивидуальные физические, эмоциональные и социальные потребности и обеспечивается здоровое развитие.

Система защиты детства в США главным образом нацелена на предотвращение жестокого обращения с детьми, в то время как система социального обеспечения детей (детского соц-обеспечения) включает в себя целый ряд услуг и видов помо-

щи (в том числе защиту) детям, подросткам и их семьям с целью предотвращения жестокого обращения, по возможности, воссоединения семьи и, если необходимо, установления связи между детьми/подростками и опекунами.

Во-вторых, законодательство США прошло длительный путь развития, начиная с конца XIX в., основываясь на большой практике штатов. В России современная политика в отношении защиты прав детей начала формироваться в своем современном виде в середине 90-х гг. XX в., а фокус семейного устройства детей-сирот — наиболее активно с 2006 г. (Семья Г. В., 2009). Только за 2013—2014 гг. приняты более 40 поправок в существующие законы для упрощения процедуры усыновления, оказания помощи и поддержки замещающим семьям¹. Поэтому система законодательства в отношении защиты прав детей-сирот и семейного их устройства достаточно «молодая и подвижная».

Отличительной особенностью подготовки законов в защиту детей в США является использование технологии жизненных историй, которые пишут сами дети и молодые люди, описывают проблемы с которыми они встречаются (например, John E. B. Myers, 2010). В течение нескольких лет работает проект организации Children Bureau, обеспечивающий знакомство членов Конгресса с подростком из системы защиты детства как способ донесения информации и влияния на законодательство (Meeting in the Congress/Children's Case in Congress).

Для понимания особенностей систем, возможности адаптации технологий и практик работы необходимо знание особенностей законодательства. Так в США постоянным устройством ребенка является усыновление и родственная опека, в России семейное устройство — это опека/попечительство

¹ Работа по совершенствованию законодательства велась в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

(родственниками, посторонними гражданами) и усыновление. В США усыновить ребенка или молодого человека можно в любом возрасте, в России — до 18 лет, поэтому американские технологии поиска семьи для усыновления молодых людей, например в возрасте до 30 лет, требуют адаптации для применения их в России.

Условия нахождения в организациях для детей-сирот в обеих странах также существенно отличаются. Несмотря на то, что обе страны считают помещение туда молодых людей временной мерой, в России это организация, где должны быть созданы условия, приближенные к семейным, обязательное совместное проживание сиблингов, организация проживания воспитанников в разновозрастных группах по семейному принципу. В США эти организации в большей степени похожи на мини-гостиницы с казенной обстановкой для краткосрочного пребывания, хотя некоторые молодые люди там находятся продолжительное время, вплоть до 18 лет.

Законодательство также по-разному определяет возраст государственной поддержки выпускников. В России льготы для выпускников сохраняются до 23 лет, кроме гарантии получения жилья, которую молодой человек имеет и после 23 лет до момента его получения. В США федеральное законодательство определяет возраст молодых людей до 21 года, хотя в ряде штатов он продлен до 23-х, а в Бостоне — до 24 лет. Для молодых людей в данном возрастном диапазоне в США существуют различные программы, благодаря которым они могут иметь временное жилье, учиться и работать. Но по окончании программы молодой человек вынужден сам решать вопросы жилья. В России право на получение жилья от государства имеют все выпускники, признанные нуждающимися в нем, вне зависимости от возраста.

В третьих, из-за отличия в методах учета детей и подростков в России и США невозможно предоставить абсолютно точные сравнения статистики. Например, в США, как только система защиты детства определяет детей и подростков, нуждающихся в помощи, их учитывают в федеральной базе дан-

ных или в базе данных штата, независимо от того, получают ли они услуги, оставаясь в биологических семьях или временно проживая отдельно от своих семей. В России данные о детях и подростках, находящихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, вносятся в федеральную и региональные базы данных, а дети, оставшиеся без попечения родителей, — в отдельную федеральную и региональные банки данных о детях, оставшихся без попечения родителей (работает в он-лайн режиме с 2015 г.), как только они остаются без попечения родителей и направляются в организации для детей-сирот. При возврате в кровную семью или семейном устройстве дети снимаются с учета в банке данных.

В четвертых, существуют значительные трудности, связанные с сопоставлением терминологии (ознакомиться с американской терминологией можно на сайтах: Definition of Terms in Child Welfare Policy: <http://www.childwelfarepolicy.org/resources?id=0006>, Definition of General Terms in the Child Welfare System: <http://www.bettercarenetwork.org/BCN/Toolkit/Glossary/index.asp>). Наиболее распространенная в настоящее время неточность связана с переводом терминов фостерная семья (фостерная система¹) и приемная семья. Как правило, они переводятся в литературе как аналоги (эквиваленты). В то же время их содержание принципиально отличается. Фостерная семья принимает ребенка, отобранного из семьи при угрозе жестокого обращения, или по иной причине, когда ребенок не может находиться в родной семье, и является местом временного нахождения ребенка до постоянного его устройства (возврат в семью или передача родственникам, усыновление). Такие семьи специально готовят, многие из них специализируются на воспитании определенных категорий детей в России приемная семья — это форма постоянного семейного устройства ребенка, обязательного имеющего статус,

¹ *Фостерная система* — размещение ребенка, отобранного из семьи, в фостерной семье, в организациях и все виды услуг, которые ему предоставляются.

оставшегося без попечения родителей. В США фостерная семья проходит небольшую по объему подготовку, но при этом обязана проходить ежегодные тренинги по актуальным для них проблемам. В России объем программы подготовки кандидатов (оба родителя) достигает 80 ч и предоставляется возможность пройти психологическое обследование, остальные необходимые знания она может получить при общении со специалистами служб сопровождения (Семья Г. В., 2014).

Также сложно сопоставить специалиста органа опеки и попечительства в России с социальным работником в США. В США часть функций, выполняемых российскими специалистами органов опеки, реализуют совместно суд и социальные работники, которые должны обязательно получить лицензию. При рассмотрении дела в суде по вопросу отобрания ребенка общественного адвоката имеют дети, их родители и в ряде штатов социальные работники (важно в тех случаях, когда оспариваются их действия) (Семья Г. В., 2013).

Подобные различия обнаруживаются и по другим параметрам. В табл. 1 приведен результат сравнительного анализа основных параметров системы защиты прав детей в России и системы детского благосостояния и защиты детей в США.

Таблица 1

Российская Федерация	США
<i>1. Присоединение к международным документам</i>	
Россия присоединилась к Конвенции о правах ребенка в 1993 году и окончательно ратифицировала ее в 2013 г., в соответствии с которой ценности семейного окружения и воспитания ребенка являются главенствующими при определении судьбы ребенка. Россия как участник Конвенции обязалась, в числе прочего, «обес-	США присоединились к Гаагской Конвенции о международном усыновлении. Вступила в силу 4 января 2008 г. и регулирует процедуры усыновления в стране происхождения и в принимающей стране среди государств, подписавших Конвенцию. Агентства по усыновлению должны получать аккредитацию на федеральном уровне.

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
печивать, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка. Такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем» (статья 9 Конвенции о правах ребенка).	Конвенция устанавливает механизм сбора данных по иностранному усыновлению американских детей и жалобам.
<i>2. Цель государственной политики</i>	
Целями государственной политики в интересах детей является (Федеральный закон № 124-ФЗ, 1998) осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений и т. д. Ранняя профилактика с целью сохранения семьи для ребенка. Развитие различных услуг семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении. В случае не-	Социальная защита детей в США концентрируется на предоставлении услуг «раннего вмешательства» с целью сохранения детей в биологических семьях. Поддержку получают те семьи, у которых есть риск отобрания детей. Специфика услуг: - обеспечить безопасность ребенка, пока он живет дома; - укрепить социальные связи семьи с местными сообществами; - при необходимости направлять в службы психологической помощи; - развивать навыки эффективного родительства.

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
возможности сохранить кровную семью ребенка передают на семейные формы воспитания или усыновление. В случае невозможности семейного проживания ребенок временно помещается в организацию для детей-сирот до нахождения для него новой семьи. <i>Статистика:</i> к концу 2014 года на учете в государственном банке данных находится 92 тысячи детей, из которых более 20% — дети, имеющие IV и V группу состояния здоровья, в том числе 12% дети-инвалиды; 70% — дети подросткового возраста; 15% — дети-сироты. <i>Число детей-сирот, состоящих на учете в региональных банках данных, за 2013 г. сократилось на 11%.</i> <i>К июню 2015 г. на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, находятся сведения о 81,2 тыс. детей, что на 24% меньше чем в конце 2013 г. (Источник: форма государственной статистической отчетности 103-РИК).</i>	В случае отобрания ребенка из семьи он помещается в fosterную семью временно, на период работы с кровной семьей ребенка или до нахождения формы постоянного семейного устройства (усыновление, родственная опека и пр.). <i>Статистика:</i> с 2002 г. до 2012 г. число детей в fosterных семьях сократилось на четверть: с 523 616 до 399 546 детей (Источник: U. S. Department of Health and Human Services Administration for Children and Families Administration on Children, Youth and Families. Data Brief 2013-1). Необходимо отметить, что в fosterных семьях живут как дети, родители которых лишены прав, так и дети, временно изъятые из семьи, пока ведется работа с их кровными родителями. Поэтому сравнение возможно только для детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на учете в региональных банках данных в России и для детей, находящихся в fosterных семьях, которые ожидают постоянного семейного устройства в США.
3. Поступление сигнала о неблагополучии ребенка	
О детском неблагополучии обязаны сообщать все специалисты, однако никакой ответственности	На практике существует ответственность специалистов за непредставление информации вплоть до

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
однако никакой ответственности на практике они не несут в случае непредставления информации. Сигнал о неблагополучии ребенка в семье, признаков жестокого обращения или насилия может поступить от сотрудников образовательных, медицинских, социальных и других организаций, родственников, соседей, посторонних граждан. Сам ребенок также может обратиться за помощью. <i>Статистика: в 2013 г. поступило 143 383 сообщений, из них 969 от детей.</i>	лишения лицензии на профессиональную деятельность. Поэтому число сигналов велико, но только небольшая часть из них подтверждается.
<i>4. Отобрание ребенка из семьи</i>	
Рассмотрение вопроса об отобрании ребенка у родителей, о лишении родителей родительских прав используется в качестве крайней меры воздействия на родителей, применяемой только в тех случаях, когда иные меры не дали результата. Отобрание происходит по решению органов опеки и попечительства. Составляется акт обследования условий проживания и воспитания ребенка. В настоящее время прорабатывается вопрос о введении (пост)судебного контроля.	Отобрание производится на основании судебного решения. Суд по делам несовершеннолетних рассматривает дела с участием детей, которые находились или находятся в непосредственной опасности от жестокого обращения, невнимания, травм или оставления без присмотра. Цели суда для несовершеннолетних: сохранить семью и обеспечить физическое и эмоциональное благополучие детей; выявить проблемы, которые приводят к изъятию детей из семей; поместить детей в безопасную обстановку, в семью родственников или fosterную семью, в том случае, когда

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
	дети не могут безопасно находиться в своей семье; поиск постоянной семьи через усыновление, опеку или продолжительное проживание в фостерной семье, в том случае, когда дети не могут быть возвращены их родителям; быть уверенным в том, что все разбирательства и записи являются конфиденциальными, чтобы защитить ребенка. Суд может закрыть дело на любой стадии, если проблемы, которые привели семью в суд были устранены и ребенок ничем не рискует. Слушания о постоянном устройстве должны быть проведены в течение 12 месяцев, после того как ребенок попал в систему социальной защиты. В некоторых случаях сроки для воссоединения семьи могут быть продлены до 18–24 месяцев. Для ребенка в возрасте до 3 лет, или сиблингов, из которых одному ребенку меньше 3 лет, родители, как правило, имеют право только на 6 месяцев на воссоединение. <i>Статистика: в 2013 г. около 255 000 детей изъяли (отобрали) у родителей в результате расследования и оценки дела о детском насилии и перестали предоставлять услуги на дому.</i>

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
5. Законодательное определение всех видов насилия и жестокого обращения с детьми	
Определено только физическое и сексуальное насилие. Нет развернутого определения пренебрежения нуждами ребенка. <i>Статистика: в 2013 г. число родителей, лишенных родительских прав по причине жестокого обращения составило 484 случаев, число выявленных случаев жестокого обращения с детьми — 2327.</i>	В каждом штате свое подробное определение, включая этнические и традиционные инициации, которые могут при других условиях рассматриваться как вид насилия над ребенком (Child Welfare Information Gateway 2013). <i>Статистика: в 2012 г. примерно 686 тысяч детей стали жертвами насилия и пренебрежения. По всей стране четыре пятых (78%) всех жертв не получали достаточной заботы от родителей, 18% стали жертвами физического насилия, 9% — сексуального насилия и 8% — психологического насилия (Child Welfare Information Gateway 2013).</i>
6. Лишение родительских прав (ограничение в родительских правах)	
Как правило, на лишение родительских прав подают сразу после отобрания ребенка в случае угрозы жизни и здоровью. Возможно ограничение родительских прав на срок до 6 месяцев, в том числе на работу с родителями. В случае отсутствия изменений в семье происходит лишение родительских прав. Возможно восстановление в родительских правах и снятие ограничения с возвратом ребенка в семью.	Происходит через 15 месяцев после неуспешной работы с родителями ребенка. В разных штатах может быть разная практика. Например, в Лос-Анджелесе лишают родительских прав только тогда, когда находятся усыновители для ребенка. В Нью-Йорке лишение прав наступает автоматически через 15 месяцев и после этого родители никогда не могут быть восстановлены в родительских правах. В отличие от России не

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
Сегодня работа по возвращению воспитанников детского дома в кровную семью ведется многими организациями для детей-сирот (Семья Г. В., Зуева Н. Л., Рындина Е. Н., 2009).	лишают родительских прав в случае, если преступление совершено супругом против супруга.
<i>7. Контроль за соблюдением прав ребенка, оставшегося без попечения родителей</i>	
Осуществляют специалисты органов опеки и попечительства в сроки, установленные законом. Контрольное обследование условий жизни и воспитания усыновленного ребенка проводится в первый год после усыновления через 5 месяцев, второе — через 11 месяцев, третье — через 23 месяца, четвертое — через 35 месяцев. Необходимость проведения контрольного обследования по истечении 3 лет определяется органом опеки и попечительства индивидуально в соответствии с конкретной ситуацией, складывающейся в семье усыновителя(ей). Контрольное обследование проводится с сохранением тайны усыновления.	Регулярный судебный контроль — каждые 6 и 12 месяцев в зависимости от предмета контроля; материалы готовят социальные работники.
<i>8. Формы семейного устройства детей-сирот</i>	
Усыновление внутри страны и международное, безвозмездная опека/попечительство родственниками и посторонними гражданами; возмездная опека в форме	Усыновление внутри страны и международное, опека родственниками. В США предпочтение отдается семьям родственников.

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
приемной и патронатной (на основе регионального законодательства) семьи и др. В России предпочтение отдается семьям родственников. <i>Статистика: в 2014 г. общее число замещающих семей — 420 тысяч, в которых воспитывается 514 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей. Ежегодно более 82% детей-сирот, выявляемых в течение года, передаются на воспитание в семьи.</i> <i>В 2013 г. семейного устройства в России ожидало около 106 тыс. детей, в марте 2015 г. — около 83 тыс. В основном это дети следующих категорий: подростковый возраст — до 70%, дети с ограниченными возможностями здоровья — до 25%, сиблинги — до 20%.</i>	Известная американская фостерная семья не является формой семейного устройства в России. <i>Статистика: в США семейного устройства в 2013 г. ожидало около 101 тыс. детей, в 2014 г. цифра практически не изменилась.</i> <i>В основном это подростки, афроамериканцы, латиноамериканцы, американские индейцы/алеуты и др.</i> <i>В марте 2014 г., по статистическим данным AFCARS, примерно 397 000 детей из подростков находились в фостерной системе; примерно 252 000 детей вошли в систему и 241 000 вышли из нее; примерно 102 000 детей ожидали усыновления;</i> <i>в отношении примерно 59 000 детей шел процесс по лишению родителей родительских прав; 52 000 детей были усыновлены.</i> <i>По этническому происхождению: 60% детей и подростков, находящихся в системе, это: афроамериканцы (38%), латиноамериканцы (17%).</i> <i>По возрасту: 29% детей старше 14 лет.</i>
9. Приемная семья. Фостерная семья	
Приемная семья — форма семейного устройства ребенка, имеющего статус сироты или оставшегося	Фостерная семья — форма помощи ребенку, отобранному из семьи: временное помещение ребен-

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
без попечения родителей, по договору в семью до 18 лет. Ребенок снимается с учета в региональном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Приемные родители проходят подготовку, получают пособие на ребенка и вознаграждение за работу. Могут воспользоваться услугами служб сопровождения (Семья Г. В., Головань А. И., Зуева Н. А. 2014).	ка на период работы с кровной семьей или до передачи его на усыновление (родственную опеку) в случае невозможности возврата его домой. Семья проходит обучение и получает лицензию. Фостерная семья получает пособие на ребенка, размер которого определяется потребностями и специальными нуждами ребенка. Некоторые дети меняют фостерные семьи до 15 раз и более. В фостерную семью могут быть помещены дети сразу после отобрания их из семьи. Существует некоторая специализация семей (готовность принять младенцев или инвалидов и т. д.). Фостерная семья не предназначена для постоянного проживания; среднее время пребывания в такой семье — 13,5 месяцев. В семьях находится 46% детей в возрасте до одного года, 36% — от одного года до трех лет, 17% — старше трех лет. Юрисдикция суда и проживание ребенка в фостеровской семье, как правило, заканчивается в день 18-летия ребенка, когда он освобождается от контроля системы социальной защиты детей (в некоторых штатах контроль продолжается до 21 года, например в Кали-

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
	форнии). Если подросток все еще посещает среднюю школу и может закончить ее только когда ему исполнится 19 лет, то он может продолжать оставаться на попечении во время учебы в средней школе, до 19 лет.
<i>10. Усыновление внутри страны и усыновление ребенка из другого государства (в другое государство)</i>	
Страна ориентирована на внутренне усыновление. Все процедуры, связанные с усыновлением, бесплатны. Усыновителям предоставляется единовременная выплата. После усыновления ребенок теряет прежние льготы, положенные детям-сиротам. Ряд регионов в целях развития института усыновления установил различные выплаты и льготы для усыновленных детей (и/или усыновителей) за счет регионального бюджета. При усыновлении ребенка-инвалида, ребенка старше 10 лет и сиблингов единовременное пособие из федерального бюджета составляет 100 тыс. руб. Ряд регионов за счет собственного бюджета существенно увеличил размер этого пособия. Например, в Калининградской области на приобретение жилья для усыновленного ребенка выплачивается	США защищает усыновление внутри страны путем предоставления налоговых льгот, семья получает субсидию, не платит за оценку пригодности быть усыновителями (home study), получает компенсацию за расходы, медицинскую страховку на ребенка. В случае международного усыновления вся финансовая поддержка отменяется, семья получает услуги как все другие семьи. Хотя в ряде регионов существует поддержка усыновителей. До 1989 г. при усыновлении все выплаты, существующие для fosterной семьи, отменялись. В 1989 г. был принят закон, который продолжил выплаты после усыновления. Это привело к тому, что более 50% детей усыновляется fosterными родителями. Закон об экономическом росте и налоговых льготах (PL 107-16), 2011 г. с более поздними поправ-

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
более 600 тыс. руб., в Сахалинской области – 1 млн руб. Другие регионы выплачивают усыновителям ежемесячное пособие в размере от 10 до 30 тыс. руб. Кроме того существует ряд региональных дополнительных льгот, особенно если семья в результате усыновления ребенка-сироты стала многодетной: на коммунальные платежи, оплату телефона, медицинские препараты, возможность получить земельный участок и пр. Международное усыновление возможно только в случае, если ребенок не был востребован российскими кандидатами в течение года, что надо доказать в суде. Между страной усыновления и Россией должен быть заключен договор, в соответствии с которым регулярно предоставляются сведения об адаптации ребенка в новой семье или его перемещениях в другую семью.	ками установил безвозвратную налоговую выплату до \$11390, возмещающую расходы, связанные с усыновлением (при этом существуют ограничения по уровню дохода). Выплата может быть перенесена на срок до 5 лет. Усыновители детей со специальными потребностями получают полную налоговую выплату вне зависимости от понесенных расходов. Пособие по усыновлению выплачивается на ребенка как мера стимулирования усыновления в семье граждан детей с особыми нуждами: инвалидов, с психическими расстройствами или задержкой в развитии. Исследования показали, что 81% опрошенных семей заявили, что право на получение пособия имело значение при принятии ими решения об усыновлении ребёнка с особыми нуждами; 58% признались, что без такой меры поддержки не имели бы возможности в полной мере обеспечивать потребности ребенка с особыми нуждами. Пособие включает: ежемесячные выплаты на ребенка; компенсацию медицинских расходов; затраты на приобретение лекарств.

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
	венных препаратов; оплата услуг по уходу за ребенком во время отдыха усыновителей. Поддержка усыновления обходится государству дешевле расходов на обеспечение работы системы fosterных семей. При независимом усыновлении (без посредников — агентства) ребенок не попадает в fosterную систему, а усыновители сами платят за роды, медицинское обслуживание, юристу за оформление документов.
<i>11. Возрастные ограничения при усыновлении</i>	
Усыновление возможно до исполнения ребенку 18 лет	Усыновление возможно всю жизнь, нет ограничений Пример во время стажировки в США (Г. В. Семья): один из молодых людей в возрасте 26 лет, имеющий своих 2 детей, на вопрос, зачем он готовится к усыновлению, ответил: «Хочу хорошую бабушку для моих детей».
<i>12. Устройство в семью сиблингов</i>	
Законодательно запрещено разделять сиблингов при семейном устройстве, за исключением ряда случаев.	Нет законодательного запрета на разделение сиблингов при временном и постоянном помещении в семью. Специалисты пытаются устроить их вместе, но на практике редко получается

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
<i>13. Подготовка кандидатов в опекуны/попечители, усыновители, сопровождение замещающих семей</i>	
Кандидаты в замещающие родители проходят подготовку по программе до 82 часов, могут на условиях добровольности пройти психологическое тестирование. Подготовку проходят оба родителя. В Москве есть школа приемных родителей для слабослышащих и глухих кандидатов (организовал А. Рудов). Приемным родителям предлагаются профессиональные услуги по сопровождению, где специалисты подготовлены к разрешению проблем адаптации ребенка в семье. В 2013 г. деятельность по подготовке кандидатов осуществляла 871 организация, по сопровождению замещающих семей — 1348 организаций. Сегодня многие опытные приемные родители становятся консультантами служб сопровождения. В регионах активно работают Клубы приемных родителей, опекунов, различные общественные объединения замещающих родителей.	Обязательная подготовка кандидатов, есть интервью с ними, психологическое тестирование возможно только за счет самих кандидатов (дорогая процедура). Лицензии на фостерную семью и на усыновление разные. Фостерные родители обязаны ежегодно проходить обязательную подготовку (до 20 часов), как правило, в виде тренинга по интересующий их тематике. Сопровождения семьи с усыновленным ребенком, принятым временно на воспитание как самостоятельной услуги, нет. Семья с усыновленным ребенком получает услуги такие же, как любая другая. При международном усыновлении можно отметить две формы психологического сопровождения усыновленных детей. Первая — помощь профессиональных социальных работников, делегированных агентствами по усыновлению. Вторая — создание так называемых «групп поддержки», в которых сами усыновители собираются вместе и делятся опытом воспитания детей.

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
<i>14. Устройство в семью с нетрадиционной ориентацией</i>	
Законодательный запрет, включая запрет на международное усыновление в страны, где разрешено усыновлять семьям с нетрадиционной ориентацией родителей	Разрешено не во всех штатах. Когда дети не соглашаются идти в семьи с нетрадиционной ориентацией, с ними ведется работа по разъяснению, цель которой уговорить ребенка принять решение прийти в такую семью.
<i>15. Возврат ребенка-сироты из семьи опекуна или усыновителя в организацию для детей-сирот</i>	
В России процент возврата (отмена решения о передаче ребенка-сироты на воспитание в семью по инициативе родителей или решению органов опеки) составляет примерно 1–2% от общего числа детей в замещающих семьях или до 10% от числа устроенных в семьи в текущем году (условный показатель, так как отказ от ребенка может быть через пять лет после его передачи в семью). Возвраты из замещающих семей составили: в 2012 г. 6144 детей, в 2013 г. — 5746 детей, в 2014 г. — 5412 детей. Возврат составляет от 8 до 10% от числа устроенных детей в семьи в текущем году.	Официальной статистики нет. По оценкам международной организации Кидсейф: 10–25% всех попыток усыновления (начиная со стадии сбора документов, процедура может и не завершиться усыновлением) в США заканчиваются возвратами: — детей старше 3 лет — в 10% случаев; — подростков от 12 лет до 17 лет — 25%; — до 10% случаев заканчиваются отменой усыновления. Случаев отказа от ребенка меньше, если ребенок передается под опеку в семьи родственников или родителям, с которыми он знаком.
<i>16. Виды организаций для детей-сирот</i>	
В настоящее время в России идет реорганизация организаций для детей-сирот, в соответствии с ко-	В организации в основном помещаются подростки, дети с эмоциональными и поведенческими

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
торой помещение ребенка в организацию — временная мера до дальнейшего его устройства на семейные формы воспитания. Помимо надзора за воспитанниками, организацией их воспитания и обучения, реабилитационной работы, организации наделены функциями выявления детей, оставшихся без попечения родителей, подготовкой кандидатов в замещающие семьи, их сопровождения, сопровождением выпускников и пр. В организациях создаются условия, максимально приближенные к семейным, ведется подготовка к самостоятельной жизни. На конец 2013 г. на территории Российской Федерации функционировало 1526 организации для детей-сирот, из них: 1197 образовательных учреждений для детей-сирот (в них детей-сирот 65,4 тыс.) — для детей от 4 до 18 лет; 200 домов ребенка (в них детей-сирот 11 тыс.) — для детей от рождения до 4 лет; 129 стационарных учреждений социального обслуживания для умственно отсталых детей и детей с физическими недостатками (в них детей-сирот 13,5 тыс.).	проблемами, с которыми не может справиться fosterная семья. Так как это мера временная, на период поиска постоянной семьи для таких детей, в организациях созданы чисто бытовые условия пребывания (как в гостинице). Однако некоторые подростки остаются там продолжительное время. Пример. Департамент социального развития штата Калифорния выдает лицензии следующим шести типам учреждений fosterной системы: семейные дома (представляют собой организацию, которая обеспечивает круглосуточную заботу не более чем 6 детям (или 8, если это группа sibлингов)); небольшие семейные дома (обеспечивают 24-часовой уход и проживание в семье для 6 или более детей, умственно отсталых, с физическими недостатками, и которые требуют специального ухода и надзора в результате их ограниченных возможностей); агентства fosterовских семей (которые сертифицируют их собственные семейные дома); групповые детские дома; общественные реабилитационные учреждения; учреждения, реализующие программу жилья временного размещения.

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
Организации для детей-сирот могут быть коррекционными для обучения воспитанников с отклонениями в развитии (для глухих, слабослышащих, слепых, слабовидящих, с тяжелыми нарушениями речи, опорно-двигательного аппарата, с задержкой психического развития, умственно отсталых и т. д.). Существуют специальные детские учреждения для детей-сирот: музыкальные, спортивные и др. Кроме того, молодые люди могут стать воспитанниками суворовских и нахимовских училищ, кадетских корпусов (кадетская школа или кадетская школа-интернат — с 7 лет) и воспитанниками воинских частей (с 14 лет). Существуют негосударственные детские учреждения для детей-сирот (например, Детская деревня SOS), но большей частью учрежденные Православной Церковью.	
17. Выпускники организаций для детей-сирот	
Государственная поддержка выпускников до 23 лет (дополнительные льготы в области образования, здравоохранения, трудоустройства). Обязательное предоставление жилья в случае отсутствия закрепленного жилья у молодого человека. В каждом регио-	Выпускники фостерных семей и организаций (Group Homes — групп хоум) могут до 21 года проживать по программам независимого проживания в специализированном жилье. Проживание в квартире по программе возможно только при условии работы или

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
не ведется учет выпускников и реализуется программа постинтернатного сопровождения (Семья Г. В., Головань А. И., Зайцев Г. О., Зайцева Н. Г., 2014). Общее число выпускников всех форм попечения в возрасте от 18 до 23 лет — около 33 тыс. чел. В 2013 г. выпускниками организаций для детей-сирот стали 22 тыс. чел., из них: — до 18 лет — около 9 тыс. чел.; — от 18 до 23 лет — 13,5 тыс. чел. Число выпускников, продолжающих обучение — около 20 тыс. Число выпускников, зарегистрированных в органах службы занятости, в возрасте до 23 лет — около 3 тыс. (7,8% от числа выпускников-сирот). Группы риска: — выпускники коррекционных учреждений — до 45%; — число несовершеннолетних беременных и молодых матерей — 482 чел.; — число матерей-выпускниц, отказавшихся от детей — 38 чел.; — число отбывших и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы — 730 чел.	обучения. Частично выпускник оплачивает жилье. После 21 года уходят «на улицу», если нет своего жилья, не могут претендовать на площадь своих родителей, лишенных родительских прав (Courtney M. E., Dworsky A., 2005). Поддержка выпускников заключается в выделении субсидий на обучение и предоставление медицинской страховки до 26 лет. Сегодня в США идут дебаты по вопросу увеличения срока поддержки. По данным Программы Wendy's Wonderful Kids: — более чем 1 из 5 подростков становится бездомным по достижению 18 лет; — только 58% молодых людей этой категории заканчивают школу к 19 годам (в сравнении с 87% от всех девятнадцатилетних); — 71% девушек беременеют к 21 году, пополняя при этом ряды безработных, судимых, нуждающихся в поддержке системы социальной помощи и социальной защиты детей; — только половина молодых людей оказывается трудоустроена к 24 годам; — меньше чем 3% молодых людей закончат колледж к 25 годам

Продолжение табл. 1

Российская Федерация	США
	(в сравнении с 28% от всех двадцатипятилетних молодых людей); — один из четырех детей совершает правонарушение в течение двух лет после выхода из фостерной семьи; — дети, ранее воспитывавшиеся в фостерных семьях, в два раза чаще страдают посттравматическим стрессовым расстройством, так же как и вернувшиеся с войны ветераны США.
<i>18. Сбор статистики о положении детей, оставшихся без попечения родителей</i>	
Единые формы статистической отчетности, например, № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», № Д-13 «Сведения об учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Ведется учет детей, вошедших в систему государственной опеки и покинувших ее, переданных на семейные формы и вернувшихся обратно из семей; учет родителей, лишенных родительских прав, случаев жестокого обращения и пр.	Статистика в каждом штате своя. Сводная по стране (AFCARS) заключается в показателях по жестокому обращению и насилию и времени нахождения ребенка в фостерной системе до усыновления. Присутствуют сведения о категориях детей, возрастных группах. Нет сведений по возврату детей из семей усыновителей, количеству детей, сменивших фостерные семьи (число смен). Кроме того различаются сроки сбора статистики в России и США.

Список литературы

- Семья Г. В. Деинституционализация детей-сирот: реформирование сети учреждений интернатного типа и развитие спектра услуг для детей и семей. М.: ООО «Вариант», 2009.
- Семья Г. В. О разработке профессионального стандарта специалиста органа опеки и попечительства // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2013. № 3.
- Семья Г. В., Головань А. И., Зайцев Г. О., Зайцева Н. Г. Результаты проведения статистического и психологического исследования положения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве / Под науч. ред. Г. В. Семья. М.: Агентство гуманитарных проектов, 2014.
- Семья Г. В., Головань А. И., Зуева Н. А., Зайцева Н. Г. Социально-правовые основы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на семейные формы воспитания. М.: ООО «Вариант», 2014.
- Семья Г. В., Зуева Н. Л., Рындина Е. Н., Жукова О. А. Как вернуть родительские права. М.: ООО «Вариант», 2009.
- Child Welfare Information Gateway. What is child abuse and neglect? Recognizing the signs and symptoms. Washington, DC: U. S. Department of Health and Human Services, Children's Bureau, 2013.
- Courtney M. E., Dworsky A. Midwest evaluation of the adult functioning of former foster youth: Outcomes at age 19. Chicago, IL: Chapin Hall Center for Children at the University of Chicago, 2005.
- Mallon G. and Hess P. An Overview of Children, Youth, and Family Services, Policies, and Programs in the United States. Child Welfare for the 21st Century. NY: Columbia University Press, 2014.
- Myers John E. B. A Short History of Child Protection in America // Family Law Quarterly. 2008—2009. Vol. 42. № 3.

К. С. Дивисенко

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЦЕННОСТНО-АТТИТЮДНОЙ СТРУКТУРЫ
ЖИЗНЕННОГО МИРА¹**

Статья посвящена результатам апробации методического решения для биографического исследования жизненного мира. Предложенное методическое решение основано на положении о том, что коммуникативная ситуация автобиографического нарратива обеспечивает репрезентацию жизненного мира посредством рационализации и артикуляции. Реконструкция ценностно-аттитюдного измерения жизненного мира на основе анализа репрезентации событий возможна посредством выявления оценок событий личной истории индивида и анализа действий, осуществленных человеком в описываемых ситуациях. Методическое решение биографического исследования жизненного мира предполагает комплексный подход к сбору социологических данных (получение от информантов автобиографий и проективных автобиографических эссе), а также содержательный и структурный анализ ценностно-аттитюдного измерения жизненного мира.

Ключевые слова: автобиография, аттитюды, биографическое исследование, жизненный мир, методика, ценности.

Введение

Понятие «жизненный мир» не является только социологической категорией, а скорее принадлежит междисциплинарной области, поскольку его современные исследования, осуществ-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 13-06-00243 «Биографическое исследование жизненного мира».

ляемые как в отечественной науке, так и в мировой, проводятся в рамках социальной философии (Кожевников 2008; Слинин 2001; Seemann 2004), феноменологического направления социологии (Johansson et al. 2009; Trotman 2006), психологии личности (Васильюк 2001, Леонтьев 2004), когнитивных исследований (Баксанский, Кучер 2010) и культурологии (Пржиленская 2008; Moores 2010). Следует заметить, что при наличии многочисленных теоретических и прикладных исследований жизненного мира отсутствует четкая, общепринятая дефиниция этого понятия, а также недостаточно раскрыт потенциал данной категории для эмпирических исследований, обеспечивающий анализ субъективной и интерсубъективной реальности.

С нашей точки зрения, жизненный мир как интерсубъективная модель реальности обеспечивает индивиду (социальному агенту) возможность жить и действовать, адаптироваться к условиям жизни и приводить их в соответствие со своими потребностями. Элементарной единицей анализа жизненного мира является смысл как результат интерпретации переживания и сама сущность (эйдос) феномена. Совокупность индивидуальных смыслов, упорядоченных в соответствии с критерием контекстуальности (соотнесенности каждого нового интерпретационного акта с актами осмысления, имевшими место в прошлом жизненном опыте), предстает в качестве смыслового измерения общей структуры жизненного мира. Второе измерение этой структуры — ценностно-аттитюдное — организовано в соответствии с субъективной значимостью смыслов и актуальными потребностями личности. Ценности и аттитюды (установки) обеспечивают формирование намерения (проекта) действия и само действие в конкретной социальной ситуации. Жизненный мир как система смыслов выстраивается в результате интериоризации — познавательной деятельности человека. Экстериоризация психического потенциала, практическая, преобразовательная деятельность человека обусловлены ценностно-аттитудной структурой жизненного мира. Ценности и установки как компоненты жизненного мира индивида выступают в роли ресурса и ограничения для развития,

разрешения и оценивания актуальных ситуаций, с которыми сталкиваются действующие субъекты. Так, ценности определяют выбор того или иного способа разрешения ситуации, а установки — привычные схемы действий, соотнесенные с предыдущим опытом и контекстом актуальной ситуации.

Ключевой особенностью жизненного мира, обуславливающей методологические трудности его социологического исследования, является очевидность, само собой разумеющийся характер. Жизненный мир не осознается социальными агентами, но выступает фоном и ресурсом любой социальной интеракции. Современные научные исследования свидетельствуют о том, что жизненный мир формируется в социальном взаимодействии благодаря языку и может быть исследован посредством анализа лингвистической реальности. Изучение жизненного мира становится возможным в такой ситуации социального взаимодействия, в которой происходит его рационализация и лингвистическая артикуляция. В процессе рационализации жизненного мира осуществляется переход субъекта от практического Я (обыденного сознания в повседневной установке) к трансцендентальному Я (авторerefлексии), а также происходит тематизация области само собой разумеющегося обыденного знания. Коммуникация как социальное действие, направленное на достижение взаимного понимания отдельных социальных субъектов, обеспечивает артикуляцию жизненного мира личности посредством знаковой системы, в результате которой он может быть воспринят и понят социальным исследователем. С точки зрения теории коммуникативного действия, автобиографический нарратив может быть рассмотрен как один из видов социальной коммуникации, обеспечивающей тематизацию и рационализацию области само собой разумеющегося знания. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что одним из возможных методологических решений для анализа жизненного мира является биографическое исследование.

Методология биографического исследования жизненного мира основывается на идее о том, что автобиографическая

нарративизация жизненного опыта является частным случаем экстерииоризации, в результате которой жизненный мир как ценностно-аттитюдная структура репрезентируется в описании человеком собственной жизни. Сохранившиеся в памяти субъекта события накопленного жизненного опыта, рассматриваемые нами как со-бытие внутреннего мира человека и внешней по отношению к его сознанию реальности, выстраиваются при автобиографической нарративизации в целостное повествование. Каждое событие, репрезентированное в автобиографии, оказывается не только его описанием, но и осмыслением — результатом интерпретации.

В анализе репрезентированных событий становится возможной реконструкция ценностно-аттитюдной структуры жизненного мира личности, поскольку тематический репертуар автобиографического нарратива выражает ценности индивида, а описание ситуаций, их оценка и интерпретация представляет систему установок.

Реконструкция ценностно-аттитюдной структуры жизненного мира основана на качественной методологии социологического исследования, ориентированной на анализ переживаний и смыслов, а также на изучение феноменов в их естественном состоянии. Биографическое исследование позволяет описать область действительности, которой ограничено поведение субъекта; осуществить анализ сегментации данной области по критерию значимости и выявить структуру описываемых действий и объяснительных схем.

В биографическом исследовании жизненного мира присутствуют следующие необходимые допущения:

- 1) Отдельные переживания, жизненный опыт субъекта, в конечном счете, сам жизненный мир может быть адекватно выражен самим субъектом с помощью тех или иных знаковых средств.
- 2) Рассказ субъекта об особенностях собственного внутреннего мира, насколько это возможно для выражения с помощью семиотической системы, соответствует самому внутреннему миру.

- 3) В процессе непосредственной (лицом-к-лицу) или опосредованной (письменная речь) коммуникации исследователь может адекватно понять субъективный жизненный мир респондента в той мере, в какой он раскрывается в конкретной ситуации коммуникации.

Феноменологический подход, на котором основана предложенная методика, предполагает описательное исследование, то есть основной целью является всестороннее и доскональное описание изучаемого предмета, а не выход на статистические обобщения. Автобиография рассматривается как нарративная конструкция, а не как документальное свидетельство о прошлом. В силу этого обстоятельства при проведении исследования нет необходимости обращаться к анализу и проверке свидетельств о фактических событиях прошлой жизни, подвергать сомнению достоверность жизнеописания.

Процедура сбора социологической информации

Методическое решение биографического исследования жизненного мира предполагает комплексный подход к сбору социологических данных: получение от информантов не только традиционных автобиографий, но и *автобиографических эссе*.

Автобиографическое эссе, предполагающее описание его автором собственного будущего, относится к проективным методам и используется как социологами («Я через N лет» (Божков 2003), «письма из будущего» (Соколов 2006: 142—146), исследование мечты (Белоусова 2010)), так и психологами (Колесова 2011; Зайцева 2012).

Автобиографическое эссе (сочинение) ориентировано на тематизацию и артикуляцию тех областей жизненного мира, которые не раскрываются в традиционной автобиографии — горизонта возможного и проектируемого индивидом, представление о котором сформировано на уже имеющемся личном и воспринятом интерсубъективном опыте. В этом тексте выстраивается определенный идеальный социальный мир (представление о желаемой жизни, о собственном статусе,

о значимых других и т. п.). Проекты будущей жизни являются не только индивидуальными феноменами, но и одновременно оказываются intersubjective социальными представлениями. Воспринимая те идеологические конструкции, которые присутствуют в социальном окружении, индивид совмещает их с сугубо личными планами на собственную жизнь.

Проект действия, с точки зрения феноменологической социологии, является основой социального действия и выражает ценностно-аттitudное измерение жизненного мира.

Использование двух жанров биографического повествования — автобиографии и биографического эссе «Я через N лет» — является необходимым условием для исследования структуры жизненного мира. В этих двух текстах репрезентированы ценности и установки действующего субъекта как в описании значимых событий личной истории, в их оценках и интерпретации, так и в проектах жизненных стратегий.

В нашем исследовании информантам (биографантам) предлагалось написать вместе с традиционным жизнеописанием биографическое сочинение «Я через N лет» с правом самостоятельно выбрать число лет (N), но этот интервал, согласно инструкции, должен был составлять не менее 3 лет.

Процедура анализа автобиографических текстов

Содержательный и структурный анализ ценностно-аттitudного измерения жизненного мира проводится после сбора необходимого количества биографических текстов.

1. Содержательный анализ ценностного измерения жизненного мира осуществляется посредством выделения и фиксации в автобиографическом нарративе основного тематического репертуара: репрезентаций важных событий личной истории индивида, значимых сфер жизни.

Для решения данной задачи используются процедуры и техники целевого анализа содержания (качественного контент-анализа), предусматривающие следующий алгоритм работы с текстами.

1. *Предварительное чтение текстов* одного автора (автобиографии и биографического сочинения) с целью ознакомления и понимания их смысла как целостного нарратива.

2. *Повторное чтение текстов и кодировка*. При повторном чтении выделяются и фиксируются первичные категории (коды) — как естественные (в терминах самих респондентов), так и сконструированные (обобщающие понятия, обозначающие определенный класс явлений). Основная единица наблюдения — событие личной истории или описание определенной сферы жизни. В результате этой процедуры биографический нарратив предстаёт как совокупность (последовательность) значимых событий личной истории индивида и тематизированных областей жизни. Таким образом, в кодировальной матрице для каждого биографического текста фиксируется либо наличие, либо отсутствие того или иного кода.

3. *Ранжирование выделенных категорий*. Идея ранжирования ценностей основывается на допущении, что каждая ценность, репрезентированная в биографическом тексте, имеет различный «удельный вес». Поэтому необходимо анализировать не только и не столько весь набор ценностей, сколько их иерархию или структуру. Основная методическая сложность ранжирования ценностей связана с тем, что дихотомические переменные (наличие/отсутствие того или иного кода) преобразуются в порядковые. Источником ранжирования может быть прямое указание авторов (являющееся скорее исключением, чем правилом), либо отнесение к определенному рангу становится ясным исследователю, исходящему из контекста биографических текстов. При использовании ранжирования, на наш взгляд, целесообразно выделить три ранга значимости ценностей, так как применение более дифференцированной ранговой шкалы повлечет ряд дополнительных трудностей, связанных с возрастающим влиянием самого исследователя на процесс ранжирования. Процедура ранжирования может быть валидизирована при условии совместной работы нескольких исследователей. Впрочем, данный шаг не является обязатель-

ным — наш опыт показал, что иерархия ценностей может быть построена на основе дихотомических (сырых) кодов.

4. *Уточнение содержания категорий.* На данном шаге осуществляется группирование категорий: объединение категорий, близких по содержанию, либо их разделение. Эта процедура обусловлена тем, что список категорий не задается перед началом кодирования. На этом этапе также исправляются погрешности, появившиеся в процессе кодирования.

5. *Построение матрицы данных.* На последнем шаге необходимо построить итоговую матрицу, в которой будут представлены как зависимые дихотомические переменные (коды, выделенные на предыдущем этапе), так и независимые переменные (код автора, пол, возраст, класс, школа, жанр текста). На данном этапе может вводиться пороговое значение, определяющее число наиболее часто встречаемых кодов, которые будут использоваться при дальнейшем анализе.

II. Содержательный анализ аттитюдной структуры жизненного мира предполагает выявление и описание системы действий субъекта. Компонентами данной системы являются отдельные действия, поступки, проекты будущих действий, социальные ситуации, их оценивание и интерпретация субъектом. Цель изучения аттитюдного измерения жизненного мира — описание определенного комплекса установок, выступающих в качестве основы реальных действий и проектов действий субъекта. В этом комплексе установок важно показать различные уровни аттитюдной структуры: причинно-следственные связи, взаимосвязи отдельных установок, связи установок с ценностями.

Для выявления комплекса установок и их описания используются методы «обоснованной теории» и феноменологического описания. Феноменологическое описание как стратегия качественного исследования позволяет изучить внутренние переживания субъекта, связанные с его практической деятельностью (Giorgi 2003: 248). Анализ самого поведения, описываемого в автобиографическом нарративе, становится возможным благодаря использованию «обоснованной теории»

(grounded theory), поскольку данная исследовательская практика ориентирована на анализ социального (взаимо)действия (Страусс 2007: 87). Основная задача обработки эмпирических данных в анализе установок жизненного мира — категоризация данных, установление связи между категориями и феноменологическая дескрипция анализируемых категорий.

Биографическое исследование аттитудов жизненного мира предполагает следующие процедуры:

1. *Первоначальное прозрение текста* для понимания его как целого, и повторное чтение текста с целью фрагментации на отдельные смысловые фрагменты. Выделение смысловых единиц текста зависит от ракурса исследовательской проблематики. В нашем исследовании в центре внимания находились представления (проекты) школьников о своих собственных будущих семьях и семейных отношениях.

2. *Открытое кодирование*. Следует заметить, что выделение смысловых единиц в открытом кодировании близко аналогичной процедуре целевого анализа содержания: на первое место ставится понимание смысла, вычленение описания конкретного феномена, который выражается не столько в наборе определенных слов, сколько представлен в дескриптивном виде.

3. *Осевое кодирование данных — описание пригизинно-следственных связей*. На данном этапе выделяется центральный феномен (ядро комплекса установок) и проводится связывание отдельных установок вокруг центрального феномена. Так, выделяются и структурируются: 1) каузальные условия — обстоятельства, ставшие причиной появления центрального феномена; 2) процессуальные условия — контекст, который сопутствует развитию центрального феномена; 3) следствия — практическая экспликация развития центрального феномена.

4. *Построение типологии и теоретическое насыщение отдельных типов*. В центральном феномене выделяется основное свойство и его измерение. Определение этого свойства служит основанием для построения типологии изучаемого феномена. В построенной типологии необходимо более подробно опи-

сать относительно редко встречающиеся случаи. Для этой цели проводится выборочное кодирование — целенаправленный поиск подобного рода сюжетов.

5. Синтезирование смысловых единиц в единую ткань последовательного структурного описания. На данном этапе применяются методы феноменологического описания и «обоснованной теории» для детального описания каждого выделенного типа как с помощью научного языка, так и с использованием иллюстраций из речи респондентов.

III. Структурный анализ. Биографическое исследование жизненного мира позволяет не только описать содержание ценностно-аттитюдного измерения, но и выявить особенности его структуры. Структура жизненного мира, репрезентированного в автобиографическом нарративе, может быть описана с помощью следующих количественных показателей:

1. Абсолютное число уникальных ценностных категорий. Данный показатель представляет собой сумму чисел ценностных категорий, зафиксированных в автобиографии и в эссе одного автора. При подсчете учитывается только наличие той или иной категории (независимо от того, повторяется она в двух текстах одного автора или нет).

2. Абсолютное число ключевых категорий. Этот индикатор представляет собой число ценностных категорий, которые присутствуют у одного автора и в автобиографии, и в эссе.

3. Индекс соотношенности — отношение абсолютного числа ценностных категорий, зафиксированных в автобиографии, к аналогичному числу категорий, выявленных в эссе. Значение данного индекса равно 1 при одинаковом числе категорий в двух биографических текстах одного автора. Значения меньше 1 соответствуют акцентированности автора на будущей жизни, а превышающие 1 — сосредоточенности на прошлом и настоящем.

Данные структурные показатели характеризуют ценностно-аттитюдное измерение жизненного мира, репрезентированного в биографическом тексте, и его индивидуальные особенности. Таким образом, ценностно-аттитюдная структура

характеризуется *вариативностью* (число уникальных ценностных категорий), *связанностью* (число ключевых категорий) и *направленностью* (индекс соотнесенности).

Опыт использования методики

Данные. Предложенное методическое решение было апробировано на биографических текстах школьников, полученных автором статьи в 2010 г., а также на аналогичных биографических материалах, хранящихся в Биографическом фонде Социологического института РАН. Массив данных 2010 г. насчитывает 497 текстов, из которых 262 автобиографии и 235 биографических эссе. Общий объем текстов составляет приблизительно 820 страниц (формат А5). В исследовании приняли участие 270 учащихся 9–11 классов восьми средних общеобразовательных школ Санкт-Петербурга; из них — 175 девушек и 95 юношей.

Кодирование данных на разных этапах исследования осуществлялось как с помощью компьютерных программ для анализа качественных данных MaxQDA, RQDA, так и вручную — заполнялись кодировочные листы для каждого текста, а затем полученные данные переносились в итоговую матрицу.

Результаты. Общее число выделенных в результате кодирования ценностных категорий составило 34 единицы. Рассмотрим 25 наиболее значимых категорий, которые встречаются у информантов, написавших автобиографию и эссе.

Вначале приведем общий список ценностей школьников с кратким описанием (список упорядочен по алфавиту).

1. *Будущая семья.* Описание предполагаемых семейных отношений в будущем.
2. *Город.* Описание города и его значение для автора биографического повествования.
3. *Домашние животные.* Простое упоминание домашних животных с различной степенью прорисованности их образов, любовь к ним.
4. *Дружба.* К этой ценности относятся упоминание и значение друзей, дружеских отношений как таковых.

5. *Заграница*. Во фрагментах текстов, относящихся к этой ценности, выражено желание жить, учиться или работать за границей.
6. *Здоровье*. Беспокойство о физическом состоянии своих родных, упоминание собственных болезней.
7. *Знаемые другие*. Упоминание в биографических повествованиях значимого Другого, влияние других (как правило, не родственников), важность их появления на жизненном пути.
8. *Карьера*. Ожидаемый профессиональный успех в будущем.
9. *Летний отдых, загород*. Значимость отдыха, досуга в летние каникулы.
10. *Личностные характеристики*. Описание собственных качеств (физических и душевных), имеющих или тех, к которым стремятся.
11. *Любовь*. Описание влюбленности, первой любви; изменение жизни, вызванное этим чувством.
12. *Материальный достаток*. Материальное благополучие, деньги, богатство, нечто значимое материального плана.
13. *Образование*. Рассматривается как определенный культурный и социальный капитал, результат какого-либо обучения, в отличие от учебы, которая в данном контексте рассматривается как процесс.
14. *Признание*. Желание быть замеченным, значимым в глазах окружающих людей.
15. *Путешествия*. Упоминание поездок по стране и заграничных путешествий.
16. *Работа, будущая специальность*. Сфера будущей работы описывается в диапазоне от простого обозначения сферы деятельности до указания конкретной профессии или рода занятий.
17. *Семья родителей*. Упоминание родителей и других близких родственников, отношения с ними, значимость семьи как таковой.

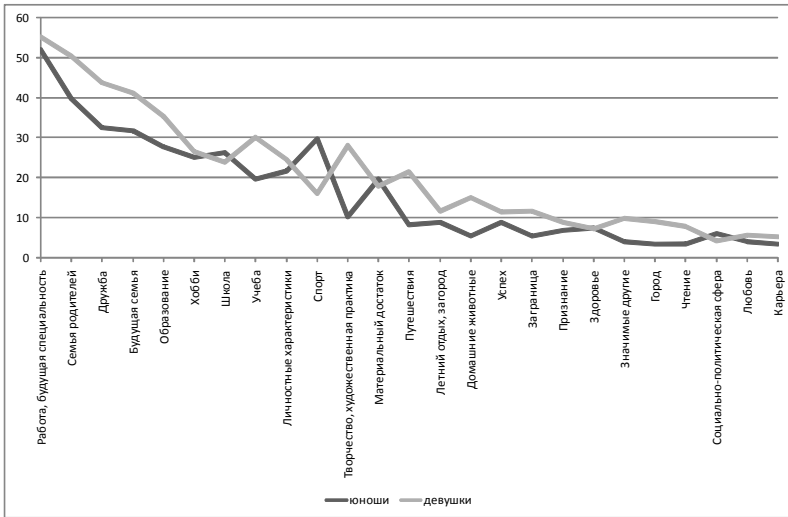

Рис. 1. Структура ценностей старшекласников по полу в % (доля текстов в которых зафиксирована та или иная ценность относительно числа текстов, принадлежащих юношам или девушкам соответственно)

18. *Социально-политическая сфера.* Выражение озабоченности определенными социальными проблемами, ситуацией в правовой и политической сферах.
19. *Спорт.* Занятие в спортивных школах, спорт как хобби и т. п.
20. *Творчество, художественная практика.* Эта ценность связана с творчеством и приобщением к искусству. К ней относятся упоминание обучения в музыкальных и художественных школах, занятий в кружках (хореографических, декоративно-прикладных и др.), занятий танцами.
21. *Успех.* Эта ценность сопровождает обычно творчество, художественную практику или спорт, являясь констатацией достижения, связанного с ними. Успех либо признан другими, либо значим в собственных глазах.

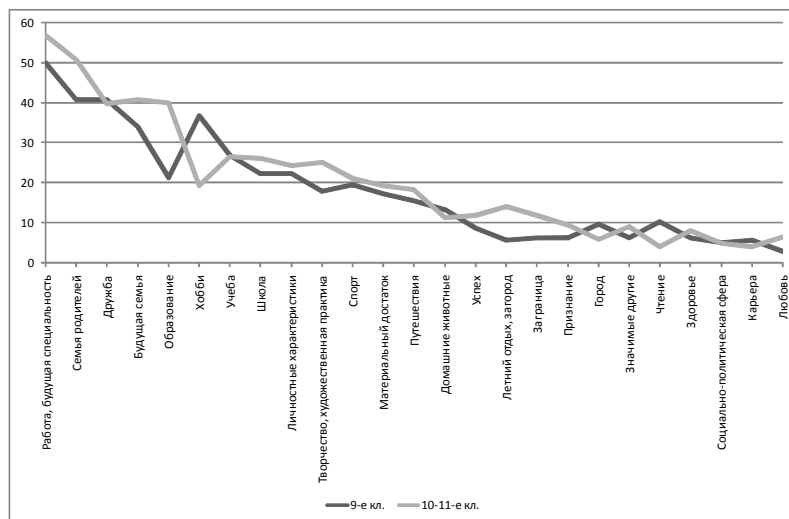

Рис. 2. Структура ценностей старшеклассников по возрасту в % (доля текстов в которых зафиксирована та или иная ценность относительно числа текстов, принадлежащих учащимся 9-х или 10–11-х классов соответственно)

22. *Учеба*. Процесс обучения в школе, его значимость.
23. *Хобби*. К этой категории относятся те сферы досуговой деятельности, которые не укладываются ни в художественную практику, ни в спорт.
24. *Чтение*. Значимость чтения как досуговой практики. Признание влияния художественной литературы на собственную жизнь.
25. *Школа*. Описание поступления в школу, значение школьной жизни.

Структура ценностей школьников представлена на двух диаграммах (см. рис. 1 и 2).

Наиболее значимыми ценностями для старшеклассников являются работа, будущая специальность; семья родителей; дружба; планируемая будущая семья; образование. Значимые

гендерные различия касаются таких ценностей, как учеба; спорт; творчество, художественная практика. Для учащихся 9-х классов более значимо хобби, а для представителей 10–11 кл. — образование.

При структурном анализе ценностно-аттитюдного измерения жизненного мира выявлены статистически значимые различия среднего значения числа уникальных кодов по полу и возрасту, а также среднего значения числа ключевых кодов по полу (табл. 1-4). Данные результаты свидетельствуют о большей вариативности и связанности репрезентации жизненного мира у девушек. Также наблюдается большая степень вариативности у учащихся 10–11 классов по сравнению с девятиклассниками.

Таблица 1

**Средние значения числа уникальных кодов
по полу**

Пол	Среднее	N	Станд. откл.
М	7,8	74	3,7
Ж	9,5	153	3,7
Весь массив	9,0	227	3,8
$F = 10,7; p = ,001$			

Таблица 2

**Средние значения числа уникальных кодов
по возрасту**

Классы	Среднее	N	Станд. откл.
9-е	8,1	87	3,7
10–11-е	9,5	140	3,7
Весь массив	9,0	227	3,8
$F = 7,9; p = ,005$			

Таблица 3

**Средние значения числа ключевых кодов
по полу**

Пол	Среднее	N	Станд. откл.
М	1,0	74	1,4
Ж	1,5	153	1,6
Весь массив	1,3	227	1,5
F = 5,1; p = ,024			

Таблица 4

**Средние значения числа ключевых кодов
по возрасту**

Классы	Среднее	N	Станд. откл.
9-е	1,4	87	1,8
10–11-е	1,3	140	1,4
Весь массив	1,3	227	1,5
F = 0,04; p = ,842			

Статистически значимых различий, касающихся направленности жизненного мира (индекс соотнесенности) относительно пола и возраста, не обнаружено. В одном учебном заведении, которое экспертами было названо как «сильная школа» (по критерию социальной благополучности учащихся, прием в школу не по «остаточному принципу») наблюдается более высокое значение индекса соотнесенности — 2,2; станд. откл. — 1,8 (среднее по массиву — 1,4; станд. откл. — 1,0). Таким образом, учащиеся этого учебного заведения сосредоточены на прошлом и настоящем, а будущее оказывается более неопределенным. Данное обнаружение, однако, не может быть интерпретировано особенностями аксиосферы учащихся, по-

скольку статистически значимых связей между наличием отдельных ценностей и более высоким значением индекса соотнесенности не выявлено.

Дескриптивное исследование аттитюдного измерения жизненного мира (на примере анализа планируемых жизненных стратегий школьников в будущих брачных и семейных отношениях) позволило выделить определенные типы воображаемых семей. Критерий детности в построении данной типологии обеспечил четкую дифференциацию в выборе планируемых респондентами стратегий внутрисемейного взаимодействия (подробные результаты опубликованы в разделе коллективной монографии (Дивисенко 2015)).

Заключение

Предложенное методическое решение позволяет реконструировать жизненный мир личности как целостную ценностно-аттитюдную структуру благодаря тому, что смысловое измерение жизненного мира рассматривается как основа ценностно-аттитюдного. Биографическое исследование позволяет выявить значимые ценности, их структуру и субъективное наполнение ценностных категорий, а также определить связь ценностей с аттитюдами как декларативными намерениями или готовностью действовать.

Использование как традиционных автобиографий, так и биографических эссе «Я через N лет» расширяют эвристические возможности биографического метода. В этих двух типах нарратива репрезентируются две конечные области смысла — повседневность и воображаемая жизнь — как структурные элементы жизненного мира. Проекты стратегий воображаемой сферы жизненного мира конституируются на основе имеющегося жизненного опыта и одновременно оказывают влияние на повседневную практику. В биографическом исследовании жизненного мира проективная методика биографического сочинения оказывается важным средством для реконструкции установок жизненного мира.

Источники

- Баксанский О. Е., Кузгер Е. Н. Когнитивные образ мира. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 224 с.
- Белоусова М. П. Мечты как жизненная реальность // Право на имя. Биографика 20 века. Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Сборник докладов. СПб.: Мемориал, 2010. С. 104–113.
- Божков О. Б. Биография и жизненные планы петербургских школьников в 90-х годах // Международная научно-практическая конференция «Будущее молодежи России». Тезисы докладов. М., 2003. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://youthmsses.narod.ru/conferense/SBORNIK.pdf> (дата обращения 03.12.2015).
- Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://psychol.ras.ru/iprrp_pfr/j3p/rar.php?id=20010405 (дата последнего обращения: 25.02.2012).
- Дивисенко К. С. Воспитание детей в семье и образование // Семья в России и Китае: процесс модернизации / Под ред. И. И. Елисейевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 491–515.
- Зайцева Ю. Е. Я-нарративы жизненных перспектив молодых петербуржцев // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 14 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
- Кожевников С. Б. Социум в структурах жизненного мира: методологический инструментарий исследования // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 5–30.
- Колесова А. О. Представления младших школьников о родительских ролях: Автореф. дис. ... канд. психолог. наук. СПб., 2011. 21 с.
- Леонтьев Д. А. К типологии жизненных миров // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 114–116. [Электронный ресурс]. URL: <http://institut.smysl.ru/article/lifeworld.php> (дата последнего обращения: 03.12.2015).
- Пржиленская И. Б. Эволюция жизненного мира россиян в условиях трансформирующегося социума: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ставрополь, 2008. С. 48.

- Слинин Я. А. Трансцендентальный субъект: феноменологическое исследование. СПб.: Наука, 2001. 528 с.
- Соколов А. В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. СПб.: БАН, 2006. 584 с.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007. 256 с.
- Giorgi A. P., Giorgi B. M. The descriptive phenomenological psychological method // Qualitative research in psychology. Expanding perspective in methodology and design / Ed. by P. M. Camic, J. E. Rhodes, L. Yardley. Washington: American Psychological Association, 2003. P. 243–273.
- Johansson K., Ekebergh M., Dahlberg K. A lifeworld phenomenological study of the experience of falling ill with diabetes // International Journal of Nursing Studies. 2009. Vol. 46. P. 197–203.
- Moore S., Metykova M. «I didn't realize how attached I am»: On the environmental experiences of trans-European migrants // European Journal of Cultural Studies. 2010. Vol. 13. P. 171–189.
- Seemann A. Lifeworld, discourse, and realism: On Jürgen Habermas's theory of truth // Philosophy & Social Criticism. 2004. Vol. 30. No. 4. P. 503–514.
- Trotman D. Interpreting imaginative lifeworlds: phenomenological approaches in imagination and the evaluation of educational practice // Qualitative Research. 2006. Vol. 6. P. 245–265.

Е. А. Чикалова

**ОТЦОВСТВО В ФОКУСЕ ЗАПАДНЫХ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье представлен обзор зарубежных исследований, посвященных проблематике отцовства, рассматриваются варианты концептуализации отцовства и различные типологии данного феномена, выделяются ключевые проблемы и перспективы развития данной исследовательской области в контексте современных трансформаций в сфере семьи.

Ключевые слова: отцовство, детерминанты отцовского поведения, традиционное отцовство, современное отцовство, отцовская вовлеченность, междисциплинарность.

Введение

В последнее время тематика отцовства всё чаще поднимается в медийном дискурсе, интерес к проблемам включения отцов в деятельность по воспитанию детей проявляется и на уровне законодательных инициатив, различные аспекты отцовства привлекают внимание исследователей. Однако трудно говорить о проработанности и систематичности тематики, связанной с отцовством: существующие научные знания в этой области малочисленны и зачастую противоречивы. Этим и обусловлена потребность в обобщении и систематизации исследований, касающихся различных сторон рассматриваемого феномена. Начиная обзор исследований, посвящённых проблематике отцовства, я исходила, прежде всего, из предположения о том, что становление данной области исследований

в России и за рубежом обладает определённой спецификой. В данной статье я акцентирую внимание на обзоре западных исследований отцовства.

Целью данной работы является систематизация имеющихся знаний о феномене отцовства в области зарубежных социогуманитарных дисциплин, выделение проблемных зон и перспектив предлагаемых исследователями интерпретаций феномена отцовства в контексте изменений, происходящих в современном обществе.

Этапы становления зарубежных исследований отцовства

В рамках социологических и психологических дисциплин интерес к исследованию феномена отцовства на Западе начинает проявляться после Второй мировой войны (см. об этом: Рождественская 2010; Fthenakis 2002). В этот период для исследований отцовства характерен акцент на анализе отсутствия отца в жизни детей, концептуально оформляется феномен «отсутствующего отца», наиболее чётко раскрывающийся через призму дефицитарного подхода (Fthenakis 2002; Seiffige-Krenke 2000). До конца 1960-х гг. исследования, в которых проводился непосредственный анализ отцовско-детских отношений, включали, как правило, изучение последствий отсутствия или слабой вовлечённости отца в деятельность по воспитанию детей, а также ситуаций, когда отец представлял опасность для ребёнка. Методология исследований отцовства в этот период находилась на стадии формирования, поэтому стратегия изучения взаимоотношений отца и ребёнка строилась по примеру существующих исследований материнско-детских отношений. К числу основных тем относилось изучение качества детско-родительских отношений, а также вопросов вовлечённости мужчин в деятельность по ведению домашнего хозяйства и по уходу за детьми (Kotelchuck 1976).

К концу 1970-х — началу 1980-х гг. наметился поворот к изучению мужской родительской роли как составляющей семейной системы. Исследовательский интерес распространяет-

ся на анализ феномена отцовства в рамках триадического взаимодействия (мать-отец-ребёнок), а также в контексте более сложных семейных структур; изучаются прямые и косвенные эффекты вовлечённости отца в сферу родительства. Исследования этого периода открыли возможность рассматривать отцовство, и, в частности, взаимоотношения отца и ребёнка, в рамках различных форм организации семьи (Fthenakis 2002). Появляются работы, в фокус которых попадает тематика одинокого отцовства, затрагиваются проблемы неродных отцов, отцов, лишённых родительских прав (Fthenakis, Niesel, Kunze 1982). Таким образом, отцовство начинает рассматриваться в более широком контексте, в фокус исследований попадают характеристики внешней среды, социальные условия. Важное значение в расширении области исследований отцовства имели идеи критического феминизма (Hochschild 1989a, b; La-Rossa 1988), в контексте которых анализируются проблемы социокультурной детерминированности отцовского поведения, затрагивается тематика соотношения семьи и работы, исследуются институциональные и политические аспекты отцовства (Pleck 1985; 1997). Этот этап исследований также ознаменован появлением интереса к изучению отцовства в ракурсе возрастающего культурного разнообразия. В частности, речь идёт об исследованиях поведения отцов, принадлежащих различным этническим общностям, а также отцовства в гомосексуальных родительских парах (Barrett, Robinson 1994; Bozett 1989).

С начала 1990-х гг. исследования отцовства, прочно закрепившись в научном знании как часть исследований, посвящённых вопросам семьи, фокусируются на новой проблематике, связанной с изучением развития и изменения отцовства в рамках процесса развития семьи (Cowan, Cowan 1992), среднесрочных и долгосрочных эффектов влияния отца на развитие детей (Amato 1997). На этом этапе сохраняется и усиливается ориентированность исследований на анализ социокультурного контекста, обуславливающего специфику отцовства. Важным шагом становится пересмотр широко распространённой

до этого времени позиции в отношении трактовки отцовской роли, предполагающей её «инструментальный» характер, т. е. сводящейся к функциям добытчика и кормильца семьи. Вопросы включённости отца в деятельность по ведению домашнего хозяйства и по воспитанию детей снова привлекают интерес исследователей (Greenstein 1996), но в иной, чем раньше, перспективе: предпринимаются попытки переосмысления концепции родительства (в том числе и отцовства). Разрабатываемые концептуальные модели отцовства базируются на необходимости переосмысления мужской родительской роли в направлении большей вовлечённости отца в заботу о ребёнке (Fthenakis 2002). Поднимаются вопросы о необходимости усовершенствования исследовательского инструментария, применяемого при анализе феномена отцовства, с учётом изменившихся условий (Generative fathering... 1997; Hawkins, Palkovitz 1999).

Важной задачей, которая ставится многими западными исследователями, является разработка комплексной концепции отцовства, которая отвечала бы запросам современного общества, характеризовалась междисциплинарностью и учитывала методические возможности различных дисциплин.

Подходы к концептуализации отцовства: модели, детерминанты и типологии отцовского поведения

Наиболее распространённой концепцией, позволяющей анализировать феномен отцовства, которая нашла отражение во многих зарубежных исследованиях, выступает концепция, предложенная в работе М. Е. Lamb. В качестве центрального понятия данной концепции выступает понятие «отцовская вовлечённость», которая рассматривается как конструкт, состоящий из следующих параметров:

- взаимодействие, которое заключается в том, что отец самостоятельно, без чьего-либо посредничества контактирует с ребёнком, проводит с ним свободное время;
- доступность — возможность реагировать на потребности ребёнка в условиях одновременной включённости в другую деятельность;

- ответственность, подразумевающая направленность на содействие благополучию детей, осведомлённость о потребностях детей и деятельность по их удовлетворению (Lamb, Pleck, Charnov et al. 1987).

Следует отметить, что предложенная модель в модифицированном виде встречается в работах других исследователей, а также предпринимаются попытки её расширения посредством включения в неё дополнительных компонентов. Так, например, в исследовании G. Brzoska, G. Hafner и E. Schäfer выделенные параметры рассматриваются не как самостоятельные, одновременно существующие элементы, а как разные уровни родительской вовлечённости. Параметр «взаимодействие» подразумевает именно непосредственное взаимодействие с детьми, которое происходит в форме ухода или через игру, параметр «доступность» раскрывает ситуацию, когда тесного взаимодействия с ребёнком нет, однако фиксируется физическое присутствие, а «ответственность» предполагает постоянное взаимодействие, компетентность, например, в плане определения потребностей ребёнка, при посещении врача. Различия, выявленные в исследовании указанных авторов, отчётливо показали, что матери вносят значительно больший вклад в деятельность по уходу за детьми, чем отцы, причём как во временном отношении, так и по степени участия. Самое большое расхождение выявилось в сфере распределения ответственности: отцы склоняются делегировать свою ответственность, ссылаясь на то, что у них другие приоритеты (приводится по: Tazi-Preve 2004).

Раскрывая проблематику отцовской вовлечённости, следует обратить внимание на концепцию Р. Палковица, который предлагал различать три аспекта данного феномена: когнитивный, аффективный и конативный. Дополнительными параметрами выступают качество отношений (степень включённости, эмоциональной близости, объём временных ресурсов, вкладываемых в деятельность по воспитанию и заботе о ребёнке), а также ряд факторов, обуславливающих специфику вовлечённости (от индивидуально-личностных характерис-

тик, особенностей процесса взаимодействия до условий окружающей среды, институционального и культурно-символического контекста) (приводится по: Мальцева 2010).

Концепция отцовской вовлечённости занимает важное место в современных исследованиях отцовства, однако существует и ряд других подходов к пониманию феномена отцовства, которые демонстрируют разнообразие детерминирующих его факторов.

Интересную интерпретацию феномена отцовства предлагает J. R. Snarey. Базируясь на идеях Э. Эриксона, исследователь применяет понятие «генеративность», которое соответствует определённому личностному качеству, формирующемуся у взрослых людей. Это определённая ступень в развитии мужчины, сопровождающаяся актуализацией потребности в заботе о следующем поколении, в передаче жизненного опыта. Данная концепция предполагает, что мужчины, ориентируясь на желание видеть потомков более счастливыми, организуют в этих целях необходимый контроль, руководство и необходимое обеспечение (Snarey 1993).

V. Gillies рассматривает отцовство как комплексный структурный феномен, который детерминирован несколькими группами факторов. В рамках данной концепции выделяются: 1) персональные личностные факторы (психологические, биологические); 2) экологические факторы (стратегии и тактики жизненного пути мужчины, экономические ресурсы мужчины, культурное мировоззрение, различия в условиях жизни и проживания и исполняемых ролях); 3) факторы среды; 4) факторы социальной поддержки; 5) качества ребёнка (Gillies 2009).

M. Ihinger-Tallman с коллегами (Ihinger-Tallman, Pasley, Buehler 1993) рассматривает отцовство в постразводной ситуации и предлагает восьмифакторную модель, в которой прослеживает взаимосвязь идентичности отца с его фактической вовлечённостью в деятельность семьи после разрыва отношений. К факторам, входящим в данную модель, относятся социальные стереотипы, отношение отца к воспитательным практикам матери, эмоциональная стабильность отца, эмоциональная

стабильность матери, взаимоотношения родителей, пол ребёнка, факторы экономической среды, поддержка окружения.

Ведущими факторами, обуславливающими отцовское поведение, по мнению W. J. Doherty, являются индивидуальные характеристики отца, матери и ребёнка, особенности взаимодействия родителей, а также влияние окружающей среды. Другие исследователи предлагали в качестве факторов рассматривать такие характеристики как мотивация, компетентность отца, уверенность в себе, содействие, помощь со стороны матери ребёнка, предлагаемые обществом институциональные практики, направленные на поддержку отцовства (Doherty, Kouneski, Erickson 1998).

Разнообразие вариантов отцовского поведения может быть охвачено посредством выделения различных типологий отцовства. Рассмотрим основные варианты классификации отцовского поведения, предлагаемые западными исследователями.

W. Schneider и W. Fthenakis предлагают различать несколько вариантов взаимодействия отца и ребёнка, принимая за точку отсчёта характеристики общения (количественные и качественные).

- 1) Традиционный отец представляет собой воплощение авторитета, силы, внесемейной активности. В рамках семьи выполняет функции материального обеспечения и защиты супруги и ребёнка. Взаимодействие с ребёнком практически отсутствует, основная ответственность за эту деятельность рассматривается как прерогатива матери. Авторитарный стиль воспитания, отсутствие эмоциональной близости и реализация властных полномочий в семье — основные характеристики данного типа отцовского поведения.
- 2) Отец-партнёр выступает в качестве примера, образца, помощника. Он включён в игровую деятельность, занимается физическим развитием ребёнка. Отцы данного типа разделяют возможность гибкого распределения ролей в семье, включены в деятельность по воспитанию ребёнка.

- 3) Новый отец рассматривается авторами с позиции важности осознания самим мужчиной значимости общения с ребёнком, проявления эмоциональной близости, возможности взаимодействия с ребёнком как основы личностной зрелости (Schneider 1989; Fthenakis 2002).

В некоторых работах типы отцовства рассматриваются в континууме «позитивного»/ «негативного» влияния на личность ребёнка и самого мужчины. Например, L. Marks и R. Palkovitz выделили четыре типа отцовского поведения, первые два из которых обозначаются как «позитивные», а остальные — как «негативные». Чётких названий у предлагаемых типов нет, они описываются посредством определённых признаков. *Первый тип* характеризуется как генеративное, творческое, ответственное отцовство. Основным признаком данного типа является активная вовлечённость мужчины в заботу о ребёнке. Для его характеристики используются понятия «новое», «положительно вовлечённое отцовство». *Второй тип* отцовства обозначается как «хороший добытчик», его характерными чертами является ориентированность мужчины, прежде всего, на деятельность по материальному обеспечению семьи, выполнение роли кормильца. *Третий тип* отцовства, относящийся к «негативному» полюсу, называется «неплательщик алиментов». Данный тип включает такие характеристики как отстранённость от воспитания детей и их содержания, отсутствие интереса к процессу воспитания. *Четвёртый тип* отцовства обозначен как «незаинтересованный тип», или «отсутствующий отец», и предполагает ориентацию мужчины на жизненную стратегию, которая не включает самореализацию в родительской роли (Marks, Palkovitz 2004).

Схожей по принципам классификации является типология отцовства, предложенная J. Brannen и A. Nilsen. Общая стратегия разделения вариантов отцовского поведения на «плохие»/ «негативные» и «хорошие»/ «позитивные» типы дополняется выделением типов по критерию доступности отца для ребёнка. В рамках данной типологии выделяются следующие «позитивные» типы: 1) отец, сфокусированный на работе — характери-

зуется низкой вовлечённостью в деятельность по воспитанию, ориентированностью на самореализацию в профессиональной сфере; 2) «семейный отец», с одной стороны, ориентирован на профессиональную самореализацию (работает полный рабочий день), но, в то же время, стремится уделять достаточное внимание детям, берёт часть заботы о детях на себя, вовлечённость в сферу семьи считает более значимой по сравнению с трудовой деятельностью; 3) «активный отец» — может не быть главным добытчиком в семье, характеризуется высокой степенью вовлечённости в заботу о детях, профессиональная деятельность у данных мужчин отходит на второй план (это может выражаться в выборе гибкого графика работы, либо в таком распределении семейных обязанностей, при котором мужчина не включён в сферу оплачиваемой занятости, а занят рутинной домашней деятельностью, т. е. функция материального обеспечения выполняется женщиной). К «негативным» типам относятся: 1) «недобросовестный отец» — мужчина, уклоняющийся от выплаты алиментов, не заинтересованный в финансовой поддержке ребёнка; 2) «присутствующий физически, но функционально отсутствующий отец» — не проявляющий интереса к деятельности по воспитанию ребёнка, не включённый во взаимодействие с детьми (Brannen, Nilsen 2006).

Представленные модели поведения в рамках отцовской роли, как правило, отражают какой-то отдельный аспект изучаемого феномена. В этой ситуации важным становится их сравнение и соотнесение между собой для формирования целостного видения проблематики отцовства. Обобщая предложенные типологии отцовства, отметим, что важным аспектом, на который указывают практически все авторы, является встроенность данного феномена в континуум, который условно можно обозначить «традиционализм (патриархатность) — современность (эгалитарность)». Крайними полюсами данного континуума выступают:

- с одной стороны, ориентация мужчины на включённость в семейную сферу, и, в частности, в деятельность по уходу и заботе о ребёнке;

- с другой стороны, отстранённость от контакта с ребёнком, отсутствие интереса к взаимодействию с детьми и ориентации на самореализацию в сфере семьи.

Тенденции, которые наблюдаются в этой области в настоящее время, свидетельствуют об активизации процессов перехода к более вовлечённому варианту отцовства. Указанные тенденции понимаются как часть более общих процессов, происходящих в современном мире.

На основе рассмотренных подходов к анализу феномена отцовства можно вывести следующие основные положения, важные для понимания сущности данного феномена в современных условиях:

1. Прежде всего, отцовство рассматривается в качестве индивидуальной практики, изменчивой и обусловленной множеством факторов.
2. Отцовство представляет собой комплексный феномен, включающий множество структурных компонентов.
3. Важную роль в понимании и трактовке феномена отцовства, а также детерминирующих его факторов, играет разделяемая тем или иным автором соответствующая научная парадигма.

Основные перспективы современных зарубежных исследований отцовства

Существующие в настоящее время зарубежные исследования отцовства сконцентрированы на анализе данного феномена в рамках следующих основных направлений:

- разработка концептуальной модели и методического инструментария, позволяющего изучать реальное поведение мужчин в рамках отцовской роли с акцентом на анализе отцовской вовлечённости и её эффектов для членов семьи, разнообразия индивидуальных стратегий отцовства (см. например: Amato 1997; Coltrane 2009; Marsiglio, Day, Lamb 2000);

- исследование специфики отцовства в ситуации разрыва отношений, развода (см. например: Arrendell 1995; Doucet 2006; Dudley, Stone 2001; Wolde 2007; и др.);
- изучение отцовства в контексте семейной политики, проблематика поддержки отцов на институциональном уровне (см. например: Burgess 1997, Hobson 2002; Lewis 2002);
- анализ социальных, культурных и исторических детерминант отцовства, изучение разнообразия отцовского поведения (см. например: Cohan, Marsiglio 2000);
- исследование отцовских сообществ и инициатив как факторов, способствующих активному вовлечению мужчин в деятельность по воспитанию детей (см. например: Stone, McKenry, Clark 1999; Wolde 2007).

Ключевой тенденцией, которая пронизывает все направления современных исследований отцовства, становится развитие и усиление связей между различными дисциплинами.

Так, социолог Скотт Колтрэйн (Scott Coltrane) и психолог Росс Парк (Ross Parke) акцентируют внимание на важности дополнения данных об отцовстве, полученных в рамках социологических и психологических работ, результатами исторических и культурологических исследований. Исследователи формулируют ряд тезисов, раскрывающих специфику анализа отцовства в современных условиях. При этом красной нитью через всё повествование проходит требование о необходимости учитывать исторический контекст. Эскизно обозначим основные раскрываемые исследователями идеи.

- Прежде всего, отмечается противоречивый и сложный характер исторических изменений, а также недостаточная проработанность тематики отцовства в историческом ракурсе.
- Кроме этого, исследователи поднимают тему несводимости отцовских практик к нормам отцовства, к этому можно добавить идею многообразия форм отцовства в рамках одного исторического периода.

- Несмотря на то что центральным аспектом исследований отцовства является его анализ с позиции влияния отцовского поведения на развитие детей, для комплексного анализа феномена отцовства его предлагается рассматривать в системе детско-родительских, супружеских, родственных отношений.
- Также важной для анализа отцовства является перспектива, учитывающая межпоколенческие отношения. Отцовство, таким образом, рассматривается как часть семейной системы, которая, в свою очередь, встроена в систему общественных отношений и институтов.
- Особое внимание уделяется анализу существующих в культуре и распространяемых СМИ образов отцовства, указывается, что они могут не совпадать с реальными отцовскими практиками, а также являться источником их трансформации. Изменения отцовского поведения продолжаются в современном обществе.
- Отцовство понимается как конструируемая категория, базирующаяся на культурно, социально и исторически обусловленном понимании специфики «мужского» и «женского», она тесно связана с категорией власти. Подчёркивается зависимость подходов к исследованию отцовства являются от политического контекста (Coltrane, Parke 1998).

Подводя итог, необходимо указать, что в ракурсе междисциплинарного подхода появляется возможность комплексного исследования феномена отцовства.

Заключение

В рамках данной статьи я постаралась ответить на следующие вопросы: *во-первых*, как происходило развитие исследований отцовства за рубежом; *во-вторых*, каковы проблемные точки и перспективы современных западных исследований отцовства.

Обобщение представленных в работе подходов к пониманию феномена отцовства позволяет сделать вывод о том, что анализ отцовства невозможен в отрыве от понимания совре-

менных тенденций, которые происходят в сфере семейных отношений. Феномен отцовства может быть рассмотрен в рамках смыслового континуума, предполагающего сосуществование двух ключевых моделей — традиционного и современного родительства. Эти модели родительства, если рассматривать их в более широком контексте, являются производными от традиционной (патриархатной) и современной (эгалитарной) моделей семьи. Каждая из них налагает определённые требования к специфике взаимодействий между членами семьи и функциям, выполняемым в рамках семейных ролей.

Источники

- Мальцева Д. В.* Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5. Вып. 99. С. 272—289.
- Рождественская Е. Ю.* Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75—89.
- Amato P. R.* More than money? Men's contributions to their children's lives // Men in families: When do they get involved? What difference does it make? / Ed. by A. Booth, A. C. Crouter. Hillsdale, 1997. P. 241—278.
- Arrendell T.* Fathers and Divorce. Thousand Oaks: Sage, 1995. 315 p.
- Barrett R. L., Robinson B. E.* Gay dads // Redefining families — Implications for children's development / Ed. by A. E. Gottfried, A. W. Gottfried. London, 1994. P. 157—170.
- Bozett F. W.* Gay fathers: A review of the literature // Journal of Homosexuality. 1989. №18. P. 137—162.
- Brannen J., Nilsen A.* From Fatherhood to Fathering: Transmission and Change among British Fathers in Four-generation Families // Sociology. 2006. № 40. P. 335—352.
- Burgess A.* Fatherhood Reclaimed — the making of the modern father London: Vermilion, 1997. 249 p.
- Cohan M., Marsiglio W.* Contextualizing Father Involvement and Paternal Influence // Marriage & Family Review. 2000. № 29 (2—3). P. 75—95.
- Coltrane S.* Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas // Men's Lives / Ed. by Michael Kimmel. 8th edition. Boston, 2009. P. 432—449.

- Coltrane S., Parke R. D.* Reinventing Fatherhood: Toward an Historical Understanding of Continuity and Change in Men's Family Lives. Philadelphia, PA: National Centre on Fathers and Families, 1998. WP-98-12A.
- Cowan C. P., Cowan P. A.* When partners become parents: The big life change for couples. New York: Basic Books, 1992. 258 p.
- Doherty W., Kouneski E., Erickson M.* Responsible fathering: An overview and conceptual Framework // Journal of Marriage and the Family. 1998. № 60. P. 277—292.
- Doucet A.* Do Men Mother? Fatherhood, Care and Domestic Responsibility Toronto: University of Toronto Press, 2006. 350 p.
- Fthenakis W. E., Niesel R., Kunze H.-R.* Ehescheidung — Konsequenzen für Eltern und Kinder. München: Urban & Schwarzenberg, 1982. 265 S.
- Fthenakis W. E.* Mehr als Geld?: Zur (Neu-) Konzeptualisierung väterlichen Engagements // Mutterschaft, Vaterschaft / Hrsg. von W. E. Fthenakis, M. R. Textor. Weinheim; Basel, 2002. S. 90—11.
- Generative fathering: Beyond deficit perspectives* / Ed. by A. J. Hawkins, D. C. Dollahite. Thousand Oaks: Sage, 1997. 279 p.
- Gillies V.* Understandings and Experiences of Involved Fathering in the United Kingdom: Exploring Classed Dimensions // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2009. № 1. Vol. 624. P. 49—60.
- Hawkins A. J., Palkovitz R.* Beyond ticks and clicks: The need for more diverse and broader conceptualizations and measures of father involvement // The Journal of Men's Studies. 1999. № 8. P. 11—32.
- Hobson B.* Making men into fathers: Men, masculinities and the social politics of fatherhood. Cambridge: Cambridge university press, 2002. 340 p.
- Hochschild A. R.* The economy of gratitude // The sociology of emotions: Original essays and research papers / Franks D. D., McCarthy E. D. (Hrsg.). Greenwich: JAI Press, 1989a. S. 95—113.
- Hochschild A. R.* The second shift: Working parents and the revolution at home. New York: Viking, 1989b. 309 p.
- Ihinger-Tallman M., Pasley K., Buehler C.* Developing a middle-range theory of father involvement postdivorce // Journal of Family Issues. 1993. № 14. P. 550—571.
- Kotelchuck M.* The infant's relationship to the father: Experimental evidence // The role of the father in child development / Ed. by M. E. Lamb. New York, 1976. P. 329—344.

- Lamb M. E., Pleck J., Charnov E., Levine J.* A biosocial perspective on parental behavior and involvement // Parenting across the lifespan / Ed. by J. B. Lancaster, J. Altmann, A. Rossi. New York, 1987. P. 111–142.
- LaRossa R.* Fatherhood and social change // Family Relations. 1988. № 37. P. 451–457.
- Lewis J.* The problems of fathers: Policy and behaviour in Britain // Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood / Ed. by B. Hobson. Cambridge, 2002. P. 125–149.
- Marks L., Palkovitz R.* American fatherhood types: The «good», the «bad», and the «uninterested» // Fathering. 2004. Vol. 2. № 2. P. 113–129.
- Marsiglio W., Day R. D., Lamb M. E.* Exploring Fatherhood Diversity // Marriage & Family Review. 2000. Vol. 29. № 4. P. 269–293.
- Pleck J. H.* Paternal involvement: Levels, sources, and consequences // The role of the father in child development. New York, 1997. P. 66–103.
- Pleck J. H.* Working wives/working husbands. Thousand Oaks: Sage, 1985. 167 p.
- Schneider W.* Die neuen Väter. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft. Augsburg: AV-Verl., 1989. 177 S.
- Seiffge-Krenke I.* Neuere Ergebnisse der Vaterforschung // Psychotherapeut. 2001. Vol. 46. Iss. 6. P. 391–397.
- Snarey J.* How fathers care for the next generation: A four decade study. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 403 p.
- Stone G., McKenry P., Clark K.* Father participation in a divorce education program: A qualitative evaluation // Journal of Divorce and Remarriage. 1999. № 30. P. 99–113.
- Tazi-Preve I. M.* Vaterschaft im Wandel? Eine Bestandsaufnahme von Verhalten und Einstellung von Vätern // Familienforschung in Österreich. 2004. Heft 12. S. 109–129.
- Wolde A.* Väter im Aufbruch. Deutungsmuster von Väterlichkeit und Männlichkeit im Kontext von Väterinitiativen. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 311 S.

И. И. Елисеева

ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ

В статье отмечаются современные тенденции в изменении структуры российских домохозяйств и их негативные последствия с точки зрения воспроизводства населения. Делается попытка объяснения увеличения доля неполных и прочих семей с позиций сохраняющегося гендерного неравенства и усиления внутренней миграции. Статья основана на материалах официальной российской статистики, прежде всего, Всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г.

Ключевые слова: структура домохозяйств, неполная семья, прочие семьи, гендерное неравенство, внутренняя миграция.

Введение

Изменения в структуре российских домохозяйств неоднократно привлекали внимание исследователей (см. например: Волков 1975; Васильева 1975; Демографическая модернизация России 2006). Отмечались такие особенности, как снижение доли семей с полной брачной парой, уменьшение доли семей с детьми до 18 лет, рост доли одиночек, увеличение неполных и прочих семей без родительского ядра. Как правило, объяснение этих тенденций дается в контексте глобального влияния демографического перехода, урбанизации и эмансипации женщин.

В данной статье предпринята попытка объяснения указанных тенденций с позиций гендерного неравенства и внутренней миграции. По мнению автора статьи, эти факторы задают

направление вектора изменений, внося новые аспекты в усиливающуюся индивидуализацию частной жизни.

В первой части статьи рассматривается динамика структуры домохозяйств в России. Во второй части обсуждается проблема «женского перевеса» и его влияния на структуру семей и гендерные отношения в сфере семьи и брака. Третья часть статьи посвящена проблеме разводимости. В четвертой части рассматриваются особенности современной внутренней миграции и ее взаимосвязь с интенсивностью разводов и распространенностью прочих домохозяйств. Заключение содержит выводы по каждой части и их обобщение.

Изменение структуры домохозяйств в России

Исходным состоянием российской семьи в XX в. было всеместное распространение многопоколенной семьи, причем, совместно проживали не только прямые родственники и лица, связанные свойством, но и не прямые родственники, а нередко и те, кто не состоял в родственных отношениях. Данные первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. показывают, что на тот период характеристики сложной семьи сохранялись более, чем у трети городских семей/ домохозяйств, не говоря уже о сельских (табл. 1).

Таблица 1

Структура городских семей по данным переписи населения 1926 г.

Тип семьи	%
Брачная пара с детьми и без детей	58,0
Мать (отец) с детьми	9,4
Итого простые (нуклеарные) семьи	67,4
Брачная пара с детьми и без детей, с родителями одного из супругов и другими родственниками	17,3
Мать (отец) с детьми, родителями и другими родственниками	14,0
Итого сложные семьи	31,3

Продолжение табл. 1

Тип семьи	%
Прочие семьи	1,3
Всего:	100,0

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г., т.56, С.74.

Принятый в 1925 г. курс на индустриализацию страны потребовал притока рабочих, что вызвало массовую миграцию из села в город. Этот процесс раскалывал традиционную семью, тогда как дефицит жилья оказывал обратное воздействие, вынуждая к совместному проживанию молодых семей с семьей прародителей.

Великая отечественная война разрушительно сказалась на российской семье вследствие массовой гибели как военнослужащих, так и гражданского населения, утраты связей с родными в результате эвакуации, бомбежек, нахождения на оккупированной территории, репрессивных действий со стороны государства. По сути, нормальная семейная жизнь начала налаживаться со второй половины 1940-х гг. — начала 1950-х гг. Развертывание массового жилищного строительства в конце 1950-х — 1960-х гг. привело к устойчивой долговременной тенденции нуклеаризации российской семьи (табл. 2).

Таблица 2

**Тенденции нуклеаризации
и денуклеаризации российских семей**

Год	Доля нуклеарных семей среди домохозяйств, состоящих из двух и более человек, в %	Среднегодовой прирост (сокращение) доли нуклеарных семей, п. п.
1970	75,8	X
1989	81,1	X
2002	70,2	X

Продолжение табл. 2

Год	Доля нуклеарных семей среди домохозяйств, состоящих из двух и более человек, в %	Среднегодовой прирост (сокращение) доли нуклеарных семей, п. п.
2010	67,5	X
1970—1989	X	0,33
1989—2002	X	– 0,84
2002—2010	X	– 0,33

Источник: рассчитано по материалам переписей населения.

Можно утверждать, что процесс нуклеаризации российских семей продолжался до конца 1980-х гг. со среднегодовым приростом доли нуклеарных семей 0,33 п. п. У этой тенденции имеются естественные пределы, корнящиеся в антропологических особенностях россиян. Как показали проведенные нами исследования, примерно 10—11% семей не высказывали стремления к раздельному проживанию с прародителями даже при наличии всех условий (Ружже и др. 1982: 104, 108, 110, 111).

Переход к рыночной экономике обернулся еще одним шоком для российской семьи, что отразилось на ее характеристиках. По оценке М. Н. Руткевича, шанс опуститься на дно для одиноких пожилых людей в 1992—1996 гг. составлял 72%, для инвалидов — 63%, многодетных семей — 54%, безработных — 53% ; примерно 2 млн детей и подростков не учились и не работали (Руткевич 1998). В первые годы постперестроенного периода в связи с резким снижением уровня жизни распространились челночничество, вахтовая занятость, многочисленные подработки, что привело к отрыву родителей от детей, перераспределению обязанностей по уходу и воспитанию детей — от родителей к бабушкам-дедушкам, дядям-тетям. Семья в ее классическом определении уступила место домохо-

зяйствам¹. Начался, по сути, процесс денуклеаризации семьи, особенно интенсивно проявившийся в межпереписной период 1989—2002 гг. (см. табл. 2)

Если взять более продолжительное время, то видна все бóльшая распространенность семей без родительского ядра (мать-отец), рост доли неполных и прочих семей (табл. 3).

Таблица 3

**Неполные и прочие семьи в России
по данным переписей населения, в %**

Показатель	1970	1989	2002	2010
Мать (отец) с детьми и другими родственниками или без них	16,0	15,2	24,1	21,0
Прочие семьи	1,9	2,1	6,6	9,6

Особенно поражает быстрое увеличение доли прочих семей: из «осколочного» типа, составлявшего менее 2% семей, этот тип семей/домохозяйств стал заметным социально-демографическим явлением.

К этому добавилась еще одна метаморфоза: в условиях роста рождаемости данные последних переписей населения свидетельствуют о снижении доли семей с несовершеннолетними детьми (см. табл. 4).

В качестве первой причины динамики такого рода можно указать то, что устойчивый рост рождаемости не успел отразиться на данных последней переписи, он сформировался лишь после введения федеральной программы экономического стимулирования рождаемости, получившей название «Материнский капитал». Идея этой программы была высказана В. В. Путиным в мае 2006 г., но сама программа оформилась

¹ Семья — группа лиц, связанных родством, либо свойством, имеющая общий бюджет и проживание. Домохозяйство — один человек или группа лиц, имеющих общий бюджет (полностью или частично) и проживание.

Таблица 4

**Основные характеристики уровня детности
российских семей по данным переписей 2002 г. и 2010 г.**

Показатель	2002	2010
Доля семей с детьми в возрасте до 18 лет (в %) среди:		
семей с полной брачной парой	53,7	46,4
неполных семей	55,5	44,4
прочих семей	17,2	28,3
всех семей	51,7	44,1
Доля семей, в которых есть брачная пара, среди всех семей с детьми до 18 лет, в %	74,6	72,7
Доля семей с тремя и более детьми до 18 лет среди всех семей с детьми до 18 лет, в %	6,6	7,0

Источник: Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 2.

и начала реализовываться с конца 2007 — начала 2008 г., так что ее эффект не смог повлиять на выводы сравнительного анализа ВПН 2002 г. и ВПН 2010 г. Причины увеличения детности прочих семей были отмечены выше. Снижение детности остальных типов семей может быть связано с неравномерностью рождений в семьях разных типов, концентрацией рождений в определенных подгруппах семей.

В структуре российских домохозяйств все больший удельный вес занимают домохозяйства, состоящие из одного человека (одиночки): по данным ВПН-2010 такие домохозяйства составили 25,7%, в них проживает 9,8% населения, причем 67% их них — это овдовевшие пожилые женщины. Кроме этой категории численность одиночек пополняют лица, никогда не состоявшие в браке и разведенные. Как отмечает И. И. Белобородов, растет процент безбрачия: в 2010 г. эта категория насчитывала 24 млн человек — на 6,2 млн человек больше, чем в 1989 г. (Белобородов, 2014)

Сравнительно новым явлением, безусловно свидетельствующем о коренной модернизации семейно-брачных отношений в России, являются сожительства, не регистрируемые официально как брак. Благодаря тому, что в программе переписей 2002 г. и 2010 г. эта категория семейно-брачного состояния была выделена, можно с уверенностью утверждать, что распространенность незарегистрированных браков растет: если в 2002 г. они составляли 9,8% от общего числа состоящих в браке, то в 2010 г. — уже 13,2%. И. И. Белобородов, А. Карлсон, а еще раньше В. Н. Архангельский оценивают это явление как «антирепродуктивное», снижающее уровень рождаемости (Белобородов 2014; Карлсон 2003; Архангельский 2002; Архангельский 2006). Можно предположить, что статистические данные о сожительстве занижены — часть проживающих в незарегистрированном союзе могла отнести себя к одиночкам. В любом случае, отмеченные тенденции (рост одиночек и незарегистрированных союзов) подтверждают усиление индивидуализации частной жизни на фоне роста экономической независимости индивидов, а также распространения новых форм сексуальных отношений, не связанных с организацией повседневной совместной жизни (например, так называемый «гостевой брак»). Новые тренды существенно коррелируют с уровнем урбанизации и типом городских поселений, в большей мере присутствуя в жизни крупных городов, прежде всего, миллионников.

Женский перевес и гендерное неравенство

Ценность семьи высоко ставится в России, связываясь с национальными традициями, значимостью отношений с родителями и прародителями, поддержанием культа патриархальной многопоколенной семьи. Семья позволяла россиянам выжить в суровых природных условиях, ограждала частную жизнь от внешних вмешательств. Крепость семьи, ее репродуктивный потенциал и экономическое благополучие исторически зависели, прежде всего, от наличия мужчин, что способствовало гендерному неравенству. В той или иной степени, оно было

выражено во всех слоях общества и усилилось в связи с потерями, которые понесла Россия в XX в. Первая мировая война унесла жизни почти 2 млн человек (БСЭ 1932), Гражданская война — еще 10 млн человек (Эрлихман 2004). Великая отечественная война стоила СССР, по самым минимальным оценкам, около 27 млн человек (Андреев, Дарский, Харькова 1993). Имеются и более высокие оценки потерь (см., например, расчеты Б. В. Соколова (Соколов 1989)). Л. Л. Рыбаковским предприняты попытки вычленивать из общесоюзных цифр потери России, которые, по его расчетам, составили примерно 13 млн человек (Рыбаковский 2010). В подавляющем большинстве в войнах и последующих локальных вооруженных конфликтах погибали мужчины. Сформировавшийся «женский перевес»¹ усилил гендерное неравенство не только в сфере социального устройства, но и в области сексуальных отношений. Причем неравенство в сексуальной сфере заняло доминирующие позиции, деформируя отношение к женщине во всех других аспектах. К сожалению, эта тема в истории российской социологии слабо разработана, хотя ее шлейф можно обнаружить и в реалиях и научном осмыслении современной жизни.

Половые пропорции смещены в сторону некоторого преобладания женщин во всех странах мира, но в России «женский перевес» усугублен военными потерями и «мужской сверхсмертностью», т. е. более высокой смертностью мужчин по сравнению с женщинами в одних и тех же возрастных группах. В конце XIX в. в России на 1000 мужчин приходилось 1055 женщин. По данным переписи 1926 г. в РСФСР насчитывалось 1094 женщины на 1000 мужчин. По итогам переписи 1959 г. на 1000 мужчин в России приходилось 1243 женщины. Эта цифра, катастрофическая по своей сути, не отражает той глубины диспропорций, с которой Россия закончила Великую отечественную войну и последовавшие военные действия в войне с Японией: ведь первая послевоенная перепись населе-

¹ *Гендерное неравенство* — характеристика социального устройства, согласно которой мужчины и женщины обладают неравными возможностями в обществе.

ния была проведена лишь спустя 15 лет после окончания войны. Диспропорция полов стала постепенно выравниваться по мере вымирания поколений, непосредственно участвовавших в боевых действиях (это, прежде всего, те, кто родились в 1919—1929 гг.). По данным переписи 1989 г. на 1000 мужчин приходилось 1140 женщин, тогда как в 1979 г. этот показатель был равен 1174. Вроде бы ничто не могло помешать выравниванию пропорции по полу. Однако с вхождением в период трансформации, т. е. после 1991 г., смертность мужчин начала расти опережающими темпами. Эффект повышенной смертности мужчин прослеживается в динамике доли женщин среди умерших: если в 1959 г. она составляла 51%, то в 2003 г. — 46%. Сверхсмертность мужчин привела к тому, что процесс последовательного снижения дисбаланса полов, вызванного Великой отечественной войной, сменился возвращением роста «женского перевеса»: по данным переписи населения 2002 г. на 1000 мужчин приходилось 1147 женщин, после чего пропорция продолжала ухудшаться: в 2007 г. — 1163 женщины на 1000 мужчин, в 2008—2010 гг. — 1164 женщины на 1000 мужчин. По данным переписи 2010 г. женщин в России оказалось на 10 млн больше, чем мужчин (Демоскоп, 24 октября — 6 ноября 2005 г.) (Кваша, Харькова, 1—14 апреля, 2013 г.). Некоторое снижение женского перевеса началось с 2012 г. и на 1 января 2016 г. этот показатель составил 1158 женщин на 1000 мужчин. Преобладание женщин начинает проявляться в России, начиная с 34—35 лет, постепенно нарастая с ростом возраста (Елисеева, Клупт 2016). Это результат как высокой смертности от внешних причин, не связанных с заболеваемостью, а также и более высокой смертности мужчин от онкологических заболеваний, болезней органов дыхания, желудочно-кишечного тракта и даже сердечно-сосудистых заболеваний, которым традиционно в большей степени были подвержены женщины (Аганбегян 2012; Стукалин 2015).

Послевоенный дефицит мужчин усилил гендерное неравенство в сфере семьи, брака, сексуальных отношений. Истоки гендерного неравенства коренятся в тьме веков и вряд ли в на-

стоящее время их можно трактовать с позиций положения женщин на брачном рынке, или связывать положение женщины в семье с уровнем образования и заработной платы по сравнению с мужчиной. Несмотря на социальную мобильность женщин и достижение ими более высокого уровня образования (как показали последние переписи населения), положение женщин в сфере сексуальных отношений было и остается уничижительным.

После отмены крепостного права в 1861 г. границы брачного рынка расширились: женихи стали находить себе невест не только в родной деревне. Распространенность отхожих промыслов привела к расширению внебрачных сожительства, расшатыванию супружеских отношений и ослаблению семьи. В первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. была введена гражданская регистрация браков и разводов, своей простотой и доступностью существенно обесценившая брачные узы. На фоне распространившейся теории «стакана воды», трактовавшей сексуальные отношения как «товарищескую услугу», оказываемую юношам девушками, сформировалась сексуальная распушенность и безответственность. Некой попыткой регулирования со стороны государства стало официальное разрешение аборт: в 1920 г. Россия впервые в мире узаконила прерывание беременности. Бремя низкой культуры сексуальных отношений легло на женщин (Юсупова 2004). Запрет аборт, введенный в 1936 г. и продолжавшийся до 1 ноября 1955 г., опять-таки был тем актом, который ущемлял права женщин. Эта мера вызвала распространение нелегальных аборт и, как следствие, привела к невиданному росту материнской смертности (Юсупова 2004; Денисов, Сакевич 2014). Несмотря на введение уголовной ответственности за производство аборт, женщины решались на различные нелегальные способы прерывания беременности. Традиционная мораль сохранялась: исключение добрачных половых отношений, рождение детей только в зарегистрированном браке, моногамия. Но эта мораль не выдерживала испытаний реальной жизни. При деформации возрастно-половой структуры,

колоссальном дефиците мужчин в послевоенной России распространились внебрачные связи и нередко официальная моногамия оборачивалась фактической полигамией. Природа брала свое.

Следующим шагом советского государства, унизившим женщину, явился Указ 8 июня 1944 г. об отмене права женщин на обращение в суд с иском о взыскании алиментов на содержание ребенка от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Этим же Указом устанавливалось: «При регистрации в органах записи актов гражданского состояния рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывается по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери». Таким образом, устанавливался порядок, при котором в свидетельствах о рождении детей, родившихся вне брака, отец не был указан (в метрике ребенка в графе отец ставился прочерк).

Низкая культура сексуальных отношений в сочетании с сексуальным неравноправием привели к тому, что основным регулятором рождаемости в России стали аборты. Отечественная статистика абортот не дает возможности выявить масштаб этого явления и проанализировать в полной мере роль абортот: не публиковались группировки абортот по очередности беременности (за исключением первобеременных), отсутствуют группировки по наличию детей у женщины, принявшей решение об аборте (нет детей, один ребенок, два ребенка и т. д.), брачному состоянию, жилищным условиям, доходам и проч. В советское время данные об абортот были доступны лишь для ограниченного круга пользователей («для служебного пользования»). С переходом к политике открытости и началом публикации данных об абортот открылось более чем двухразовое превышение числа абортот над численностью живорожденных: в 1990 г. на 100 живорождений приходилось 206 абортот; пять лет спустя — в 1995 г. число абортот сократилось всего лишь на 1,5%. Исследовать изменения в числе абортот мешают дефекты отечественной статистики: в постперестроечный период, до 2008 г., официальные данные об абортот публиковались толь-

ко по укрупненным возрастным группам женщин: 15—19 лет, 20—34 года, 35 и более лет. В результате невозможно провести сопоставление числа абортс с числом живорождений по пятилетним возрастным группам женщин с наибольшей активностью деторождения: 20—24 года, 25—29 лет, 30—34 года.

Как уже отмечалось, в советский период аборты были главным способом регулирования рождаемости и эта точка зрения общепринята. (Денисов, Сакевич 2014). Но вряд ли этим исчерпывалась роль абортов: это был и способ защиты женщинами права на собственную жизнь и жизнь уже рожденных детей. Анализ исторических данных об абортах свидетельствует о ничтожно малой доле женщин, не имевших детей (Сакевич, Денисов 2014: 191).

С переходом к политике открытости и публикации данных официальной статистики выявилось более чем двухразовое превышение числа абортов над численность живорожденных: в 1990 г. на 100 живорождений приходилось 206 абортов. Мало что изменилось 5 лет спустя: число абортов в 1995 г. по сравнению с 1990 г. снизилось всего лишь на 1,5%. Радикальный перелом произошел в 2007 году, когда впервые зарегистрированное число абортов стало меньше числа живорождений. В последующие годы тенденция снижения абортов подтвердила свою устойчивость (табл. 5).

Таблица 5

**Соотношение числа абортов
с числом живорождений в России**

Год	На 100 живорожденных приходилось абортов
2005	115,0
2010	66,3
2014	47,9

Источник: рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 58, 72.

Данные табл. 6 свидетельствуют о том, что женщины продолжают расплачиваться абортами за свое невежество и неве-

Таблица 6

Прерывание беременности по возрастным группам

Число абортсв на 1000 женщин в возрасте, лет	2010	2014	2014/2010, %
до 15	0,1	0,1	100,0
15–17	9,1	5,1	56,0
18–19	30,4	20,1	66,0
20–24	48,1	36,5	75,9
25–29	53,8	42,0	78,1
30–34	46,5	38,9	83,7
35–39	33,0	28,5	86,4
40–44	12,9	11,4	88,4

Источник: Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 72.

жество своих партнеров, а также за сохраняющееся неравенство в сфере сексуальных отношений. При этом доля женщин, прибегнувших к прерыванию беременности, снизилась в меньшей степени в группах более старших возрастов. Так, в возрасте 35–39 лет доля сделавших аборт снизилась на 13,6 п. п., в возрасте 40–44 года — на 11,6 п. п., тогда как в возрасте 18–19 лет прибегнувших к абортам стало меньше на 33,9 п. п. На этом основании авторы статьи «Аборты в постсоветской России: есть ли основания для оптимизма?» делают заключение, что «быстрое сокращение абортсв среди молодежи вселяет оптимизм», «абортная культура, если она и была, для постсоветских поколений остается в прошлом» (Денисов, Сакевич 201: 152). Удивляет не только оговорка авторов, якобы сомневающихс в значимости абортсв в советское время, но и их уверенность в преодолении этого способа регулирования жизни российскими женщинами. Новые практики внутрисемейного регулирования рождаемости и предохранения от нежелательной беременности медленно входят в сексуальную жизнь россиян: на это указывает неустойчивость снижения числа абортсв у первобеременных — в 2012 г. этот показатель сни-

зился в два раза по сравнению с 2005 г. (80,8 тыс. абортс по сравнению с 161,5 тыс. абортс), в 2013 г. снижение продолжилось (72,2 тыс. абортс), однако, в следующем году число абортс у первобеременных вновь увеличилось и составило 78 тыс. (Демографический ежегодник России 2015: 72).

В целом прогресс налицо и в этом мы согласны с авторами цитированной статьи.

Разводимость

Известный социолог С. И. Голод определил развод «как атрибут современного брака» (Голод 1998: 76). Он же отметил повсеместность волны разводов, захвативших все европейские страны после 1960-х гг., а также очевидную связь модернизации матримониального поведения и частоты официальных разводов (Голод 1998: 77). С. И. Голодом отмечена тенденция роста разводимости в СССР с середины 1960-х гг. После распада СССР в России кривая разводимости пошла вверх с 1991 г. и к 1994 г. впервые уровень разводимости превысил половину от общего числа браков (51 развод на 100 браков). Россия уступала по уровню разводимости лишь США, где на тысячу населения в 1980-е гг. приходилось 5 разводов. Впоследствии оказалось, что высокая разводимость характерна для постсоветских стран Восточной и Центральной Европы. Волна разводов захватила Венгрию, Украину, Беларусь. При дисбалансе в половой структуре населения, женщине трудно надеяться вступить в новый брак после развода. По расчетам А. Г. Волкова, в Москве в 1978—1979 гг. вероятность повторного брака для разведенного мужчины была втрое выше, чем для разведенной женщины. Заметим, что уже тогда в полной мере проявилась сверхсмертность мужчин: ожидаемая продолжительность жизни городского населения составляла у мужчин 62,3 года, у женщин 73,1 года, то есть разница практически равнялась 11 годам. Наличие совместных детей не снижает интенсивности разводов. Высокая разводимость приводит к тому, что в структуре семьи всегда имеются неполные семьи. Конечно, неполную семью порождают не только разводы, но и решения женщины завести ребенка вне брака. «Материнские

семьи» имеют свой генезис — «изначальное безбрачие» (Голод 1998: 76). Распространение таких семей связано с изменением социальных норм. Сейчас брачное состояние женщины в общем в целом не сказывается на отношении социума к её детям. С. И. Голод обобщил это в краткой формуле: «то, что было пороками, стало нормами» (имея в виду прежде всего сожительства и внебрачные рождения) (Голод, 2005). Исследуя проблему одинокого материнства, С. В. Захаров подчеркивает, что при постоянстве тенденции увеличения неполных семей внимание общества к этой проблеме в разные исторические периоды то возрастает, то снижается в связи с массовым сиротством, внебрачными рождениями, или же повышением разводимости (Захаров 2013). В советское время были периоды, когда неполные семьи имели определенные преференции, например при устройстве ребенка в детское дошкольное учреждение. В постсоветский период неполные семьи имели льготы по размеру социальной поддержки местных властей при наличии несовершеннолетних детей. Это породило фиктивные разводы (и наоборот, если было выгодно, то регистрировались фиктивные браки).

Внутренняя миграция

В отличие от статистики семьи, данные о миграции собираются в процессе текущего учета. Но так как семейная структура представлена по данным переписи населения, то и данные о внутренней миграции рассматривались нами за переписные годы. Несмотря на мнение ряда исследователей, прежде всего В. И. Переведенцева, о том, что в СССР происходила в основном неорганизованная миграция с преобладанием направленных переселений, «невыгодных с народнохозяйственной точки зрения» (Переведенцев 1966: 116), мы считаем, что доля организованной миграции была велика. Этому способствовали используемые экономические стимулы, которые обеспечивали приток населения в отдаленные регионы (выплаты «северных», «год за два года» при начислении стажа работы и т. д.). В постсоветский период миграционные потоки стали

формироваться в соответствии с желаниями самих граждан, что привело к движению населения в крупные города, прежде всего, в Москву и Санкт-Петербург; оттоку из сибирских и дальневосточных регионов. Последнее проявляется все более определенно (ср. табл. 7 и 8).

Таблица 7

**География миграционного оборота в России
по группам федеральных округов в 2002 г.**

Группы федеральных округов	Миграционный оборот на 1000 человек населения, чел.			
	до 24	24–34	34 и более	Итого
ЦФО + СЗФО	8	10	10	28
ЮФО + СКФО + ПФО	6	3	17	26
УрФО + СФО + ДВФО	0	15	8	23
Итого	14	28	35	77

По данным табл. 7 значение статистики хи-квадрат составило $\chi^2 = 19,3$, что в два с лишним раза превышает критическое значение, равное 9,94 при числе степеней свободы $df = 4$, на 5%-м уровне значимости.

Таблица 8

**География миграционного оборота в России
по группам федеральных округов в 2010 г.**

Группы федеральных округов	Миграционный оборот на 1000 человек населения, чел.			
	до 24	24–34	34 и более	Итого
ЦФО + СЗФО	4	20	4	28
ЮФО + СКФО + ПФО	7	15	4	26
УрФО + СФО + ДВФО	0	9	14	23
Итого	11	44	22	77

По данным табл. 8 значение статистики хи-квадрат составило $\chi^2 = 20,5$, что в 2,2 раза превосходит критическое значение. При этом уральские, сибирские и дальневосточные регионы в 2010 г. в большей степени сконцентрировались в группе наивысшего миграционного оборота, нежели в 2002 г. Более высокое присутствие мигрантов в этих регионах подтверждают и данные табл. 9. В удаленных регионах выше доля мужчин, состоявших в незарегистрированном браке, а также доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке (табл. 9).

Таблица 9

**Распространенность внебрачных союзов
и внебрачных рождений в некоторых регионах России
по данным переписи 2010 г.**

	Доля (%) лиц, проживающих в регионе не с рождения (по данным переписи 2010 г.)	Доля мужчин, состоявших в незарегистрированном браке, среди всех мужчин, состоявших в браке, в 2010 г., %			Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистри- рованном бра- ке, в % к общей численности родившихся	
		Возраст (лет)			2010	2015
		от 16 и старше	20–24	30–34		
Москва	41,8	8,2	27,2	12,7	21,4	18,6
Санкт-Петербург	43,8	11,3	38,8	16,4	22,3	17,8
Сибирский ФО	57,3	12,0	41,2	22,1	31,9	27,9
Дальневосточный ФО	57,8	19,3	42,5	24,3	34,7	30,0

Источники: Всероссийская перепись населения 2010. Т. 2, табл. 5; Т. 8, табл. 1 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Столь отчетливо выраженный характер изменения показателей стимулировал более детальное изучение связей между

интенсивностью миграции, уровнем разводимости и распространенностью неполных и прочих семей, который был проведен по данным 77 регионов России за переписные годы — 2002 г. и 2010 г.

В табл. 10 представлены показатели описательной статистики за 2002 и 2010 гг.

Таблица 10

Описательная статистика

Показатель	Миграционный оборот	Разводы на 1000 чел.	Доля неполных семей	Доля прочих семей
А. По данным ВПН-2002				
Среднее	34,3	5,7	0,2	0,1
Стандартная ошибка	1,4	0,2	0,0	0,0
Медиана	32,0	5,9	0,1	0,1
Мода	#Н/Д	6,1	#Н/Д	#Н/Д
Стандартное отклонение	12,1	1,4	0,0	0,0
Дисперсия выборки	146,0	2,1	0,0	0,0
Экссесс	4,7	3,5	1,8	16,4
Асимметрия	1,6	– 0,5	– 0,4	2,9
Размах вариации	76,9	10,1	0,1	0,1
Минимум	11,1 (Москва)	0,5 (Республика Ингушетия)	0,1 (Республика Дагестан)	0,03 (Республика Ингушетия)
Максимум	88,0 (Магаданская обл.)	10,6 (Магаданская обл.)	0,2 (Санкт-Петербург)	0,1 (Москва)

Продолжение табл. 10

Показатель	Миграци- онный оборот	Разводы на 1000 чел.	Доля неполных семей	Доля прочих семей
Б. По данным ВПН-2010				
Среднее	31,2	4,5	0,2	0,1
Стандартная ошибка	1,0	0,1	0,0	0,0
Медиана	28,4	4,6	0,2	0,1
Мода	#Н/Д	4,7	#Н/Д	#Н/Д
Стандартное отклонение	9,1	1,0	0,0	0,0
Дисперсия вы- борки	83,1	0,9	0,0	0,0
Экссесс	0,7	3,6	2,8	2,8
Асимметрия	1,0	– 1,0	– 0,7	1,3
Размах вари- ации	43,5	6,1	0,1	0,1
Минимум	14,4 (Москва)	0,9 Республика Ингушетия)	0,1 (Республика Дагестан)	0,04 (Республика Ингушетия)
Максимум	57,9 (Республи- ка Тыва)	7 (Камчат- ский край)	0,2 (Магадан- ская обл.)	0,2 (Санкт- Петербург)
Число регионов	77	77	77	77

Сопоставление данных двух переписных лет показывает усиление однородности регионов по интенсивности миграционного оборота : если в 2002 г. коэффициент вариации был равен 35%, то в 2010 г. — 24%; снизилась вариация и уровень разводимости: с 29% в 2002 г. до 22% в 2010 г. Деформированность семей (доля неполных семей) минимальная в регионах Северного Кавказа, максимальная — на Камчатке, в Магадан-

ской области. Проявились особенности столичных городов: минимальное значение показателя миграции для Москвы свидетельствует о неудачном выборе индикатора миграции: использование показателя иммиграции не дало бы такого результата. Другой особенностью оказалось максимальное присутствие прочих домохозяйств в структуре семей Санкт-Петербурга. Объяснение этого феномена мы видим в значительной эмиграции в начале 1990-х гг., присущей, в первую очередь, крупным городам и приведшей к распространенности в них прочих семей.

В табл. 11 приведены значения коэффициентов парной корреляции между исследуемыми переменными по данным 2002г. и 2010 г.

Таблица 11

Коэффициенты парной корреляции

	2002				2010			
	Разводы на 1000 чел.	Доля непол- ных семей	Миграцион- ный оборот	Доля прочих семей	Разводы на 1000 чел.	Доля непол- ных семей	Миграцион- ный оборот	Доля прочих семей
	$x1$	$x2$	$x3$	$x4$	$x1$	$x2$	$x3$	$x4$
$x1$	1				1			
$x2$	0,527	1			0,542	1		
$x3$	0,135	0,071	1		0,229	0,092	1	
$x4$	0,28	0,508	0,131	1	0,216	0,380	0,125	1

Распространенность неполных семей статистически значи-мо коррелирует с уровнем разводимости, что подтверждает преобладание разводов как фактора формирования данного типа семей. Корреляция с миграционным оборотом несрав-ненно слабее и не является статистически значимой, однако она становится более заметной (табл. 12).

Таблица 12

Корреляции с переменной «доля неполных семей»

	Миграционный оборот	Разводы
2002	0,071	0,527
2010	0,092	0,542

Для одновременного учета нескольких переменных с целью объяснения распространенности неполных семей были построены уравнения множественной регрессии, приведенные в табл. 13.

Таблица 13

**Зависимость доли неполных семей
от разводимости и миграционного оборота**

Коэффициент детерминации	Коэффициенты		Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
2002					
R-квадрат 0,28	У-пер.	0,116	0,008	14,988	0,000
	разводы	0,006	0,001	5,288	0,000
	МО	0,000	0,000	0,001	1,000
2010					
R-квадрат 0,34	У-пер.	0,121	0,008	15,077	0,000
	разводы	0,010	0,002	6,136	0,000
	МО	0,000	0,000	2,357	0,021

Значения *t*-статистики для коэффициента регрессии при переменной «разводимость» подтверждает сделанный вывод о преобладании этого фактора в формировании неполных семей. Роль миграции в 2002 г. не прослеживалась, тогда как в 2010 г. она проявилась как статистически значимая. Проблема воздействия миграции на состав семьи малоизученна. Нам известно лишь одно исследование, посвященное данной теме: это диссертация В. И. Лаптева (Лаптев 1972). Очевидно, что

изменение места жительства может быть связано с вступлением в брак, то же можно сказать и о влиянии развода. Выделение детей из родительской семьи и переезд для получения профессионального образования так же является распространенной причиной миграции и изменения в составе семьи. Решение о переезде может быть принято в результате возможностей трудоустройства, карьерного роста и проч., что также может повлиять на состав семьи. В. И. Лаптевым сделан вывод о распространенности «поэтапной» трудовой миграции: первым едет самый мотивированный член семьи (инициатор переезда), а переезд остальных членов семьи совершается позже (Лаптев, 1972).

Нужны специальные исследования, которые позволили бы выявить роль усиливающейся подвижности населения на семью.

Нами была предпринята попытка объяснения доли прочих семей с помощью уравнений множественной регрессии. Результаты расчетов представлены в табл. 14.

Таблица 14

Зависимости доли прочих семей от разводимости, миграционного оборота и доли неполных семей

Коэффициент детерминации	Коэффициенты		Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
2002					
R-квадрат 0,29	У-пер.	0,007	0,012	0,549	0,585
	разводы	0,383	0,089	4,289	0,000
	МО	0,000	0,001	0,345	0,731
	неполные	0,000	0,000	– 1,730	0,088
2010					
R-квадрат 0,15	У-пер.	0,011	0,029	0,377	0,708
	разводы	0,529	0,206	2,565	0,012
	МО	0,001	0,004	0,409	0,684
	неполные	0,000	0,000	– 0,925	0,358

Разводимость оказывала статистически значимое воздействие на формирование прочих семей как в 2002 г., так и в 2010 г. Воздействие миграции не доказано, так же как и зависимость доли прочих семей от распространенности неполных семей в структуре домохозяйств регионов России. По-видимому, эти два типа семей формируются под влиянием различных процессов, сущность которых не удастся выявить при столь ограниченном круге переменных и высокой агрегированности используемых данных.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о продолжающемся процессе модернизации российской семьи, для которого характерно переплетение разнонаправленных тенденций. Их совокупное действие приводит к снижению воспроизводственного потенциала российской семьи. Все большее распространение одиночек, увеличение доли неполных семей (любого генезиса), так же как и рост прочих семей не способствуют воспроизводству населения. Программа «материнский капитал» выявила готовность семей с полной брачной парой к рождению второго ребенка, но дискутируемые проекты, нацеленные на стимулирование появления третьего ребенка, проблематичны: семьи не готовы к этому шагу. На это указывает разрыв в частоте рождений — частости рождений первого и второго ребенка сближаются, тогда как второго и третьего различаются все в большей степени.

Структура российских семей подвержена деформации из-за сохраняющегося дисбаланса мужчин и женщин. В современной России «женский перевес» не исчезает, а растет, перемещаясь в группы трудоспособного возраста под влиянием сверхсмертности мужчин. Лишь в последние два года намечилось некоторое снижение «женского перевеса», но говорить об устойчивости этой тенденции преждевременно.

Длительное существование «женского перевеса» привело к привычной дискриминации женщин: гендерное неравенство

проявляется в трудоустройстве, социальной мобильности, заработной плате. Квинтэссенцией всех этих аспектов, их общей «узловой точкой» является отсутствие равноправия в сфере сексуальных отношений. В свою очередь, это приводит к медленному распространению средств контрацепции и сохранению «абортной культуры», по терминологии Б. Денисова, В. Сакевич, как бы ни хотелось нам верить в обратное.

Признание семьи как «системообразующей ценности» (Дивисенко 2015: 495—496) парадоксальным образом сочетается в России с высокой разводимостью. Можно выдвинуть предположение, что повышение возраста вступления в первый регистрируемый брак, а также распространение так называемых «пробных браков» (нерегистрируемых сожительств) будут способствовать более обдуманному созданию союзов и повышению их прочности. Но это всего лишь предположение, подтвердить или опровергнуть которое могут лишь эмпирические исследования, причем проведенные многократно на ряде выборов.

Усилившееся перемещение внутри страны, многократно превосходящее внешнюю миграцию, провоцирует еще одно испытание брачного союза на прочность. Союз мужчины и женщины и формирование семьи предполагают взаимную ответственность. Проведенный анализ подтвердил возникновение статистически значимой связи между интенсивностью миграции и разводимостью, а также распространенностью неполных семей. Выявлены локализации этих связей в сибирских и дальневосточных регионах, где миграционный оборот максимален, а доля живущих в данной местности не с рождения — минимальна, к тому же наиболее распространена внебрачная рождаемость.

Когорты мигрантов неоднородны с социальных позиций, несомненно присутствие среди них прекариата — лиц наиболее уязвимых, незащищенных, менее надежных и выносливых в трудовой сфере (Сизова 2015: 122—158). Эти же качества мешают и их устойчивости в сфере личностных отношений. Растущая миграционная активность, размывая территориальные общности, вовлекает в свой оборот такие профессионально

неинтегрированные группы. Миграция создает опорные точки для внедрения иных культурных традиций, включая традиции в сфере сексуальных, брачных и семейных отношений.

Каждый из вопросов, поднятых в данной статье, затрагивает интимную сторону жизни мужчин и женщин, требуя развития методологии социологического исследования, адаптированной к изменениям характеристик как индивидов, так и социума. Проведенный анализ — это попытка представить мир будущего, новых тенденций, которые возникают не одномоментно, а в результате длительных процессов, взаимосвязанных между собой.

Источники

- Аганбегян А. Г. Как жить долго и оставаться здоровым / Цикл современных семинаров «Актуальные вопросы медицины». М., 2011.
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993. С. 73—79.
- Архангельский В. Н. Детерминанта репродуктивного поведения и ее учет при разработке демографической политики // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения-2002». М.: ТЕИС, 2002.
- Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
- Белобородов И. И. Трансформация семейно-брачного поведения в России // Демографические исследования. № 14 <http://www.demographia.net/transformaciya-semejno-brachnogo-povedeniya-v-rossii>
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 76.
- Голод С. И. Что было пороками, стало нормами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.
- Демографическая модернизация России. 1990—2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.
- Денисов Борис, Сакевич Виктория. Аборты в постсоветской России: есть ли основания для оптимизма? // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 152.
- Дивисенко К. С. Воспитание детей в семье и образование // Семья в России и Китае. Процесс модернизации. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 495—496.

- Елисеева И. И., Васильева Э. К. Основные направления исследования домохозяйств по материалам всероссийских переписей населения // Вопросы статистики. 2014. № 4. С. 32–40.
- Елисеева И. И., Клутт М. А. Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 53–65.
- Женщин в России на 10 миллионов больше, чем мужчин // Демоскоп. 2005. 24 октября – 6 ноября. № 219–220.
- Карлсон А. Общество – Семья – Личность; Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Под ред. проф. А. И. Антонова. М.: 2003. С. 205.
- Кваша Е., Харькова Т. Население России сквозь призму возраста и пола. Женский перевес снова нарастает // Демоскоп. 2013. 01–14 апреля. № 549–550 (<http://demoskope.ru/weekly/2013/0549/tema02.php>)
- Захаров С. В. Одинокое материнство в России // Демоскоп. 2013. 01–19 мая. № 553–554.
- Захаров С. В. Браки и разводы в современной России // Демоскоп. 2015. 1–25 января. № 625–626.
- Лантнев В. И. К вопросу о посемейном анализе миграции населения (опыт статистического исследования по материалам переписи городского населения 1970 г. Карельской АССР): Дисс. ... канд. экон. наук. Л.: ЛФЭИ, 1972.
- Лежина Ю. Н. Семья в ценностных ориентациях // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 69–77.
- Негаева Н. А. Гендерные роли // Семья в России и в Китае. Процесс модернизации. СПб., 2015. С. 327–351.
- Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: СО «Наука», 1966. С. 116.
- Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М., 1982.
- Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: ИСПИ РАН, 2010.
- Сакевич В. Что было после запрета аборта в 1936 г. // Демоскоп. 2005. 07–20 ноября. № 221–222.
- Сакевич В. И., Денисов Б. П. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши / Под общ. ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. Вып. 2–3. М.: МАКС пресс, 2014. С. 186–208.

- Сизова И. Л. Прекаризация в трудовой сфере России // Петербургская социология сегодня: Сб. научных трудов Социологического института РАН. 2015. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 122–158.
- Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. статей. СПб.: Алетейя, 1998.
- Стукалин Е. Б. Гендерная асимметрия в здоровье россиян: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб., 2014.
- Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX в. М., 2004.
- Юсупова А. Н. Аборты в России / Под ред. В. Ю. Альбицкого. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004.

С. В. Лурье

**СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ПОЛИГАМНЫХ СЕМЕЙ
В СРЕДЕ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН:
НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Статья посвящена исследованию полигамной семьи у современных российских мусульман. Исследуются вопросы, как полигамная семья воспринимается самими мусульманами, воспитанными в современном российском обществе, какие эмоции российские мусульмане, мужчины и женщины, переживают, какие мотивы ими движут. Эти проблемы рассматриваются на примере материалов с сайта islam.ru за 2009–2015 гг. Делается вывод, что современное российское мусульманское общество с трудом реализует идею полигамии. Общественная оценка этого явления скорее отрицательная, чем положительная. Отчасти это вызвано опытом советской и российской системы образования и воспитания с ее определенным индивидуализмом и самостоятельным значением женщины в семье и обществе, романтизацией любви и брака, а также существованием системы образования в контексте христианской традиции России, с ее взглядом на брак, как сакральный союз одного мужчины и одной женщины.

Ключевые слова: архаика, нарративный анализ, обоснованная теория («grounded theory»), современные российские мусульмане, полигамная семья

Мы исследовали проблему возрождения мусульманской полигамии с точки зрения концепции «архаики», предложенной Ч. К. Ламажаа. Под архаикой понимаются те социальные институты, которые зародились в безгосударственном обществе и проявляют себя, возрождаются в современном. «Архаизационные тенденции являются универсальным социальным

механизмом, позволяющим обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях... Это ресурсосберегающий и обеспечивающий выживание социальный механизм, который <...> упорядочивает социокультурную жизнь, позволяет обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях» (Ламажаа 2011: 19). Мы ставили перед собой вопрос, как возрождение элементов архаики переживается современным человеком?

Полигамная семья, которая сегодня все больше распространяется у российских мусульман, может рассматриваться как один из примеров архаичных институтов.

Но начнем с юридического и статистического аспекта проблемы. *В современном российском законодательстве нет наказания за многоженство, однако оно и не разрешено. В Семейном кодексе Российской Федерации есть статья 14, в которой говорится о том, что в брак не может вступить лицо, которое уже состоит в другом зарегистрированном браке. А статья 27 признает брак недействительным, если имеются обстоятельства, описанные в статье 14.* В Советском Союзе в Уголовном кодексе существовала статья 235-я, которая предусматривала уголовную ответственность за многоженство. Она включала в себя не только случаи юридической регистрации брака, но и фактическое сожительство с более чем одной женщиной. Однако применялась эта статья только в традиционных исламских регионах, в остальных же подобное сожительство было негласно разрешено. После Великой Отечественной войны власти сквозь пальцы смотрели на то, что фронтовики привезли с фронта по второй жене и родили новых детей, забыв о прежних семьях.

В традиции российской государственности вопрос о «чуждых» матримониальных нравах не был острым. В автономных образованиях типа Хивинского ханства или Бухарского эмирата действовали собственные нормы, соответствующие шариату. У казанских татар, присоединенных к России в XVI в., традиции многоженства практически не было, а в потурече-

ненных или иранизированных горских обществах Кавказа, подвергшихся массивной исламизации в XVII—XVIII вв., полигамия была характерна только для зажиточных слоев кавказских горцев, и в тех случаях, когда имели место разрешенные Кораном случаи полигамии, на них смотрели именно, как на разрешенные шариатом и потому не порицаемые явления. В июле 1999 г. полигамия была разрешена в Ингушетии решением ее тогдашнего президента Руслана Аушева, но тут же отменена указом Бориса Ельцина. В 2004 г. ингушские депутаты пытались провести соответствующие поправки через Госдуму, но безуспешно. С призывами легализовать многоженство выступают президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров, некоторые религиозные лидеры Татарстана, Башкортостана, Дагестана и других северокавказских республик. Ни в одном из регионов предложения политиков так и не были одобрены.

В мае 2015 г., в связи с призывами президента Чечни Рамзана Кадырова легализовать многоженство, по вопросам полигамии в России высказался ряд государственных и общественных деятелей РФ. Так пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заметил, что в нашей стране многоженство запрещено законом. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что не поддерживает идею о введении многоженства в РФ. Член комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей Ольга Алимова заявила, что в ближайшее время депутаты рассмотрят вопрос о введении в России наказания за многоженство. Ее поддержала член комитета Совета Федерации по федеративному устройству и региональной политике, председатель Союза женщин России Екатерина Лахова. Позднее Алимова дезавуировала свое заявление, а глава думского комитета по вопросам семьи, женщин и детей Елена Мизулина заявила, что легализации многоженства в России не будет.

На практике юридический запрет на многоженства в части имущественных проблем, наследования и алиментов может быть обойден на основании нотариально заверенного договора на основании Гражданского кодекса РФ. Но практически этой лазейкой пользуются немногие. Большинство брошен-

ных вторых и третьих жен остаются совершенно бесправными даже в мусульманских регионах.

Статистики полигамной семьи в России нет. Мусульманские лидеры говорят о ее распространенности, не называя конкретных цифр. Полигамная семья наиболее распространена в Дагестане, Чечне и Ингушетии, присутствует она также и в Татарстане. Во всех этих регионах число полигамных семей по свидетельству духовных лидеров этих регионов стремительно растет. Растет она также в Москве, Санкт-Петербурге, в других крупных городах. Так, глава Международной исламской миссии, известный муфтий Шафиг Пшихачев, который хорошо знаком с ситуацией на Северном Кавказе, утверждает, что у народов в этом регионе есть доля многоженцев: «Будет ли это выражено как гражданский брак или как официально зарегистрированный, в любом случае многоженства не избежать. Я в России работаю 28 лет. Это такая реальность, которая на нас надвигается... Эта доля наиболее выражена в Дагестане, Чечне, чуть поменьше — в Ингушетии. Это не особо афишируется. Два взрослых человека договариваются, они могут оформить свой брак по шариату» (Многоженство в России... 2015). Первый заместитель председателя Духовного управления мусульман России Дамир-хазрат Мухетдинов говорит, что в «последнее время в мусульманской среде, как в России, так и в странах СНГ, многоженство становится весьма распространенным явлением. Еще в СССР, несмотря на запреты и уголовную ответственность, многоженство имело место, особенно в республиках Средней Азии и на Кавказе. Теперь, по ряду причин, это стало более дозволенным и количество таких союзов увеличилось. Причем не только в регионах Кавказа, но и в европейской России» («Они все равно...» 2015). Муфтий Москвы Ильдар Аляутдинов (Совет муфтиев России) утверждает, что только в Москве имамы заключают до нескольких сотен полигамных браков ежегодно. Причем, он уточняет, что «сам порой отказывает в церемонии такого бракосочетания по причине того, что, например, мужчина отказывается звонить первой супруге, чтобы спросить разрешения» (Муфтий Моск-

вы... 2015). Однако отказ в совершении обряда не означает, что брак не заключается. По словам Дамира-хазрат Мухетдинова, имам действительно зачастую отказывается заключить повторный брак: «Если к нам обращаются мусульмане с просьбой совершить обряд никяха (венчание), мы в соответствии с канонами нашей религии выясняем, было ли получено согласие первой жены, в состоянии ли этот мужчина обеспечить своих жен всем необходимым. Мы должны убедиться, сможет ли он быть справедливым к своим женам, и вообще оценить адекватность этого человека, понять, почему он решил взять вторую жену». Но многие мусульмане заключают повторный брак, минуя мечеть: «В отличие от христианства, в исламе нет понятия церкви. Поэтому если в мечети имам отказал вам в проведении обряда никях, то вы можете найти любого мусульманина, привести двух свидетелей и провести обряд в квартире, на улице, в метро, где угодно, и даже по телефону» («Они все равно...» 2015).

Дополнительное распространение многоженство в России, в том числе в немусульманских регионах, включая Москву и Санкт-Петербург, получило в результате миграции из мусульманских регионов России и государств СНГ, когда мигранты, имеющие семьи на родине, заключают повторные браки с местными жительницами, прибегая к совершению обряда никях, иногда и в мечети.

Но отсутствие точных цифр статистики не снимает вопросов, как полигамная семья воспринимается самими мусульманами, воспитанными в современном российском обществе, какие эмоции российские мусульмане, мужчины и женщины, переживают, какие мотивы ими движут? Мы рассмотрим это на примере материалов сайта islam.ru за 2009—2015 гг., редакция которого базируется в Дагестане, но который, тем не менее, обращен ко всем российским мусульманам. Мы рассматривали рубрики «Мусульманка», «Семья» и «Линия доверия». Последняя особенно интересна, поскольку содержит в себе подлинные письма с проблемами, ответы богословов и психологов, а также обсуждение поднятой в том или ином письме

проблемы читателями. Использованы также некоторые материалы с сайта islamdag.ru.

Прежде чем приступить к анализу текстов отметим, что к многоженцам в шариате выдвигаются весьма жесткие требования, касающиеся как материального обеспечения жен, так и обеспечения их душевного комфорта. Последнее касается в частности соблюдения такой строгой справедливости в отношении жен, что многие мусульмане считают ее недостижимой и полигамный брак нежелательным или даже невозможным. «Меня настораживает то, что Аллах в Коране хоть и говорит, что мы можем иметь “...две, три и четыре жены”, но говорится это с таким вызовом: “...но если ВЫ БОИТЕСЬ, что будете несправедливы, то женитесь НА ОДНОЙ”. То есть, получается так, что Аллах сделал вызов нам... То есть в Аль-Коране нет прямого (халал) дозволения на многоженство и, к тому же, сообщил нам о том, что есть повод бояться быть несправедливым. Как бы мне ни хотелось быть окруженным четырьмя красивыми женщинами, я не рискну и не посмею принять этот вызов Аллаха», — пишет комментатор на сайте islamsemya.com (Многоженство опасно для мусульман. 2015). Многие представители мусульманского духовенства с настороженностью встречают пришедших заключить повторный брак. Пропаганда тренда «многоженства» нередко связана с салафитским (ваххабитским) течением ислама (Многоженство в Татарстане 2014).

С методологической точки зрения мы использовали нарративный анализ и элементы «обоснованной теории», проводя на данном этапе исследования открытое и избирательное кодирование в соответствии с рекомендациями Ансельма Страусса (Страусс, Корбин 2001). Исследуемый материал позволяет нам выделить наиболее актуальные категории, относящиеся к современному многоженству, практикуемому российскими мусульманами, а именно, — рассмотреть разнообразные стратегии поведения мужчин и женщин в их брачном союзе в контексте восприятия этого поведения обществом. Представим выделенные категории в качестве схем, дополнив их поясни-

тельным материалом — нарративом, — наполняющим эти категории. Последний представляет собой выдержки из различных сообщений на тему многоженства, опубликованных на сайте islam.ru, а именно: выдержки из публицистических статей, интервью, писем на «Линию доверия», комментариев блоггеров, психологов и простых читателей к этим письмам.

Первые выделенные нами категории относятся к мотивам, общественным оценкам и приятию или отвержению женами полигамных решений мужчин. Остальные выделенные категории вытекают из этих первых. Причем сначала посмотрим на решение о повторной женитьбе мужчин глазами самих мусульман, то есть с позиции, отвечает ли оно требованиям шариата. Последнее предполагает, что мужчина женится повторно, чтобы поддержать разведенных, вдов, материально неимущих женщин. Впрочем, и эти причины не всегда позволяют первой жене примириться с многоженством мужа.

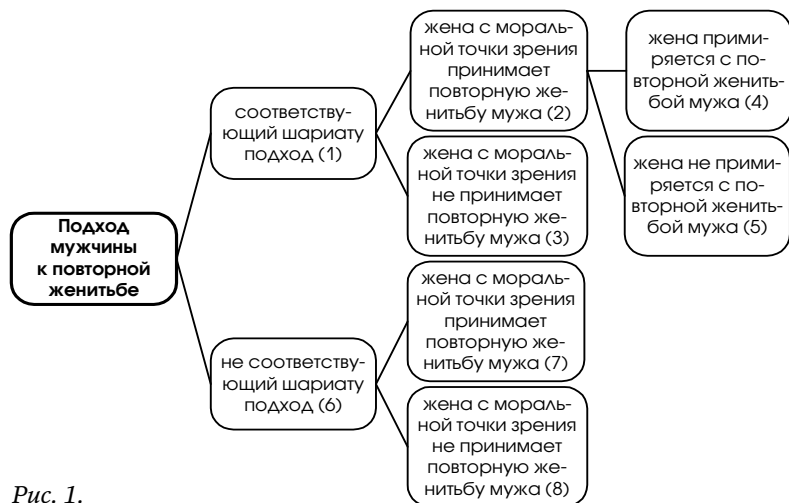

Рис. 1.

К рисунку 1.

(1) Из письма на «Линию доверия» (в дальнейшем — И/П):
«С недавнего времени муж начал часто говорить, что сейчас

много разведенных женщин, которым нужна помощь, нужен муж. Что хорошо бы взять в жены такую женщину, чтобы и материально ей помочь, и чтобы она прелюбодеяния избежала».

(2) И/П: «Он молодец — с таким намерением, как у него, в наше время мало кто женится.»

(3) Нет примеров.

(4) Нет примеров.

(5) Из комментария психолога (в дальнейшем — К/П): «Мне известны ситуации, когда жены соглашались на многоженство, но при этом для них это становилось тяжелым испытанием». И/П: «Как подумаю, что мой любимый будет обнимать, целовать и говорить слова любви другой, — хочется просто сквозь землю провалиться. Не могу ни есть, ни спать нормально. Не думала, что будет настолько тяжело».

(6) Из мусульманской публицистики (в дальнейшем — М/П): «Для многих мужчин многоженство сегодня стало каким-то признаком колоритности, успешности мужчины». М/П: «Сегодня многие женятся второй раз для развлечения — мол, женюсь, а потом посмотрим, как получится». М/П: «Сегодня о многоженстве говорят повсюду, это излюбленная тема мужских компаний, посиделок. Иметь несколько жен стало модно, каждый хочет почувствовать себя “султаном”». М/П: «Для некоторых вторая супруга стала атрибутом успешной жизни, как дорогой автомобиль, роскошный дом. В этой среде иметь двух супругов уже норма, там решают вопрос о женитьбе еще на одной и еще на одной...». М/П: «Увы, на практике многие мусульмане относятся к многоженству как к развлечению».

(7) Примеров нет.

(8) Из комментариев читателей (К/Ч): «Кошмар. Я, наверное, с ума сошла бы. Ну, Вы держитесь тама». К/Ч: «Кошмар. Я такого мужа близко к себе не подпустила бы. Пусть дальше путешествует по своим женам». К/Ч: «На себя посмотри тогда, прежде чем в полигамию, чмо ленивое».

Однако одобряемые шариатом причины повторных браков встречаются редко. Посмотрим на реальные мотивы много-

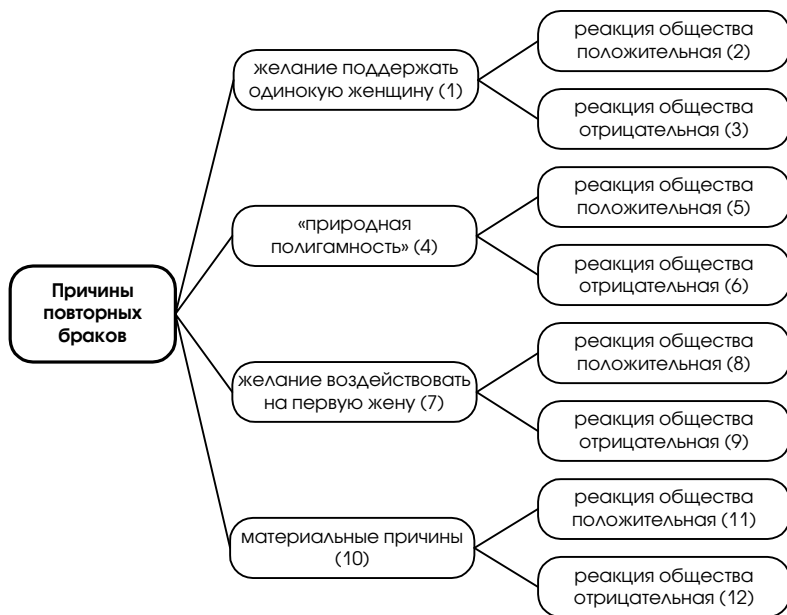

Рис. 2.

женства, упоминаемые на сайте islam.ru, и на то, как на них реагирует современное мусульманское сообщество.

К рисунку 2.

(1) См. п. (1) к рис. 3.

(2) К/П: «Если Вами движут намерения помочь этой девушке, удержать ее, таким образом, от возможных ошибок и бытовых трудностей, и Вы сможете сделать так, что они [жены] не станут враждовать, то обговорите это с Вашей женой, дабы избежать недопонимания, и берите эту девушку в жёны».

(3) Нет примеров.

(4) К/П: «К сожалению, многие мужчины берут вторых жен не для того, чтобы создавать с ними семью, а из-за своей природной полигамности, назовем это так». М/П: «Это боль-

ше бывает похоже на связь на стороне, но под покровом многоженства».

(5) Примеров нет.

(6) К/Ч: «Таким надо бром давать, чтобы гормоны в голову не били». К/Ч: «У мужа, видать, мудя зачесались, ни в коем случае не соглашайся на вторую жену, устрой этому козлу разборку, ишь какой ..., вторую жену захотел, сволочь, а добрым делом прикрывается».

(7) К/Ч: «Женись на второй, и она [первая жена] сразу станет доброй и мягкой». К/Ч: «Да, женитесь на второй. Она [первая жена] разбалована». К/Ч: «Будь я на месте мужа этой женщины, давно женился бы еще раз, а может, еще несколько раз».

(8) К/Ч: «Ибрагим, полностью согласна с тобой. Наша невестка тоже не слушалась брата, а вот как заговорил о женитьбе на второй, начала и платок носить, и намаз делать, и слушаться».

(9) К/Ч: «А мужу — только рассесться барином, а чуть что не так с женой, так бежать новую заводить. Разрешено ж, ты что!» К/Ч: «Есть немалочисленная категория сраных мушкетеров, для которых наилегчайший способ решить проблемы в отношениях с женщиной — это поскорее завести другую». К/Ч: «Уважаемые мусульмане, разве в жены берут вторую жену, чтобы отомстить первой?». К/Ч: «А потом при возникновении проблем со второй женой, жениться на третьей и так далее, прежде чем советовать, хоть немного подумали бы. Тоже советчики нашлись...» К/Ч: «Время от времени меня шокируют советы теолога на этом вебсайте. Иногда мне кажется, что Вы, уважаемый теолог, человек с другой планеты. Как можно создавать ещё одну семью, только лишь для того что бы образумить супругу. Это же только усугубит ситуацию!!! Честно слово, уж лучше, вы бы посоветовали развод, чем такое».

(10) К/Ч: «Сейчас такие “сокровища” женятся, не только не предоставив женам необходимого, но и наоборот паразитируя за счет жен. Четыре работающих жены могут содержать

одного такого паразита вполне безбедно, а ему останется только менять их каждую ночь и жить в свое удовольствие».

(11) Нет примеров.

(12) Нет примеров.

Посмотрим теперь на случаи согласия или несогласия жены с повторной женитьбой мужа и на их следствия.

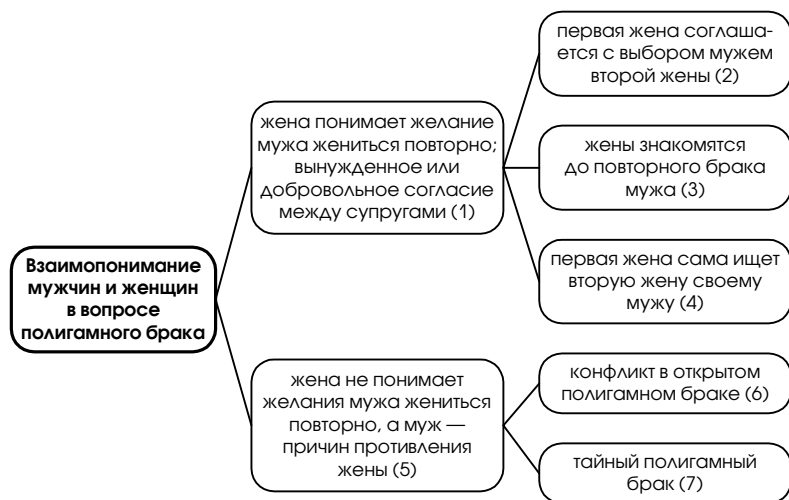

Рис. 3.

К рисунку 3.

(1) И/П: «Я с ним согласна и ему тоже сказала, что это правильно и это будет хорошим поступком... Чувствую, что во мне что-то ломается. Даже сейчас пишу и не могу сдержать слез. Мужу я этого не показываю, поддерживаю его во всем».

(2) М/П: «Хоть и говорят, что в таких браках женщинам приходится трудно, Лейла утверждает, что для нее жизнь облегчилась. «Когда другая жена здесь, то мне легче, я отдыхаю

в селении”, — признается она. Другая жена помогает следить за хозяйством, они вместе воспитывают детей».

(3) *Из комментария богослова (в дальнейшем — К/Б):* «Эта девушка с самого начала пытается найти с Вами точки соприкосновения, а не пытается воевать с Вами или вступать в противоборство...». *И/П:* «Она очень хочет со мной подружиться, говорит, что будет мне во всем помогать, лишь бы его видеть рядом. В общем, юная, и влюбилась, я понимаю, но не хочется калечить ей жизнь, ведь муж любит меня очень сильно. Не хочется использовать юное создание только ради сексуальных потребностей мужа».

(4) *Из интервью (в дальнейшем — И/И):* «Два года его жена предлагала и уговаривала меня выйти за него. Его жена сказала ему, чтобы он добивался именно меня и другие варианты не искал. И его решение было навеяно именно моей подругой». *М/П:* «46-летняя Лейла из Дагестана сама выбирала своему мужу вторую жену: “У нас не было такого, чтобы он сам взял вторую жену, а меня просто поставил перед фактом. Другую супругу мы решили с ним вместе брать”».

(5) *К/П:* «Мужчина способен одновременно испытывать чувства к более чем одной женщине. И здесь важно учесть следующее: нельзя мерить эти чувства по силе, то есть, кого он любит больше, Вас или другую. Чувства могут отличаться не столько интенсивностью, сколько качеством. Но в силу того, что женщина больше имеет склонность к однолюбию, мысль о том, что можно одновременно любить двоих, для нее неприемлема. В результате она может ошибочно полагать, что ее муж просто говорит ей о любви, но на самом деле любит другую». *И/П:* «“Почему тяжело?” — этот вопрос с удивлением задает мне супруг, когда я говорю, что тяжело, когда твой муж (самый близкий и любимый в жизни человек) решает жениться еще раз».

(6) *К/П:* «Хотя многие женщины умом понимают, что их мужья на полных правах могут взять себе двух, трех и даже четырех жен, на эмоциональном уровне эта самая мысль приво-

дит их в ужас... Это своего рода когнитивно-эмоциональный диссонанс»

(7) М/П: «Негативное отношение женщин к многоженству вынуждает подчас заключать такой брак втайне, что лишает его общественного контроля».

Какова стратегия мужчины, собирающегося стать многоженцем, по отношению к своей первой жене, важна ли для него позиция супруги?

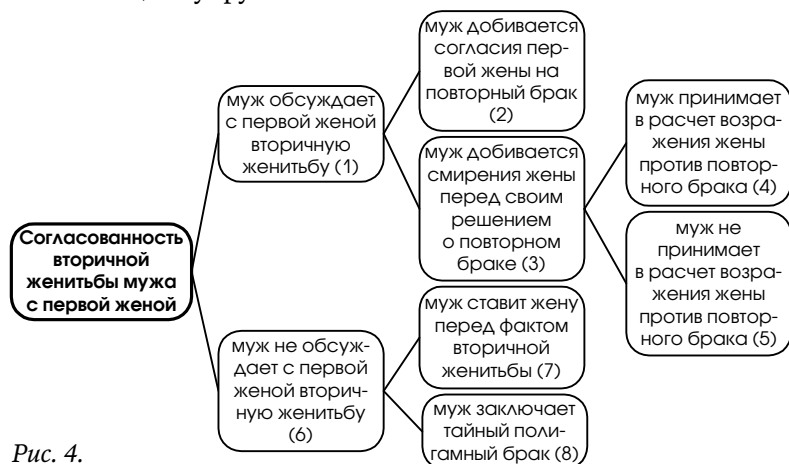

Рис. 4.

К рисунку 4.

(1) К/П: «Спокойно договоритесь, что вы женитесь еще, и можно будет сватать себе вторую невесту, не опасаясь неприятностей от первой».

(2) Примеров нет.

(3) М/П: «С женой лучше говорить с позиции Шариата, но мягко. Как бы она ни среагировала, нужно сдерживать эмоции. Даже если она будет вести себя не совсем правильно. Продолжить говорить с ней, постепенно приучая ее к этой мысли, но при этом, давая ей понять, что от ее негативного поведения ваше решение не изменится. Иначе она начнет манипулировать, чувствуя вашу слабость. Напоминайте ей о том, что все

происходит по воле Всевышнего, рассказывайте о достоинстве терпения и вознаграждении за него».

(4) Примеров нет.

(5) К/Ч: «Зачем, по Вашему, ставить человека в известность о повторном браке, если на его согласие или несогласие по большому счету всем наплевать? Вы здесь видите уважение?»

(6) М/П: «Если ваш муж намеками пытается выведать у вас, как вы вообще смотрите на эту тему, то верующей женщине не следует думать, что он спрашивает ее разрешения. Потому что оно ему просто не нужно. И вряд ли он советуется. Поэтому кидаться к нему с “я тебе никогда не позволю” или “я уверена, что у тебя нет возможности сделать это” бессмысленно. Если он решит, то сделает все равно».

(7) М/П: «Мужчины считают, что военные действия не согласных с повторной женитьбой мужа жен не помогут ни укреплению их семьи, ни тому, чтобы муж оставил мысль о полигамии». И/И: «Он поставил нас практически перед фактом и не дал нам познакомиться до брака. Тем более что мы не устраиваем ни скандалов, ни демонстраций по поводу его женитьб». К/Ч: «Что это за свинское отношение к первой жене, мнение которой вообще не учитывается?». К/Ч: «Я против того, что это навязывается женам насильно, когда загоровшийся еще жениться муж просто жестко ставит перед фактом, не учитывая ни мнения, ни чувства УЖЕ имеющейся жены. Желания себя, любимого, и ЧУЖОЙ еще женщины, естественно, важнее».

(8) К/Б: «Скажу откровенно и прямо, практика показывает, что, если муж решил взять в жены еще одну женщину, его не остановить. Такой человек в любом случае возьмет вторую жену, будь то открыто, оповестив всех родственников и знакомых, или тайно».

Мужчина, желающий жениться повторно, решает проблему, будет его полигамность открытой или тайной. Каковы следствия тайного повторного брака?

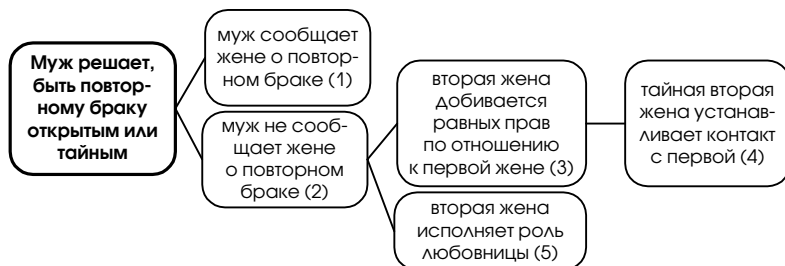

Рис. 5.

К рисунку 5.

(1) К/Б: «Как таковая, каноническая необходимость в этом отсутствует, но... Как можно будет отвечать на вопросы первой жены о том, “где ты был ночью”, поскольку ночи должны быть разделены поровну между обеими женами? При неведении одной из сторон о наличии повторного брака, получится замкнутый круг лжи, обмана и недоговоренности». К/Б: «Хорошо то, что Ваш муж не стал Вас обманывать и скрывать, а рассказал все как есть. Наверно, это стоило ему определенного труда, и он решился на это по той причине, что надеялся найти у Вас понимание». М/П: «Скрывать свои повторные женитьбы, как стало модным у мужчин, которые берегут свой покой и учатся на ошибках своих полигамных братьев, это вообще не способ. Примеров, когда удалось долго держать свою полигамность в секрете, лично я не знаю. А женщины, которые узнали все не от главы семьи, чувствуют себя обманутыми и ничего похожего на рай уже просто не в состоянии ему на земле организовать».

(2) К/Б: «То, что Ваш супруг скрыл факт женитьбы от Вас, может говорить о том, что он Вас любит, ценит и дорожит Вами и, зная, что Вам будет тяжело, не поставил Вас в известность». М/П: «Мужчина попадает в труднейшее положение и вынужден крутиться как белка в колесе в постоянном напряжении от того, что где-то что-то нужно скрыть, не досказать. Потом некоторые жены удивляются тому, что их мужья скры-

ли второй брак от них. А как же иначе? Он уже изучил вас и знает вашу реакцию. Он боится!» К/П: «Опыт показывает, что в подобных ситуациях, мужчины так и не говорят своим родственникам о второй семье, и она остается тайной, по крайней мере, до тех пор, пока само по себе все не прояснится». И/И: «Он видел примеры, когда мужа не смогли справиться с первой женой, и боялся, что я тоже среагирую излишне эмоционально. Он думал, раз у этих людей не получилось сохранить мир в полигамной семье, куда уж нам пытаться... и пошел путем наименьшего сопротивления». К/Ч: «Почему он от тебя все скрыл? Ты можешь поговорить с ним, возможно, он не желал расстраивать тебя».

(3) М/П: «Даже если она и согласна на то, что вы не сможете выполнить что-то из того, что обязаны, то делает она это из-за огромного желания выйти замуж именно за вас. Соединившись же с вами брачным союзом, она поймет, что это не предел мечтаний и что, оказывается, недостаточно видеть вас “хотя бы раз в неделю”. Ей будет уже жизненно необходимо для счастья быть представленной вашим родственникам, проводящей с вами причитающееся ей по исламу время, опекаемой вами и окруженной вашей заботой так же, как и ваша другая семья (семьи)».

(4) И/П: «Я недавно узнала, что мой муж, как уже два года женат на другой, которая намного старше него. Я [первая жена] ни о чем и не подозревала, она [вторая жена] сама нашла меня и все рассказала».

(5) К/Ч: «Поезжай с дочкой к его первой жене, познакомьтесь, познакомьте детей. А потом обе поезжайте к нему, и требуйте, чтоб в своем новом городе поселил вас рядом с собой, и жил один день с одной, один — с другой».

(6) К/Ч: «Его вполне устраивает семейная жизнь поделенная на основную (с главной женой) и дополнительную (забежки к тебе)». И/П: «Разве он не понимает, что поступает неправильно, разве нельзя, если есть желание, потихоньку все поставить на свои места, разве правильно стыдиться собственного ребенка из-за “спокойствия” другой семьи?» И/П: «Я могу

придумать тысячи оправдательных причин, почему он не может прийти, тем более, что у него сложные отношения с первой женой, которая категорически против нашего с ним брака. Но я не могу предположить ни одной причины, по которой он не может мне позвонить». И/П: «Многие мужчины, боясь конфликтов с первой, начинают вести себя так, чтобы та никак не почувствовала, что у ее мужа есть еще одна жена. Следовательно, он уже не уделяет достаточно внимания второй, забегая к ней один-два раза в неделю, на пару часов, тайком от первой. Если даже, идя домой, мой муж среди набранных удаляет мой номер, чтобы первая не узнала». К/Ч: «А стоило бы подумать, что если его семье так травматично было бы узнать о тебе сейчас, то с какой стати станет легче потом? И что, до конца жизни скрывать, пока не встретишься с другой женой на его похоронах?» К/Ч: «Я бы за одно только наглое предложение стать “тайной” женой, спрятанной и тщательно скрываемой и от других жен, и от родственников, — сломала бы шею. Ты — согласилась, вот теперь и расхлебываешь».

Теперь рассмотрим следствия открытой полигамности и, прежде всего, ее последствия для первой жены, современной российской мусульманки.

К рисунку 6.

(1) И/И: «Уверена, что муж меня любит, он не может жить с нелюбимым человеком. И он может любить несколько жен сильно, эмоционально и каждую — по-настоящему. Я была в моногамном браке и не была счастлива — у меня есть с чем сравнить».

(2) М/П: «Женщин, которые готовы принять подобный поворот событий, крайне мало».

(3) М/П: «Много было случаев, что, женщины попадали в больницы, к психологам из-за минутной страсти своих мужей!» М/П: Мне рассказывали, да и сама была не раз свидетелем, что женщины, которые всем казались очень набожными, и даже обучающие других религии Аллаха, в подобной ситуа-

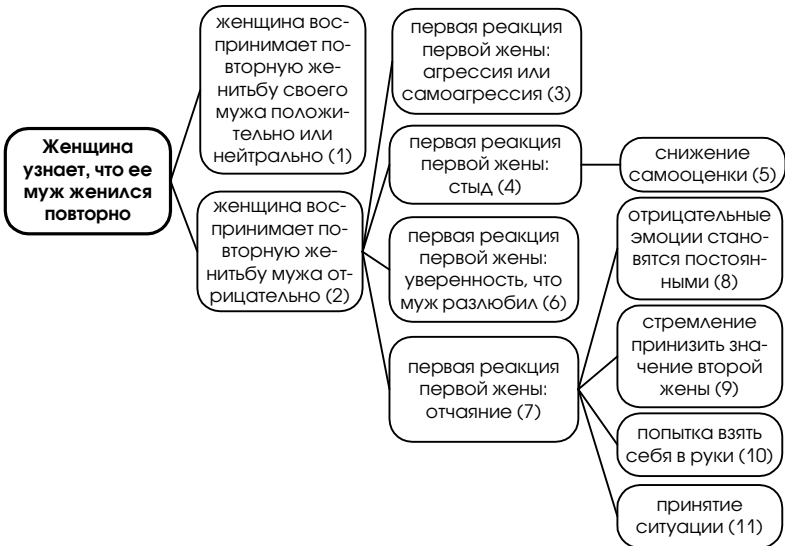

Рис. 6.

ции, бывает, не просто кричат и воют, а даже доходят до попыток суицида, избиения соперницы, и слышала, что даже и случаи убийств бывали. Вот так: вчера — светлая, чистая, с миром в душе и на лице. А сегодня — караулящая соперницу в темном переулке с бутылочкой серной кислоты под полой плаща».

(4) К/П: «Нужно понимать, что если вы берете вторую жену, первая будет чувствовать себя ущемленной, будет охвачена стыдом перед родственниками и подругами, так как ей будет казаться, что она не любимая, плохая жена». К/П: «В ситуации, когда мужчина решает жениться на еще одной женщине, трудная роль достается первой жене. Первый вопрос, который задает она себе: “А что скажут родственники, соседи, знакомые? Не будут ли они смеяться надо мной?”». К/П: «Опыт работы с подобными случаями показывает, что больше всего женщин, оказавшихся в ситуации подобно Вашей, мучает чувство ущемленности».

(5) К/П: «[Первые жены] начинают искать в себе недостатки, что неблагоприятным образом отражается на их самооценке, понижая ее до критического предела».

(6) К/П: «Многие женщины начинают думать, что муж взял вторую жену по причине того, что разлюбил и его отношение изменилось». К/П: «Если она обнаруживает, что ее муж берет в жены еще одну женщину, первая мысль, к которой она приходит в подавляющем большинстве случаев, что он разлюбил ее». К/П: «Вы сейчас растеряны, подавлены и на грани полного отчаяния!»

(7) М/П: «Я прекрасно понимаю, какое сильное испытание пришлось вам перетерпеть, услышав слова любимого мужа: “Я женюсь”. Я женщина, и потому мне понятна вся буря эмоций, которая захлестывает в такой момент женское сердечко: отчаяние, ревность, обида... Я видела, как мои сестры по вере тонули, накрытые волной боли. Даже от самых верующих женщин в подобных ситуациях мне приходилось слышать такое, что просто страшно становилось». М/П: «Больно. Обидно. Ощущение предательства. Эти чувства свойственны для первых жен».

(8) И/П: «Тяжело оттого, что я все время думаю о том, что сейчас он может быть с ней, злит то, что его телефон всегда заблокирован кодом. Все время думаю о том, что там могут быть их фотографии и фото их маленького ребенка».

(9) К/П: «Первые жены, узнав о существовании второй, всячески пытаются этому воспротивиться, выдвигая мужу определенные условия или требуя от него постоянного подтверждения собственной значимости и малозначимости другой».

(10) К/Б: «Вы умница, что не мучаете мужа своими эмоциями и не втягиваете в это Ваших близких. И даже подругам лучше не рассказывать, так как они вряд ли поддержат Вас». К/П: «Проблема многоженства достаточно обсуждается, и есть немало примеров того, когда женщины находили в себе силы на сохранение семьи, и в итоге им это удавалось». И/И: «Я молчала и принимала как испытание от Аллаха. Мужу не говорила ничего. У меня это получилось, и наши отношения

моими стараниями не пострадали от его полигамных решений. Я знала, что если буду открыта в своих эмоциях с любимым, то вряд ли смогу сохранить семью».

(11) И/П: «Сначала у меня на сердце была невероятная обида, но потом я постаралась понять своего мужа. Ведь он, любя другую девушку, ни словом, ни делом, ни взглядом не давал мне этого понять и относился ко мне так, будто я — любовь всей его жизни».

Российские мусульмане замечают печальную тенденцию в поведении первых жен. Поэтому разработана целая система рекомендаций, какую стратегию выбрать жене мужчины, решившегося на полигамию. Эти стратегии весьма показательны для мусульманского общества.

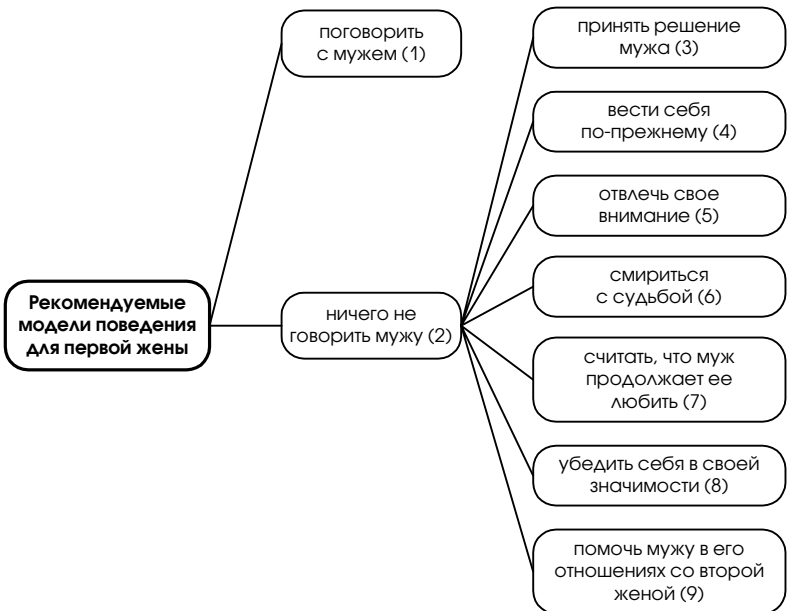

Рис. 7.

К рисунку 7.

(1) *М/П:* «Грамотная реакция — это сказать, что вы готовы принять Волю Аллаха . А после этого поведать любимому, что вам это будет очень трудно, больно, неприятно. Рассказать, как вы его любите, и какие страхи и опасения вызывает у вас такой поворот событий». *К/Ч:* «Помни, что если он близкий тебе человек, ты должна и имеешь право поделиться с ним тем, что тебя беспокоит, конечно, не с истериками и воплями, но и не давиться слезами в одиночестве. А не так, чтоб ему и ей — новый медовый месяц, а тебе в это время — одной обиду и ревность со слезами пережевывать». *К/Ч:* «Девушка — автор статьи — я советую вам поговорить с мужем, расскажите все, что чувствуете, все, что у вас на душе, чего вы боитесь. Я уверена, что ваш муж найдет нужные слова поддержки».

(2) *К/П:* «Ни в коем случае не показывайте ему свое негодование ни словами, ни отношением. Ибо так Вы можете подтолкнуть его к тому, что он “отречется” от Вашей семьи и полностью уйдет к другой. Станьте для него хорошей и заботливой женой, чтобы он буквально спешил к Вам с работы, от друзей и даже от другой». *К/П:* «Если вы примете на себя роль обиженной, страдающей и укоряющей жены, ваша собственная семья от этого только потеряет. Это зависимое от ваших эмоций положение будет его раздражать и приведет только к охлаждению в ваш адрес». *М/П:* «Постарайтесь не устраивать при нем истерик; для того, чтобы выплакаться, у вас есть то время, которое он проводит вне дома». *М/П:* «Лучше не стоит (сестры, записывайте, это говорят братья мусульмане) постоянно говорить о своих болях и переживаниях мужу, так как он и есть причина этого всего. У мужчины есть такая особенность, что его сердце тянется туда, где ему спокойней, где его не тревожат, не давят на него. Если же первая жена будет постоянно показывать свои настроения, боль, обиду мужу, это ему быстро надоест, и он не будет желать приходить домой».

(3) *К/Б:* «Для того чтобы справиться со своей ревностью, Вам надо в первую очередь принять решение Вашего супруга».

(4) *К/П*: «Создавайте для мужа хорошие условия в доме, чтобы его, как и раньше, тянуло к Вам». *К/П*: «Как бы трудно ни было, старайтесь жить в том режиме, в каком жили раньше. Создавайте дома уют, чтобы мужа тянуло к Вам. Не накручивайте себя мыслями о том, что муж сейчас с другой, и не стройте картин того, что может быть в их отношениях».

(5) *К/П*: «Займите себя чем-нибудь, чтобы не так сильно тосковать по мужу в его отсутствии». *И/И*: «Чтобы занять себя чем-то, кроме внутренних переживаний, я находила себе разнообразные занятия»

(6) *К/Б*: «Все, что Вы можете, это требовать свое, требовать от него справедливого деления времени, как это оговорено в мусульманском праве, и обеспечивать Вас всем необходимым». *К/П*: «Будьте уверены в том, что со временем Вам станет заметно легче, та боль, которую вы испытываете сейчас, обязательно утихнет». *К/Ч*: «Сделай все, чтобы твой муж не захотел жениться на второй, а если не можешь, страдай молча...»

(7) *К/Б*: «Переживать по поводу “нелюбви” супруга не стоит. В это сложно поверить и сложно принять (поскольку все мы воспитывались на книгах и фильмах, где “он, она и любовь до смерти”), но любовь лично к вам в данном случае не уменьшится, а скорее всего даже и возрастет, поскольку только самые великодушные женщины могут “поделиться” своим супругом с другой». *К/П*: «В отличие от женщины мужчина не ограничен любовью только к одной женщине. Его сердце может вместить полноценную любовь к нескольким женам. То, что в глазах женщины может выглядеть предательством, на самом деле таковым не является».

(8) *К/П*: «Следует немедленно избавиться от всех терзаний, сердечных мук и накруток типа “он меня разлюбил, я ему больше не интересна, как предательски он отнесся к нашей любви и семье, я ему родила и терпела многое, а он...” — все это лишь женское восприятие». *К/П*: «Ни в коем случае не думайте, что Ваш муж женился на другой, потому что Вы его в чем-то не устраиваете». *К/Ч*: «Прежде всего, не забивать голову глупостями, типа “чем я не такая” и “почему ему меня од-

ной не хватило”, или еще похлеще, “чем она лучше меня?”. Всем ты такая (если у вас до этого хороший брак был), просто если ему хочется не одну, а несколько, то это зависит не от тебя».

(9) М/П: «Следует понять, что супругу сейчас очень нелегко, и помочь ему в этом... Он ведь тоже не привык ко второй семье, к поведению второй супруги, к тому, что все теперь, абсолютно все, нужно делить между супругами пополам. А, между прочим, “для себя любимого” ему остается в два раза меньше времени! Кто же сможет помочь, как не верная первая жена — ведь именно она знает все тонкости характера супруга, только она сможет протянуть руку помощи — ведь новая жена, как ни крути, еще ничего о нем не знает!»

Теперь посмотрим на восприятия повторного брака обществом через призму того, как общество видит вторую жену в полигамном браке.

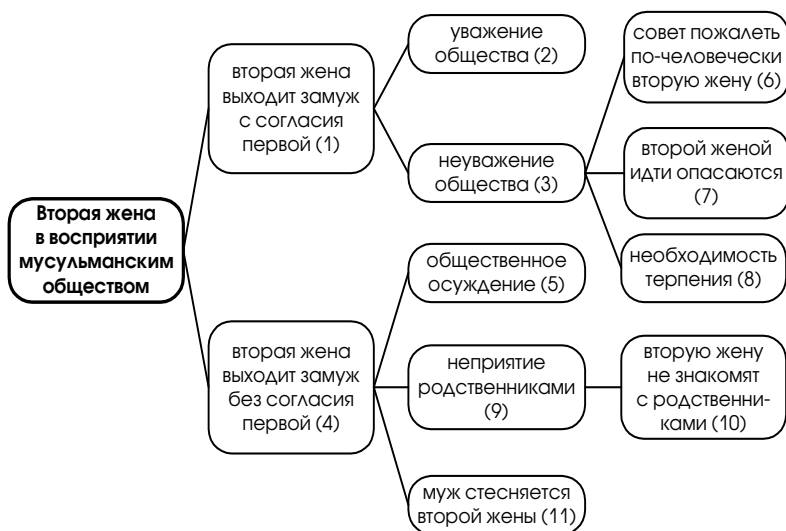

Рис. 8

К рисунку 8.

(1) *К/Ч*: «Уж если в полигамный брак, так познакомившись и с другими женами, и наладив с ними нормальные отношения». *К/Ч*: «Можно, если до свадьбы познакомилась-поздружились-договорилась с первой женой, что та согласна на новый брак. Дала понять, что без ее согласия за ее мужа ни за что не выйдешь. Если же нет — не удивляйся и не возмущайся, что муж обидевший и проигнорировавший свою первую жену, наплевавший на ее чувства, точно также будет поступать и с тобой».

(2) Примеров нет.

(3) *И/П*: «Не все женщины на это готовы и согласны. Скажем, так, что в моем окружении ни одной такой нет, и на меня сейчас смотрят, как на умалишенную, что я согласна стать второй женой». *К/Ч*: «Ради великой “любви” согласиться на жизнь на задворках (которую никак полноценной супружеской жизнью назвать нельзя), на обгрызке с чужого семейного стола (с нелюбимой якобы), на постоянный страх — а не бросит ли он меня, если этого потребуют его жена и родители». *К/Ч*: «Для кого-то в порядке вещей жить с чужим мужем, рожать от него детей и общаться с его женами. А для кого-то это совершенно неприемлемо и невозможно. Если вы сами можете без проблем общаться с женами и детьми своего-чужого мужа, то можно пойти в гарем очередной женой. Возможно, вы даже будете счастливы в этом гареме». *К/Ч*: «Мужчина, у которого есть жена (жены) — это чужой муж, даже если жить с ним после никяха. Порядочный человек это понял бы без лишних разговоров».

(4) *К/Ч*: «Стоило подумать, зачем причинять боль ничего не сделавшей тебе плохой женщине, выходя за ее мужа». *К/Ч*: «Думать надо, когда замуж выходите! Думайте о той, у которой душа болит, когда ее муж с другой!» *К/Ч*: «Что это за счастье такое, которое на чужом несчастье». *К/Ч*: «Вместо того, чтоб мило “понимать”, как тяжело принять такую ситуацию первой жене, вы могли бы вообще не лезть в чужую семью, и не пытаться себе отхавать кусок чужого личного и женского

счастья». К/Ч: «Сама до такого доигралась. Разбила чужую семью, принесла в нее несчастье. На чужом несчастье хочет свое счастье построить». К/Ч: «Обязательно надо было причинить боль другой женщине, не сделавшей тебе ничего плохого? Хлебай теперь полной ложкой. То ли еще будет». К/Ч: «Жили они вдвоем, не тужили, пока он ей подарочек в виде вас, моя дорогая, не преподнес. Прошу прощения, но вы эгоистка». К/Ч: «Сделанное зло всегда человеку возвращается. Например, любимый муж так же жестоко наплюет на твои чувства, и вытрет о тебя ноги, как он сейчас поступил со своей первой женой». К/Ч: «Не надо было изначально лезть в чужую семью». К/Ч: «А почему ты не посчиталась с мнением его жены, раз она не хотела, чтоб он брал себе вторую жену? О чувствах других тоже надо думать, а не только о себе». К/Ч: «Мужчина, подло поступивший по отношению к первой жене, так же поступает и по отношению к тебе».

(5) И/П: «Он мне понравился как мужчина, как человек, но вторая жена... Столько всего я об этом слышала». И/П: «Я узнаю, что у него есть жена, случайно. Но позже его жена тоже стала мне звонить и говорить, что он уже давно хочет найти вторую жену и во мне увидел ее. Я не знаю, что делать? Как быть? Не думаю, что его жена искренне этого желает, да и лезть в чужую семью не хочется. На чужом несчастье свое не построишь!!!» И/П: «Стоит ли лезть в эту семью и становиться второй женой? Хотя я бы смогла перебороть гордость и выйти за него, но стоит ли?»

(6) М/П: «Самое лучшее — понять ее и просто пожалеть по-человечески, ведь зачастую и она выходит замуж второй не столько потому, что так хочет, а потому, что у нее нет другого выхода». М/П: «Аида согласилась быть второй. “Лучше так, чем жить без мужа”, — решила она. Конечно, вокруг все ее обсуждают, кто-то прямо упрекает ее, считая ее разрушительницей семьи, кто-то просто перестал с ней общаться. Но Аида старается на это не обращать внимание. Главное сейчас у нее есть семья». М/П: «Она согласна быть второй, потому что осознала, что такое одиночество...» М/П: «Вторые жены сталки-

ваются с чувством униженности, ощущением неполноценности семьи и внимания, а порой и ненужности или только “запасного аэродрома”. Очень больно и обидно». И/П: «В основном все, за кого мне предлагали выйти замуж, уже были женаты. Долгое время я не соглашалась, считала, что это не для меня, что я еще встречу свою судьбу. Но время шло, а ничего не менялось, и, когда мне предложили познакомиться с очередным кандидатом в мужа, я согласилась».

(7) И/П: «Меня съедают мысли о том, что я всю жизнь буду прятаться как любовница, что на меня будут тыкать пальцем и говорить, что я вторая жена такого-то. Боюсь, что его родные никогда не признают меня, всегда будут ненавидеть и проклинать. Да и его жена тоже, наверное, будет ненавидеть меня. Мои родные тоже не в восторге от этого, и подруги утверждают, что нельзя врываться в чужую семью».

(8) К/Ч: «Нечего выходить, если не готовы. Ищите тогда, кто вас первыми возьмет. А если уж вышли, то будьте добры не качать права. Вот из-за таких женщин и разбиваются нормальные семьи».

(9) М/П: «Родственники проявляют сочувствие первой и начинают наговаривать на вторую, учить первую, давать ей советы, которые не несут в себе мира, настраивают ее против второй и тому подобное. Им кажется, что вторая разрушает их семью». И/П: «Родственники мужа и первой жены, узнав о нашем браке, затеяли большой скандал. Муж выехал в город к родственникам, решить проблему, но они меня не принимают. Старший брат мужа сказал, что мой муж для него больше не брат, пока не расстанется со мной, а родственники первой жены настаивают на том, чтоб он со мной развелся...».

(10) К/П: «Не хочу и не имею права Вас в чем-то обвинять, но Вы ведь с самого начала знали, что он женат. Более того, выходя замуж, Вы были согласны не только с его семейным положением, но и с тем, что он не познакомил Вас со своей родней. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись».

(11) К/П: «Возможно, некоторое время ваш супруг будет стесняться выводить вас в гости или даже просто на прогулку

в парк, поскольку полигамия в настоящее время все же отвергается обществом, и его знакомые не всегда будут адекватно реагировать на вас».

В завершении посмотрим на стратегию поведения друг относительно друга двух или нескольких жен одного мужа, а также связанное с этими стратегиями поведение полигамного мужа.

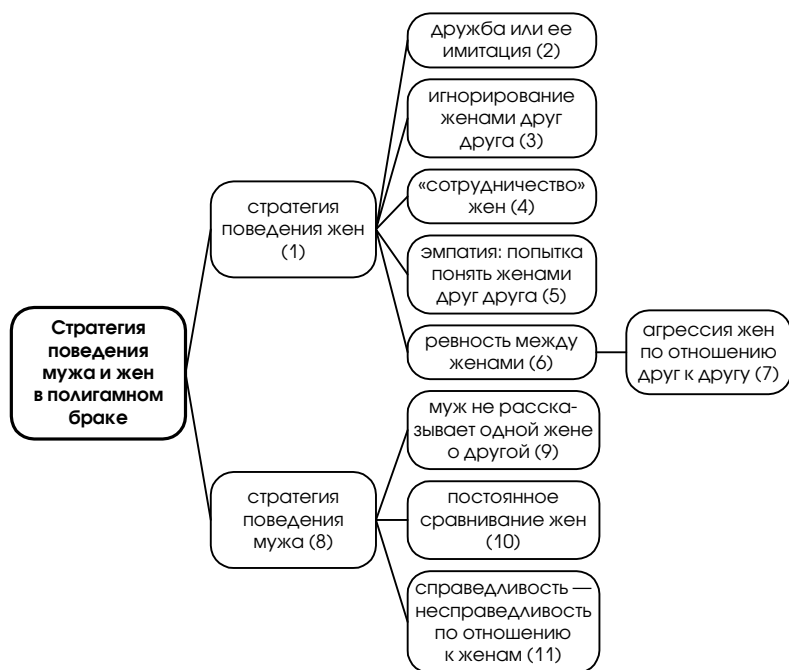

Рис. 9.

К рисунку 9.

(1) И/И: «И я, и она пытались наладить отношения, помогали друг другу, старались как-то выкрулить, но в итоге все рав-

но они у нас на нуле. Мы не подруги, но и не воюем. Общаемся, бывает, помогаем друг другу и обсуждаем проблемы нашей общей большой семьи».

(2) *М/П:* «Мужчин просто нереально восхищает, когда жены одного мужа дружат между собой. Это их заветная мечта, которой крайне редко удастся сбыться». *М/П:* «Особенно нереальной в исполнении, но фигурирующей в мужских фантазиях, выглядит ситуация, когда все жены дружат между собой». *М/П:* «Я видела примеры, когда жены дружат. Мне известны семьи, где даже сама первая жена искала вторую. Однако даже в самых лучших вариантах все далеко не безоблачно. Чаще всего женщины просто делают вид, что искренне и тепло относятся друг к другу — желая доставить удовольствие своему любимому человеку. Исключения бывают, конечно же. Но обязывать жен общаться и дружить, как это иногда делают мужчины, довольно рискованно». *И/И:* «Ради Али стали подругами, в гости друг к другу ходим, подарки дарим». *И/П:* «Будучи первой женой, имею соответствующий опыт в многоженстве. Со второй женой дружу. Она очень хорошая и добрая женщина. Вместе не жили, но часто проводили время вместе: готовили, болтали о том, о сем, гуляли, занимались шопингом. А не нравится, так зачем лезла в семью, членов которой не любишь. Мне, например, вторая жена мужа всегда говорит: “Вы (имея в виду меня и супруга) моя семья. Обоих вас люблю!”»

(3) *К/П:* «Надо научиться относиться к ее существованию, если уж не с юмором, то нейтрально, никак, ее для вашей семьи “вообще нет”». *М/П:* «Хотя некоторым мужчинам удастся такое, и несколько из них сказали, что их жены дружат. Но все-таки те, кто такое попробовали, потом жалеют в большинстве случаев и думают, что лучше было их не знакомить». *М/П:* «Спокойнее всего живут такие семьи, в которых жены вообще не общаются и друг про друга не слышат из уст супруга». *М/П:* «В основном мужчины советуют, чтобы жены как можно меньше знали друг о дружке. Чем меньше видят друг друга, тем лучше, как для них самих, так и для мужа». *М/П:* «В таком случае — нейтралитет, вынужденное перемирие под

названием: «Я ничего не знаю о ней и не хочу знать». Это оптимальный вариант для тех, кто не может справиться со своими чувствами». К/П: «Может, следовало бы забыть и отпустить тот факт, что у мужа есть еще жены и просто продолжать жить счастливо, не заикливаясь и не думая об этом?! Другая жена тоже испытывает не восторг».

(4) К/П: «Почти во всех ситуациях наблюдается то, что женщине намного легче принять вторую жену своего мужа, если она не воюет с ней, а пытается взаимодействовать». К/П: «Если они обе готовы к разрешению конфликтной ситуации, то в совместном взаимодействии им легче понять точку зрения друг друга, в частности, желание приобрести свое семейное счастье». К/П: «Важно научиться жить, не конфликтуя и не воюя против другой жены, а стремиться, если не к сотрудничеству (что было бы идеально), так хотя бы, как минимум, к бесконфликтным, мирным отношениям».

(5) К/П: «В такие моменты, когда становится тяжело на душе, когда в голову лезут мысли о его другой семье и о том, как он проводит с ней время, подумайте над тем, каково приходится ей, когда муж бывает с Вами». К/П: «Неизвестно, согласилась ли на ваш брак первая жена. Может, нет, и она также сильно тяготится вашим присутствием в доме и необходимостью делить с вами мужа, как и вы — ею. Тогда вы как никто другой способны понять ее». К/П: «Многие женщины, которые смогли справиться с подобной проблемой, отмечали, что больше всего им помогло то, что они пытались понять другую жену, мысленно ставили себя на ее место». К/П: «Еще раз повторюсь, что в глазах первой жены Вы, возможно, враг, разрушитель ее семейного счастья. По этой причине отнеситесь с пониманием к ее поведению, ведь не исключено, что Вы сами вели бы себя таким же образом, окажись на ее месте». И/П: «Когда я ставлю себя на ее место, понимаю как ей трудно». К/Ч: «Можешь и познакомиться с новой женой. Вполне возможно, что и она ревнует, а вместе найти выход легче. И ей будет легче, что не надо больше прятаться».

(6) *К/Б*: «При согласии обеих жен проживание в отдельных комнатах одного дома не запрещено, однако делать этого не советуют, поскольку рано или поздно ревность сделает свое дело». *К/П*: «Для начала просто не прокручивайте в голове различные сцены интимной жизни мужа с первой женой и попросите мужа, чтобы он позаботился о звуконепроницаемости обеих спален». *К/П*: «Однако хочу Вас уведомить о том, что зачастую так называемые вторые жены сами делают себя несчастными, поддаваясь и переходя все рамки в своей ревности». *К/П*: «Работа с семьями убедительно показывает, что неконтролируемая ревность всегда ведет к ухудшению отношений. Особенно это актуально для полигамной семьи, поскольку в голове одной из жен всегда будет сидеть мысль о том, что ее муж бывает еще и с другой женщиной». *К/П*: «Именно ревность лежит в основе отрицательного восприятия второй жены, поскольку это чувство включает в себя страх потери любви, ущемления собственной личности и другие негативные явления». *К/П*: «Это следствие некоего разочарования в том, что Вы теперь не единственная любовь своего мужа и есть другая, которую он любит. Приняв мысль о том, что супруг любит другую женщину и желает взять ее в жены, Вы автоматически перечеркнули все то хорошее, что есть между вами». *М/П*: «В основном, те женщины, которые столкнулись с подобной проблемой, в основе всего отмечают гнетущее чувство ревности». *К/П*: «Если Вы решите положительно и выйдете замуж за этого мужчину, то Вам надо подготовить себя к возможным трудностям. Тут дело в том, что к обычным сложностям любой семьи прибавляется действие Вашей собственной ревности». *И/И*: «Хотя я поздравила ее, подарила ей свадебные подарки, но она проявляла очень много ревности, потом подружился, а когда я родила очередного ребенка, у нее опять началась сильная ревность, и отношения прервались окончательно».

(7) *К/П*: «В итоге, когда первая узнает о наличии второй, многие мужчины разводятся со вторыми, боясь конфликтов с первой». *К/П*: «Вторые жены порой выдвигают требования похуже, закатывая мужу истерики, чтобы он развелся с первой».

супругой». К/П: «Нередко наблюдается такое, когда одна жена не выступает открыто против второй, но при этом действует скрытно, “по-женски” коварно. Это может проявляться в так называемой косвенной агрессии». К/П: «Ведь вы знали, на что шли, знали, что первая жена, даже демонстрирующая свое согласие, вполне может через несколько дней начать скандалы по поводу вашего нежелательного присутствия в “их счастливой семейной жизни”». М/П: «В подобных ситуациях первая жена воспринимает вторую как соперницу и разрушительницу ее семейного счастья». И/П: «Недавно его первая жена узнала обо мне и пригрозила ему, что вернется к родителям, если он меня не оставит». И/И: «Ее поведение и отношение ко мне резко изменились. Она для всех подала ситуацию таким образом, будто она жертва, а не инициатор произошедшего».

(8) М/П: «Что же касается жен, то их качества и их поведение зависит от мужа. Это он должен уметь регулировать отношения. [Абдулла считает:] “Если к мужу будет уважение, все будет в порядке. Женщины не смогут регулировать такие отношения, это задача мужчины”».

(9) М/П: «Мужу не рассказывать одной о том, что творится в доме другой, не хвалить перед ней другую, быть справедливым в том, как обеспечивает их нужды. Находясь у одной жены, пусть ведет себя так, как будто она единственная». М/П: «Необходимо мужу избегать с любой из жен разговоров о другой, сравнений, тем более, хвалить при одной жене другую. Если муж не понимает скверность и низость такого отношения к женам, и он не в состоянии обеспечить психологический комфорт и первой, и последующим женам, то такой муж теряет право на полигамию».

(10) К/П: «Он (даже не стремясь вас обидеть) все равно автоматически будет вас сравнивать с первой женой». М/П: «Так что следует ждать в ответ на приготовленный чудесный ужин, что “вот моя О... готовит то же самое, но намного вкуснее”. Если супруг — человек тактичный, то он может и не сказать, но подумать, если он еще и хороший благонравный мусульманин — то он даже и не подумает, но...»

(11) *М/П:* «Терпеть неравенство, на которое пусть даже и согласилась, женщине очень и очень трудно. У нее и так много проблем с ревностью (знали бы вы, как это сложно!), а тут еще и поводы дополнительные ввиду неодинакового отношения, неравного положения, не одинаково частых посещений. Это слишком большая нагрузка, и наивно полагать, что ваши избранницы справятся с ней хотя бы на “троечку”». *М/П:* «Несправедливость — это очень больно. Если полигамному мужу сложнее всего соблюсти справедливость, то неединственной жене сложнее всего ее пережить». *М/П:* «Многоженцы, с которыми мне довелось беседовать за десятилетие в исламе, утверждают, что самым сложным в положении мужа не одной женщины является соблюдение справедливости по отношению к ним». *М/П:* «На практике удовлетворить жажду равенства женщин во всем по отношению к двум и более женам оказывается чуть ли не несбыточным идеалом». *И/П:* «Он никогда, за все время не относился ко мне справедливо и вообще скрывал мое существование, чтобы это не дошло до родителей».

В результате анализа текстов с сайтов islam.ru и islamdag.ru мы можем сделать вывод, что современное российское мусульманское общество с трудом реализует идею полигамии. Она вызывает много внутрисемейных конфликтов, как между женами и мужьями, так и между двумя женами одного мужа. Относительно гармоничные картины полигамных браков присутствуют в основном только на рекомендательном уровне, в практической жизни полигамия вызывает семейные и личные трагедии. Российские женщины-мусульманки подходят к построению семьи с индивидуалистских позиций, а потому не смиряются с посягательством на представление о браке, где «он, она и любовь до гроба». Мужчины же относятся к архаичному институту брака, как к новой «игрушке», не желая зачастую принимать в расчет позицию женщин. И если на уровне «просветительских» публикаций конфликт снимается путем предписания линии поведения женщин, гладкой в теории, но труднореализуемой на практике, то в реальной жизни

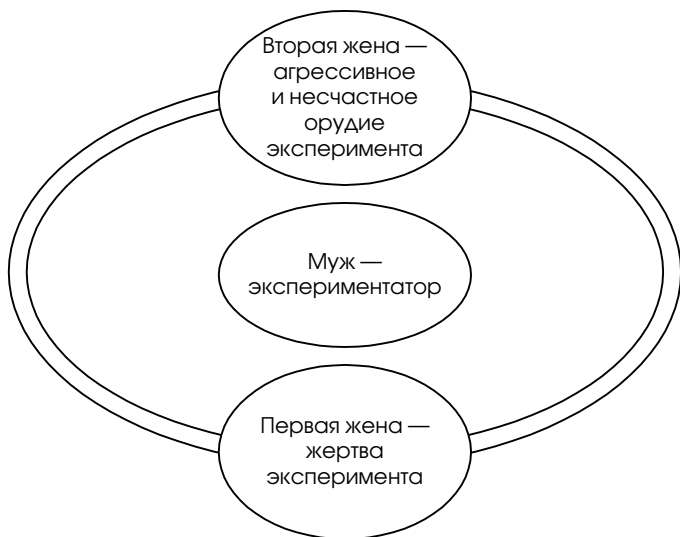

Рис. 10.

прослеживается конфликт между мужчинами и женщинами и между реализовавшимися в семейной жизни женщинами (первыми женами) и одинокими женщинами, готовыми стать вторыми женами. Поэтому в упрощенном виде полигамную семью в ее отношении к традиционной семье можно представить, как показано на рис. 10.

Это не общая схема реального восприятия современным российским мусульманским сообществом полигамной семьи, охватывающая все частные случаи, но базовая, относительно которой все частные случаи могут быть выстроены как вариации типичной модели и исключения, подтверждающие правило. Она указывает на то, что данный архаичный институт — полигамная семья — не органичен для современных российских мусульман. Отчасти это происходит потому, что ни одни из мусульманских народов России не имели традиции распространения полигамной семьи, которая является, таким обра-

зом, не возрождением прежних культурных особенностей, а перенесением на российскую почву норм шариата, более характерных для арабского мира, — этот фактор более значим для жителей сел. Отчасти это вызвано также опытом советской и российской системы образования и воспитания с ее определенным индивидуализмом и самостоятельным значением женщины в семье и обществе, романтизацией любви и брака, а также, что мы особо подчеркнем, существованием системы образования в контексте христианской традиции России, с ее строго моногамным взглядом на брак, являющимся сакральным союзом одного мужчины и одной женщины. Этот фактор более значим для жителей городов. Как бы современная мусульманка сознательно ни желала следовать нормам шариата, она остается россиянкой с достаточно романтичными взглядами на брак, и мужчина, который решает экспериментировать с полигамией, именно «экспериментатором» и представляется в современном массовом мусульманском сознании, и общество, прежде всего женская его половина, скорее отказывает ему в праве на этот эксперимент, чем признает его легитимность. Женской частью общества крайне редко признается правомерность и оправданность полигамной стратегии мужчин, и жены этих мужчин — первые жены — воспринимаются как жертвы эксперимента. Вторые же жены воспринимаются как использующие шариат для обустройства собственной судьбы за счет первых жен, часто как разрушительницы семейных уз, готовые на агрессивные действия ради того, чтобы избавиться от одиночества.

Последние годы в России периодически вспыхивают дискуссии о возможности легализации в нашей стране полигамных браков, по крайней мере, для мусульманских республик. Последняя такая бурная дискуссия состоялась в мае-июне 2015 г. после резонансной чеченской свадьбы уже женатого первым браком начальника РОВД Ножай-Юртовского района Нажуда Гучигова и 17-летней Луизы Гойлабиевой и последовавших в этой связи заявлениями президента Чечни Рамзана Кадырова и главы администрации Чечни Магомеда Даудова.

Комментаторы много говорят о том, что речь идет о традиции, принятой у российских мусульман и органичной им. Однако результаты нашего исследования ставят этот тезис под сомнение.

Источники

Ламажая Ч. К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 39 с.

Многоженство в России не избежать, считает известный муфтий СКГ. 20.05.2015. Дата обращения: 27.06.2015. URL: <http://sibcatholic.ru/2015/05/20/mnogozhenstva-v-rossii-ne-izbezhat-schitaet-izvestnyj-muftij/>

Многоженство в Татарстане. 18 декабря 2014 Дата обращения: 27.06.2015. URL: <http://www.muslim-info.com/mnogozhenstvo-v-tatarstane.html>

Многоженство опасно для мусульман. 1 июня 2015. Дата обращения: 027.06.2015. URL: <http://www.islamisemya.com/semya/semya/semejnye-otnosheniya/10444-mnogozhjonstvo-opasno-dlya-musulman> .

Муфтий Москвы предложил легализовать в России многоженство для мусульман. 25 мая 2015 Дата обращения: 027.06.2015. URL: <http://www.interfax.ru/russia/443592>

«Они все равно будут жениться на второй, третьей и четвертой» 19 мая 2015 Дата обращения: 27.06.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/05/19/nikah/>

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: УРСС, 2001.

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО,
МОБИЛЬНОСТЬ
И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

С. Н. Игнатова

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК НОРМА

Рост социального неравенства в мире, его воспроизводство во все более серьезных масштабах ставит изучение этого явления на уровне индивидуального сознания, обыденных представлений важнейшей исследовательской задачей. Анализ эмпирического материала международного сравнительного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Пост-коммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» показал близость представлений о социальном неравенстве в европейских странах постсоветского пространства, которые ранее входили в состав СССР. Семантическое единство характеристик данного явления говорит скорее о глубоких нормативных установках, сложившихся не под влиянием текущих изменений, а в результате длительных процессов трансформации сознания, начавшихся задолго до радикального слома общественного строя, произошедшего в этих странах. Дискуссии в фокус-группах о социальном неравенстве и равенстве в обществе представили неравенство как норму, а равенство как отклонение от нормы. Проблемное поле в представлениях респондентов формируется вокруг сложившейся в их обществах конфигурации социального неравенства.

Ключевые слова: социальное неравенство, равенство, пост-коммунистическая Центральная и Восточная Европа, фокус-групповая дискуссия, дискурс-анализ

1. Введение

Социальное неравенство остается одной из наиболее значимых проблем в современном мире. Последний Всемирный

социологический конгресс (2014 г.) был посвящен анализу подходов к изучению неравенства как социального явления, поиску вариантов его преодоления. Неравенство не только постоянно воспроизводится во всех обществах, но воспроизводится во все более серьезных масштабах, создавая условия для формирования новых рисков и кризисных ситуаций на локальных, национальных и глобальном уровнях. В силу этого возрастает роль и значимость социологического знания в диагностировании и поиске решений данной проблемы, необходимость достоверных знаний о конфигурациях структурного неравенства, различных его видах. Социальное неравенство достаточно серьезно и многогранно исследуется и в мировой (Coleman J. 1966; Goldthorpe J. 1980; Lucas S. 2001; Stiglitz J. 2012), и в российской социологии (Голенкова З. 2001; Шевяков А., Кирута А. 2002; Социальный капитал и социальное расслоение в современной России 2003; Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре 2008; Шкаратан О. 2009, и др.). В социологической науке сложился четкий категориальный аппарат, описывающий данное явление. Большинство исследований социального неравенства ориентировано на использование количественных методов сбора и анализа информации, где исследователь предлагает респондентам заранее сконструированные мнения, оценки, гипотезы. В гораздо меньшей степени изучается явление социального неравенства на уровне индивидуального сознания, обыденных представлений: что индивиды понимают под термином социальное неравенство, какими смыслами его наполняют, как объясняют его существование в современном им обществе, какие проявления социального неравенства видят по отношению к себе. Наш подход состоял в анализе представлений о социальном неравенстве, сформулированных самими респондентами с минимальным участием ученого. Тем самым появилась возможность верифицировать данные многочисленных исследований представлениями обычных граждан, увидеть совпадения, пересечения этих представлений, обнаружить факторы, «болевые точки» социального неравенства, наиболее важные для граж-

дан. Привлечение к анализу обыденного знания, как нам кажется, расширяет границы понимания данного явления, дает возможность иначе взглянуть на многие теоретические подходы, учитывать язык и категории, которыми индивиды пользуются для его описания. В статье имеется попытка провести подобный анализ в тех методических и методологических рамках, которые были поставлены целью и задачей проекта, материалы которого использованы в представленной работе.

2. Методология исследования

Базой для анализа явились данные исследования проведенного методом фокус-групповых интервью в рамках международного сравнительного проекта «Социальное неравенство и что оно означает для экономического и демократического развития Европы и ее граждан. Пост-коммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе», осуществленного в 2006—2009 гг. в 13 странах указанного ареала¹. В качестве эмпирического материала были взяты тексты 22 фокус-групп из пяти стран (Россия, Украина, Беларусь, Литва, Латвия), где группы проводились на русском языке (на Украине группы проводились на двух языках, что не явилось барьером для анализа, так как исследователи не испытывали проблем с пониманием текстов). Проведение фокус-групп было организовано по единой методике во всех странах, с применением принципа квотирования по полу, возрасту, образованию и типу занятости, с сохранением принципа территориальной представленности. В группах (кроме российских) выдерживался и некоторый принцип этнической представленности,

¹ Проект «Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective (EUREQUAL)» (6-я Рамочная программа Комиссии Европейского Союза). Исследование проходило в 13 европейских странах: России, Беларуси, Болгарии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литве, Молдове, Польше, Румынии, Словакии, Украине. Общее количество опрошенных в 13 странах составило 15 648 человек.

в литовских и латвийских большая часть участников являлась гражданами этих стран. В каждой группе участвовало двенадцать человек.

Метод фокус-группового интервью довольно тонкий инструмент сбора данных. Полученный этим методом эмпирический материал далеко не так прост для анализа, как может показаться на первый взгляд. Мы считаем, что это прекрасный способ выяснить мнения, представления, убеждения, стереотипы и мифы граждан по поводу определенной социальной проблемы или явления; увидеть, как эти представления могут развиваться или трансформироваться в результате обсуждения, взаимодействия индивидов друг с другом, что невозможно сделать в случае обычного глубинного интервью. «Метод строится на предположении, что феномены коллективной реакции..., выявленные в ходе групповой дискуссии, являются не случайными, ситуативными реакциями данного собрания... персон, конфигурации которых в дальнейшем не могут быть воспроизведены, а проявлениями массового сознания. Из этого следует, что они могут быть значимы и действительны в качестве мотивов и иных регуляторов поведения для всех групп, принадлежащих той же общности, что и группа респондентов» (Левинсон А., Стучевская О. 2003: 47). На выходе мы получаем не некоторое количество интервью, взятых всего за пару часов дискуссии, а поле битв и достижения соглашений различных точек зрения разных людей, выраженное в словах. Фокусгрупповое интервью создает достаточный накал уровня дискуссии, заставляет респондентов во время обсуждения высказывать противоположные точки зрения, спорить и аргументировать свои позиции. «...сами участники отбраковывают неправильные или крайние взгляды <...> вырабатывают относительно стабильный, сбалансированный взгляд на проблему» (Ковалев Е., Штейнберг И. 1999: 221). Таким образом, в ходе фокус-групп (ФГ) можно получить совершенно неожиданные результаты, именно они позволяют моделировать реальные ситуации взаимодействия, а также способствуют раскрытию индивидуальных мнений без давления взглядов ис-

следователей (Дмитриева Е. 1999). Сопоставление результатов нескольких фокус-групп дает возможность зафиксировать преимущественный спектр мнений по поводу изучаемой проблемы, выявить крайние позиции, увидеть динамику и сценарий развития дискуссий. Анализ строится также на изучении визуального ряда: базовым требованием к проведению ФГ является их видеофиксация. Учет жестов, интонаций, эмоциональных скачков, пауз в разговоре, смысловых ударений и других элементов поведения респондентов в ходе групповой дискуссии помогает интерпретировать язык и логику обсуждения.

Анализ полученных данных был нами построен на использовании нескольких методов и подходов: контент-анализа, дискурс-анализа, метода категоризации через осевое кодирование (имеющего в основе подходы *grounded theory*), в том числе с помощью компьютерной программы анализа качественных данных MAXQDA. В качестве отдельной задачи была выделена работа с видеозаписями фокус-групп. Существенным для анализа оказался и тот факт, что исследователи имели возможность непосредственно наблюдать проведение фокус-групп в большинстве стран. Поскольку базовые категории, на которые опиралась концепция исследования отношения граждан к социальному неравенству были заданы гайдом фокус-групп, то в анализе мы сконцентрировались на четком выполнении следующих подготовительных процедур. 1) Были сформированы массивы текстовых фрагментов, относящихся к той или иной категории, понятию, исследовательской проблеме; 2) Каждая категория наполнялась массивом словоформ, через которые ее транслировали информанты в ходе обсуждения. С целью максимально полного наполнения категорий мы прибегли к процедуре многократного прочтения текстов фокус-групп, больше характерного этнометодологическому подходу. Этому шагу было уделено особое внимание, учитывая важность данной процедуры для дальнейшего анализа. 3) Проведен подсчет частоты встречаемости в текстах групп категорий. 4) Выделены значимые смыслы, которыми респонденты наполнили данные категории. Это дает возможность провести

анализ по полу, возрасту и даже образованию. Но нам кажется, что формат фокус-групп не позволяет это сделать, так как имеет специфику групповой дискуссии, когда точка зрения респондента может смещаться в ту или иную сторону в зависимости от хода обсуждения.

Выбранный метод исследования позволил нам сравнить представления граждан о неравенстве в разных странах посткоммунистического пространства, поэтому предлагаемая работа сфокусирована на поисках общего и отличного в представлениях респондентов пяти стран Восточной Европы о социальном неравенстве. В тексте в качестве иллюстративного и доказательного материала использованы цитаты из фокусгрупповых дискуссий. По возможности каждый тезис или утверждение, сделанные на основе анализа эмпирического материала, сопровождаются высказываниями представителей нескольких стран с целью реализации принципа сравнимости результатов.

3. Вербализация респондентами понятия социального неравенства

Предположение нашей исследовательской группы, что участники дискуссий обозначат социальное неравенство как одну из важнейших социальных проблем современных им обществ, не оправдалось полностью. При этом среди самых значимых проблем, в том числе, с которыми респонденты сталкиваются в обыденной жизни, были названы именно те, которые составляют сложившуюся структуру социального неравенства. Например, низкие доходы населения и весь комплекс проблем с этим связанных (низкая доступность образования, медицинских услуг и т. д.); занятость (отсутствие работы, сложности ее поиска, нарушение трудовых прав); развитие села и сельского хозяйства; отчуждение, разрыв власти и народа и т. д. Таким образом, если само по себе социальное неравенство не является проблемным полем в дискурсе респондентов, то его конкретные проявления на уровне повседневной жизни вызывают сильное недовольство.

Особое внимание исследователей привлекла близость представлений о социальном неравенстве во всех группах в указанных пяти странах постсоветского пространства, а также удивительная здравость и взвешенность суждений участников фокус-групп о социальном неравенстве вообще, его причинах и проявлениях в тех государствах, представителями которых они являлись. Как ведущие зафиксированы позиции, определения, суждения, по которым в группах был достигнут некий консенсус. Общая направленность дискурса, употребление в группах, представляющих различные страны одних и тех же слов, фраз, терминов, категорий для обозначения, характеристики явления социального неравенства, удивительное семантическое единство требует определенного объяснения. Столь поразительное единодушие можно объяснить общим советским прошлым Литвы, Латвии, Украины, Беларуси и России. Мы склонны считать, что существенное влияние здесь оказали именно схожие условия перехода от социалистической экономики к рыночным формам: по мнению участников дискуссий, это была довольно беспардонная приватизация накопленных в государствах основных фондов без фактического участия граждан этих стран, при сохранении властных позиций у представителей прежней партийно-хозяйственной номенклатуры. Однако такое объяснение является неким упрощением ситуации, здесь работают более глубокие нормативные установки, которые проявились в суждениях, высказанных информантами на фокус-группах. Полученный результат еще раз подтвердил тот факт, что подобные дискуссии являются наилучшим методом выяснения реальных представлений людей в условиях минимального влияния исследователей на формирование мнения участников обсуждения.

В ходе анализа текстов фокус-групп нами были выделены основные категории, в которых респонденты вербализировали понятие социального неравенства.

Социальное неравенство как естественное различие между людьми. По мнению значительной части участников дискуссий, социальное неравенство — естественное явление:

неравенство существовало всегда и везде, при любом общественном устройстве, и обусловлено оно как аскриптивными характеристиками индивидов, так и естественными различиями между людьми, различиями в личных качествах, характерах, потребностях, способностях и т.д.

А.: Я думаю, что природа человека, прежде всего, порождает социальное неравенство. (Ж., 55) В.: Ну, правильно. (М., 64) А.: Да равенства вообще не может быть. (М., 58, низкий доход, город, Литва)

И.: [Неравенство] присутствует, но это нормально. <...> Я считаю, что это обусловленный процесс, то есть у человека потребности разные, так же как есть разные профессии, то есть не все такие естественно, поэтому и будет неравенство. Во всём мире так. (Ж., 22, низкий доход, город, Латвия)

Т.: Я считаю, что социальное неравенство — это нормальное явление. В любом государстве. Не все люди одинаковые, и это нормально. Все люди разные по своему потенциалу, по своему развитию, активности, желанию, целеустремленности. (Ж., 36, низкий доход, город, Беларусь)

Т.: Понимаете, мы рождаемся изначально социально не равными. Исходя из того, в какой семье вы родитесь, уже будет социальное неравенство... Мы все не равны, у нас у всех разные стартовые возможности. И зависит это не только нашего генотипа, мама-папа, но зависит и от фенотипа, от того, что вас окружает. Это всегда было и будет. Это жизнь, к сожалению. (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

Социальное неравенство как необходимый элемент развития. Большинство информантов утверждали, что с таким «естественным» неравенством не нужно бороться, так как оно имманентно присуще любому обществу, а также необходимо для его развития — *«это не то, что нормально, это естественно», «движущая сила человечества», «иерархия стремления к лучшему», «импульс к развитию», «процветание есть, когда есть отливия».*

К.: <...> социальное равенство невозможно ни при каком строе, то есть, в принципе, социальное неравенство является движущей силой человечества. Равенство — только утопия. (Ж., 20, средний доход, село, Россия)

Д.: <...> Сам механизм неравенства, что не равны люди — это живительный механизм для социума. (М., 24, средний доход, город, Россия)

А.: <...> Если мы будем одинаковые, то как будет страна процветать? Если все будет одно, то не будет стимула никакого, все будут одинаковые. Не будет развития, а наоборот, будет деградация. (М., 20, низкий доход, город, Украина)

Г.: Равенства и не должно быть. Тогда не будет стимула к эволюции, если будет равенство. <...> (Ж., 55, низкий доход, город, Латвия)

Таким образом, можно отметить, что обыденные, базовые представления информантов о социальном неравенстве ничем не отличаются от научно обоснованных подходов к его изучению.

Социальное неравенство как статусное неравенство.

Информанты социальное неравенство рассматривают как статусное неравенство, как следствие существования в любом обществе различных классов или групп, *«когда один человек стоит выше, чем второй»*, когда существует *«большая разница в зависимости от того, кем ты являешься по социальной лестнице»*. Наличие статусных групп и их иерархическое расположение является основой социального устройства любого общества. Но именно на данном уровне осмысления феномена социального неравенства у участников исследования возникает противоречие между представлениями о нем как норме и повседневным взаимодействием с его проявлениями. Негативно воспринимается не само по себе существование статусных различий, а тот факт, что индивиды из статусно более низких групп испытывают унижение от неравенства возможностей с более статусно высокими группами в обыденной жизни, в конкретных ситуациях.

Н.: Я кругом вижу только сплошное неравенство. Что в суде, что в исполнительной власти, что в сфере услуг. Или ты начальник — вот тебе без очереди, теплое место, вот тебе из-под прилавка. А если ты простой сторож или дворник, то ты в конце очереди останешься, приму тебя последним. Я пока только с этим сталкиваюсь. (М., 48, средний доход, город, Россия)

Н.: Приходит человек к кому-то и начинает: что ты — «кто-то», а ты — «никто». Я тебе не могу помочь, потому что мы на разных уровнях. (Ж., 29, низкий доход, село, Украина)

Участники фокус групп считают, что «статусное» неравенство создается в процессе жизнедеятельности человека, когда равные изначально по базовым признакам люди впоследствии становятся неравными в силу занимаемой должности, обладания властью, собственностью, наличия высоких доходов, степени влияния в обществе и т.д., а не в силу реализации способностей, знаний, навыков. Таким образом, оно формируется не за счет дистанции между теми, кто имеет лучшие ресурсы, условия, приложил больше усилий, и теми, кто себя не реализовал, а за счет исключения более сильными группами более слабых от доступа к ресурсам и возможностям (Терборн Г. 2005).

Е.: Кто создает, и кто потребляет продукт. Чиновники не создают продукт, а они его потребляют, а остальные его создают. Вот уже неравенство. (М, 40, низкий доход, , город, Латвия)

Ю.: Действительно есть социальное неравенство. В принципе, мы не отличаемся друг от друга практически ничем. Все ходят в туалет, все одно и то же. Но те люди, которые чуть выбились, у которых денег больше, начинают кучковаться, навязывать свои вопросы. (М., 41, низкий доход, город, Беларусь)

Т-2: <...> Другое дело, что вот это социальное неравенство иногда создается искусственно людьми для других людей. А иногда оно создается природой. Когда оно создается природой, тут будь хоть семи пядей во лбу, вы будете все равно на разных стартовых возможностях. Но если человек, облеченный властью, создает неравенство, то он четко знает, что он

создает его. Вот это другое дело, это намного страшнее... (Ж., 53, средний доход, город, Россия)

Говоря о статусных группах в современных им обществах, информанты выделяли следующие: «богатые» и «рабы», «власть» и «люди», «правительство» и «народ», «чиновники» и «народ», «рабочий» и «министр», «управление» и «простой работник». Статусное неравенство тесно переплетается с имущественным, оно закрепляется неравенством в стилях и образе жизни, и воспроизводится в следующих поколениях: *«не у тех родителей родился»*, *«семья уже определила»*, *«все идет от поколения к поколению»*. Для участников дискуссий во всех странах более значимым оказалось вертикальное неравенство, а не горизонтальное. Скорее всего это связано с практически полной непроницаемостью социальных перегородок в рамках вертикальной мобильности, что создает ощущение большей социальной исключенности, чем в условиях горизонтальной дифференциации.

Социальное неравенство как неравенство возможностей и доступа к социальным благам. Участники дискуссий отмечали, что в обществе необходимо сформировать равные стартовые возможности, не зависящие от уровня доходов, социального положения, а также национальности и гражданства — *«возможность доступа к определённым средствам»*, *«равные возможности»*. По их мнению, в обществе не может быть равенства доходов, социальных гарантий, социального обеспечения, но граждане должны быть равны в доступе к ним.

Е.: Когда люди поставлены в равные начальные условия, то оно [неравенство] может быть полезным. А если это неравенство вынужденное, человек неспособен с ним справиться, то это только вред. (Ж., 31, средний доход, город, Беларусь)

Е.: Неравенство может быть оправдано — если хочешь быть бомжом — будь им. Если хочешь быть врачом, предпринимателем <...> у тебя должна быть возможность добиться этого. То есть выбор за тобой. То есть должен быть равный старт.

А не то, что тебе определено — ты родился и тебе по условию рождения определено стать бомжом. <...> (М., 40, низкий доход, город, Латвия)

Дискурс равных возможностей наблюдался во всех фокус группах, причем в российских и украинских он проявился наиболее остро. Однако ни в одной дискуссии информанты так и не обозначили, какие действия могли бы обеспечить им искомое равенство. Равенство возможностей существует как запрос в общественном сознании, но очень плохо вербализуется. Столкновение с неравенством возможностей происходит на уровне повседневных практик в ситуациях, связанных с ведением бизнеса, при взаимодействии с системой социального обслуживания или с властными структурами. До вступления в подобные взаимоотношения дискурс неравенства возможностей существует лишь как идея, а не как система конкретных требований.

Социальное неравенство как разрыв в уровне доходов. Участники дискуссий под социальным неравенством понимают наличие в обществе групп с разными уровнями доходов: *«сильное расслоение на бедных и богатых. (М., 40, низкий доход, город, Латвия)»; «богатые и бедные группы — так всегда было и будет. (М., 19, средний доход, город, Беларусь)»; «резкая такая разница между слишком богатыми и совсем никакими, бедненькими. (Ж., 48, низкий доход, город, Россия)».*

При этом наличие в обществе тех, кто беднее и богаче, по мнению участников обсуждения, проблемой не является: *«это всегда было, это есть кто-нибудь, кто богаче», «это не проблема богатых и бедных людей».* Негативное восприятие проявляется на уровне уточнения понятий «богатый» и «бедный». Для респондентов всех групп «богатые» в настоящий момент это, прежде всего, представители власти (члены правительства, депутаты, чиновники), те, кто *«нахватал»*, сумел воспользоваться ситуацией в период первоначального накопления капитала: *«партийные чиновники, комсомол, профсоюзные работники и всё, что относилось к этим организациям».* А «бедные» — про-

стой народ, в первую очередь, *«пенсионеры, безработные, жители провинции»*.

Т.: Была эта приватизация, всё имущество предприятий забрала власть: ну, директора там, секретари там, заместители секретарей и т. д. Конечно, ничего там от заводов не осталось обыкновенным рабочим. Вот и началось: от этого одни разбогатели, а другие пошли на дно. (Ж., 64, низкий доход, город, Литва)

В.: Еще я вам скажу, что вот как пошла эта перестройка, то большинство, кто был у власти, так и остались у власти. Кто имел доступ к материальным ценностям, они стали богатым. А кто был простой работяга, он практически и остался простым работягой. То есть, расслоение общества получилось так, что кто был богатый, тот и остался, еще богаче. И со временем богатеет и богатеет. (М., 44, средний доход, город, Беларусь)

И.: Собственно говоря, тот, кто находился у кормушки, у власти, у какого-то корыта, тот, кто оттяпал этот кусочек... То есть тот передел собственности, который происходил тогда, таким образом. И вот это неравенство таким образом и произошло. (Ж., 41, средний доход, город, Латвия)

Н.: Исторически так сложилось, еще с коммунистических времен, и та же система осталась и сейчас. В принципе, у нас у власти сейчас те же люди, что были при власти тогда. (Ж., 50, средний доход, село, Украина)

В восприятии информантов «богатými» являются те, кто используют распоряжение недрами, полезными ископаемыми, основными фондами для своего личного обогащения, кто получает доход за счет эксплуатации тех, кто на них работает: *«олигархи»*, *«буржуи»*, *«бизнесмены»*. Но при этом информанты называют «богатými» и простых предпринимателей, которые сумели создать производство, организовать фирму *«за счет своей головы»*, *«кто не ворует, а кто работает головой»*, они *«умные люди»* и несут *«ответственность»* за свое дело. Эта социальная группа не вызывает негативных коннотаций и отличается от обычных граждан тем фактом, что может себе позволить несколько больше, чем участники ФГ.

А.: Если он работает во благо общества и государства, и мы от этого лучше становимся, то пусть он живет, отдыхает, имеет дорогую машину. (М., 41) И.: Но не слишком. (М., 23) А.: Нет, он может быть и слишком. Потому что один — дармоед, а другой вкалывает. И пусть он зарабатывает. (М., 41, низкий доход, город, Россия)

4. Отношение к равенству в обществе

Обсуждение социального равенства во всех группах сразу вышло на уровень определений его как *«утопии»*, *«его никогда не было и не будет»*, *«если все будем жить одинаково, мы вообще потеряем интерес к жизни»*. Равенство невозможно и в силу существования природного неравенства, и в силу того, что при реализации даже равных возможностей индивиды будут проявлять себя по-разному, только *«посредственности равны»*.

Ж.: Потому что всеобщее равенство вы знаете... (М., 62)
И.: Это не интересно. (Ж., 56)

В.: Люди очень разные <...> (М., 50, средний доход, город, Литва)

Р.: Точно, стимул может быть потерян, потому что каждый будет равным. И вы тоже будете равны, делаете вы что-нибудь или ничего не делаете — вы будете таким же, как все остальные. Деградация в известной мере... (М., 25) Л.: Нет, это не полезно. (М., 64, средний доход, город, Латвия)

А.: Если мы будем одинаковые, то, как будет страна процветать. Если все будет одно, то не будет стимула никакого, все будет одинаковое. Не будет развития, а наоборот будет **деградация**. (М., 20, низкий доход, город, Украина)

По мнению участников групп, поскольку социальное неравенство имеет своим корнем личностные различия в способностях к познанию, в разнообразии желаний и целей, в способностях к получению различных навыков и умений, в разнообразии черт характера (*«лигные стремления, лигные качества и характер»*), а также в условиях воспитания, образования, социализации (*«все люди разные и многие факторы зависят от конк-*

ретного человека»), то социальное равенство в обществе невозможно, всегда будет присутствовать неравенство: *«было и будет»* (ж, 56); *«конечно, должно. Оно всегда и было.»* (м, 23); *«какое-то должно быть»* (ж, 58); *«оно неизбежно»* (ж, 31), (м, 65), (ж, 58); *«все равно неравенство будет. По любому»* (м, 45). Зачастую свое неравное положение человек заслужил сам, так как добился только того, что сумел, может быть, даже упустил свой шанс.

Ж.: Ну почему, я признаю, что я заслужила только то, что сегодня я имею. Почему? Потому что когда-то я упустила свой шанс вот. (Ж., 62, средний доход, город, Литва)

Т.: Я считаю, что шансы теоретически есть у каждого, но практически их использовать могут не все люди. В силу разных особенностей. Во-первых, потому что все люди разные. Все по-разному мыслят. И финансовые возможности и прочее. А кто-то боится, кто-то не хочет рисковать. (Ж., 37, средний доход, город, Беларусь)

Обсуждение равенства как социального феномена сопровождалось очень острыми дискуссиями об СССР, как обществе декларируемого равенства. Большинство участников фокус групп вышли из Советского Союза и воочию видели, что даже декларация всеобщего равенства и меры, направленные на его формирование в государственном масштабе, все равно приводят к той или иной степени неравенства в обществе: *«общество всеобщего равенства уже пытались построить, но не получилось»*; *«на деле происходила лишь смена одних форм неравенства другими»*; *«при Советском Союзе тоже было неравенство, просто этого не знали»*; *«исходя из рассказов моей матери, кажется мне, что не было никакого равенства»*. Заявления о равенстве доходов, всеобщей доступности социальных благ, социальной защищенности граждан в те времена сталкивались с рассуждениями о невозможности добиться этих самых благ, о декларативном характере подобных утверждений. Например, детям было гарантировано дошкольное воспитание, но попасть в детский сад было сложно; от государства можно было

получить бесплатно квартиру, но стоять в очереди приходилось долгие годы; не было сильной дифференциации доходов, но блат и связи в условиях всеобщего дефицита создавали новую базу социального неравенства. Информанты соглашались, что равенства в советском обществе было гораздо больше, но вот возможностей гораздо меньше. Подобные дискуссии наблюдались в каждой группе, и различия во мнениях носили отнюдь не поколенческий характер, чего можно было бы ожидать. Представления о равенстве советских людей у более молодых участников групп нередко вступали в противоречия с иной, более критической позицией представителей старшего возраста.

Т.: Мы все родом из СССР, где этих различий мы не видели, не обращали на них внимания, для нас это было чуждо. (Ж., 36) С.: И при Советской власти было то же самое [неравенство]. (М., 62) О.: Тогда тоже были различия. О чем разговор! (Ж., 31) С.: Были спецраспределители, да. (М., 62) О.: У нас в классе такое было! (Ж., 31) Т.: Я вот такого не помню. (Ж., 36) С.: Правильно, потому что вы не попали... (М., 62) О.: Кому-то что-то из-за границы привозили, у кого-то папа работает и большие деньги получает — видно сразу. (Ж., 31) С.: В школе все ходили в школьной форме. Все были одинаковые. (Ж., 35) О.: Да, вот только школьная форма и спасала. Но все равно... (Ж., 31, средний доход, город, Беларусь)

И.: Были те же проблемы при социализме, которые есть в настоящее время, только тогда они были скрыты. Также те распределители существовали, для тех, кому это было доступно, что ограничивало остальных. (М., 39, низкий доход, город, Латвия)

Н.: Вот советская власть была, все должны были быть одинаковыми, но все равно, они не были одинаковыми. Кто-то прятал, кто-то воровал. Неравенство будет существовать. (М., 45, низкий доход, село, Украина)

В ходе дискуссии о равенстве и неравенстве в обществе участники обозначали, что вовсе не требуют уничтожения социального неравенства, а только смягчения его проявлений, ре-

гулирования со стороны государства, различных его институтов избыточного неравенства в обществе: *«слишком большой разницы», «не должно быть такой астрономической разницы», «но и такого разрыва, как сейчас существует... Надо разрыв просто законодательно уменьшать»*. Участники ставили ограничения степени возможного неравенства — *«но не в такой степени», «если неравенство не вынужденное», «небольшое неравенство — стимул»*. Такой же вектор дискуссия принимала и при обсуждении возможности равных доходов для всех — это вызвало однозначно негативную реакцию во всех группах: *«не может быть», «никогда не будет», «отрицательно», «такое даже представить невозможно», «ужасно», «вообще ни к чему», «не дай Бог»*. В некоторых группах (русские, латвийские) при обсуждении этой темы были употреблены определения *«несправедливо»* и *«неправильно»*, то есть не только неравенство доходов может быть несправедливым, но и противоположная идея уравнивания доходов тоже может казаться кому-то несправедливой.

К.: Во-первых, невозможно одинаковый доход иметь. Это как коммунисты обещали перед тем, как прийти к власти, что все будут получать одинаково. Все думали, что будут получать, как богатые, а стали получать, как бедные. Это просто неправильно. И невозможно. (М., 24, средний доход, город, Россия)

Однако в области доходов должны быть определены некоторые рамки — *«какой-то достойный минимальный уровень должен быть», «низ должен быть. Нормальный уровень», «чтобы можно было нормально жить»*. Доходы в обществе следует регулировать налогами, уровнем минимальной заработной платы, социальными выплатами и пособиями, и другими экономическими методами. Причем в более обширных дискуссиях обсуждался вопрос о том, что если и следует контролировать доходы в обществе, то именно нижнюю границу доходов, а верхняя не должна лимитироваться вообще: *«если человек умеет зарабатывать, то пусть он зарабатывает. Поэтому дол-*

жна быть планка на высокие доходы?»; «если он может зарабатывать, то пускай зарабатывает». В российских и белорусских группах встречалось суждение о том, когда контроль необходим: «смотря какими средствами зарабатывает». Ограничение верхнего уровня доходов, по мнению респондентов, должно касаться чиновников и депутатов. В этом все группы были единодушны. Минимальную границу доходов респонденты связывают с минимальной заработной платой, которая должна «удовлетворить все основные потребности — квартира, пища, и одежда»; «нужно иметь прожиточный минимум, совместимый с жизнью». Таким образом, участники дискуссий фокусировались не на неравном положении богатых слоев общества, а на неравенстве бедных, которым необходимо обеспечить равный старт и минимальные условия жизни.

Неравенство доходов в группах обуславливают в основном профессиональной принадлежностью, трудовым вкладом, степенью ответственности, а также личными качествами индивида — ум, интеллект, талант, работоспособность, предприимчивость, если он сам чего-то добился, своим умом, своей головой и способностями: *«пропорциональный вложенному труду», «у одних угитывается стаж, образование», «профессиональная составляющая», «специфика самой работы», «в соответствии с результатом выше должна быть зарплата».*

По мнению информантов, доход, различные блага и социальные гарантии, социальное обеспечение и защита не должны распределяться одинаково, однако равенство должно проявляться именно в доступе к ним: *«равные условия, равные права».* Кроме того информанты особо выделили необходимость равенства всех граждан перед законом. Участники дискуссии отмечали, что в Конституциях их государств этот комплекс факторов социального равенства гарантирован, однако на деле данное положение в обществе не реализуется. Невозможность, недоступность ключевых социальных услуг делает общество социально несправедливым. Например, равные возможности получения образования должны быть гарантированы, а жизнь уже расставит все по местам: *«кто не способен тот*

и не пойдет», а если есть «желание и способности, так нужно реализовать это». «Я хочу и могу, главное, чтобы я имела этот доступ. Это мне уже решать, это уже не за меня государство решает». Проблема равного старта была одной из ведущих при обсуждении проблемы равенства в обществе во всех группах. Если равенство вообще выглядит как социальная утопия, то равные стартовые возможности становятся насущной необходимостью при условии, что люди изначально неравны, о чем должно позаботиться государство. В качестве резюме дискуссий о социальном неравенстве в обществе мы приведем следующее рассуждение одного из участников:

Л.: Социальное неравенство всегда существовало, и будет существовать в любом обществе. В одном обществе она будет ярче выраженная, а во втором будет просто так существовать, потому что оно существует объективно. Но, функция государства в этом плане какая? Обеспечить достойное существование каждого человека. Никогда не будет так, что все будут равны. А что такое достойное существование каждого человека это государственные люди очень хорошо знают. Что человек должен иметь и доступ к качественному образованию, и к здравоохранению, и нормальное социальное обеспечение, и обеспечение стандартов на уровне прожиточных минимумов. И когда государство сделает так, что каждый человек будет чувствовать себя в материальном плане уютно, на уровне конкретных, каких-то умных запросов, то тогда и социального неравенства в том виде, как оно в настоящий момент есть, не будет. (М, 46, средний доход, село, Украина)

5. Заключение

Несмотря на строгость процедур работы с эмпирическим материалом анализ оставил много неразрешенных вопросов. Участники фокус-групп показали исследователям, что для них социальное неравенство как явление является нормой. Скорее «равенство» в самом широком смысле становится отклонением. Проблемное поле формируется вокруг сложившейся в обществе конфигурации социального неравенства: слишком вы-

сокий уровень (для каждого общества «слишком» является индивидуальным критерием); богатым оказался тот, кто еще совсем недавно в рамках иной, прежней идеологической системы был пропагандистом, «проводником» идей равенства. Плюс явная неспособность и нежелание государственного аппарата, призванного защищать своих граждан, формировать условия для достойного их существования, работать с различными вопиющими, по мнению граждан, проявлениями социального неравенства, которые как раз и доставляют этим самым гражданам существенный дискомфорт. Для каждой из обследованных стран уровень допустимого дискомфорта свой, поэтому не стоит удивляться довольно жестким высказываниям жителей Литвы и Латвии, которые по всем показателям процесс рыночных реформ прошли достаточно благополучно, с наименьшими потерями для населения (Симонян Р. 2007, Драхокупил Я. 2009, и др.).

Как мы сумели заметить в ходе фокусгрупповых дискуссий представления о катастрофической склонности граждан бывшего СССР к уравниловке, «врожденный» эгалитаризм (в том числе россиян) более чем голословное утверждение без тщательных исследований представлений о «равенстве» и «неравенстве», о мотивах и характере повседневных действий индивидов в тех или иных условиях. Где в сознании конкретного индивида или индивидов, объединенных в группу, проходит черта между «мы все разные и это хорошо» и «такое различие угрожает мне, нам»? На уровне дискурса оказалось приемлемым почти любое различие (например, обсуждение национальных различий и формирование на их основе определенного типа социального неравенства не нашло поддержки у большинства участников дискуссий, то же самое относится и к гендерным различиям), даже если на общественном уровне оно трансформируется в социальное неравенство, кроме разницы потенциальных возможностей. Здесь опять всплывает основное противоречие и самого явления, и тех представлений о нем, которые продемонстрировали участники обсуждений: разум-

ные рамки социального неравенства должно поддерживать государство, а именно его представители и являются в глазах респондентов основными агентами формирования того неравенства, которое для граждан неприемлемо.

Источники

- Голенкова З. Т. Основные тенденции трансформации социальных неравенств // Россия: трансформирующееся общество. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 90–103.
- Дмитриева Е. В. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 133–138.
- Драхокупил Я. Постпереходные варианты политического и экономического развития стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза // Мир России. 2009. № 3. С. 39–60.
- Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Левинсон А., Стугевская О. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 1 (63).
- Симонян Р. Х. Сравнительный анализ экономических реформ в России и странах Балтии // Мир России. 2007. № 3. С. 50–73.
- Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. СПб.: Алетейя, 2008. 160 с.
- Социальный капитал и социальное расслоение в современной России: Сб. статей / Под ред. Дж. Л. Твигг, К. Шектер. М.: Альпина паблишер, 2003. 382 с.
- Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.
- Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Измерение экономического неравенства. М.: Лето, 2002. 320 с.
- Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 560 с.
- Coleman J. S. Equality of Educational Opportunity / J. S. Coleman et al. Washington, 1966.

Goldthorpe J. H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1980.

Lucas S. Effectively Maintained Inequality: Education Transitions, Track Mobility, and Social Background Effects // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. № 6. P. 1642—1690.

Stiglitz J. E. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. New York: W. W. Norton & Company, 2012.

А. А. Яковлева, П. А. Ерофеева

**НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК ИСТОЧНИК
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И РЕСУРС
ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ. К ПОСТАНОВКЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ¹**

Статья посвящена анализу нового для социологии некоммерческого сектора подходу — рассмотрению общественных инициатив и некоммерческих организаций как источника социального немонетарного капитала (П. Бурдье, Дж. Коулман) и ресурса для индивидуальной внутрипоколенной социальной мобильности. Аргументирована актуальность и аналитические возможности такого подхода, в т.ч. в соотнесении с современным российским контекстом. Представлены размышления о возможном методологическом подходе к эмпирическому изучению данных вопросов через анализ профессиональных биографий представителей НКО-сектора.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческие организации, социальный капитал, социальная мобильность, биографическое интервью.

Вводные замечания

На сегодняшний день в России зарегистрировано 227,5 тыс. различных некоммерческих организаций, из которых 130,3 тыс. — это общественные организации, фонды,

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «НКО как социальный лифт: траектории индивидуальной мобильности в российском некоммерческом секторе», финансируемого РГНФ (грант № 14-33-01248; руководитель — канд. социол. наук А. А. Яковлева).

движения, партнерства, а также некоммерческие партнерства и ассоциации общественных объединений (Минюст РФ, июнь 2015)¹. По оценкам экспертов, реально действующими являются от четверти до двух третей от этого числа (Мерсиянова, Якобсон 2007).

Количество незарегистрированных общественных инициатив не поддается подсчёту, и такой формат общественного участия всё более становится популярным в самых различных сферах деятельности — от благотворительности до научно-прикладных исследований. В частности, каждый четвертый взрослый житель страны самостоятельно или через какие-либо организации занимается добровольческой деятельностью (Мерсиянова 2013).

С уверенностью можно утверждать, что общественные некоммерческие организации (НКО) — это динамично развивающийся институт современного российского общества. И не смотря на жёсткие рамки государственного регулирования (особенно в последние три-четыре года), он играет существенную роль в сферах социальной поддержки, экологии, правозащиты, образования и прочих.

Основной тезис отечественных исследований некоммерческого сектора, который сегодня уже звучит как аксиома — «НКО является частью гражданского общества». Данный подход представлен широким спектром работ 1990-х гг., характе-

¹ Согласно классификации, которую использует Минюст РФ, из общего числа зарегистрированных некоммерческих организаций были исключены религиозные организации, политические партии, общины малочисленных народов и национально-культурные автономии, казачьи общества, товарищества собственников жилья, профессиональные союзы и другие союзы юридических лиц, объединения (в том числе коллегии) адвокатов и работодателей, адвокатские, нотариальные и торгово-промышленные палаты, негосударственные пенсионные фонды, советы муниципальных образований, садоводческие, огороднические и дачные партнерства, товарищества и объединения, ассоциации экономического развития и крестьянских (фермерских) хозяйств, а также общественные учреждения, общественно-государственные объединения и государственные корпорации.

ризующих изменения политической культуры и активизации гражданских инициатив в пост-перестроечный период (Здравомыслов 1994; Витюк и др. 1995; Голенкова 1997; Романенко 1996). А в более современных публикациях речь идёт от НКО как о «проводниках» или институциональных формах общественного участия (Сунгуров 1999; Задорин и др. 2011; Белокурова и Воробьев 2010).

Однако, есть важный аспект современного российского некоммерческого сектора, который до настоящего времени не был представлен в отечественных исследованиях.

На наш взгляд, современный некоммерческий сектор целесообразно рассматривать как сообщество, пронизанное разного рода социальными связями, а, следовательно, генерирующее *социальный капитал*. Этот социальный капитал становится ресурсом для индивидуального роста и, как следствие, для социальной мобильности. Сами НКО — как общественные инициативы, так и зарегистрированные некоммерческие организации — можно назвать «социальным лифтом», который «движется» в различных направлениях и плоскостях. Здесь и горизонтальная территориальная мобильность внутри и вне страны, и повышение профессионального статуса за счет образовательных программ и повседневных практик, и получение доступа к влиянию на политические решения, и многое другое. Данное положение представляется чрезвычайно важным в контексте современного российского общества, для которого характерны лимитированные возможности социальной мобильности.

НКО в русле концепции немонетарного социального капитала

В целом, концепция немонетарного социального капитала, в том числе его роль в индивидуальной социальной мобильности, до сих пор остаётся слабо проработанной не только в отечественных, но и в зарубежных исследованиях.

Интерес зарубежных исследователей к немонетарным формам капитала возник как реакция на господство жестких ко-

личественных подходов к изучению структуры общества, различающих представителей разных социальных страт исключительно по типу занятости и уровню материального достатка. Пытаясь найти объяснение упрямому воспроизводству сословно-классовой иерархии общества, французский социолог П. Бурдьё впервые вводит понятие социального капитала, определяемого как совокупность и прочность социальных сетей и связей, которые индивид может использовать для достижения своих интересов (Bourdieu 1986). Согласно Бурдьё, не только имущественное превосходство (экономический капитал), но и наличие обширных социальных связей, «правильных» знакомств и устойчивых взаимовыгодных отношений (социальный капитал), позволяет высшим слоям сохранять привилегированный социальный статус и передавать его из поколения в поколение.

Параллельно Бурдьё и, как представляется, совершенно независимо от него, идею социального капитала развил американский социолог Дж. Коулман (Coleman 1988). В отличие от Бурдьё, Коулман осмысляет социальный капитал в отрыве от классовой критики: социальные связи формируются в любом сообществе, независимо от социально-экономического статуса его членов. И посему Коулман сосредоточен не на том, как эти связи могут быть использованы в качестве коллективного механизма исключения и воспроизводства иерархий, а на том, как они становятся *ресурсом* для индивидуального роста.

По замыслу Коулмана, понятие социального капитала призвано преодолеть редукционизм двух параллельных подходов к исследованиям социальных действий — экономического и социологического. Экономистами человек мыслится как рациональный субъект, преследующий эгоистическую цель максимизации предельной полезности своих ресурсов в стерильной среде, которая никак на него не влияет. В свою очередь социологи настолько поглощены изучением среды, что видят человека только как предельно социализированного субъекта, чьи поступки всецело объясняются социальными нормами, правилами и ограничениями.

Коулман призывает обогатить социальную теорию за счёт синтеза сильных сторон обоих подходов и предлагает понятие социального капитала в качестве одного из инструментов такого синтеза. Социальный капитал, с одной стороны, подразумевает принятие экономического видения человека как субъекта, способного к независимому рациональному действию, а с другой, отсылает к социологическому представлению о том, что человек окружен социальными связями и отношениями. Таким образом, социальный капитал, как и другие формы капитала, продуктивен; это ресурс для максимизации полезности, он позволяет достигать целей, которые в его отсутствии были бы недостижимы.

Однако в отличие от других форм капитала, социальный капитал не доступен для индивидуального владения и обмена, им невозможно обладать, он не осязаем, как средства производства (физический капитал), и даже не осязаем частично, как формализованные профессиональные квалификации (человеческий капитал). Социальный капитал принадлежит самой структуре отношений, он существует только в отношениях между людьми и среди людей.

Коулман подчёркивает, что любые социальные отношения генерируют немонетарный социальный капитал, и допускает, что некоторые виды социальных структур способствуют накоплению социального капитала в большей степени, чем остальные. В числе характеристик отношений, наиболее благоприятных для накопления социального капитала, он выделяет замкнутость (closure), общественный статус, множественный контекст.

В частности, общественный статус отношений предполагает, что отношения складываются не естественным образом, а намеренно, для достижения определенных целей, которые разделяют все участники этих отношений. Именно это происходит, например, внутри общественных объединений — клубов, некоммерческих и религиозных организаций. И в теории Коулмана, положительный опыт достижения заданных целей

объединения позволяет его членам полагаться на эти отношения в достижении целей личных.

По нашему мнению, анализ российского некоммерческого сектора в данном контексте может быть весьма продуктивным.

Так, например, значительная часть низовых общественных инициатив (которые являются содержательным основанием многих зарегистрированных общественных организаций) как раз и строятся на таком принципе. По сути, они формируют, тестируют, систематизируют, аккумулируют и предлагают своим членам (последователям, клиентам) в качестве ресурса отношения (институциональные и/или частные), нацеленные на решение той или иной социальной проблемы.

Здесь можно привести множество примеров. Например, общественные объединения людей, связанных какой-либо общей проблемой, решение которой в формальной (государственной) системе не отработано или не эффективно — будь то редкое (орфанное) заболевание или особая форма ограничения здоровья, алкогольная или наркотическая зависимость, бездомность или иная сложная жизненная ситуация. Или же различные профессиональные (экспертные) НКО, построенные по принципу инфраструктурных коуч-агентств, которые на институциональном уровне систематизируют ресурсы (связи, отношения) для развития и обучения в той или иной сфере. Наконец, в целом, такой важный аспект практической деятельности НКО, как межсекторное взаимодействие с органами государственной власти, бизнесом и любыми другими структурами является в своей основе ничем иным, как накоплением социального капитала. И он в дальнейшем играет роль в том числе и в индивидуальной социальной мобильности.

Социальный капитал и социальная мобильность

Вообще, понятие социального капитала в том виде, в котором его предлагает Коулман, оказалось особенно востребованным именно в изучении социальной мобильности. Этому содействовало, с одной стороны, само по себе осознание растущего значения феномена мобильностей для социологии по-

стиндустриального общества, а с другой — признание важности неформализованных форм человеческого знания и нематериальных выражений капитала для карьерного роста и материального процветания. И основной линией в исследованиях, связывающих социальный капитал и мобильность, стало изучение того, как социальный капитал в одном поколении трансформируется в человеческий капитал в последующем (т. е. межпоколенная социальная мобильность).

Нужно отметить, что новый виток академического и общественно-политического интереса к уровню мобильности в разных странах, причинах мобильности и иммобильности наблюдается после экономического кризиса 2008 г. Одновременно, учитывая контекст гипермобильного информационного общества, критике подвергаются те методы, которые оценивают уровень и характер мобильности в статике и с упором на жесткие материальные индикаторы — показатели профессионального и экономического статуса отцов и детей в отдельных точках их биографии (Chetty et al. 2013).

С одной стороны, реакцией на господство статических количественных подходов является востребованность знания об индивидуальной, внутримоколенной мобильности, стремление к пониманию различных траекторий мобильности на протяжении жизни и многообразия её проявлений — от изменений в качестве и стиле жизни и профессионального продвижения до накопления экспертного и общественно-политического потенциала (Wong 2011).

Нам представляется, что российский некоммерческий сектор является благодатной почвой для исследований индивидуальной социальной мобильности в таком контексте. Ведь здесь можно видеть и социальное включение маргинализированных групп населения, и географическую мобильность (регион — столица или Россия — зарубежные страны), и расширение доступа к образовательным программам, и включение через общественную деятельность в структуры, позволяющие участвовать в формировании и реализации политики в той или иной сфере.

С другой стороны, ещё одной актуальной тенденцией является интерес к роли социального капитала как совокупности и качества социальных отношений, которые человек может использовать для достижения своих целей.

Как человек использует накопленный социальный капитал для собственного роста — профессионального, карьерного, имущественного? Является ли социальный капитал формой капитала, доступной для скорой конвертации? Последние исследования положительно оценивают роль социального капитала в достижении целей внутрипоколенной мобильности (Coleman 1988; McNeal 1999; Sandefur et al. 2006, Jæger et al. 2007), а также подчёркивают роль социального капитала во внутрикорпоративной и отраслевой карьерной мобильности (Payne et al. 2011; Burt 1997; Podolny & Baron 1997).

В этой связи важно подчеркнуть, что особенности, которые в обычных условиях являлись бы факторами, препятствующими индивидуальной социальной мобильности, в некоммерческом секторе, напротив, становятся её ключевыми двигателями (контекст замещения социальным капиталом недостатка тех или иных ресурсов). Так, например, инвалидность или специфический жизненный опыт могут (и при определённых обстоятельствах так и происходит) трансформироваться из ограничения в ресурс — личный капитал, который затем, с одной стороны, становится частью социального капитала общественной инициативной группы и/или НКО, а с другой стороны — определяет восходящую социальную мобильность индивида внутри некоммерческого сектора.

В этом отношении современный некоммерческий сектор, несомненно, является плодотворной средой как для изучения внутрипоколенной индивидуальной мобильности в целом, так и личного восприятия мобильности, нарративной репрезентации статуса, эмоциональных и других личных мотивов выбора общественно-профессиональной траектории на разных этапах жизненного пути.

Нужно отметить, что и в зарубежной науке наблюдается лишь фрагментарное обращение к проблематике вклада соци-

ального капитала некоммерческого сектора в последующее индивидуальное развитие занятых в этом секторе. Тем не менее, например, J. Petrasa, в целом критикуя империалистический характер деятельности современных международных неправительственных организаций, среди прочего замечал, что они служат инструментом восходящей мобильности для образованных левых элит Запада, недовольных своим уровнем дохода в протестном движении (Petrasa 1999).

В середине 2000-х вопросом индивидуальных траекторий мобильности в некоммерческом секторе заинтересовались немецкие исследователи. Однако интерес был ограничен спецификой профессиональной мобильности и участием общественных деятелей в процессах элитогенеза. Так, например, сравнивая представителей политических партий и неправительственных организаций, К. Франц находит, что лидеры НКО формируют альтернативную политическую элиту Германии (Frantz 2010).

Отдельно также можно говорить о новейших этнографических изысканиях, посвященных карьерным устремлениям работников организаций устойчивого развития (development organizations). Записывая трудовые биографии представителей таких организаций в Бангладеш, D. Lewis наблюдает, с одной стороны, интенсивный обмен кадрами между некоммерческим сектором и локальной бюрократией, а с другой — возросший за последние годы престиж некоммерческого сектора среди жителей страны (Lewis 2010).

Дополнительно: Российский контекст

В контексте изучения состояния современного российского общества значимость решения обозначенных исследовательских проблем связана ещё и с необходимостью качественного осмысления траекторий, уровня и механизмов мобильности в постсоветской модернизирующейся среде.

С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют значительные изменения в стратификационном облике российского общества постсоветского периода. В частности,

критически оценивается разрушение существовавших в Советском Союзе институциональных и организационных социальных лифтов и трудности становления новых механизмов социальной мобильности в условиях слабо конкурентного политического режима, коррупции и значительного социально-экономического неравенства. В указанном контексте актуализируется необходимость оценки потенциала всё ещё развивающегося российского гражданского общества как площадки для социальной мобильности в условиях нехватки должных социальных лифтов в других сферах и/или для определённых общественных групп российского общества.

С другой стороны, актуальность изучения указанных проблем неоспорима и для современных исследований гражданского общества в целом. Широко признана положительная роль гражданского общества и некоммерческого сектора в разных сферах общественной жизни (Bradley 2005; Killingsworth 2007; Uhlin 2009; Tusalem 2007). Можно отметить и устойчивый интерес к индивидуальной мотивационной, психологической и социальной специфике деятелей гражданского общества (Мерсиянова 2009; Мерсиянова и Якобсон 2007). Отсюда перспективным направлением исследований может стать понимание механизмов влияния гражданского общества на жизненные траектории людей именно в российских условиях, а также проблематизирование вклада именно российского некоммерческого сектора в индивидуальную мобильность его представителей.

Размышления о методологии

Каким же образом может быть построено исследование, сфокусированное на проблематике социального капитала и индивидуальной мобильности в российском некоммерческом секторе?

Нам представляется, что основной теоретической рамкой такого исследования может быть теория мобильностей J. Urry (Urry 2000; Urry 2007), постулирующая необходимость изучения различных видов мобильности «людей, объектов и обра-

зов», а также социальных последствий мобильности как центрального феномена современного общества.

Основополагающим в рамках данной теории является динамический подход к исследованию социальных явлений. Такой подход позволяет отойти от тех традиционных методов изучения социальной мобильности, которые оценивают уровень и характер мобильности в статике, полагаясь на показатели профессионального и экономического статуса индивидов в отдельных точках их биографии. В опоре на теорию мобильностей представляется важным детализировать и осмыслить индивидуальную мобильность на протяжении жизни и в многообразии её проявлений — от изменений в качестве и стиле жизни и профессионального продвижения до накопления экспертного и общественно-политического потенциала и национальной и международной узнаваемости и цитируемости.

Рассматривать сообщество некоммерческого сектора в контексте проблемы мобильности позволяет теория социального капитала (Bourdieu 1986; Coleman 1988; Portes 1998). Как было показано ранее, данная теория исходит из того, что не только формализованный экономический и человеческий капитал, но и слабо поддающиеся формальной оценке социальные связи представляют собой ресурс для достижения целей.

Социальный капитал рассматривается как свойство любого сообщества: он накапливается благодаря социальным отношениям и может выступать ресурсом для индивидуального роста его членов. И некоммерческий сектор может быть одним из таких сообществ.

При этом, целесообразно опираться также и на ресурсный подход, т. е. оценивать потенциал социального капитала, накопленный в некоммерческом сообществе, в том числе и как частное благо, конвертация которого превращает его в механизм индивидуальной мобильности.

Очевидно, что эмпирически такое исследование должно использовать «мягкие» методы, позволяющие не просто описать, но понять данные социальные феномены. Важно учитывать также, что предмет такого исследования — индивидуальные

траектории мобильности в некоммерческом секторе — слабо поддается предварительной операционализации в эмпирически измеряемых категориях.

В качестве метода сбора эмпирических данных мы предлагаем использовать профессионально-биографические интервью с персонами, представляющими российский некоммерческий сектор. Интервью целесообразно фокусировать на изучении совокупности изменений в профессиональном статусе, качестве и стиле жизни, экспертном и общественно-политическом потенциале (индивидуальная мобильность), обусловленные деятельностью в некоммерческом секторе.

Важными представляются такие точки в профессиональных биографиях, как: (1) точка «входа» в некоммерческий сектор — мотивы и обстоятельства, направление «входа» (откуда); (2) профессиональный путь в некоммерческом секторе — возможности, достижения, развитие, «карьера»; (3) точка «выхода» из некоммерческого сектора — мотивы и обстоятельства, направление «выхода» (куда). И это также можно учесть при планировании и проведении сбора эмпирических данных.

Для отбора персон (информантов, респондентов) целесообразно использовать качественную (целевую) выборку, т. е. отбирать для изучения информационно богатые случаи, на основании которых можно сделать выводы, имеющие значение для целей исследования.

Дополнительно можно использовать так называемую схему максимальной вариации, которая предполагает использование критериев отбора, позволяющих перекрыть большую часть возможных вариаций случаев. В качестве таких критериев могут быть использованы, в частности:

- базовая территориальная принадлежность персоны (столицы — регионы);
- наличие/отсутствие личной проблемы, обуславливающей обращение к НКО;
- наличие/отсутствие публичной известности на момент первого обращения к НКО;

- первоначальная профессиональная позиция персоны в НКО (инициатор создания НКО/топ-менеджер — рядовой сотрудник);
- тип НКО, ассоциированной с персоной («низовая», «профессиональная», «классическая», «международная»).

Для дополнительной верификации данных, полученных в ходе профессионально-биографических интервью, можно использовать широкий спектр информации из открытых источников — публичные официальные и неофициальные биографии персон; персональные интервью в СМИ; персональные блоги, сайты, странички в социальных сетях; интернет-сайты и странички в социальных сетях, принадлежащие НКО, с которыми связаны персоны; любые другие открытые источники, содержащие профессиональную и (авто)биографическую информацию. Эти данные помогут верифицировать информацию, например, об участии персон в общественных структурах, в экспертизах государственных и/или негосударственных программ, разработке законодательства; о формальном признании заслуг и/или экспертной позиции персон и т. п.

В ходе анализа полученного эмпирического материала важно уделить внимание как детализированному, высококачественному описанию данных по отдельной персоне, так и выделению общих модельных признаков индивидуальной мобильности в российском некоммерческом секторе. При этом, учитывая характер исследовательской проблемы и, как следствие, эмпирических данных, целесообразно применение, в частности, таких подходов как *grounded theory* и дискурс-анализ, а также техник насыщенного описания и триангуляции.

Источники

- Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 83—91.
- Витюк В. В., Голенкова З. Т., Гридгин Ю. В., Романенко Л. М., Черных А. И. Становление гражданского общества и социальная

- стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 14–24.
- Голенкова З. Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25–36.
- Задорин И. В., Зайцев Д. Г., Климов И. А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития. 2011. № 1 (60). С. 98–116.
- Здравомыслов А. Г. Власть и общество // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 4–17.
- Мерсиянова И. В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
- Мерсиянова И. В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 35–45.
- Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. 170 с.
- Романенко Л. М. Гражданское общество в России уже есть, но... // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 12–16.
- Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической модернизации России) // Полис. Политические исследования. 1999. № 6. С. 34–48.
- Сунгуров А. Ю. Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 55–64.
- Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York; Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Bradley M. T. Civil society and democratic progression in postcolonial Nigeria: The role of non-governmental organizations // Journal of Civil Society. 2005. Vol. 1 (1). P. 61–74.
- Burt R. S. The contingent value of social capital // Administrative Science Quarterly. 1997. Vol. 42 (2). P. 339–365.
- Chetty R., Hendren N., Klein P., Saez E. The Equality of Opportunity Project. 2013. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 23.05.2015. URL: <http://obs.rc.fas.harvard.edu/chetty/website/IGE/Executive%20Summary.pdf>

- Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94, Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. P. S95–S120.
- Frantz C.* «Working up the Hard Way? Not for me». Recruitment, career paths and role conception of NGO politicians // *Politische Vierteljahresschrift*. 2010. S. 255.
- Jæger M. M., Holm A.* Does parents' economic, cultural, and social capital explain the social class effect on educational attainment in the Scandinavian mobility regime? // *Social Science Research*. 2007. Vol. 36 (2). P. 719–744.
- Killingsworth M.* Opposition and Dissent in Soviet Type Regimes: Civil Society and its Limitations // *Journal of Civil Society*. 2007. Vol. 3 (1). P. 59–79.
- Lewis D.* Exchanges of professionals between the public and non-governmental sectors: Life-work histories from Bangladesh // *Modern Asian Studies*. 2010. Vol. 45 (03). P. 735–757.
- McNeal R. B.* Parental Involvement as Social Capital: Differential Effectiveness on Science Achievement, Truancy, and Dropping Out // *Social Forces*. 1999. Vol. 78 (1). P. 117–144.
- Payne G. T., Moore C. B., Griffith S. E., Autry C. W.* Multilevel Challenges and Opportunities in Social Capital Research // *Journal of Management*. 2011. Vol. 37 (2). P. 491–520.
- Petrasa J.* NGOs: In the service of imperialism // *Journal of Contemporary Asia*. 1999. Vol. 29 (4). P. 429–440.
- Podolny J. M., Baron J. N.* Resources and Relationships: Social Networks and Mobility in the Workplace // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62 (5). P. 673–693.
- Portes A.* Social Capital: Its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.
- Sandefur G. D., Meier A. M., Campbell M. E.* Family resources, social capital, and college attendance // *Social Science Research*. 2006. Vol. 35 (2). P. 525–553.
- Tusalem R. F.* A boon or a bane? The role of civil society in third- and fourth-wave democracies // *International Political Science Review*. 2007. Vol. 28 (3). P. 361–386.
- Uhlir A.* Which Characteristics of civil society organizations support what aspects of democracy? Evidence from post-communist Latvia // *International Political Science Review*. 2009. Vol. 30 (3). P. 271–295.

Urry J. Mobilities. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, 2007.

Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. London; New York: Routledge, 2000.

Wong Y.-L. Overlooked insights from mobility instances? Reconsider our understanding of mobility processes // Research in Social Stratification and Mobility. 2011. Vol. 29 (2). P. 181–192.

А. С. Мищенко

**«ИННОВАТОРЫ» КАК ОСОБАЯ
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЕЕ СТАТУС,
ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹**

На основании данных опросов и глубинных интервью, проведенных в 2013—2014 гг. в Санкт-Петербурге, подтверждается тезис о специфичности инноваторов как социально-профессиональной группы. Дано обоснование видов ресурсов профессиональной группы. Показано место инноваторов на рынке труда.

Ключевые слова: инноваторы, рынок труда, социально-профессиональная группа.

В ходе выполнения сектором «Социологии науки и инноваций» СИ РАН научного проекта «Социальные условия развития научного потенциала и инновационной деятельности в России» выполнялся подраздел, посвящённый изучению процессов, связанных с формированием и расширением социально-профессиональной группы «инноваторы».

В 2013—2014 гг. был проведён опрос в двенадцати малых инновационных предприятиях, действующих в бизнес-инкубаторах, технопарках, инновационно-технологических центрах Санкт-Петербурга, а также малых инновационных предприятиях, — которые прошли «посевную» стадию существования и заняли свою рыночную нишу. Было проведено 22 глубинных интервью. Среди респондентов были руководители этих

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 14-06-00414.

предприятий, разработчики инновационных продуктов и менеджеры инновационных проектов.

Теоретический подход к изучению инноваторов как специфической социально-профессиональной группы был разработан на нескольких теоретических основаниях.

Во-первых, использовались представления об инноваторах как особой социальной группе, сложившиеся в рамках социологии инноваций как научной дисциплины. Основой для этого послужили работы таких зарубежных и отечественных исследователей, как В. Зомбарт, Й. Шумпетер, В. Томас, Э. Хаген, Д. Мак-Клеленд, А. И. Пригожин, Н. И. Лапин, Л. Я. Косалс, Ю. А. Карпова. Определены были основные признаки выделения инноваторов как социальной группы: личностные качества, виды мотиваций к инновационной деятельности, принадлежность к определённому типу организаций, функциональные роли в инновационном процессе, инноваторы, как акторы инноваций. В рамках этого подхода нами были выделены границы понятия «инноваторы» как социальной общности, занимающей особое место в социальной структуре общества. Кроме того, было уточнено само операциональное понятие «инноваторы», как акторы инноваций, к которым были отнесены такие категории работников инновационных предприятий как их руководители, авторы инновационных идей, разработчики инновационных продуктов, менеджеры инновационных проектов (Лапин 2008).

Другим источником теоретического подхода к изучению инноваторов явились теоретические разработки, сложившиеся в рамках такой научной дисциплины как социология профессий.

В отечественной социологии в рамках исследования профессиональных групп выделялись три теоретических подхода: *стратификационный*, в рамках которого профессиональная структура рассматривалась как средство для изучения иерархии престижа или социального расслоения общества (Радаев, Шкаратан 1996), *функционалистский*, где профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельнос-

ти и социальных установок интересам общества и осуществления определённых социально значимых функций (Шкаратан 2006), *социально-психологический*, где изучались такие характеристики профессиональной группы, как сложность труда, его творческий характер, мотивация и отношение к труду (Здравомыслов, Ядов 2003).

В зарубежной социологии профессий в рамках функционалистского подхода сложился атрибутивный подход или «теория черт» (Dingwall, Lewis). Авторы этого направления использовали набор профессиональных критериев для создания «идеального типа» профессии. Примером набора таких критериев служит набор характеристик профессии, который предложил У. Гуд (Goode 1972):

- 1) схожая самоидентификация;
- 2) общие ценности;
- 3) пожизненное или очень продолжительное пребывание в профессии;
- 4) ролевые ожидания, относящиеся к поведению членов сообщества и обывателей, согласованы и сходны для всех членов профессиональной группы;
- 5) наличие особого языка, недоступного для понимания непосвященными;
- 6) профессиональное сообщество имеет власть над своими членами;
- 7) рамки, в которые заключено сообщество, четко очерчены, хотя являются не физическими или географическими, а социальными;
- 8) профессиональное сообщество, хотя и не порождает следующее поколение биологически, осуществляет это социально.

В рамках *неовеберианского* подхода сформировался «*деятельностно-активистский*» подход, в котором выделяют несколько определяющих аспектов процесса профессионализации (Мансуров, Юрченко 2008).

1. Выделение собственной уникальной области знания и трансформация её в социальный престиж.

2. Формирование идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональную этику, альтруистическое служение обществу.
3. Создание профессиональных организаций, ассоциаций. «Профессионалы», стремящиеся к восходящей мобильности, формируют группу, способную стандартизировать и контролировать распространение экспертного знания; лоббировать интересы группы, добиваться государственной поддержки.
4. Практика социального закрытия. Для высокого статуса профессиональной группы очень важно, чтобы она была немногочисленной.
5. Контроль реализации профессионального проекта. Любой профессиональной группе, которой удастся добиться относительно высокого социального положения, необходимо закрепить определенную нишу в системе социальной стратификации, посредством поддержания определенного образа группы в глазах общественности

Ещё одним подходом к исследованию социально-профессиональных групп является *ресурсный подход* (Тихонова 2006; Сало 2008), который развивается на основе понятия социального статуса профессиональной группы, который базируется на теории социального капитала П. Бурдьё и определяется определённым набором ресурсов, которым обладает социальная группа (Бурдьё 1994).

Различные авторы выделяют следующие ресурсы профессиональной группы:

Экономический ресурс подразумевает такие традиционные виды ресурсов, как деньги, бизнес, недвижимость.

Властный ресурс определяет способность группы формировать собственную социальную позицию в различных измерениях.

Квалификационный ресурс. Образование, навыки, квалификация, карьерный путь.

Личностный ресурс. Трудовые мотивации, инициативность, исполнительность и другие личностные качества, необходимые для выполнения работы

Культурный ресурс включает особенности социализации и характер культурных запросов, отражающий стилевые характеристики жизни.

Социальный ресурс характеризуется включённостью в сети социальных связей разного качества.

Символический ресурс связан с престижностью тех или иных характеристик положения и поведения индивидов в данном сообществе.

Физиологический ресурс включает в себя демографические характеристики (пол, возраст, семейное положение), а также трудоспособность и состояние здоровья.

Используемый в нашем исследовании подход в большей степени базировался на «ресурсном подходе», дополняемом функционалистским, деятельностно-активистским и социально-психологическим. Сочетание подходов отражается в блоках вопросов глубинного интервью.

Научная проблема исследования состояла в отсутствии данных эмпирических исследований о критериях выделения работников сферы инновационных разработок в качестве профессиональной общности. Не было ясно, каковы факторы формирования этой профессиональной общности, её воспроизводимости, взаимодействия с различными социальными институтами и общностями.

Объектом исследования являлись сотрудники малых инновационных предприятий, разрабатывающие новые инновационные продукты.

Предметом исследования являлось выявление основных черт и особенностей деятельности этих сотрудников в соответствии с их специализацией в инновационном процессе, которые позволяют отнести их к особой социально-профессиональной общности.

Основная проблема исследования была сформулирована как противоречие между объективным положением участни-

ков разработки инновационного продукта и их субъективной оценкой своей принадлежности к такой социальной группе, как инноваторы.

Основная гипотеза исследования — осознание участниками разработки инновационного продукта своей принадлежности к социальной группе — «инноваторы» связано с успешностью деятельности инновационной организации, в которой он работает.

Цель исследования состояла в выявлении критериев и факторов формирования и воспроизводства профессиональной общности работников сферы инновационных разработок в современном российском обществе.

В исследовании ставились следующие задачи:

- 1) Разработать теоретический подход к выделению работников, занимающихся разработкой и коммерциализацией инновационных продуктов («инноваторов») как специфической социальной группы.
- 2) Разработать критерии, по которым можно выделять инноваторов как социальную группу.
- 3) Изучить основные личностные и социальные характеристики различных по функциям участников инновационных процессов.
- 4) Выявить основные механизмы мотивации участников инновационной деятельности.
- 5) Выделить критерии формирования и воспроизводства профессиональной общности работников инновационной сферы.
- 6) Описать основные проблемы, которые препятствуют расширению сообщества «инноваторов» как социальной группы.
- 7) Описать взаимодействие между участниками инновационных разработок, как в отдельном малом предприятии, так и с представителями своей профессиональной общности во внешней среде.
- 8) Изучить сетевые взаимодействия между участниками инновационных разработок с учётом их функциональной специализации.

- 9) Выявить наличие социокультурных особенностей инноваторов как социально-профессиональной общности.
- 10) Определение места инноваторов в социальной структуре современного российского общества.

В качестве объектов эмпирического исследования были выбраны малые инновационные предприятия, действующие в технопарках и инновационных центрах. Сотрудники этих предприятий по объективным условиям своей деятельности могут быть отнесены к представителям инноваторов как социальной группе.

Основные блоки исследовательских вопросов:

1. *Общие характеристики деятельности инновационного предприятия, на котором работали респонденты.*

Включал вопросы об истории создания предприятия, целях и задачах его деятельности, проблемных ситуациях, с которыми оно сталкивается.

2. *Место профессиональной группы на рынке труда.*

Включал вопросы о насыщенности рынка труда специалистами, способными и стремящимися работать в инновационной сфере. О способах рекрутинга специалистов инновационными предприятиями.

3. *Мотивационный блок.*

Включал вопросы о личных целях, которые преследовали сотрудники, включаясь в инновационную деятельность и начиная работать на инновационных предприятиях. Вопросы о ценности и привлекательности работы в этой сфере. Блок дополнялся тестом Замфира о диагностике мотивации профессиональной деятельности.

4. *Ресурсы профессионального статуса*

Экономический ресурс:

Включал вопросы о структуре доходов, оценку уровня доходов с близкими по статусу социально-профессиональными группами. Содержал вопросы об экономическом положении предприятия. Включал вопросы о качественных характеристиках жизни респондентов и удовлетворённости их своим статусом.

Властный ресурс:

Включал вопросы о разделении властных полномочий в структуре предприятия и ответственности респондента за результаты его деятельности. Ставился вопрос о контроле входа в профессиональную группу и выхода из неё. Вопросы о вхождении в профессиональные ассоциации и взаимодействии с ним. Вопросы о взаимодействии с органами государственной власти и возможности отстаивать в этих органах интересы профессиональной группы.

Квалификационный ресурс:

Включал вопросы об образовании, квалификации, карьерном пути. Так же ставился вопрос о восприятии своего квалификационного статуса на рынке труда.

Личностный ресурс:

Включал вопросы о личностных качествах, необходимых для работы на инновационных предприятиях.

Культурный ресурс:

Включал вопросы о восприятии профессиональной группы как основного референта. Вопросы о профессиональных и групповых ценностях и нормах. О наличии в организациях своей корпоративной культуры.

Социальный ресурс:

Включал вопросы о включённости в профессиональные сети социальных связей разного уровня.

Символический ресурс:

Включались вопросы о престижности занятия инновационной деятельности, об условиях и организации работы.

Физиологический ресурс:

Включал такие характеристики, как пол, возраст, семейное положение.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Место профессиональной группы на рынке труда

Инноваторы пока не представлены на рынке труда как особая профессиональная группа. Опрошенные руководители ма-

лых инновационных предприятий отмечали, что ищут новых сотрудников по своим каналам.

«Ищем нужных нам людей через знакомых, с которыми раньше работали, через знакомых знакомых» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

С другой стороны руководители инновационных предприятий говорили о том, что готовых, нужных им специалистов на рынке труда нет.

«На рынке труда полно маркетологов, менеджеров и юристов, но нет разработчиков нужных нам продуктов. Приходится принимать людей, склонных к творчеству в нашей области и обучать их» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Таким образом, инновационным предприятиям во многих случаях приходится «доводить» сотрудников до требуемой квалификации на рабочем месте. Отмечали руководители предприятий и то, что не все принятые на работу сотрудники соответствуют предъявляемым им критериям и проходят испытательный срок.

В то же время, опрошенные руководители отмечали, что «с улицы» к ним тоже не приходят наниматься даже в том случае, если они размещают объявления о вакансиях (в основном, в Интернет-ресурсах).

Сотрудники предприятий на вопросы о том, как они устраивались в инновационные предприятия, чаще всего отвечали, что они не стремились специально работать на инновационном предприятии, а устраивались либо по знакомству, либо в процессе поиска работы по профессии, перебрав ряд предприятий.

Есть ещё одна категория работников инновационных предприятий — работники по договору подряда. Это, в основном, — разработчики инновационных продуктов, работающие в научно-исследовательских и проектных организациях. Их находят руководители инновационных предприятий, когда им нужен специалист для реализации отдельных исследовательских

и конструкторских задач при разработке инновационного продукта.

Ещё одним из показателей, характеризующих положение работников инновационных предприятий на рынке труда, является возможность самостоятельно начать инновационный бизнес или устроиться на работу в другое инновационное предприятие.

Что касается возможности начать свой инновационный бизнес, то большинство опрошенных считали, что на сегодняшний день сделать это достаточно трудно.

«Человеку с идеей трудно начать свой бизнес по её реализации. Если он до этого работал в лаборатории, то у него нет знаний, как начать свой бизнес по её коммерциализации» (из интервью с директором одного из малых инновационных предприятий).

«Если человек с имеющейся у него разработкой попытается привлечь инвестора для доведения её до рыночной стадии, то это, скорее всего, будет иностранный инвестор и он потребует себе львиной доли от возможной прибыли» (из интервью с директором одного из малых инновационных предприятий).

Достаточно скептически относятся сотрудники инновационных предприятий к возможности найти работу на другом подобном предприятии в случае их увольнения или закрытия предприятия, на котором они работают. Практически во всех случаях они объясняют это тем, что такое место работы у них первое, и они не представляют, каким другим инновационным предприятиям может потребоваться их опыт работы и квалификация.

«Вообще-то мне как-то не приходило в голову, чтобы посмотреть, где я ещё могу работать вот так, как здесь. Это первое для меня такое место. Опыт я, конечно, накопил большой. Но вот наш продукт, он один такой. Я не знаю, смогу ли я встроиться в продвижение другого какого либо нового продукта на другом таком предприятии» (из интервью с менеджером по продвижению инновационного продукта инновационного предприятия).

Профессиональный статус работников инновационных предприятий определялся также их оценкой своих возможностей на рынке труда за пределами инновационной сферы. Практически все опрошенные высоко оценивали свои возможности на рынке труда. Часть из них пришла в инновационную сферу, уже обладая высокой квалификацией как разработчики инновационных продуктов или менеджеры достаточно высокого уровня.

«Как менеджер, я специалист достаточно высокого уровня, а с учётом опыта решения разнообразных проблем, с которыми мне приходится сталкиваться в нашем предприятии, у меня есть преимущества по сравнению с менеджером серийного производства. Так что я в любом случае не пропаду. Но я уверен, что наш продукт пробьётся, и мне не придётся возвращаться к монотонной работе» (из интервью с директором одного из инновационных предприятий).

«Я был управляющим в крупной энергетической фирме. Когда я уходил в инновационную сферу мои коллеги удивлялись, чего мне не хватало. Мне там стало просто скучно. Здесь я как будто заново себя открыл. Конечно, я не пропаду, если у нас не пойдёт с нашим продуктом. Но я сделаю всё, чтобы мы добились успеха» (из интервью с менеджером инновационного проекта одного из обследованных предприятий).

Таким образом, скорее всего, рынок специалистов, имеющих опыт работы на инновационных предприятиях, пока не сформировался. Такие специалисты пока «штучный товар». Формированию такого рынка препятствует как отсутствие достаточно большого сегмента инновационных бизнесов, так и сложность открытия таких бизнесов людьми, имеющими какие-либо инновационные разработки.

Структура мотиваций работников инновационных предприятий

Основными мотивами для руководителей инновационных предприятий и разработчиков инновационных продуктов, которые часто представлены в одном лице, является уход от ру-

тинной деятельности в тех организациях, где они добивались профессионального успеха, уход от бюрократических ограничений в крупных организациях, стремление самим определять свои цели и приоритеты.

«Я занимал довольно высокую должность на государственном предприятии. Но в какой-то момент мне стало просто неинтересно работать, рутина, одним словом. Ничему новому научиться было нельзя. Не было ни профессионального, ни личностного роста. А в этом предприятии я постоянно учусь, осваиваю новое, я сам принимаю очень важные решения и вижу результаты» (из интервью с менеджером инновационного проекта одного из обследованных предприятий).

Сильным мотивом является стремление сделать что-то уникальное и увидеть результаты своих идей воплощёнными в продукты, востребованные обществом (на рынке).

«Я три года руковожу этим предприятием и на сегодняшний день не могу сказать, что я всё знаю в этой сфере. Я постоянно сталкиваюсь с новыми вопросами, новыми проблемами и мне всегда интересно их решать» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Для сотрудников инновационных предприятий, которые выполняют функции по коммерциализации продукта, сильны мотивы уникальности своей работы, постоянного стремления к новому, самостоятельность в работе, участие в принятии решений.

«Мне хотелось заняться чем-то интересным, уникальным... принимать участие в разработке и продвижении нового уникального продукта это дорогого стоит» (из интервью менеджера по продвижению инновационного продукта одного из обследованных предприятий).

«Я человек, нацеленный на успех. Хочется добиться чего-то значимого, важного для страны. Я много читал об инновациях и мне захотелось участвовать в создании и продвижении такого продукта, которого ещё не было, реализовать результаты научной разработки, в перспективности которой я убедился»

(из интервью с менеджером инновационного проекта одного из обследованных предприятий).

Для многих руководителей предприятий и их сотрудников большое значение имеет социальная значимость разрабатываемых ими продуктов.

«Наш продукт ведь не только коммерческий, он имеет большую социальную значимость. Это повышает нашу ответственность и даёт мне удовлетворение в том плане, что мы не просто зарабатываем деньги, а делаем важное для здоровья людей» (из интервью с директором инновационного предприятия в биомедицинской сфере).

Для некоторых из опрошенных социальная значимость разрабатываемого ими инновационного продукта была на первом месте среди целей, которые они себе ставили, начиная заниматься инновационной деятельностью.

«Я знал, что наш продукт поможет многим из больных, которые сейчас лишены шансов на излечение, он нужен всем больницам и клиникам. Это было главным стимулом, что заставил меня взяться за руководство этим проектом. Если нам удастся сделать этот продукт, то я смогу считать, что жизнь прожил не зря. Что касается коммерциализации, то это условие того, что наш продукт будет востребован. Продвижение на рынке стоит очень дорого» (из интервью с директором инновационного предприятия в биомедицинской сфере).

Мотивы материального вознаграждения часто отходят при этом на второй план.

«Для меня сейчас не заработок является самым главным. Я раньше зарабатывал и больше в бизнесе. Хочется сделать нечто такое, о чём бы говорили, что стало бы новым шагом в жизни. Вот поэтому я взялся за продвижение этого продукта. Он уникален и произведёт переворот в сфере медицинской диагностики. Вот почему я этим занимаюсь» (из интервью с менеджером инновационного проекта инновационного предприятия в биомедицинской сфере).

Тест Замфира показал сходные с этой структурой результаты. Наиболее высокими баллы были по показателям: «Удовлетворение от самого процесса и результата труда» и «Возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности».

В целом можно говорить о высокой мотивированности работников инновационных предприятий и «прогрессивной структуре» мотивов, что, скорее всего, характеризует именно эту социально-профессиональную группу.

Ресурсы профессионального статуса

Экономический ресурс

Большинство опрошенных имели основным источником доходов работу на своём предприятии, либо получение части прибыли предприятия. Но вопрос о сравнении их уровня доходов с доходами схожих по квалификации других профессиональных групп отвечали, что их доходы в «разы» ниже, чем у профессионалов их уровня квалификации.

Руководители предприятий объясняли это тем, что приходится инвестировать большую часть получаемой прибыли в развитие производства.

«Я сейчас работаю на перспективу, очень большую долю доходов мы вкладываем в разработку и продвижение своего продукта. Каждая заработанная нами копейка идёт в дело» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

По словам руководителей предприятий, которые вкладывают значительную часть доходов в развитие, сотрудники предприятий мирятся с таким положением дел, поскольку другие преимущества работы на инновационных предприятиях компенсируют это.

«Да, сотрудники у нас получают меньше, чем могли бы получать в других местах. Но за два года работы никто не ушёл. У них есть интересная работа и перспектива. Когда мы запустим наш продукт, то всё наладится» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Многие руководители говорили об этом ограничении в заработках, как об «отложенном доходе». При успешном развитии предприятия они готовы увеличить часть прибыли на оплату работы сотрудников и на личное потребление.

Качественные компоненты образа жизни характеризовались такими параметрами, как уровень безопасности, уровень социальной защищённости, жилищными условиями, условиями проведения досуга.

Большинство директоров обследованных предприятий считают, что занятие инновационным бизнесом не несёт угрозы их личной безопасности. Ни один из опрошенных директоров не считал также, что возможна угроза отчуждения его бизнеса. Объяснялось это тем, что они находятся на таком этапе развития, что не представляют интереса для рейдеров.

«Мы слишком маленькая рыбка, чтобы привлекать внимание “акул”, им есть кого кушать. Может быть, когда мы вырастем... в общем я об этом не задумывался, меня беспокоят другие проблемы» (из интервью директора одного из обследованных предприятий).

Что касается безопасности семей и благоприятного социального окружения, то большинство опрошенных пока не могут позволить себе такой выбор таких условий жизни.

«Живу в обычном спальном микрорайоне. Конечно, хотел бы жить за городом, в собственном коттедже, но это мечты... Опасно ли там жить? Так же, как и везде. Жизнь у нас у всех одинаковая» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Уровень социальной защищённости опрошенных и их семей в целом не отличается высоким уровнем. Только часть опрошенных и их семей имеет добровольное медицинское страхование.

«Конечно, наши медицинские услуги оставляют желают лучшего. Если что-то серьёзное, то обращаемся за платной помощью. Добровольная страховка нам пока просто не по карману. Если наши продукты будут хорошо продаваться, тогда

можно будет подумать и о медицинском полисе» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Из других страховых услуг основным является обязательное и дополнительное автострахование. Очень немногие из опрошенных страхуют имущество и недвижимость.

Большинство опрошенных довольствуются довольно скромными жилищными условиями. Чаще всего, — это стандартные квартиры в спальных районах. Некоторые из руководителей предприятий вообще снимают жильё.

«Своего жилья у меня пока нет. Я развёлся, и у меня новая семья. С женой снимаем однокомнатную квартиру. Конечно, когда появятся свободные средства, будем думать о своём жилье... или снимем что-то побольше если будет увеличение семьи» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Только немногие из опрошенных имеют хорошие жилищные условия, а единицы — даже недвижимость за границей. Причём эту недвижимость они приобрели ещё до того, как начали заниматься инновационной деятельностью.

«Да, у меня есть квартира в престижном районе. Есть и недвижимость за рубежом, в Болгарии, там мы проводим летний отпуск. Всё это даёт мне чувство дополнительной защищённости. Но это всё я приобрёл ещё на прежних местах работы. Здесь я пока на такие вещи не заработал» (из интервью с менеджером инновационного проекта одного из обследованных предприятий).

Многие из опрошенных пока мирятся с такими жилищными условиями, предпочитая тратить деньги на самообразование и образование своих детей.

«Я ездил на курсы инновационного менеджмента в Италию, в Милан. За свой счёт, конечно. Почему в Милан? Ну, я очень люблю оперу, поэтому заодно и в Ла-Скала прослушал много интересных спектаклей» (из интервью с менеджером продвижения инновационного продукта одного из обследованных предприятий).

«Много средств уходит на образование детей. Оно сейчас не дешевое. Сначала хорошая гимназия, потом институт хороший. Нет, отделение не платное, но подготовительные курсы, репетиторы... Теперь подумываем о продолжении образования за рубежом. Это будет им хорошим стартом в жизни» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Достаточно часто опрошенные тратят достаточно значительные средства на организацию культурного досуга (посещение театров, концертов и т. д.).

«Свободного времени у меня мало, много отнимает работа. Зато когда оно выпадает, стараемся тратить его на культуру... театры, выставки, концерты» (из интервью с разработчиком инновационных продуктов одного из обследованных предприятий).

Отпуск многие из опрошенных предпочитают проводить в заграничных путешествиях.

«Пусть времени у меня свободного мало. Отпуск полностью взять не удаётся, но несколько раз в год дней по пять мы ездим за границу. Это очень хорошо для отдыха, перемена впечатлений, эмоции хорошие. Мне это просто необходимо» (из интервью с директором и разработчиком инновационного продукта одного из обследованных предприятий).

Таким образом, инноваторы как социальная группа пока не накопили достаточно мощного экономического ресурса. Можно назвать это «отложенным ресурсом», поскольку потенциально каждый из них обладает теми видами капитала (социальный, интеллектуальный, личностный, организационный, культурный), которые могут быть конвертированы в экономические ресурсы. По мере развития этого сегмента экономики работники инновационных предприятий, безусловно, могут оказаться обладателями более масштабных экономических ресурсов, как это уже показала мировая практика.

Достаточно низкий уровень экономического ресурса склывается и на уровне и качестве жизни инноваторов, как соци-

ально-профессиональной группы. Однако стиль потребления при этом носит прогрессивный характер. Руководители и сотрудники инновационных предприятий тратят свои экономические ресурсы не на «престижное потребление», а на увеличение своего личностного и профессионального капитала, а также аналогичного капитала своей семьи и детей. Можно уже говорить об особом стиле жизни этой социально-профессиональной группы, характерными чертами которого является профессиональная и социальная мобильность, приоритеты духовных ценностей перед материальными, «постматериалистическая» система ценностей по Р. Энгельхардту.

Властный ресурс

Для руководителей инновационных предприятий и разработчиков инновационных продуктов этот ресурс являлся наиболее ценным. Они неоднократно отмечали, что, во многом, занялись такой деятельностью, чтобы самим определять цели и задачи своей работы, не зависеть от вышестоящих структур. В то же время, они, в очень высокой степени, готовы делиться властными полномочиями со своими сотрудниками, поощряют их на самостоятельную работу, привлекают их к работе по принятию решений.

Часто решения на обследованных предприятиях принимаются коллегиально.

«Большая часть решений на нашем предприятии принимается коллегиально. Я не могу знать многие аспекты нашей работы лучше, чем другие специалисты. Когда разрабатывается новый продукт, у нас постоянно проводятся обсуждения всех его аспектов, пожеланий и требований всех заинтересованных в этом продукте лиц» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

С другой стороны, существует чётко разделённая ответственность за результаты труда каждого из работников.

Такое разделение властных полномочий вполне устраивает сотрудников инновационных предприятий, повышает их мотивацию и заинтересованность в работе. Они неоднократно

подчёркивали это как преимущество работы на данном предприятии, по сравнению с прежними местами работы.

«Я принимаю самостоятельные решения более, чем в половине случаев своей деятельности. Это очень важно для меня. Потому что свои решения я основываю на всём опыте моей работы, даже на интуиции. Ну и ответственность, конечно, тоже моя и не малая. Но у нас на предприятие есть «право на ошибку». Руководитель считает, что лучше сотрудник проявит инициативу и ошибётся, чем будет пассивно ждать указаний» (из интервью менеджера по продвижению инновационного продукта одного из обследованных предприятий).

Вхождение в профессиональную группу работников инновационных предприятий определялось только уровнем образования, квалификацией и профессиональными способностями. Никаких искусственных ограничений не отмечалось. Кроме того, руководители предприятий отмечали, что для них барьеры в организации бизнеса не были высокими, во-многом благодаря тому, что большинство из обследованных предприятий проходили «посевную стадию» в составе бизнес-инкубаторов, которые оказали им вполне реальную помощь в первоначальной организации бизнеса.

Практически никто из опрошенных не входил в профессиональные ассоциации, связанные с инновационным бизнесом как в качестве юридических, так и физических лиц. В то же время, некоторые респонденты входили в профессиональные сообщества, косвенно связанные с инновационной деятельностью: такие, как «Инженерный союз», «Нанотехнологическое общество России» и другие. Возможно, в Санкт-Петербурге пока не оформились такие организации, или их деятельность пока не заметна сотрудникам инновационных предприятий. С другой стороны, участники исследования не совсем представляют себе, какую пользу для их предприятия или них лично может представлять профессиональная ассоциация, которая включала бы в себя руководителей и работников малых инновационных предприятий.

«Ассоциация инновационного бизнеса? А чем она будет заниматься? Взносы собирать на своё содержание? Инвестиции нам будет искать? Так инвесторов всяких полно, только условия их для нас неподъёмны. Не знаю, зачем она нам может быть нужна» (из интервью с одним из руководителей обследованных предприятий).

«Вряд ли возможна такая ассоциация. Слишком разные у нас предприятия, слишком разные продукты, разные сферы деятельности. Очень по-разному мы работаем. Разве что для выхода на госорганы с какими-то предложениями. Но этого мало, чтобы объединяться. В общем, не знаю» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Взаимодействие с органами государственной власти в основном выражалось в использовании руководителями обследованных предприятий организаций инновационной инфраструктуры, созданных при участии Правительства Санкт-Петербурга. Руководители высоко оценивали работу бизнес-инкубаторов «Кристалл» и «Ингрия», в составе которых их предприятия проходили «посевную» стадию развития.

В то же время, иногда звучали высказывания о том, что внимание государственных органов может быть вредным для малого инновационного предприятия.

«Органы государственной власти не обращают на нас внимания, и это для нас очень хорошо. Лишь бы нас не трогали, а остальное мы сделаем сами» (из интервью с одним из руководителем малого инновационного предприятия).

В то же время, респонденты высказывались о том, что они никак не могут повлиять на государственные органы для улучшения условий их деятельности.

«Как мы можем повлиять на органы государственной власти? Да никак. Разве что тогда, когда мы сделаем продукт, который получит признание. Тогда нас могут включить в какую-либо госпрограмму. А так нет» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

«Мы не в той весовой категории, чтобы что-то требовать, лоббировать. Нет у нас и средств для этого. Ведь это всё дела-

ется за большие деньги» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

В целом, можно отметить, что работники инновационных предприятий обладают значительно большим властным ресурсом внутри своих предприятий, чем другие профессиональные группы. В то же время властный ресурс инноваторов как профессиональной группы пока низок. У представителей группы не произошло осознание потребности в защите своих интересов и потребностей, в организации профессиональных союзов, презентующих эти интересы.

Профессиональная группа пока является «открытой», и порог вступления в неё или отсутствует, или является невысоким. В то же время, группа является «классом в себе», в том смысле, что пока не научилась представлять себя во внешней среде и отстаивать свои интересы, как среди других профессиональных групп, так и перед лицом государства.

Квалификационный ресурс

Группа обладает очень большим квалификационным ресурсом. Руководители инновационных предприятий часто имеют несколько профессиональных образований, включая и учёные степени.

Многие руководители инновационных предприятий имели уже опыт организации бизнеса в других сферах. Чаще всего это руководители предприятий, которые не являются непосредственными разработчиками инновационных продуктов. Они заинтересовались перспективными инновационными разработками и решили помочь их авторам вывести продукт на рынок. Во многих случаях они имеют образование или опыт работы в области соответствующей инновационной разработки.

Большая часть руководителей предприятий имеют и образование в области менеджмента, в том числе, полученное в рамках «Президентской программы подготовки управленческих кадров». Руководители, получившие образование в рамках этой программы, высоко оценивают полученные ими знания.

В то же время, большинство директоров инновационных предприятий и работающих в них менеджеров инновационных продуктов (проектов) не имеют образования в области непосредственно инновационного менеджмента. Они получают такую квалификацию на практике, осваивая опыт коммерциализации инновационных продуктов в ходе своей работы, а также за счёт самообразования, чтения соответствующей литературы и общения с коллегами с других инновационных предприятий.

Образование в области инновационного менеджмента часто имеют те из директоров предприятий, которые одновременно являются и разработчиками инновационных продуктов.

И руководители, и сотрудники предприятий постоянно участвуют в инновационных форумах, конференциях и семинарах, которые рассматриваются ими как одна из форм повышения своей квалификации.

Работа многих инновационных предприятий организована так, что поощряется взаимозаменяемость сотрудников и освоение ими дополнительных специальностей. Практикуются коллективные формы работы и решения возникающих проблем.

«У нас постоянно идут дискуссии, споры, обсуждения. Мы все влияем на результат работы. Это очень отличает нашу работу от того, как я работал на других местах. Здесь намного интереснее и живее» (из интервью с менеджером инновационного проекта одного из обследованных предприятий).

В то же время, на некоторых инновационных предприятиях происходит профессиональное разделение труда.

«Разработчики-инноваторы не должны заниматься продвижением своих продуктов. Они должны работать в лаборатории, а продвижением их разработок занимаются у нас соответствующие специалисты — менеджеры по продвижению продуктов» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Квалификационный ресурс инноваторов как социально-профессиональной группы намного выше, чем у других профессиональных групп. Пожалуй, трудно в современной России назвать другую профессиональную группу с таким квалификационным ресурсом. Кроме того, этот ресурс постоянно возрастает с накоплением как профессионального, так и социального опыта. Можно предположить, что этот ресурс будет одним из факторов, который приведёт к развитию инновационной сферы и увеличению этого сектора экономики.

Личностный ресурс

К сотрудникам инновационных предприятий предъявляются и высокие личностные требования. Прежде всего, это — инициативность, стремление к новому.

«Главное требование к нашим сотрудникам — это желание и способность учиться, осваивать и создавать новое. Кто это может, тот у нас остаётся и двигается дальше. Мы все учимся, от директора и до простого программиста» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Всячески поощряется творческий подход к работе. Ценится независимость мышления и критичность.

«Очень ценится у нас способность находить нестандартные решения, можно сказать, что у нас на предприятии просто нет стандартных решений. Наш сотрудник должен обладать фантазией, быть в чём-то авантюристом. Мало быть просто хорошим исполнителем» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Личностный ресурс для работников инновационной сферы является одним из условий эффективной работы. Он изначально учитывается руководителями инновационных предприятий при формировании своих коллективов, а затем целенаправленно поощряется его рост. Это также является одним из преимуществ инноваторов как социально-профессиональной группы в конкуренции с другими профессиональными сообществами.

Культурный ресурс

Для многих руководителей и сотрудников обследованных предприятий основной референтной группой являются люди, работающие в инновационной сфере. Часто это работники своего же предприятия.

«Для меня главными авторитетами в инновационной сфере являются разработчики инновационных продуктов моего предприятия. От них зависит успешность нашего предприятия. Я и пришёл на это предприятие после знакомства с этими людьми и увидел, как они работают, как увлечены своими идеями» (из интервью с директором одного из успешных инновационных предприятий).

Опрошенными также назывались авторитетные для них лица, осуществившие разработку и продвижение на рынок успешных инновационных продуктов. Причём, часто назывались зарубежные компании и их лидеры, в частности, Билл Гейтс, Стив Джобс, Марк Цукерберг и др.

На многих обследованных предприятиях сформировалась своя корпоративная культура, имеются свои традиции, ценности и нормы.

«Главной ценностью, которая нас всех объединяет, и разработчиков, и менеджеров и даже бухгалтерских работников — это вера в наш продукт» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

«Я думаю, что общей ценностью для нашего предприятия является внедрение нового продукта в жизнь. Ведь изобретателей много, много у них патентов, а до реализации доходят из них единицы. А мы работаем целенаправленно на внедрение. Если взялись за какой-то продукт, то должны довести его до внедрения. На это все и работаем» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Относительно культурного ресурса инноваторов как социально-профессиональной группы можно сказать, что он находится в стадии формирования. Пока не появилось достаточно

представительной референтной группы из разработчиков инновационных продуктов, которые были бы широко известны как в своей профессиональной среде, так и в стране в целом.

Пока можно говорить только о начале формирования своей особой корпоративной культуры у инновационных предприятий, общих для этого профессионального сообщества ценностей, норм, традиций.

Это, в определённой мере, ослабляет конкурентные преимущества группы по сравнению с традиционными социально-профессиональными группами, например, юристами, медицинскими работниками.

Социальный ресурс

Многие из опрошенных включены в профессиональные социальные взаимодействия. Так, многие из руководителей предприятий состоят в общении с несколькими руководителями других инновационных предприятий, не обязательно одного профиля деятельности. Они постоянно обмениваются опытом своей деятельности, оказывают друг другу поддержку в тех или иных вопросах. Эти сети образовались как в ходе профессиональной карьеры, так и в результате участия в конференциях, форумах, семинарах. Интересным является факт, что у части опрошенных завязались и личностные дружеские отношения в своей профессиональной среде, причём не только с сотрудниками своих предприятий.

«Я постоянно поддерживаю связь с несколькими малыми предприятиями моего профиля деятельности. Мы встречаемся на семинарах, конференциях, которые устраивает наш бизнес-инкубатор. С двумя-тремя директорами этих предприятий я поддерживаю более тесную связь, могу обратиться к ним за советом по тем или иным вопросам в нашей сфере» (из интервью с директором малого инновационного предприятия в биомедицинской сфере).

«С другими директорами таких предприятий я поддерживаю связь. Их четыре-пять. С некоторыми познакомился на конференциях, форумах. Есть те, с кем был знаком по преды-

душим бизнесам... они тоже начали свои инновационные проекты. Есть те, кто тоже занимается разработкой приборов, а есть и в других областях. Делимся опытом, помогаем друг другу советами» (из интервью директора одного из обследованных малых инновационных предприятий).

«Есть у меня и друзья среди таких же, как я «инноваторов». Их двое. Встречаемся не только по работе. Обсуждаем и проблемы нашего бизнеса и вообще говорим «за жизнь» (Из интервью директора малого инновационного предприятия, являющегося и разработчиком инновационного продукта).

Можно говорить о довольно интенсивном формировании социально-профессиональных и личностных сетей работников инновационной сферы. Это очень важный ресурс для становления профессиональной группы, который помогает наращивать общий капитал группы. Причём важнейшим фактором формирования этого ресурса являются семинары, конференции, форумы, посвящённые инновационным разработкам в различных областях. Система таких встреч инноваторов была инициирована и организуется государственными органами и является, пожалуй, одной из успешных форм поддержки государством инновационной деятельности в стране.

Символический ресурс

Многие из опрошенных не задумывались о престижности своей работы. В то же время у тех, кто, так или иначе, имел мнение о престижности своей деятельности, возникло своё собственное видение престижности инновационной деятельности.

«Когда заинтересовавшиеся нашим продуктом узнают, что он из себя представляет, то степень их уважения к нашему предприятию и его работникам начинает «зашкаливать». Это, в моём понимании и является «престижем» в нашей деятельности» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

Значительная часть опрошенных ощущает, что работа в инновационных предприятиях пока не обладает высоким социальным статусом в глазах общества.

«Нет, то чем я занимаюсь, у нас в обществе не является престижным. Когда я ушёл из успешного бизнеса, то многие знакомые недоумевали, как можно отказаться от больших денег ради каких-то туманных перспектив в разработке нового уникального продукта. В обществе у нас другие приоритеты — деньги, власть, показное богатство... Не многие меня понимают» (из интервью с директором одного из обследованных предприятий).

В то же время, большинство респондентов весьма удовлетворены своим профессиональным статусом и условиями труда.

Удовлетворённость своей профессиональной деятельностью оценивалась по шкале: удовлетворён; скорее удовлетворён; в чём-то удовлетворён, в чём то нет; скорее не удовлетворён; не удовлетворён; затрудняюсь ответить. Оценки всех опрошенных ограничились первыми двумя пунктами шкалы. Некоторая профессиональная неудовлетворённость была связана чаще всего с тем, что пока не удалось добиться выхода их продуктов и разработок на рынок, или слишком узкий рынок уже вышедших в тираж продуктов.

«Я был бы полностью удовлетворён своей профессиональной деятельностью, когда наша разработка была бы в каждой больнице страны» (из интервью с директором инновационного предприятия в биомедицинской сфере).

Руководители предприятий неоднократно отмечали, что они считают создание комфортных условий труда для своих сотрудников одним из главных условий эффективности работы предприятия. Причём, комфорт понимался как «физический», так и психологический.

«У нас нет жёсткого графика рабочего дня, но это-то и нравится и мне и моим сотрудникам. Если надо, мы задерживаемся допоздна. Когда работа интересная, то ты занимаешься всё своё время и на работе и дома. Такие условия мне очень нравятся» (из интервью с разработчиком инновационного продукта одного из малых инновационных предприятий).

«Как только мы заработали более-менее большие деньги, мы сразу наняли себе хороший офис, оргтехнику купили самую лучшую. Я считаю, что на этом нельзя экономить. Творческие сотрудники должны работать в хороших условиях, чтобы им ничего не мешало и ничто не отвлекало» (из интервью с директором предприятия и одновременно разработчиком инновационного продукта).

Символический ресурс во многом отражает положение социальной профессиональной группы в социальной структуре общества. То, что инновационная деятельность пока не является престижным занятием, определяется сложившейся социальной структурой нашего общества, в которой доступ к экономическому ресурсу чаще всего определяется близостью к государственной власти. В то же время представители инноваторов как профессиональной группы вырабатывают собственные внутригрупповые критерии престижа своей деятельности. В том числе, это приводит к высокой удовлетворённости своей работой среди работников инновационных предприятий. На это влияет и целенаправленная деятельность руководства таких предприятий по улучшению как физических, так и психологических условий труда своих сотрудников.

Физиологический ресурс

Среди директоров обследованных предприятий не было ни одной женщины. Поскольку выборка предприятий была случайной, это говорит о том, что пока создание инновационных предприятий скорее «мужское» дело. Мужчины преобладают и среди сотрудников предприятий. Большинство опрошенных были в возрастной группе от 30 до 40 лет. Хотя среди руководителей и сотрудников предприятий достаточно весомо представлены и люди старшего возраста, в том числе и пенсионного. Большинство опрошенных имели семью и детей. Таким образом, инноваторы обладают достаточно большим физиологическим и демографическим ресурсом для воспроизводства своей социально-профессиональной группы.

Основные выводы

1. Основная гипотеза в целом не подтвердилась. В ходе опроса выяснилось, что многие из работников успешных малых инновационных предприятий не идентифицировали себя с социально-профессиональной группой «инноваторы». Значительная часть опрошенных идентифицировали свою социальную принадлежность по полученному профессиональному образованию, а некоторые состоят в профессиональных ассоциациях по сфере деятельности, к которой относятся разрабатываемые ими инновационные продукты.

2. В целом, из полученных данных можно говорить о работниках инновационных предприятий как о только формирующейся социально профессиональной группе. Она обладает весьма характерными социально-профессиональными и личностными характеристиками, характеризуется высокой мотивированностью работников к работе именно в этой сфере и тем, что основными мотивами являются достижение высоких общественно-значимых результатов труда и мотивы наиболее полной самореализации.

3. Формированию инноваторов как профессиональной группы, во-многом не способствует узость рынка труда в этой сфере. Формированию такого рынка препятствует сложность открытия инновационных бизнесов в современной России, которая так и не преодолена на институциональном уровне. Сказывается на воспроизводстве и расширении группы и недостаток в стране эффективных форм образования, готовящих кадры для этой сферы. Группа пока воспроизводится на собственной основе.

4. Обладая высоким личностным и профессиональным ресурсом, инноваторы как социально-профессиональная группа пока не накопили достаточно мощного экономического ресурса. Этот ресурс является «отложенным» и сможет быть реализован в случае перехода страны на инновационный путь развития.

5. Инноваторы пока не оформились в реальное профессиональное сообщество, представляющее и отстаивающее свои

интересы, как среди других профессиональных групп, так и перед лицом государства. Не произошло осознание необходимости создания своих профессиональных ассоциаций.

6. Работники инновационных предприятий как социально-профессиональная группа обладают большим потенциалом роста и развития. Они являются в социальной структуре современной России одними из ярких представителей среднего класса и представителями нового экономического уклада.

7. Рост и развитие данной социальной группы, во многом, будет зависеть от дальнейшего пути развития современной России. Если общество и государство поддержит курс на построение в России «экономики знаний», то эта профессиональная группа, безусловно, будет увеличиваться и количественно и качественно.

8. Во-многом формированию инноваторов как новой социально-профессиональной группы способствовала государственная политика по развитию инновационной деятельности. Созданная в Петербурге инновационная инфраструктура способствовала появлению достаточно большого числа успешных инновационных предприятий, которые без такой поддержки вряд ли бы возникли и выжили. Способствует расширению инноваторов как профессиональной группы и сложившаяся в стране система семинаров, конференций, форумов, посвящённых инновационным разработкам. Этот опыт требует расширения и развития. В противном случае, импульс, который был задан развитию инновационной деятельности в стране, может затухнуть, а инноваторы вместе со своими разработками пополнят ряды «утекших из страны мозгов».

9. Социально-профессиональная группа работников инновационных предприятий вполне способна стать одной из активных социальных сил в России, которая заинтересована в развитии современной рыночной экономики и способна задавать новые жизненные стандарты.

Источники

- Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М., 2008.
- Мансуров В. А., Юргенко О. В. Социология профессий: становление дисциплины и перспективы ее развития // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М., 2008. С. 16—36.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Сало Е. П. Социально-профессиональный статус профессиональной группы. Ресурсный подход // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М., 2008.
- Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28—40.
- Шкаратан О. И. Социально-экономическое положение и поведение профессионалов и менеджеров в сфере занятости. Препринт WP1/2006/03. Серия WP1 (Институциональные проблемы российской экономики). М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Dingwall R., Lewis P. Introduction // Dingwall R., Lewis P. (eds) The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others. London: Macmillan, 1983.
- Goode W. Community Within a Community: the Professions // Sociological Perspectives on Occupations. Illinois: F. E. Peacock Publishers, 1972. P. 194—200.

Б. И. Максимов

**ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Выявляются противоречия между трудовым законодательством и практиками. Даются подробные пояснения правовых последствий «неправовых практик». Подчеркивается роль работодателей, допускающих определенные отклонения в трудовых отношениях. Особое внимание уделяется проблеме непредоставления отпусков. Делается вывод о наличии у наемных работников достаточно широких законодательных прав, но слабом их использовании.

Ключевые слова: трудовое законодательство, практики, Трудовой кодекс, работодатель, работник, трудовые отношения.

Признаться, что когда мы приступили к статье и посмотрели литературу, обнаружили, что социологических публикаций на избранную нами тему гораздо меньше, чем ожидали. При этом авторы рассматривают трудовое законодательство и практики трудовых отношений в основном по отдельности, соотношению между ними уделяется меньше внимания. Видимо, и в реальности они существуют как бы сами по себе (этого вопроса мы коснемся в дальнейшем). Основное внимание привлекает социальное партнерство, возможно, ввиду его наибольшей социологичности, в то время как другие вопросы имеют преимущественно правовой характер. Другие вопросы, очевидно, анализируются правоведами, экономистами управленцами и другими специалистами. Мы же как раз намерены уделять большое внимание соотношению между законодательством и практиками.

Трудовой кодекс РФ, надо отдать должное с самого начала, будучи основным документом в сфере трудового законодательства, полно, детально, адекватно охватывает все стороны трудовых отношений с точки зрения экономических и социальных функций труда: вопросы организации труда, его оплаты, охраны, времени отдыха, особенности регулирования труда отдельных категорий работников, защиты трудовых прав и свобод и др. Однако все же есть отдельные проблемные вопросы, достойные внимания исследователей, анализа в том числе в социологическом ракурсе. Практика еще больше достойна упомянутого внимания, как и соотношение одного с другим. Это служит основанием актуальности нашего исследования, оно, наш анализ явно не будет лишним, возможно, послужит основанием внесения каких-то предложений; таким способом Кодекс со дня его принятия (в 2001 г.) непрерывно совершенствуется — путем внесения текущих, подаваемых изменений различных субъектов (в числе коих и социологи). На третьей странице Кодекса приведен перечень законов, посредством которых вносились усовершенствования. Их не более менее как 80! Последние два закона в современном тексте приняты 31 декабря 2014 г., накануне Нового года (Трудовой кодекс, 2015 г.)!

Предмет нашего внимания соответствует результатам наших предыдущих исследований. Естественно, что мы сможем коснуться отдельных моментов.

Если следовать в анализе последовательности статей в Кодексе, можно в качестве первого вопроса рассмотреть один из принципов правового регулирования трудовых отношений, упомянутый в статье 2. Это «обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности». Казалось бы, это формальный принцип, поставленный недавно «для красоты»; нарушений, якобы, нет, а если есть, то им не придают значения. Однако, по нашим результатам, 13% рабочих отмечают, что они попадали в ситуации унижения достоинства — «часто», 33% — «иногда», т. е. почти половина опрошенных прошла через моральные унижения. При этом

особенно эмоционально случаи унижения воспринимаются молодыми рабочими, женщинами. О значении этого обстоятельства говорит ситуация на Выборгском ЦБК, где случаи унижения работников стали поводом к протестному выступлению и длительному продолжению его (Максимов 2001: 35—47). А. М. Кацва приводит пример вызывающего поведения директора шахты по отношению к шахтерам; там тоже это усилило возмущение рабочих и их протестное поведение (Кацва 2002: 99). Этот принцип вероятно отражается в ст. 237 о возмещении морального вреда, причиненного работнику. Но сохранение достоинства и возмещение морального вреда вообще-то не одно и то же, и возмещение в денежной форме, по Кодексу, не имеет хотя бы приблизительных масштабов. Главное же, что практики возмещения встречаются гораздо реже, чем случаи унижения. Сам принцип, возможно внесенный по нашему предложению (мы подавали такую рекомендацию), считается, очевидно, несущественным.

Вывод и предложение, видимо, очевидны — надо ввести в Кодекс уточнения формулировок и механизма реализации принципа.

Из ст. 16 об основании возникновения трудовых отношений эти отношения возникают, наряду с оформлением трудового договора, «также на основании фактического допущения работника к работе», при этом «с ведома работодателя или его уполномоченного на это представителя». Вероятно, благодаря этой лазейке в законе, в частности, практика фактического допущения к работе «без надлежащим образом оформленного трудового договора», как известно, широко распространена. Автор сталкивался с многими такими случаями. В интернете сообщалось о заявлении вице-премьера О. Голодец (на которое мало кто обратил внимание), что половина работников неясно, где находится; на наш взгляд, это в значительной части те работники, которые приняты без оформления трудового договора и не отражаются ни в какой статистике (Сообщение в интернете 2012). Мотивация фактического допущения к работе со стороны работодателей да и самих работников извест-

на — убегание от уплаты налогов первых, свобода их манипулирования бесправными работниками и согласие вторых на нарушение их прав ввиду обещаний прибавки к заработной плате, беззаботное их «забывание» о пенсии да и сегодняшней защищенности. «Работает», безусловно, доминирование администрации при приеме на работу, работник нередко вынужден принимать ее условия.

При нормальной работе следствием неоформления трудового договора являются потери в трудовом стаже и начислении пенсии, с чем рабочие смиряются, особенного в молодом возрасте. Но при несчастном случае на производстве потери работника в плане социального страхования велики, в отдельных случаях прямо трагические. Вот, к примеру, конкретная история.

Рабочий поступил в строительную организацию и был «допущен к работе» «без надлежащего оформления трудового договора». При этом не каким-то «уполномоченным представителем», а самим работодателем в лице начальника строительного управления. Он отметил, что у рабочего нет трудовой книжки, «но мы берем вас», и предложил не оформлять поступление, т. е. не заключать трудовой договор. Аргументация была стандартной. Большие налоги по части социального страхования каждого рабочего. За счет экономии этих средств организация может увеличить заработную плату, гибко маневрировать рабочей силой. «Вы еще молодой, — сказал начальник, — до пенсии далеко. К тому времени Бог знает, какие изменения произойдут. Иначе мы не сможем взять вас».

Рабочий согласился. Обещания о повышенной зарплате оказались просто приманкой, но в остальном положение рабочего не отличалось от условий работы других. Но произошел несчастный случай — рабочий выпал с четвертого этажа строящегося дома, сломал ребра, повредил позвоночный столб. Когда после многомесячного лежания в больнице он обратился через родственников в управление по поводу компенсации за полученный ущерб здоровью, в кадровой службе заявили, что такой рабочий у них не числится, он случайно зашел на

стройплощадку и, будучи не знаком с правилами техники безопасности, выпал из окна. Фактическую работу могли подтвердить свидетели — товарищи по работе; но они отказались это делать, боясь, что сами окажутся за воротами (контингент рабочих-строителей состоял в значительной части из мигрантов). В суд никто из свидетелей не явился. Переломы позвоночника были квалифицированы как бытовая травма, за которую никакие компенсации не положены.

В Кодексе есть статья о правовых последствиях фактического допущения к работе (ст. 67.1). Она рассматривает случай допущения не уполномоченным на это лицом, которое привлекается к ответственности, но не сказано, какой. Работодатель всегда может сослаться на не уполномоченное лицо, по вине которого состоялось допущение к работе. О применении правовых санкций относительно самих работодателей не упоминается. Некоторые из них трактуют такое положение как допущение определенной свободы в трудовых отношениях.

Вывод простой — надо ввести в Кодекс ответственность самого работодателя, а Рострудинспекции исследовать вину администрации так же тщательно, как причины несчастного случая на производстве.

В практике приема на работу существуют ограничения, которые, как известно, объявляются публично, в рекламах, объявлениях о потребности в кадрах. Это ограничения по возрасту, полу, наличию опыта и других, названных (или не названных) в Кодексе. Но никто их не считает дискриминацией в сфере труда. Возможно, они, действительно, принадлежат к требованиям, свойственным определенному виду труда, названным во второй части статьи о дискриминации в труде (ст. 3). Во всяком случае, налицо двойственность толкования дискриминации. Ее можно бы устранить конкретным перечислений ограничений, допускаемых или не допускаемых.

Несоответствие между законом и практиками проявляется не только при заключении трудового договора, но и при его расторжении по инициативе работодателя. В Кодексе целая глава (№ 13) посвящена регулированию прекращения трудо-

вого договора. В ней детально расписаны основания прекращения, порядок расторжения по соглашению сторон, по инициативе работника, работодателя, участия выборного органа профсоюза и др. Но на практике, как известно, при сокращениях кадров администрация зачастую предлагает оформление увольнения «по собственному желанию» с известной аргументацией — зачем портить трудовую книжку, при добровольном уходе выплачиваются большие компенсации, а главное здесь тоже работает доминирование администрации, даже накануне разрыва отношений с ней. В интернете приводились результаты исследования, проведенного 1—7.02.2012 г. среди 3351 посетителей сайта hh.ru: более половины россиян (59%) ощущают на работе психологическое давление со стороны начальства и 43% задумываются в связи с этим об увольнении (<http://rabota.mail.ru/news/1682/> 15.02.2012). Оформление увольнений «по собственному желанию» позволяет администрации избежать ограничений при массовых сокращениях, компенсационных выплат и ущерба репутации (а сохранение имиджа организации, как отмечалось, приобрело высокую ценность).

Рекомендации в данном случае трудно сформулировать, не ущемляя волю работника и не приписывая ответственность администрации, когда имеет место именно проявление этой воли. Видимо профсоюзы, знающие обстановку на местах, могут выявить случаи произвола администрации, давления на наемных работников и ставить вопрос об ответственности первой.

В связи с предыдущим, в следующей статье этой главы Кодекса говорится об обязательном участии первичной профсоюзной организации в расторжении трудового договора, когда речь идет о сокращении численности или штата работников (и по результатам аттестации и имеющим дисциплинарные взыскания; ст. 81—2,3,5). За эту статью при принятии Кодекса, как известно, велась упорная борьба профсоюзов в масштабе страны с вариантом Правительства, лишавшим первички права накладывать вето на решения работодателя о сокращении работников. Проводились демонстрации, пикеты, собира-

лись подписи под обращениями, но Минтруда под руководством Починка стоял как скала. В результате профсоюзы лишились, как представлялось, одного из самых существенных прав. Наибольшее значение статья имела именно в тот период, когда проводились массовые сокращения «излишней» численности.

Но если обратиться к практикам, видно, что внушительная классовая война имел скорее бутафорский характер. Дело в том, что и при обладании правом вето профсоюзы давали согласие на сокращения под давлением администрации, входя в ее положение, принимая во внимание отсутствие работы (занятости), задержки заработной платы, «нахождение в одной лодке» и т. п. Профсоюзы не применяли свое право в ситуациях, когда речь шла о выбрасывании за ворота в порядке «избавления от излишней численности» тысяч работников. Правда, согласие давалось при столах о судьбе сокращаемых, «со слезами на глазах»... Автору известен только один случай борьбы рабочих с сокращением, да и тот имел паллиативный результат¹. Администрация через некоторое время молча уволила сокращаемых «по собственному желанию». В настоящее время профсоюзы, как правило, точно так же не используют возможности подачи мотивированного мнения, дополнительных консультаций, обжалования в соответствующей Государственной Инспекции и других способов процедуры участия (Трудовой кодекс, ст. 82, 373), которые на самом деле являются ресурсами профсоюзного влияния.

В сфере рабочего времени, времени отдыха и отпусков (гл. 15–19) на поверхности все как будто нормально. Однако практики содержат много нарушений, обусловленных произволом работодателей, недоговоренностью закона и стандартной позицией покорности наемных работников (и их объединений, представительств). Прежде всего, можно назвать

¹ Заметим, что с тех пор профсоюзы не ставили вопрос об отмене дискриминационного положения или расширения пунктов, при рассмотрении которых требуется участие выборного органа.

переработки и вторичную занятость. В настоящее время они слабо или никак не регулируются Трудовым кодексом (кроме сверхурочных). Работодатели навестились выходить из положения за счет переработок. При этом переработок, которые не оформляются как сверхурочные и, соответственно, не имеют никаких ограничений. Рабочие за счет переработок «делают зарплату», работодатели обходятся меньшей численностью, экономят на отчислениях и, главное, могут держать цену труда низкой — рабочие доберут за счет переработок. На некоторых предприятиях (автору известны такие предприятия) переработки стали рутиной, практикуются фактически ежедневно, по выходным и праздничным дням, стандартно составляют 2 часа, иногда доходя до 3—4 часов в сутки. В результате фактический рабочий день составляет более 10 часов, чем нарушаются другие основы трудового законодательства.

Санкций относительно администрации за неоформление сверхурочных не предусмотрено.

Также практически полностью не регулируется вторичная занятость. Она может быть третичной, четвертичной и так далее. В каком состоянии находятся при этом режимы труда и отдыха — одному Богу известно. Здесь нет и виновных. Практика справок, как при советской власти, давно устарела. Другой системы не придумано. Между тем вторичную занятость практикуют, по данным различных исследований, от 30 до 50%¹ работников, при этом не только умственного труда, где легче совмещать несколько занятий, но и рабочих (около 30%).

Рекомендация здесь носят характер благих пожеланий — очевидно, стоит практиковать не запрет вторичной занятости, а устранять основания для ее существования, т. е. обеспечивать нормальный заработок на основной работе.

В сфере предоставления отпусков налицо прямое нарушение законодательства. В нем подробно расписано, кому, какие предоставляются отпуска, при каких условиях и т. д. Но в не-

¹ О вторичной занятости.

которых случаях напрасно старался законодатель. Казалось бы, отпуска — это незыблемое, они неприкосновенны, предоставляются, даже если организация дышит на ладан. Особенно отпуска женщинам в связи с рождением ребенка. Однако, по нашим результатам опроса, ежегодные отпуска предоставляются далеко не во всех случаях: не используют отпуска полностью 13% рабочих, частично — 14%, при этом на гос. предприятиях — 10 и 7%, в ОАО — 7 и 7%, ЗАО — 14 и 19%, в ООО — 28 и 28%, на «частных предприятиях» — 34 и 34%.

Мотивируется непредоставление отпусков отсутствием материальных средств, напряженным режимом труда на работе, принятым порядком в организации, но главную роль без сомнения играет отсутствие санкций, ответственности для работодателя; в Трудовом кодексе они, действительно, не упоминаются, нарушения обнаруживаются только при проверках какими-то комиссиями. Часть женщин, вместо получения «декретного» отпуска вынуждена увольняться.

Это пример произвольного развития практики при недостаточности правового регулирования со стороны законодательства.

Вывод и предложения здесь очевидны — введение санкций за незаконные действия администрации в части предоставления отпусков и выправление практик, ставших в отдельных организациях рутинно неправовыми.

В сфере оплаты труда самыми известными, одиозно известными, буквально набившими оскомину в свое время, стали задержки заработной платы, иногда исчисляемые месяцами и годами. Выработались даже практики проживания без заработной платы по основному месту работы (на пенсии родственников, за счет личных подсобных хозяйств, вторичной занятости и т. п.). Разумеется, несвоевременные выплаты заработной платы были обусловлены, вероятно, в первую очередь тяжелым финансовым положением предприятий. Но известно, что в случае протестных акций наемных работников, каких-то санкций со стороны вышестоящих инстанций деньги находились. Работодатели просто не испытывали ответственности,

кроме моральной (правовая и отсутствовала). Ее ввели спустя длительное время и после многочисленных протестов, обращений, в том числе ученых, правоведов. Но и ее можно квалифицировать как уступку со стороны классового государства, ибо размер компенсаций которые должен выплатить работодатель, носит символический характер. Если рассчитать ее сумму, она выглядит просто смехотворной для более менее солидных организаций. Допустим, выплату задержали на 30 дней. Сумма зарплаты составляет 50 тыс. рублей. При ставке рефинансирования в 11%, вся денежная компенсация будет составлять 550 рублей¹.

Это пример сильного отличия практик от законодательства, как бы их своеволия, показывающий, что и такое возможно.

Проблема несвоевременных выплат заработка в настоящее время потеряла свою остроту и массовость, но не исчезла полностью, видимо в том числе по причине слабости взысканий с работодателя; соответственно, их значимость необходимо увеличивать.

Как положительное явление можно отметить, что в настоящее время «минимальный размер оплаты труда... не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения». Сколько было баталий за такой МРОТ, на разных уровнях, между различными субъектами и в разнообразных формах, от региональных акций до дебатов в Госдуме, между профсоюзами и властями! Прежний МРОТ (долгое время в сумме 318 рублей) просто не выполнял своей функции, на него администрация ориентировалась (и применяла) только

¹ При всей видимости массовых протестов в связи с задержками зарплаты, реально протестные акции, по нашим расчетам, происходили лишь на 1 из 400 предприятий, на которых невыплаты имели место. Наемные работники предпочитали протесту практики выживания без зарплаты. Мотивировалось это пониманием администрации «знанием положения предприятия», неверием в результативность протеста, страхом перед работодателем, отсутствием организаторов сопротивления и др. По интервью, самым распространенным был страх «высовываться», опасение гонений.

в ситуациях, когда надо было «прижать работника», не в построении тарифной или иной системы оплаты труда. Тогда создавалось впечатление, что упорная борьба ведется за символический показатель в виду его неприменения; полноценный МРОТ заработал не только в законе, но и на практике.

Есть резервы усиления его полноценности, приравнивания по значимости к почасовой оплате, как в западных странах.

Расхождение между законодательством и практиками наблюдается в области нормирования труда. Раньше нормирование господствовало во всех сферах, были даже попытки нормировать умственный труд. На предприятиях существовали специальные подразделения по нормированию труда. Правда, системы нормирования имели свои недостатки, наиболее известной проблемой был периодический пересмотр норм, часто сопровождаемый конфликтами. Кодекс упоминает нормирование труда «с учетом мнения представительного органа работников» или устанавливаемых коллективным договором (ст. 158). Но в настоящее время наблюдается отход от жесткого нормирования, объемы труда определяются «на глазок», по договоренности, чаще всего «как Бог на душу работодателя положит», в соответствии с общим вольным стилем трудовых отношений. Проблему массового пересмотра норм работодателя явочным порядком преодолели. Трудоемкую работу по нормированию — тоже. Отрицательным моментом вольного стиля является произвол администратора. Но он устраивает работодателя, а профсоюзы не доходят до этой проблемы, вероятно по причине отсутствия однозначного решения.

Вероятно все же оправдано применение нормирования в ситуациях доступности, в том числе при наличии типовых, отраслевых, межотраслевых и иных нормативных разработок.

В сфере защиты трудовых прав и свобод коснемся только роли Федеральной инспекции труда. Мы уже развивали взгляд о включении инспекции в общую систему защиты трудовых прав, не только охраны труда, в частности, расследования несчастных случаев на производстве. Кодекс не ограничивает полномочия, функции инспекций названными видами, вклю-

чает в полномочия практически весь спектр трудовых прав; кроме того, инспекция «готовит и публикует ежегодные доклады о соблюдении трудового законодательства..., в установленном порядке представляет их Президенту РФ и в Правительство РФ», что свидетельствует о ее высоком авторитете. Ввиду фактической слабости защиты профессиональными союзами, предлагается часть их функций возложить на государственные, авторитетные инспекции, разделяя с профсоюзами их функции или дублируя их. Никакой коренной реорганизации инспекций не требуется, просто так сложилось, что они специализируются на расследовании несчастных случаев на производстве. Потребна лишь ориентация (переориентация) деятельности комиссий. Профсоюзы при разделении их функций не теряют своего значения, выполняют задачу солидаризации работников, формулирования претензий, предложений со стороны последних.

Как отмечалось, наибольшее внимание исследователей и практиков привлекает проблематика социального партнерства. В Кодексе социальному партнерству отведено достаточное место, целый раздел, 7 глав, 32 статьи, расписаны принципы, стороны, уровни, формы, органы социального партнерства и т. д. Это свидетельствует о придании высокой значимости социальному партнерству законодателем. Существуют различные взгляды на партнерство в целом. Так, д. э. н., профессор И. Н. Мысляева, анализируя «современную идеологию и практику социального партнерства», выделяет, по крайней мере, три позиции в понимании социального партнерства; сама придерживается позиции, что эта система трудовых отношений идеологизирована, представляет собой идеологию социал-демократического движения. Оно возможно, когда перспективные интересы, цели сторон, труда и капитала, совпадают или могут быть согласованы, преимущественно в развитых странах, где возникновение договорной формы регулирования социально-трудовых отношений — результат длительного экономического и социально-политического развития (Мысляева 1996: 60). В свете такого понимания, в российских усло-

виях социальное партнерство было декретировано, носит придаточный характер, в том числе в силу отсутствия равноправия сторон, их взаимной заинтересованности в договорных отношениях, преобладающего доминирования работодателя, односторонней позиции государства и др.

Но мы хотели бы обратить внимание на одну сторону российского социального партнерства, совершенно бросающуюся в глаза и, однако, как бы не замечаемую. Авторы, анализирующие социальное партнерство, рассматривают ход переговоров, процесс заключения коллективных договоров, контроль их выполнения и т. п. и не обращают внимания, что изначально система поражена социальной болезнью — формализмом. И только в отдельных, можно сказать исключительных случаях, переговоры, договоры, соглашения используются хотя бы не для согласования интересов, а предъявления требований, выработки и принятия компромиссов. Так было в знаменитой забастовке при заключении колдоговора на заводе Форда, где о совпадении целей, их согласовании не шла речь. В прочих случаях коллективные договоры на уровне организаций, предприятий, соглашения, в том числе трехсторонние на уровне регионов, территорий, республик составляются, рассматриваются, подводятся итоги их выполнения, но все это носит чисто формальный характер, представляет собой своего рода ритуалы. Колдоговоры, как правило, просто переписываются из года в год (при этом под бдительным оком администрации), при подведении итогов соблюдаются все предписываемые процедуры, все участники сознают, что они разыгрывают спектакль... Однако такие практики существуют годами, десятилетиями. И не ясно, то ли это наследие советского прошлого, когда формализм пронизывал все сферы общественной жизни, то ли это менталитетная российская черта, то ли следствие упомянутой неразвитости трудовых отношений на начальной стадии рыночных (капиталистических) условий...

В заключение отметим некоторые общие черты соотношения трудового законодательства и реальных практик.

Наблюдается в отдельных отношениях сильное расхождение законодательства и реальных практик; действительно, в некоторых случаях можно сказать, то закон существует сам по себе, реальные отношения — сами по себе. Законодательные правила составлены с преобладанием позиции государства, стоящего на стороне работодателя. Некоторые положения законодательства — результат противостояния, борьбы представителей наемных работников с работодателями, показывающий возможность корректировки Кодекса с подачи наемных работников (их предствительств). В сфере практик наблюдается доминирование работодателя, воздействующего на трудовые отношения авторитетом, прямым или скрытым давлением, компетенцией, услугами специалистов. Позиция наемных работников наоборот отличается покорностью, покладистостью, вхождением в положение администрации, предпочтением индивидуальных отношений с руководителями. Наемные работники по законодательству обладают существенными, достаточными правами, но слабо используют их (по причине незнания, незнания способов использования, добровольного отказа от использования).

Источники

- Кацва А. М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 99.
- Максимов Б. И. Классовый конфликт на Выборгском ЦБК // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 35—47.
- Мысляева И. Н. Современная идеология и практика социального партнерства. М.: Институт перспектив и проблем страны, 1999. 60 с.
- Сообщение в интернете о заявлении вице-премьера О. Голодец. 14 ноября 2012 г.
- Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 апреля 2015 года. М.: Эксмо, 2015. 240 с.

Е. В. Тыканова

**КОНСОЛИДАЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ
В СИТУАЦИИ ОСПАРИВАНИЯ ГОРОДСКОГО
ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Обсуждается проблема неравного доступа различных социальных групп к пространственным ресурсам крупного города и возникающие при этом альтернативы (на примере Санкт-Петербурга). Ставится вопрос о степени соответствия принимаемых административных решений потребностям горожан и конкретным жизненным ситуациям.

Ключевые слова: пространственные ресурсы, социальные группы, доступность, потребности горожан.

В последние годы пространство различных крупных городов мира и, в частности, Санкт-Петербурга все чаще становится ареной столкновений конкурирующих социальных, экономических и политических интересов и способов влияния. Неравный доступ различных социальных групп к пространственным ресурсам и неодинаковый потенциал власти и контроля над ними становятся причиной социальной напряженности и нередко приводят к конфликтам. В результате происходит столкновение логик определения ценности городского пространства: для городских властей данное пространство может выступать в качестве ресурса для развития города, улучшения его имиджа и привлечения новых инвестиций, для представителей бизнеса — ресурсом для извлечения прибыли, а для горожан — местом их каждодневного существования и памяти. Представле-

ния политических и бизнес-элит Санкт-Петербурга о будущем развитии и планировании городских пространств зачастую игнорируют интересы и ценности остального городского населения. Градостроительные постановления администрации воспринимаются «снизу» как общие схемы, не адаптированные к конкретным жизненным ситуациям и не соответствующие потребностям горожан.

Стратегии решения возникших проблем могут быть нацелены как на самоорганизацию членов локальных сообществ Санкт-Петербурга, так и на публичную презентацию их позиции властям и широкой общественности. Кроме того, представители местных сообществ, находясь в ситуации неопределенности и ограниченных возможностей борьбы, вынуждены прибегать не только к институционализированным формам протеста, но также к различным тактикам сопротивления и маневрам на «своем» участке городского пространства, в основе которых лежат ресурсы длительного использования территории, локальное знание, память и т. д. В свою очередь, сильные группы интересов в лице городских властей и строительных инвесторов сталкиваются с непростой ситуацией, когда они должны выбирать способы реализации своих градостроительных инициатив или — под давлением протестных действий горожан и их лоббистов — отказываться от них либо искать доступные варианты компенсации с целью снижения возникшей социальной напряженности.

Под «*оспариваемыми пространствами*», которые становятся объектом защиты со стороны локальных сообществ города, мы будем подразумевать пространства, вокруг которых разворачиваются конфликты, связанные с неравным доступом акторов к пространственным ресурсам и неодинаковым потенциалом власти и контроля над ними (The anthropology of space 2003: 18). Используемое нами узкое понятие локального сообщества является во многом синонимичным «соседскому сообществу» и отличается от термина, который широко использовался американскими учеными, подразумевавшими локальность в городском масштабе (У. Уорнер, Д. Доллард,

Р. Линд, Х. Линд, Б. Гарднер, М. Гарднер, Э. Дейвис и др.) (Добрякова 1999: 125–133). Нашему определению локального сообщества будет более соответствовать его аналог — соседское сообщество, или соседское поселение (*neighborhood*) — территория, организованная по принципу соседства.

Термины «консолидация» и «самоорганизация» мы будем понимать в качестве синонимичных, означающих сплочение горожан для достижения общих, разделяемых целей по защите городского пространства от городского планирования и развития со стороны сильных групп интересов.

Для рассмотрения стратегий поведения социальных агентов в условиях неопределенности обратимся к концепции А. О. Хиршмана. Эта теория понадобится нам для анализа выбора представителями локального сообщества стратегий поведения в рамках социальных дилемм: «уход», «протест» и «лояльность»/«выход», «голос» и «верность». Альберт Хиршман рассматривает эти аналитические категории на примерах поведения клиентов по отношению к фирмам, предоставляющим им продукцию, и реакций членов партий и других политических объединений на различные изменения, происходящие в этих организациях. Тем не менее, данную схему можно перенести на отношения локального сообщества и властей (Snow 2002). Обозначенные опции реакции членов групп на кризисную ситуацию описываются следующим образом:

- «выход»/«уход»: «Некоторые клиенты перестают покупать продукцию фирмы или какие-то члены выходят из организации: это опция «выход» (Хиршман 2009: 14);
- «голос»/«протест»: «Клиенты фирмы или члены организации сообщают о своем недовольстве напрямую руководству или органу, который стоит над руководством фирмы или организации, или вообще кому угодно, кто готов выслушать: это опция «голос»;
- «верность»/«лояльность»: находится между «выходом» и «протестом» и характеризуется чувством особой привязанности к организации или к продукту фирмы.

А. Хиршман представляет опцию «верность»/«лояльность», исходя из тех же позиций, которые использует Мансур Олсон, описывающий дилемму «безбилетника»: «Нужно признать, что, когда ход дел в организации вызывает недовольство, человек может сохранить “верность” и не будучи лично влиятельным, но только при условии, что сможет рассчитывать на то, что кто-нибудь возьмется за улучшение ситуации или случится нечто, что приведет к этому»¹.

В экономических отношениях «клиент — фирма» наиболее эффективной для клиента является стратегия «выхода», в политических отношениях, например, «член партии — партия», такой стратегией будет выступать «протест»: «Выбор между экономическим механизмом «ухода» (exit) и политическим механизмом голоса (voice) во многом определяется степенью лояльности контрагентов»².

Теория А. Хиршмана была дополнена французским социологом Ги Бажуа, который добавил к формуле «уход-протест-лояльность» форму апатии. Ги Бажуа вводит два измерения, в рамках которых в соответствии с этими стратегиями происходит кооперация с социальным институтом (в нашем случае — с властными структурами): собственно кооперация с социальным институтом и контроль социального института: «Протест подвергает сомнению контроль, но направлен на сохранение кооперации, то есть диалога во имя достижения общих целей; лояльность подразумевает сохранение и кооперации, и социального контроля; апатия потворствует воспроизведению социального контроля, но делает все возможное для уменьшения кооперации»³.

¹ Хиршман А. О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009. С. 78.

² Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997. С. 28–29.

³ Цит. по: Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 20–30-е годы). СПб.: Европейский университет в СПб., 2006. С. 37.

По теории А. Хиршмана, возможность выбора опции «выход» снижает вероятность широкого и эффективного использования опции «протест». Но когда «выход» невозможен, то единственной опцией, способной привести к каким-то изменениям, становится «голос». При условии, что в нашем контексте большинство представителей локальных сообществ будет придерживаться стратегии «лояльности» («верности»), опция «лояльность» в действиях локального сообщества по защите городского пространства будет принимать форму пассивности.

Данную теорию модальности действия в кризисной ситуации можно перенести на изучение стратегий представителей локального сообщества в контексте защиты оспариваемых участков городского пространства. В случае защиты городского пространства «выход» максимально затруднен, так как представители локального сообщества являются зависимыми от градостроительных решений властей и не имеют возможности выбрать другую организацию, ответственную за принятие решений в области городского развития. Единственной возможностью «выхода» в случае недовольства локальным сообществом городским развитием по отношению к их соседскому поселению является создание самоуправляющегося объединения на местном уровне, представляющего альтернативную государственной форму собственности на жилые постройки и прилегающую территорию.

Слабые группы интересов, реализуя свои притязания на городское пространство, могут иметь в основе своих действий стратегические, прагматические мотивы. Для анализа подобного типа действий по оспариванию городского пространства мы обратимся к разработкам теории коллективного действия как действия в большей степени рационального. Теория М. Олсона дает нам возможность рассмотреть сущностные характеристики коллективного действия в отличие от других его разновидностей, например, индивидуализированного действия. В фокус исследования М. Олсона попадают только экономические отношения, которые он описывает главным образом с точки зрения рациональных, эгоистических характеристик

членов группы, планирующих совершить коллективное действие. Впрочем, автор упоминает о наличии и других типов коллективного действия, но выносит их за скобки своего изучения, так как они не соответствуют правилам сугубо экономических отношений: «Альтруизм считается исключением, а эгоистическое поведение обычно — правилом, по крайней мере, когда дело касается экономических вопросов» (Олсон 1995: 3). И действительно, как отмечает Дуглас Норт, модели экономической теории не способны на исчерпывающее объяснение поведения агентов в группах: «Очевидно, что человеческое поведение гораздо сложнее того, которое описывают экономисты в своих моделях, опирающихся на функцию индивидуальной полезности. Во многих случаях следует говорить не только о максимизации личной выгоды, но и об альтруизме и самоограничении, которые радикально влияют на результаты выбора индивида» (Норт 1997: 37).

Интересы членов группы, планирующих совершить коллективное действие, в теории М. Олсона, основаны:

- на мотивах выгоды от полученного в итоге коллективного блага;
- на оценке соотношения вносимых в общее дело усилий.

М. Олсон также делает важное для нас замечание относительно соотношения эгоистичного и коллективистского типов поведения в группе и устойчивости групп, состоящих из членов, которые ставят индивидуальные цели превыше общегрупповых: «Если участники большой группы рациональным образом пытаются максимизировать свое индивидуальное благосостояние, они не станут прилагать никаких усилий для достижения общегрупповых целей до тех пор, пока на них не будет оказано давление или каждому из них не будет предложен индивидуальный мотив к подобному действию, не совпадающий с общим интересом группы, мотив, реализуемый при условии, что члены группы возьмут на себя часть издержек по достижению общей цели» (Олсон 1995: 4). Сходную мысль высказывает и Ховард Марголис, разработавший теоретическую модель, в которой действие индивида во благо своей груп-

пы может быть детерминировано альтруистическими мотивами. Х. Марголис говорит о двух видах функций полезности для индивидов, находящихся в группе, планирующей совершить коллективное действие: благоприятствующие предпочтениям, ориентированным на группу, или же эгоистическим предпочтениям. Перед индивидом стоит выбор между этими опциями (Margolis 1982).

Тем не менее, локальным сообществам, по крайней мере, в контексте отстаивания своего «права на город» (Lefebvre 2003: 12—16) и защиты своего пространства от действий, которые согласно градостроительным решениям реализуют власти и представители строительного бизнеса, необходимо привлечь к коллективному действию как можно большее количество участников. Характерно то, что состав групп, члены которых включены в отношения соседства, зачастую является гетерогенным, а, следовательно, разные акторы в них имеют в сложившихся конфликтных ситуациях различные цели, интересы, стратегии поведения и т. д. Указанные факторы, такие как гетерогенность социального состава сообщества и необходимость привлечения в группу наибольшего количества участников в случае особенно острых, конфликтных, критических ситуаций, могут препятствовать консолидации локального сообщества. Именно поэтому М. Олсон упоминает о преимуществах малых групп в достижении поставленных целей путем коллективного действия: «В малых группах возможно добровольное содействие индивида продвижению цели группы; однако в большинстве случаев оно прекратится быстрее, чем достигнет оптимального для группы уровня. Если мы рассмотрим вклад каждого из индивидов в достижение общей цели, то обнаружим интересную тенденцию к "эксплуатации" большинства меньшинством» (Олсон 1995: 6). Однако, как было показано на примере теории Х. Марголиса, коллективное действие в большой группе может быть обусловлено альтруистическими мотивами, а не только внешним принуждением или эгоистическими побуждениями.

Повторим, что коллективное действие (как и любое другое) предполагает нацеленность на получение неких благ после его завершения. В исследуемом нами случае эти блага будут являться общественными (или коллективными), а именно «такими благами, (которые) будучи произведенными, доступны для использования всеми членами коллектива или общества в целом» (Девятко 2003: 244).

Далее мы рассмотрим на эмпирическом материале в сравнительной перспективе два случая самоорганизации локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства: (1) ситуацию защиты локальными активистами Сергеевского квартала от предполагаемого сноса и реновации территории и (2) случай отстаивания дома Юргенса от сноса и строительства на его месте бизнес-центра или отеля. Необходимо подчеркнуть, что ситуации «агрессивного» городского планирования как в центре Санкт-Петербурга, так и на его периферии (снос зданий, уплотнительная застройка, вырубание зеленых насаждений), начиная с 2000-х гг., стали достаточно типичным явлением. Между тем, зачастую не в каждой подобной ситуации локальные сообщества готовы консолидироваться и выступить против градостроительных решений властей. Еще более нетипичными ситуациями являются случаи удовлетворения требований горожан. Критериями выбора ситуаций в данной статье послужили следующие параметры: тип угрозы городскому пространству — снос зданий; местонахождение оспариваемого городского пространства — в пределах центральной части Санкт-Петербурга; требования локальных сообществ — прекращение агрессивного девелопмента. Важным параметром при выборе этих двух случаев также выступила успешность борьбы локальных сообществ против реализации градостроительных планов сильных групп интересов.

Общим критерием отбора кейсов послужил выбор в пользу случаев оспаривания местными сообществами городского пространства на локальном уровне, то есть нас интересуют прежде всего объединения типа «*NIMBY (not in my backyard* — «только не в моем дворе») — выступления против размеще-

ния в своем районе того, что они считают опасным и вредным. Между тем, подобные активисты не возражают против возведения аналогичных объектов в других местах (Hubbard 2005: 52). Отличительной чертой таких объединений является то, что они «как правило... приобретают опыт политического участия непосредственно в ходе протестных действий» (Белокурова, Воробьев 2010). В таких ситуациях горожане озабочены защитой «собственной», то есть по тем или иным основаниям (через практики памяти, пользования, преобразования и т. д.) «присвоенной» ими территории, являющейся значимой в их регулярном повседневном опыте. Поэтому в фокус нашего внимания не попадают случаи оспаривания городского пространства, не связанного с непосредственным повседневным использованием представителями локальных сообществ: защита территорий, в том числе имеющих историческое, культурное, архитектурное значение, не являющихся местом проживания слабых групп интересов (например, Дом Писателя на Невском проспекте); протесты против строительства высотных зданий (например, проект по возведению Охта-Центра на Невской губе).

Случай 1. «Сергиевский квартал»

Сергиевский квартал расположен в исторической черте Санкт-Петербурга напротив Летнего сада и ограничен набережной реки Фонтанки, набережной Кутузова, улицей Чайковского и улицей Гагарина. Важной характеристикой этой городской территории является ее общепризнанная историческая ценность: некоторые здания имеют статус памятников и построены по проектам известных архитекторов: особняк графа А. Г. Кушелева-Безбородко (архитекторы — И. П. Скотти, Л. В. Глама, Р. Р. Генрихсен, интерьеры выполнены Н. Л. Бенуа), особняк А. Г. Алексеева (архитектор — А. К. Гаммерштедт).

В марте 2008 г. после приобретения крупным инвестором ООО «Невское» здания на улице Гагаринской, дом 1/24, среди жителей квартала распространились слухи о скором сносе жи-

лых домов и выселении всех жильцов в другие районы города¹. Инвестор получил в распоряжение здание, ограничивающее оспариваемую территорию со стороны Гагаринской улицы, для реставрации и создания нового объекта туристической инфраструктуры — отеля класса «люкс». Сначала горожан обеспокоило предположение о том, что если в ходе ремонта перекупленного здания начнут вбивать сваи, то все расположенные рядом строения дадут трещины и будут объявлены аварийными, так что, в конечном итоге, жильцы будут выселены: *«Конечный пункт у нас — защитить свое имущество. Это тоже форма насилия, нас хотят отсюда выселить»*². Это беспокойство усилилось, когда жильцам стала доступна схема временного регламента застройки квартала, действительно предполагавшая снос ряда зданий и новое строительство: помимо официально объявленной реставрации здания по ул. Гагаринской, дом 1, планировалось снести жилые постройки и возвести новые многоквартирные здания и бизнес-центр³.

С целью защиты данного участка городского пространства от возможного сноса жильцы, заинтересованные в сохранении квартала, организовали инициативную группу. В условиях неопределенности, которая нарушила режим привычного пользования территорией квартала (оставалось неясным, будет ли действительно осуществлен снос), инициативная группа избрала в качестве основной стратегии защиты своей городской территории рамку действия «выход» (при возможности выбора между «протестом» и «выходом» (Хиршман 2009). Жильцы поставили своей целью смену государственной формы собственности на жилые постройки и землю по периметру зданий на альтернативную в виде «товарищества собственнико жилья» (ТСЖ), что позволило бы защитить квартал от сноса: *«Для того чтобы блокировать ситуацию, нужно исключить пункт по передаче управления нашим имуществом. Многие из вас решение*

¹ Протокол наблюдения № 2 от 27.03.2008.

² Интервью № 2 от 27.03.2008. Женщина.

³ Протокол наблюдения № 3 от 28.03.2008.

уже видели, и его надо подписать. Ниже: мы даем им срок — год. Поскольку каждый из нас как физическое лицо подписывает с ЖилКомСервисом, когда мы создаем ТСЖ, мы становимся юр. лицом... Далее, мы уже в рабочем порядке создаем ТСЖ, поскольку приватизация земли имеет возможность быть и без создания ТСЖ... При этом ТСЖ автоматом... эээ... получаешь приватизацию земли, автоматом. Для этого нам нужно создать ТСЖ, поэтому поймите...»¹.

Для реализации действий в рамках стратегии «выход» активисты воспользовались наиболее распространенным в этом контексте инструментом легитимации выбора такой стратегии действий — апелляцией к административно-бюрократическим ценностям. Пытаясь собрать наибольшее количество голосов в пользу создания товарищества собственников жилья, члены инициативной группы распространяли среди представителей локального сообщества бланки голосования в пользу новой формы собственности, а также раздавали листовки с подробным описанием процедуры вступления в ТСЖ. Однако для реализации заявленной цели необходимо было осуществить ряд сложных операций: оперативно составить заявления, приватизировать жилье, собрать и перечислить средства на приглашение адвокатов и т. д.

На данном этапе организации акции протеста против реконструкции двора и сноса зданий среди жильцов происходили локальные (на уровне соседских отношений) переговоры по поводу сложившейся проблемы. Таким образом, можно заключить, что локальное сообщество на данном этапе развития конфликта находилось в движении от латентной стадии группой динамики к «полуорганизованной»: происходило осознание общих групповых целей и потребностей при отсутствии организации и распределения функций.

Любые единодушные решения и действия жильцов оказались невозможными из-за социально и культурно гетерогенного состава соседского сообщества, параметрами которого

¹ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 3.

выступили: различные формы собственности на квартиры, владение всей площадью квартиры или только их частью, конфликты возрастных групп жильцов, выраженное неравенство социально-экономического статуса домохозяйств и т. д. В результате многие отказались от активного участия в решении возникшей проблемы, и перед активными жильцами встала, в терминах М. Олсона, многомерная дилемма «N-персон», а именно «дилемма безбилетника» («free rider problem») (Де-вятко 2003: 244—245.): *«На Тавригеской вчера люди высыпали, но им уже ничего не остается, их все равно выселят. Они будут орать, биться, потому что дом все равно объявили аварийным»¹; «Нас и так много, и так все без нашего участия решат»².*

Пассивность жильцов активные члены сообщества объясняют отсутствием инвестиций, усилий и т. д., приложенных людьми для получения блага — собственной квартиры от которых зависит ответственность за защиту данного ресурса: *«Те, кто полутили от государства квартиры в 80-х годах, т. е. не купили их, не хотят предпринимать никаких усилий, безвольные, безынициативные, они не вложились, а моя подруга купила квартиру и хочет здесь жить»³.*

Более того, некоторые представители локального сообщества осуществили прагматичный выбор «рамки неучастия» — опции «лояльность», которая была призвана помочь им получить жилье в другом районе и, тем самым, возможно, улучшить бытовые условия. В этом случае мы можем говорить об обращении к режиму прагматичного, рационального планового действия в рамках «лояльности», легитимированного обращением к административно-бюрократическим ценностям: *«Я тут живу в старой коммуналке вот в том доме. Все прогнило, потолок течет. От этого можно устать, вы же понимаете. Я бы согласилась разменяться и на Колпино, и на другой спальный район, лишь бы больше этого не видеть никогда»⁴.*

¹ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Женщина 1.

² Интервью 3. Информант 1.

³ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 2.

⁴ Интервью 4. Женщина.

Для реализации опции выход локальным активистам требовалось привлечь как можно большее количество жильцов с целью набрать необходимое количество голосов (около 2/3) для вступления в ТСЖ. Реализация этой стратегии не дала ожидаемых результатов. Это произошло, в том числе, и по причине отсутствия необходимого для подобного типа действия доверия между жильцами. Вследствие этого активисты приняли решение провести собрание во внутреннем дворе квартала для прояснения сложившейся ситуации и выработки плана дальнейших действий.

Социальными условиями, в контексте которых жители квартала были вынуждены отстаивать свое право на реализацию градостроительных решений на оспариваемом участке городского пространства, выступили: ограниченность во времени: создать ТСЖ было необходимо в короткий срок — до 1 мая 2008 г. (дата начала запуска проекта по реновации Сергиевского квартала); неопределенность: на тот момент жильцы имели лишь «Временный регламент застройки», комментарии со стороны инвестора-застройщика отсутствовали; большой размер квартала; гетерогенный состав жильцов, превышающий размеры микрогруппы.

Активистки и несколько других представителей локального сообщества Сергиевского квартала выступили перед собравшимися с призывами одобрить действия инициативной группы в рамках опции «выход» и отклонить попытки жильцов, пытающихся реализовать иной вариант опции «выход», а именно осуществить быструю продажу своей недвижимости: *«Те, кто думают, как бы сейгас быстренько квартиру продать, на уши встать — до свидания!»*¹.

Также активисты выразили недоверие безучастным к решению проблемы жильцам, придерживающимся пассивной стратегии «лояльности» действиям сильных групп интересов. Как говорилось в листовке, которую члены инициативной группы распространяли среди жильцов: *«Если хотите остаться жить*

¹ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Активистка 1.

в этом престижном квартале, нужно СРОЧНО создавать Товарищество собственников жилья (ТСЖ). Не отсиживайтесь, берите инициативу в свои руки. Не будьте пассажирами! Пока везти некому!»¹

Необходимо отметить, что представители локального сообщества, которые придерживались лояльности к действиям сильных групп интересов и отказывались следовать опции «выход», предложенной активными членами инициативной группы, легитимировали свою позицию тем, что активисты хотели извлечь индивидуальные выгоды: *«Эти женщины хотели из-за этого ора, который поднялся тут у нас, сообразить Товарищество собственников, которое было нужно только им, а остальным бы обернулось большими проблемами потом. Снос — это был лишь такой предлог»².*

В целях солидаризации и самоорганизации остальных жильцов активные члены локального сообщества обратились к опции «протест», в контексте которого использовали широкий спектр легитимаций. Одной из самых распространенных и, по всей видимости, наиболее эффективных (в глазах активистов) стратегией выступила именно стратегия организованного действия в рамках легального порядка и соответствующая апелляция к административно-бюрократическим ценностям: *«Я предлагаю вот что: за все, что здесь происходит, кричать нам можно только друг перед другом, но это не будет слышно никому. Конегтно, знагит, приходить надо, но конгится это затяжной борьбой, наверное, терез суд и так далее»³.* Также жители квартала предпринимали различного рода попытки активизации опции «протест»: писали письма-жалобы в администрацию города и собирали подписи под коллективными протестными обращениями в различные правозащитные инстанции, однако данная стратегия имела низкую эффективность.

¹ Рисунок 3. Личный архив исследователя.

² Интервью 9. Девушка.

³ Протокол наблюдения № 6 от 30.03.2008. Женщина 3.

При постепенном переходе от опции «протеста» к опции «выход» произошло снижение уровня публичной активности представителей локального сообщества: они больше не собирались во дворе и не приглашали прессу.

Как было отмечено выше, у жителей квартала была потенциальная возможность обратиться к опции «выход»: выбрать альтернативную форму собственности, отличную от государственной, создав ТСЖ. Это позволило бы жильцам приватизировать придомовую территорию и, тем самым, защитить квартал от сноса. Большая часть квартир в Сергиевском квартале была не приватизирована, часть из них являлись коммунальными квартирами, некоторые жильцы пенсионного возраста легитимировали свой отказ оформления и регистрации необходимых документов отсутствием денежных средств: *«...приватизация квартир тоже бесплатна. В прошлом году... Бесплатна? Четыре тысячи заплатила моя соседка за бумажки! Вы приватизируете: нотариус — бумажка, дверь открыли — бумажка! С кого деньги?»*¹.

Данное обстоятельство повлияло на то, что жильцам так и не удалось в ограниченные сроки (до мая 2008 г.) создать ТСЖ. Для реализации стратегии «выход» локальному сообществу было необходимо собрать не менее 50% подписей всех жильцов квартала, что было проблематично, поскольку большинство придерживалось опции «лояльности»: либо пассивно принимая решения властей, либо желая получить от реализации этого решения специфические выгоды.

Консолидация локального сообщества Сергиевского квартала произошла в контексте неопределенности относительно градостроительных планов в отношении данной городской территории. Отсутствие необходимой информации инициировало действия жильцов в соответствии с теоремой определения ситуации Уильяма Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»

¹ Интервью 4. Женщина.

(Thomas 1928: 572). Так, представители локального сообщества Сергиевского квартала определили ситуацию как кризисную и обратились к различным стратегиям: как защиты территории от сноса, так и получения возможных выгод от сложившейся конфигурации условий (получение жилья в другом районе города).

Жильцы Сергиевского квартала имели возможность выбора активных действий между опциями «протест» и «выход». Члены инициативной группы приняли решение о защите квартала от сноса, обратившись к стратегии «выход» — посредством создания ТСЖ, которое бы перевело оспариваемую территорию в собственность жильцов и, тем самым, защитило бы квартал от возможной реновации. Однако из-за социально гетерогенного состава жильцов, различного типа собственности на недвижимость, а также больших размеров локального сообщества выбранная стратегия не имела успеха. Параллельно опции в виде образования ТСЖ существовала конкурирующая стратегия «выход», которая предполагала быструю продажу квартир в данном квартале. Стратегии «выход» в наибольшей степени соответствуют легитимации, предполагающие апелляцию к административно-бюрократическим ценностям.

В сложившейся ситуации активисты, ратующие за создание ТСЖ, инициировали собрание жильцов квартала, на котором они оправдывали выбор именно такой стратегии защиты оспариваемой городской территории, и обратились к опции «протест», необходимой для самоорганизации жильцов, их консолидации и повышения уровня доверия, а также легитимации действий перед сильными группами интересов и СМИ (режим публичного оправдания).

Краткий всплеск активности жильцов (митинги, предложение создать праздник квартала, сотрудничество с «Живым городом» и т. д.) сменился апатией, что свидетельствует о том, что локальное сообщество Сергиевского квартала являлось flash-community, самоорганизовавшимся в ответ на внешнюю угрозу и распавшимся при ее исчезновении. Поэтому можно заключить, что групповая динамика сообщества охватила ста-

дии латентной и полуорганизованной группы но, так и не достигнув организованной стадии, вернулась на прежний латентный уровень.

Случай 2. «Дом Юргенса»

Дом Юргенса находится в центре Санкт-Петербурга на улице Жуковского, дом 19. Здание представляет собой трехэтажный особняк с прилегающим к нему дворовым флигелем. Дом был построен в 1865 г. по проекту архитектора Э. Г. Юргенса. После возведения здания архитектор принял решение поселиться в нем вместе с семьей. В настоящий момент Дом Юргенса не обладает признанной экспертами архитектурной ценностью. Тем не менее, он имеет, по мнению защитников здания, историческое значение, являясь образцом типовой малоэтажной застройки Санкт-Петербурга XIX в.

Представители фирмы-застройщика ООО «Луксор» купили все квартиры в доме и планировали снести здание в 2010 г., чтобы построить на месте трехэтажного особняка пятиэтажное кредитно-финансовое учреждение или гостиницу. ООО «Луксор» удалось получить постановление об аварийности здания и разрешение на его снос. Это вызвало протестную активность представителей локального сообщества — жителей близлежащих к дому Юргенса домов № 17 и 21. Постановление было оспорено вице-губернатором Санкт-Петербурга И. М. Метельским, который по просьбе градозащитных организаций осмотрел дом и не нашел признаков необратимой аварийности, а также депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга С. А. Малковым в его в депутатском запросе в Прокуратуру города¹.

Жители локального сообщества предприняли защитные действия в связи с разрушением близлежащего здания, а именно привычного, повседневного режима использования городского пространства: *«Я знаю 19 двор и дом, как свои, там жили наши знакомые, как свои пять пальцев. Затем вы разруша-*

¹ Интервью 8. Женщина.

ете то, к чему мы привыкли» (http://piter.tv/event/Snosit_nel_zya_ostavit). Тип оспариваемого пространства не позволил жильцам осуществить действия в рамках опции «выход» — сменить субъекта принятия решений по поводу судьбы дома Юргенса (из-за отсутствия прав собственности на здание). Поэтому они были вынуждены обратиться к опции «протест» (Хиршман 2009).

Представители слабых групп интересов обратились к легитимным протестным действиям: они совершали телефонные звонки в различные инстанции (в муниципальный округ, управляющую компанию, администрацию города), составляли коллективные письма губернатору В. И. Матвиенко, а также в администрацию района, собирали подписи против сноса здания. По мнению активных представителей локального сообщества, подобные действия должны выступать в качестве наиболее эффективных инструментов борьбы:

«Нам надо письма уже какие-то общие писать. Чтобы больше подписей было и чтобы все-таки они были как-то... То есть, если у вас что-то там появится, то просто сообщайте. Мы будем просто подписываться под вашими обращениями»¹.

Однако эти действия имели низкую эффективность:

«В результате, значит, как нам сказали во всех инстанциях: мы с мая месяца, мы, жильцы дома 17, пишем во все инстанции, начиная с Матвиенко и кончая более низкими инстанциями. Вы знаете, кроме отписки нам никто ничего, кроме... Вот, частный владелец квартир в этом доме имеет право делать все, что он хочет. Значит, в результате мы оказались в бесправовом пространстве»².

Защитники дома Юргенса подчеркивают преимущества действий инвестора в рамках легальных путей борьбы:

«То есть здание, построенное до 1917 года. Казалось бы, ну, должно, должно защитить. Но, тем не менее, нашлась прореха. Это также положение в этом же законе, которое говорит

¹ Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010.

² Интервью 5. Женщина.

о том, что если аварийность не устранима, то тогда здание можно снести. И здесь мы подошли к основной проблеме: никто не решает, устранимая аварийность или не устранимая. Никто этот вопрос даже не рассматривает»¹.

Данная ситуация заставила членов локального сообщества обратиться за помощью к депутату Законодательного собрания Санкт-Петербурга коммунисту Сергею Малкову, а также знаменитым публичным персонам (режиссеру А. Н. Сокурову) и приступить к активным продолжительным публичным акциям протеста. Данные акции проходили как непосредственно у дома Юргенса, так и на митинге в защиту особняка, который был организован движением «Живой город» и состоялся 16 октября 2010 г. неподалеку от ул. Жуковского в сквере Маяковского.

Необходимо подчеркнуть, что жильцы изначально действовали согласно логике объединений NIMBY (Hermansson: 23—24): самостоятельно предпринимали протестные действия против потенциального сноса дома Юргенса, не обращались к другим инициативным группам и градозащитным движениям. Между тем, в процессе отстаивания здания от потенциального разрушения локальные активисты пришли к необходимости создания сетей с другими инициативными группами в городе с целью обмена информацией и опытом:

«Все больше и больше горячих точек в нашем городе. Везде какие-то инициативные группы. Люди пытаются бороться за свои права, за свои дома, за свои скверы, за свои гаражи. И слава Богу, что есть люди, которые пытаются объединить усилия разных разрозненных групп, чтобы как-то защищать наши права вместе»².

Однако, убедившись в низкой результативности подобных действий, они избрали стратегию объединения с градозащитными организациями города: «Движением гражданских ини-

¹ Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Активист «Живого города».

² Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Андрей Воронцов. Активист «Живого города».

циатив» и «Живым городом», «Автономным действием» и «Организацией по охране памятников и архитектуры». В некоторых случаях часть представителей локального сообщества выражала готовность переложить ответственность за борьбу против сноса на самую активную из организаций, защищающую от угроз здания, представляющие объекты культурного наследия, — «Живой город». Данные действия не получили поддержки у подовляющего большинства членов локального сообщества и представителей других инициативных групп:

Ж. 1: Так что вот, мы ждем и от этого митинга, и от движения «Живой город» одного результата — чтобы нам помогли.

Ж. 2: Мы должны объединяться, а не ждать от кого-то, pomáhаете?

Ж. 3: Любой может оказаться в таком же положении.

Ж. 2: Да, а чего ждать?»¹

Борцы за сохранение дома Юргенса посчитали эффективным обратиться к представителям других локальных сообществ (защитникам сквера на Ивана Фомина, дома № 112 на Невском проспекте, фермы Бенуа, площади Мужества, представителям движения «Охтинская дуга»), чтобы создать сети для обмена эффективным опытом консолидации и оспаривания городского пространства от градостроительных инициатив сильных групп интересов:

«Друзья, товарищи, надо объединяться. Вот, сегодня опубликовали первые данные о двух днях переписи населения. Уже переписано 6% населения города. Вот, если бы эта 6% населения города пришла вместе, объединилась, и это дало бы власти понимание, что действительно люди озабочены тем, что происходит в городе. И тогда, тогда они уже задумаются, как в следующий раз... Колокол уже прозвенел. И тоже здесь подсказка в том, что если большое количество людей объединяются, то, значит, что это-то здесь определенное недовольство действиями властей»².

¹ Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010.

² Протокол наблюдения № 2 от 16.10.2010. Защитник сквера на Ивана Фомина.

Часть жильцов соседних дому Юргенса домов отказались участвовать в протестных инициативах активных представителей локального сообщества, тем самым придерживаясь опции «лояльность». В качестве причин подобной пассивности можно выделить:

- «проблему безбилетника», в терминах М. Олсона (Олсон 1995): *«Рано или поздно его все равно бы захватили бы, разрушили. Там кто-то борется, кричит. Если у них получится, не скрою, рада буду. А вообще некогда»*¹.
- наличие альтернативного жилья, позволяющего переехать в случае угрозы разрушения здания из-за сноса дома № 19: *«А у нас есть люди, которые имеют комнату в коммунальной квартире и живут. А отдельную квартиру они сдают в другом месте. Чего им волноваться? Какую-то компенсацию они получат, потом переедут в отдельную квартиру»*².

Локальное сообщество защитников дома Юргенса в ходе самоорганизации перешло от латентного уровня групповой динамики к полуорганизованной группе с формированием альянсов с градозащитными движениями города и иными инициативными группами по локальному оспариванию городского пространства. Тем не менее, в связи с исчерпанием причины конфликта (в виде отмены сноса здания), так и не достигнув уровня институционализированного сообщества, коалиции защитников дома Юргенса, как и само локальное сообщество жителей близлежащих домов, вернулись на латентную стадию групповой динамики.

Консолидация локального сообщества защитников дома Юргенса (жителей близлежащих к дому домов) происходила в условиях отсутствия возможностей обращения к опции «выход», предполагающей смену субъекта принятия решений относительно судьбы здания. Причиной, по которой защитники не смогли воспользоваться ресурсами стратегии «выход», по-

¹ Интервью 6. Женщина.

² Интервью 9. Женщина.

служил тот факт, что члены локального сообщества не обладали правами собственности на здание и даже не являлись его жильцами. В данном контексте активные жильцы соседних домов были вынуждены обратиться к опции «протест». Изначально в рамках выбранной опции жильцы проявляли недовольство разрешением на снос дома Юргенса, действуя в режиме планового действия. Попытки жильцов соседних домов легальным образом разрешить возникшую проблему оказались неэффективными. Отсутствие возможности «выхода» и сложности с реализацией планового действия подтолкнули членов локального сообщества к поиску медиаторов в коммуникации между сильными и слабыми публиками (Fraser 1992), а также приступить к открытым акциям сопротивления. Посредниками выступили лоббисты интересов жильцов соседних с домом Юргенса домов, лоббисты в лице публичных персон и представителей власти, а также градозащитные движения. Представители локального сообщества стали вступать в коалиции с иными инициативными группами с целью создания сетей по консолидации усилий и обмену опытом оспаривания городского пространства с позиции слабых групп интересов.

При снижении эффективности обращения к режиму легального решения проблемы произошло увеличение публичности протестных инициатив. Однако как только использование административно-бюрократического ресурса привело к желаемому результату, произошел спад публичных акций коалиций защитников дома. В ходе разворачивания процесса оспаривания локальное сообщество перешло от латентной стадии групповой динамики к полуорганизованной группе. После исчезновения угрозы сноса здания сообщество вернулось на первоначальную стадию групповой динамики, так и не сформировав организованную группу.

Заключение

Рассмотрев два случая оспаривания городского пространства локальными сообществами Санкт-Петербурга, можно сделать вывод о том, что определяющим фактором, задающим

весь последующий репертуар инструментов борьбы, выступает наличие или отсутствие возможности обратиться к опции «выход» — сменить делегированного субъекта принятия решения относительно судьбы городской территории. Так, представители локального сообщества Сергиевского квартала изначально избрали действия в рамках опции «выход» как наиболее эффективный инструмент защиты территории от сноса — в виде создания ТСЖ, что обусловило дальнейший выбор инициативных жильцов в пользу реализации этой стратегии в рамках установленного легального институционального порядка. Тогда как представители локального сообщества, защищающие от сноса дом Юргенса, такой возможности не имели в виду отсутствия прав собственности на здание, поэтому были вынуждены в первую очередь обратиться к публичному протесту и наладить сетевые взаимодействия с градозащитными организациями и успешными инициативными группами города.

Случай защиты дома Юргенса является уникальным, поскольку в данной ситуации на сторону горожан встал один из представителей сильных групп интересов — вице-губернатор, который смог повлиять на положительный для локального сообщества исход события. Это стало возможным, в том числе, и потому, что члены местного сообщества выбрали путь самоорганизации сообщества путем выстраивания внешних сетевых связей с другими успешными инициативными группами и градозащитными объединениями. Подобный тип действий по консолидации горожан и градозащитников привел к широкому медийному обсуждению конфликта, что, в конечном итоге, и привело к сотрудничеству с вице-губернатором.

Ситуация, возникшая в Сергиевском квартале, является типичной и уникальной одновременно. Так, достаточно частым явлением в Санкт-Петербурга выступает отсутствие информационной поддержки горожан относительно градостроительных планов сильных групп интересов. Подобный информационный вакуум является мощным катализатором возникновения случаев оспаривания городского пространства в ситуации, когда, потенциально, угрозы этому пространству не существует.

Уникальность же выбранного кейса, в прочем, как и защиты дома Юргенса, заключается в том, что требования горожан были, так или иначе, удовлетворены (с учетом того, что ни локальным активистам, ни исследователю не были доподлинно известны изначальные градостроительные планы сильных групп интересов).

Источники

- Белокурова Е., Воробьев Д. Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70) // <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/be8.html>.
- Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
- Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 125–133.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
- Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997.
- Хиришман А. О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.
- Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 20–30-е годы). СПб: Европейский университет в СПб., 2006.
- Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Habermas and the Public Sphere. Cambridge: MIT Press, 1992.
- Hermansson H. The Ethics of NIMBY Conflicts // Ethical Theory and Moral Practice. Vol. 10. № 1.
- Hubbard P. Accomodating otherness: anti-asylum centre and the maintenance of white privilege // Transaction of the institute of British Geographers. 2005. № 30.
- Lefebvre H. The Right to the City // The Blackwell City Reader / Ed. by G. Bridge & W. Sophie. Oxford: Blackwell, 2002.
- Margolis H. S. Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Mitchell D. The right to the city: social justice and the fight for public space. New York: Guilford Press, 2003.

Snow D. A. Social Movements as Challenges to Authority: Resistance to an Emerging Conceptual Hegemony. Paper presented at Authority in Contention Conference, Notre Dame University, 2002.

The anthropology of space and place: locating culture / Ed. by Setha Low and Denise Lawrence-Zuniga. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2003.

Thomas W. I., Thomas D. S. The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928.

А. Н. Ирецкий

**ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ**

Социальные и экономические процессы в современной науке определяют будущее государств и регионов. Снижение продуктивности научного сообщества, замедленное освоение инноваций, деградация системы воспроизводства научных кадров в университетах и научных школах способны резко снизить конкурентоспособность и безопасность любого государства. Угрозы для благополучия науки порождают распространение псевдонауки, снижение общей научной культуры населения.

Эта проблема стоит не только перед российским научным сообществом. «Маргинальная» и «псевдонаука», в частности в вариантах «постмодернистской философии», завоевала какую-то часть публичного пространства. Распространению этого влияния некоторые авторы, например, Э. П. Кругляков, А. Сокали, Ж. Брикмон (36), довольно успешно противодействуют. Настоящая статья рассматривает генезис и распространение псевдонауки как социального явления, на примерах из истории институтов отечественной «психологии» и «психотерапии».

Ключевые слова: псевдонаука, наука, история институтов, психология, психотерапия, анализ.

В индивидуальном плане «наука есть лучший способ удовлетворения любопытства за государственный счёт» (Л. А. Арцимович). «Как социальное явление, современная наука вы-

ступает, прежде всего, как “механизм” для получения и распространения нового научного знания» (Инге-Вечтомов С. Г. 2010). Все строго научные теоретические модели дают описания и прогнозы, эффективные в ограниченном диапазоне условий. Противостоящие науке мифы имеют неограниченную сферу приложения: «Миф — очень простое объяснение всего» (Быков В., TV-интервью 2000 г.). Реальная эволюция любой современной научной дисциплины (исключая «чистую математику») и накопление нового знания возможны только при одновременном наличии пяти процессов:

1. Поиск неизвестных ранее эмпирических фактов, которые расходятся с предсказаниями принятых теоретических моделей.
2. Формирование новых теоретических моделей, непротиворечиво описывающих комплекс старых и новых эмпирических данных.
3. Поиск более экономных вариантов описания для сформулированных научных идей.
4. Уточнение границ, в которых эффективны принятые теоретические модели и интеллектуальные стратегии.
5. Освобождение от предрассудков, заблуждений и «балласта».

Научная школа, как особая социальная подсистема науки, сохраняет жизнеспособность при непрерывном самосовершенствовании (т. е. при постоянном освобождении от «балласта», от заблуждений и предрассудков). Без этого научная школа перерождается в заповедник тайного ремесла, в хранилище схоластических «сумм» и квази-религиозных истин. Некоторые «как бы психологические науки» (психоанализ, онто-психология, эниология, акмеология) исходно функционировали как рафинированные искусства, в которых неуместно применять всякие позитивистские критерии научной состоятельности (универсальность, логическая непротиворечивость, симметричность и транзитивность моделей, принцип фальсификации). Теоретическим оправданием «искусства» служат мифы и тавтологии, не опровержимые логическими доводами. Рас-

пространителями психологических и психотерапевтических мифов и «искусств» служат секты, предъявляемые в качестве «научных школ».

Если рассмотреть воздействие переходов научно-технических специалистов в иные сферы деятельности, то «транс-дисциплинарная миграция» специалиста из одной *научной* области в иные дисциплины всегда сопровождается переносом концепций и интеллектуальных стратегий и практик, накопленных одной областью научного знания, в иные сферы исследований. При этом можно производить ускоренное уточнение границ, в которых эффективны признанные стратегии и средства научного поиска, быстрее распространять более экономные варианты организации, анализа и описания эмпирических данных.

В XIX в. химик Пастер и физики братья Веберы обогатили медицину и физиологию, медики Генрих Гельмгольц и Роберт Майер внесли существенный вклад в формирование термодинамики. Математик Н. Винер, исследуя системы автоматического управления в технике, в общении с физиологами стал «отцом» синтетической науки — кибернетики. В российской науке XX в. профессиональные философы С. Л. Рубинштейн, А. С. Кармин и И. С. Кон, математик и логик В. А. Лефевр обогатили отечественную и мировую психологию.

В таком варианте *«транс-дисциплинарной миграции»*, когда высокие профессионалы распространяют свои исследования на иные сферы, происходит взаимное обогащение научных дисциплин, и в традиционных науках формируются новые области и направления научного исследования (кибернетика, биофизика, бионика, биомедицинская электроника и информатика, синергетика). Такие варианты переходов специалистов из одной научной или технической сферы в иную, не всегда оформляемые административными актами, и со значительным опозданием фиксируемые традиционной статистикой, мы будем обозначать термином *«оптимальная транс-дисциплинарная миграция специалистов»*.

В России конца 80-х и начала 90-х гг. происходило падение промышленного производства и сокращение запросов на инженерные, технологические и научные инновации, снижалось реальное финансирование НИР в прикладной и фундаментальной науке, что вызвало массовую миграцию дипломированных специалистов в радикально отличные сферы деятельности (политика, торговля, мелкий производственный бизнес, бытовой сервис). Нужно учесть не только предшествующий низкий уровень оплаты их труда, при прогрессирующем технологическом отставании хозяйства, низкой скорости освоения собственных инноваций и низкой инновационной активности специалистов (менее одного изобретения в год на одного дипломированного инженера), со снижением рейтингов отечественных публикаций по многим дисциплинам (с небольшим числом исключений), то положение значительной доли научных и инженерных работников в конце 80-х годов справедливым будет назвать *скрытой безработицей*. Переход именно этой части малопродуктивных работников из положения «скрытых от статистики безработных» в сектор реального производства товаров и услуг, даже если он сопровождался формальным снижением профессионального и социального статуса, будем называть *нейтральной профессиональной миграцией научно-технических работников*.

В немногих случаях исключительно талантливый человек полностью оставляет научную или техническую профессию, и его таланты реализуются, к примеру, в искусстве. Медика Франсуа Рабле и полкового врача Фридриха Шиллера большинство наших современников знает только как литераторов. Александр Розенбаум, недолго поработав врачом скорой помощи и сезонным рабочим в геологической партии, стал эстрадным автором-исполнителем, а затем и депутатом-законодателем + «почётным доктором медицины» + бизнесменом. Этот вариант, как исключительно редкий, можно оставить вне рассмотрения.

«Наука есть интернациональная часть национальной культуры» (Инге-Вечтомов С. Г. 2000). Поэтому часть научных

и инженерных работников с высоким профессиональным потенциалом с конца 80-х гг. эмигрировала, и некоторая их доля весьма успешно функционирует в основной или смежной профессиональной области («физическая утечка мозгов»). С середины 90-х гг. увеличивается число наших инженерных и научных специалистов, служащих зарубежным компаниям и организациям в режиме «аутсорсинга», физически пребывая в России или в государствах СНГ, в Чехии, Индии и пр. Множество проблем и возможных негативных и позитивных следствий, порождаемых маятниковой и постоянной «утечкой мозгов», также оставлены вне настоящего рассмотрения.

Основное внимание в настоящей публикации уделим *патологическому варианту транс-дисциплинарной мобильности инженерных и научных работников*, когда переход специалистов (вооружённых интеллектуальным багажом, навыками и стратегиями) из одной научной области в другую, сопряжён с ущербом для дисциплины-«рецептора». Наше исследование, не претендующее на полное объяснение процессов, включает описание истории (*anamnesis morbi*), констатацию настоящего положения (*status praesens*) и уточнение предполагаемых механизмов, вовлечённых в формирование «патологии» (*pathogenesis*).

В силу собственных профессиональных предпочтений и особенностей профессиональной подготовки, в качестве «пострадавшей» дисциплины автор выбрал психологию и психотерапию. Во-первых, медицина и биология — сфера основных профессиональных занятий. Во-вторых, среди биомедицинских дисциплин именно психология и психотерапия в большей степени и дольше и в наибольшей степени были инфильтрированы профессионалами материалистической диалектики. В третьих, в России именно психология, психотерапия и медицина в конце XX в. стали жертвой патологического варианта профессиональной мобильности, когда массы претенциозных дилетантов с инженерным, идеологическим и т. п. образованием взялись теоретизировать, публиковать и практиковать.

Дипломированный марксист (впоследствии «марксист, менявший все знаки и оценки на противоположные») А. Ло-

бок реформирует антропологию и педагогику (16, 33, 34). Гидрометеоролог В. В. Костецкий («в *греческой философии чувствую себя как дома*» (11)) щедро рассеивает собственные идеи о психологии, оздоровлении, воспитании, творчестве и культуре. В частности, В. В. Костецкий установил каузальную и генетическую связи между экстатическими танцами и зарождением культур, и убеждал студентов-медиков, что изучение христианской теологии (по его словам, точной науки), обеспечит высокую творческую продуктивность у молодых инженеров и прочих научных исследователей.

Этот патологический вариант транс-дисциплинарной мобильности мы рассмотрим на примерах, когда дисциплиной-акцептором выступает психология и психотерапия (как раздел медицины).

* * *

Исследования «научной парадигмы» и «дискурса», принятых в нашем отечестве за «норму» для общей и прикладной психологии, в частности психотерапии, получают (даже без прямых наших намерений) отчётливую «клиническую» направленность: «*Дискурс — исторически, социально и в недрах особой культуры возникшая специфическая структура убеждений, терминов, категорий и установок, которые влияют на отношения и (внутренние) тексты и звучат в историях пациентов*» (13: 136). Этот фрагмент автор монографии выделил в тексте типографской рамкой и особым шрифтом. Если это определение, то студентам надлежит его «учить наизусть и повторять нараспев»? Если это обобщение эмпирических наблюдений, то мир науки, где люди рассуждают в согласии с «убеждениями», пользуясь «категориями» и «терминами», С. А. Кулаковым представлен большой клиникой, до краёв заполненной «пациентами»... Тогда было бы уместным уточнение — это плод интроспекции, или же итог длительных наблюдений над коллегами?

Мы двинемся именно в указанном направлении и будем исследовать «недра особой культуры», в которой «*исторически*»

сформирована и сохраняется «специфическая структура убеждений». Типичный пример представлен сегодня в недавно опубликованных дневниках академика Эльконина: *«Уверенность в правильности сделанного должна возникать не из проверки результата (продукта), а в ходе его выполнения. “Я делаю верно — значит, я прав”»* (38, 1961). Это высказывание мы не считаем неким болезненным теоретическим обоснованием индивидуальной паранойальной системы. Скорее перед нами пример невротической рационализации, когда пациент уже ощущает и сознаёт у себя дефицит религиозного или квази-религиозного фанатизма, но не имеет ресурсов для полного вытеснения проблемы (невротического конфликта) из сознания.

* * *

Итак, приступаем к анализу преморбидного состояния науки и «недр особой культуры».

Ещё до 1917 г. в Российской империи совершены множественные попытки «в недрах особой культуры» вырастить «пролетарскую науку», свободную от многочисленных грехов и пороков науки «буржуазной». К порокам существовавшей до того науки относили «аристократизм» и «элитаризм» (говоря прямо — малодоступность для полуобразованных), «оторванность от жизненной практики», «реакционность» и прочее.

После революций 1917 года некоторые ранние большевики, всерьёз принявшие фразы о кухарках, которых нужно учить управлять государством, пытались кухарок, а также шорников, молотобойцев, приказчиков, кавалеристов и прочих привлечь ещё и к освоению и деланию «пролетарской философии», «пролетарского естествознания» и других «наук».

Вскоре выяснилось, что «пролетарские варианты» математики, химии и электродинамики неконкурентоспособны в сопоставлении со старыми («буржуазными») вариантами. Новая власть временно и частично смирялась с «элитаризмом» учёного сословия и с присутствием «буржуазных спецов» в технике, математике, физике и химии — от них непосредственно зависели обороноспособность и быстрое восстановление про-

мышленности (12: 57—59). Борьба с «буржуазией» и «вредителями» в науках усилиями некоторых деятелей то разгоралась сильнее, то затухала (4, 8, 9). Тотальную диктатуру «пролетарской идеологии» установили в философии, социологии, психологии, частичную — в биологии и медицине.

Первое поколение «номенклатуры» обеспечивало режим особого благоприятствования фрейдизму, педологии, «рефлексологии» (12, 29, 39). Временный публичный и административный успех в РСФСР этих направлений опирался на обещания адептов создать неотразимые приёмы прямого манипулирования психикой, в том числе «массовой», а также и на применение весьма упрощённых схем для универсального объяснения природы любых психических процессов. Затем психоанализ и педология подверглись поношению, но преимущественно по идеологическим и политическим основаниям, собственно общенаучные аргументы остались на втором плане. На доминирующую позицию с 30-х годов в СССР выдвинута слегка декорированная «павловской теорией» так называемая «материалистическая психология», выросшая «в недрах особых» субкультур (люмпен-пролетарской и люмпен-интеллигентской). Эти маргинальные субкультуры тесно сопрягаются и объединяют лиц с высокой социальной и транс-дисциплинарной мобильностью.

В 1948 г. «Объединенная («павловская») сессия АН и АМН СССР» нанесла окончательный и невосполнимый ущерб развитию научной нейрофизиологии и психологии. Психология как университетская дисциплина более десятилетия скрывалась под конспиративными кличками «педагогические науки» и «нейрофизиология высшей нервной деятельности». Общие критерии состоятельности, такие как логическая непротиворечивость теоретической модели, соответствие частных моделей фундаментальным принципам, описание граничных условий, в которых теоретическая схема справедлива, почти полностью потеряли вес в «дискуссиях», которые заканчивались покаянными заявлениями очередной партии «отступников». Напротив, непомерное значение получили цитаты «классиков», при-

знанные неопровержимыми на данный исторический момент. За послевоенные годы в физиологии высшей нервной деятельности почти полностью были уничтожены навыки содержательной рационалистической критики (12: 57–62).

К примеру, с 1937 до 1987 г., и даже позже, без критического осмысления в пособиях и лекциях всего СССР воспроизводили «условно-рефлекторную теорию словесного внушения» К. М. Платонова с описанием экспериментального её «подтверждения».

В кратком изложении, «теория» сводится к утверждению, что у человека системы соматической регуляции в ответ на слово («условно-рефлекторный раздражитель») и раздражитель безусловного рефлекса реагируют одинаково. Словесное внушение «Лимон, лимон» вызывает отделение слюны, как предъявление лимона реального.

В качестве подтверждения К. М. Платонов приводил результаты экспериментов, когда голодным испытуемым, приведённым в гипнотический транс, внушали, что они получают сладкую пищу, и было зарегистрировано повышение концентрации глюкозы в крови большинства испытуемых (28, 1959).

Если строго применять теоретическую схему, то в эксперименте следовало ждать прямо противоположного — снижения концентрации глюкозы.

Повышение концентрации глюкозы после еды происходит, за счёт поступления углеводов извне, а системы соматической регуляции действуют при этом в направлении снижения. Интеллектуально состоятельный человек придёт к дилемме: либо теория существенно неполна, либо придётся допускать возможность материализации идей в ходе гипнотического внушения со словесной формулой «Халва! Халва!» (т. е., «озвученные идеи становятся халвой, когда они овладевают массами»).

Отметим, что заслуживают глубочайшего уважения те редкие исключения, когда в рукотворной обстановке подавления критической мысли наши исследователи и теоретики создавали продуктивные работы с мировой новизной, формирующие новые направления науки (18, 1950; 15, 1973).

* * *

В научном сообществе психологов селекция по *политическим и этическим* критериям, проведенная многократно, привела к снижению этических и интеллектуальных критериев. Возможности излагать идеи и концепции, высказанные лицами, которых уже объявили отступниками, сохранялись; можно было делать это без указания на автора, либо даже приписывать эти идеи кому-то другому, в том числе себе.

Отступления от традиционной научной этики сохраняется в отечественной психологии до последнего времени. К примеру, в списках литературы некоторых диссертаций и монографий отсутствуют реферативные обзоры и книги А. Н. Лука (17, 1983), но включены в списки прореферированные им довольно редкие и маргинальные работы. В университетском учебнике 2004 г. (37, 2004) приведён, со ссылкой на В. Н. Дружинина, странный список «характерных признаков творческой личности»: *«независимость от мнения окружающих, открытость ума (восприимчивость к новому)... высокая толерантность к неопределённым и неразрешимым ситуациям (конструктивная активность в этих ситуациях)... стремление к красоте... уверенность в своих силах и сила характера... смешанные черты женственности и мужественности»*. В этой сумме «признаков» привлекают внимание некоторая парадоксальность, нелогичность и неловкость употребления слов:

1. Отсутствует главный признак творческой личности (способность ставить нетривиальные задачи и давать нетривиальные решения для давно сформулированных проблем, считающихся решёнными).
2. «Толерантность к неопределённым и неразрешимым ситуациям» (терпимость в переводе на русский язык) уподоблена «конструктивной активности».
3. Не раскрыты «смешанные черты мужественности и женственности» (вероятно, это был устаревший перевод на русский язык названия шкалы «маскулинность-феминность» в многопрофильном миннесотском личностном опроснике MMPI).

При катamnестическом исследовании обнаружилось, что в теоретический оборот этот список вошёл через реферативный сборник ИНИОН (Проблемы научного творчества. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1980), из обзора, который выполнил А. Н. Лук. Ирония автора обзора в адрес текста оказалась недоступной для всех тех, кто позднее дословно и без критики воспроизводил этот фрагмент. Сначала выпало имя автора обзора, а затем, в процессе многократного последовательного копирования, потерялось имя не читанного в оригинале Олаха с соавторами. Как итог, А. Толочек объявила автором В. Н. Дружинина.

Сходную историю обнаружим при сравнении рецензий на книгу А. Лобка «Антропология мифа» (25), подписанными именами О. Лебёдушкиной (14) и В. Е. Кагана (22): фраза «философия — вся <...> есть трудное проговаривание первоначальных интуиций» приписана в первой рецензии Анри Бергсону, во втором случае — самому Лобку.

В «нормальных текстах» и «дискурсе» отечественных психологов среднего и нижнего классов обязательными до конца 80-х годов были ритуальные поношения в адрес «буржуазных» психологов и отечественных отщепенцев, «антипавловцев» и «павловцев непоследовательных». В последующем смену идеологических «установок», состоящих из механически воспроизводимых цитат, «принципов» и ссылок на неопровержимые (в данный исторический момент) авторитеты, психологи и теоретики психотерапии производили с необычайной лёгкостью.

* * *

С середины 50-х гг. в математике, естественных и технических научных дисциплинах влияние диалектиков-материалистов устремилась к нулю. Профессор Амосов из Ленинградского Политехнического института с 1956 г. на лекциях по математике иллюстрировал логическую конвенциональную природу математического знания на примере эквивалентности высказываний «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация» и «Советская власть есть коммунизм минус электри-

фикация». В 60-е гг. «специфическая структура убеждений, терминов, категорий и установок» (диалектиков-материалистов), как бы «дискурс», окончательно оставлен без употребления в технических дисциплинах и в фундаментальной науке. Но неизменным осталось положение в общественной, экономической и гуманитарной сферах, в некоторых разделах нейробиологии и в психологии. Злоупотребление абстрактными терминами (вместо более уместных конкретных понятий), использование вместо слова «некий» термина «определённый», натужное глубокомыслие при неспособности определить границы старых и новых «истин». У «типичных философов и психологов среднего ранга» (до настоящего времени) все базовые знания, интеллектуальные претензии, *doctrina et modus operandi* близки, часто до неразличимости, а «парадигмальные установки» — идентичны.

«Метод <...> представляет собой реализацию определённого (кем или чем “определённого”? — А. И.) познавательного отношения к изучаемой действительности (авторы допускают “познавательное отношение” к “неизучаемой действительности”? — А. И.), направляющего организацию исследования и предполагающего использование соответствующих (чему? — А. И.) приёмов и процедур исследования... Фундаментальная особенность, которая отличает философское знание от всех других видов знания, состоит в том, что “философия специфически теоретическими средствами выполняет мировоззренческую функцию” (Юдин, 1978) <...> Философия вскрывает наиболее общие законы развития природы и общества» (23: 11–15).

* * *

Э. Кольман, известный в 30-е и 40-е гг. доносами на математиков-идеалистов (8, 9), в конце 50-х гг. претерпел «инверсию» — стал агитировать в пользу «бионики» и «кибернетики» (3, предисловие). Вслед за ним в 60-е и 70-е гг. сочинения, имеющие отношение к физиологии, психологии и экономике, теоретики-методисты фаршировали словами «информация», «обратная связь», «саморегуляция». *«Важнейшая особенность*

нашего мира состоит в неравномерности распределения в пространстве и времени вещества, энергии и информации (разнообразия) <...> Объективными формами существования (систем) являются пространство и время, а объективными условиями их движения — энергия и разнообразие (информация). Поэтому пространственные, временные, энергетические и информационные характеристики в качестве оснований для первичной классификации систем и их описаний <...> разделим на статические и динамические, <...> на сосредоточенные и распределённые, <...> на активные и пассивные, <...> на дискретные и непрерывные» (З: 3—9). Если вникать в смысл написанного, обнаружим, что психолог-методист в понимании «движения», «формы», «энергии» и «информации» остался в парадигме перипатетической физики. Ни слова о том, что «информация» не подчиняется законам сохранения.

Слова «идейная закалка» во 2-й половине XX в. всё чаще заменяли «духовностью». Процесс «одушевления» отечественной психологии завершился в «Перестройку» 80-х, когда Власть отменила общеобязательный «материализм», и на свет явились толпы экстрасенсов, астрологов и спиритуалистов. С конца 90-х гг. Энгельса и Плеханова потеснили Фрейд в сме-си с Юнгом и Иоанном Кронштадтским.

Типичный носитель марксистско-ленинских «тривиума» и «квадравиума» (который раз?) перестроился: «Едва слышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади! Когда пошла эмансипация женщин, то Тарелкин плакал, что он не женщина, дабы снять кринолину перед публикой и показать ей <...> как надо эмансипироваться. Когда объявлено было, что существует гуманность, то Тарелкин сразу так проникнулся ею, что перестал есть цыплят, как слабейших» (35).

А. Осницкий, выпускник исторического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, обращённый в «психотерапевты», объявил

«духовность» «объективной реальностью» (26). Аналогичные палимпсесты из «Материализма и эмпириокритицизма» плюс рассуждения в том же стиле и с теми же претензиями встретим у множества других маргинальных авторов: *«Речь человека является одним из средств выделения энергии, причем в каждом конкретном случае — энергии определенного качества <...> Сознание человека, связанное с душой и представляющее собой исходящий поток духовной энергии, не только регулирует использование кинетическо-звукового языка, но и оказывается способным воспринимать то, что находится вне границ земного мира, посредством специфического мысленно-энергетического языка...»* (30, 2010: 11). Стилистическая дистанция между философами и маргинальными психологами невелика: *«Креативность — это способность порождать множество разнообразных оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности <...> скорость порождения новых идей в единицу времени»* (30: 192).

Отсюда следует: у инженера, автора принципиально новой системы пеленгации (в «регламентированных условиях деятельности» на режимном военном предприятии) имеется низкий уровень креативности. Согласно этому определению, Дарвин, Менделеев, Пуанкаре и Эйнштейн отличаются от авторов цитированного университетского учебника именно низким уровнем «креативности»... Современный человек, получивший такое определение, сразу поставит вопрос о физической размерности «скорости идей в единицу времени». Авторы учебника опровергали Иммануила Канта... С трудом можно догадаться, что «хорошо» ученый автор под «скоростью идей» подразумевала, возможно, скалярные оценки «креативности» в тесте Торренса или Туник.

Марвин Мински в 1967 г. заметил: некоторым базисным понятиям, интуитивно понятным, таким как «мышление», «жизнь» и пр., трудно, а может и невозможно, дать позитивное корректное определение. *«Если рассмотреть некоторые определения, которые дают понятию “жизнь” некоторые <...> авторы учебников по биологии, то, с одной стороны, придется*

исключить из числа “живых” мулов, и наоборот — включить в число живых объектов, например, сосиски» (19, 1970). «Творчество» логически корректно может быть определено только «апофатически», через отрицание реально существующего или известного. Именно это простое соображение будет недоступным для тех, кто претендует на «полное понимание» и рассчитывает на «управление процессами творчества», то есть — на императивное манипулирование чужой психикой.

Второй пример — из того же «учебника XXI века»: *«Психический образ “красный цвет” есть активное воспроизведение в структуре нервных потенциалов длины (т. е. структурной характеристики) волны электромагнитного излучения, равной 700 нм»* (30: 176). Школьники 10 класса знают: длина волны электромагнитного излучения есть скалярная (одномерная) характеристика волны, никак не «структурная» («структурные» модели объектов и процессов, как минимум, двумерны). Получается, студенты вынуждены засорять память словами, которые никаким образом невозможно согласовать с их знаниями из других дисциплин. Познавательная ценность фразы о «структурной характеристике световой волны», приблизительно равна ценности утверждения «идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами». Тексты такого качества вырабатывают у посредственных студентов комбинацию из высокой толерантности к абсурду с низкой резистентностью к нему. *«Противоречие — ядро диалектики»*.

Инфильтрация психологии и медицины дилетантами снижала «средний» уровень публикаций и учебников настолько, что психологи и медики с базовым врачебным образованием могут без риска насмешек обнаруживать на публике крайнюю степень невежества — в физике, биологии, медицине (подобно записным философам-марксистам 40-х гг. и их прямым наследникам-постмодернистам из 2000-х гг.): *«Цветощущение теловека происходит следующим образом. Свет, проникая в глаз, проходит сквозь кристаллическую линзу — хрусталик и попадает на сетчатку»* (1: 16). «Психотерапевт» забыл, что хруста-

лик состоит из коллоидов, и не знает о таких оптически прозрачных частях глаза, как роговица и стекловидное тело?

Для странностей этой брошюры первым простейшим объяснением из возможных будет следующее: издан не отредактированный компьютерный перевод американского текста, принадлежащего к нижнему разряду «поп-психологии». В подтверждение предположению цитата: *«Неопытные загоральщики вылезают на солнце в самое опасное время — в полдень — и моментально обгорают, так как именно в это время коллегство сжигающих кожу и биологически вредных инфракрасных лучей максимально»* (1: 14). «Неопытные загоральщики» — явное свидетельство, что автор русским языком овладел «с особым цинизмом и в особо извращённой форме». Добавить нечего, кроме давнего социологического вывода физика Александра Шабада: «БЫСТРЕЕ СВЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ТОЛЬКО ТЬМА».

К счастью, лучшая часть современных студентов освоила начала современной научной культуры полнее, чем их преподаватели, носители идеологии диамата. Эта часть выработала и натренировала навык рациональной и логически корректной критики того, что их принуждают слушать на лекциях, читать в университетских учебниках и воспроизводить на экзаменах.

Приведём случайно услышанный диалог двух студенток в РГПУ имени А. И. Герцена. Первая студентка просит дать почитать конспект пропущенной лекции по психологии, другая отвечает: «Не парься. Здоровому человеку это невозможно понять и запомнить. Там все слова кончаются на “изм”, “ость” и “ение”». Похоже, студентки уже были знакомы с книгой Виктора Клемперера «Язык третьей империи».

Р. С. Станислав-Ежи Лец: *В каждом веке своё средневековье.*

Источники

- Бреслав Г. Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб.: «В&К», 2000.
Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1957.

- Ганзен В. Системный подход в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
- Домиль В. Мрак Борисович (<http://berkovich-zametki.com/2>).
- Дружинин В. Н. Структура и логика психологического исследования. М., 1993.
- Каган В. Е. Рецензия // Психологическая газета. 1998. № 7.
- Кант И. Об аристократическом тоне в современной философии // Ступени. 1991. № 2. С. 161—180.
- Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 9—10. С. 16.
- Кольман Э. Ход задом философии Эйнштейна // Научное слово. 1931. № 1.
- Корнилова В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М., 2007.
- Костецкий В. В. // Топос (topos.ru/article/laboratoria/slova).
- Кудрявцева Е., Ирецкий А. «Нефальсифицируемый рационализм» как религиозная система // Триумф классической рациональности. СПб., 2013.
- Кулаков С. А. Основы психосоматики. СПб., 2007.
- Лебедушкина О. Рецензия // Волга. 1999. № 1.
- Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1976.
- Лобок А. Антропология мифа. Философский андеграунд Урала (mexalib.com/view/141538).
- Лук А. Н. // Общественные науки за рубежом. М.: ИНИОН, 1983.
- Лурия А. Р. Очерки психофизиологии письма. М.: АПН, 1950.
- Мински М. Мышление и автоматы. М.: Прогресс, 1970.
- Митин М. Б. Боевые вопросы материалистической диалектики, М., 1936.
- Назляян Г. М. Развитие проблем психологии научного творчества в России (1860—1917): Автореф. дисс. М., 2001.
- Каган В. Е. Рецензия // Психология. 1997. № 5.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М.; СПб., 2007.
- Осницкий А. Проблемы психического здоровья. СПб., 2004.
- Патент RU № 232 51 95.
- Платонов К. М. Слово как физиологический и лечебный фактор. 2-е изд. М., 1959.
- Ратманов А. Фельдшер, мистик или врач // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 5.
- Реан А., Бордовская Н., Розум С. Психология и педагогика. СПб., 2002.

- Рогалев А. Мир, человек, язык (опыт философии языка). Гомель, 2010.
- Секацкий А. Метафармакология // Час Пик. 1999. № 18.
- Сергеева О. Александр Лобок и конец советской философии // Урал. 1999. № 1.
- Сергеева О. «Текст пошёл, как рыба на нерест...» // Урал. 1999. № 8.
- Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.
- Сухово-Кобылин А. В. Смерть Тарелкина. М., 2011.
- Толозек В. А. Современная психология труда. М.: «Питер», 2005.
- Эльконин Д. Б. Выдержки из научных дневников. 1961 г. // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 36–89.
- Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1994.

С. И. Бояркина, Н. В. Колесник

**ИННОВАЦИИ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ:
СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ И БИЗНЕСА¹**

В статье на основе проведенного эмпирического исследования анализируются практики сетевого взаимодействия науки и бизнеса. В качестве объекта исследования выступили руководители и ведущие специалисты, осуществляющие стратегическое управление организацией. Основной целью было выявление проблем инновационного развития градостроительства и специфики взаимодействия научных организаций и бизнес структур. В результате их взаимодействия происходит обмен социальным капиталом, приводящий, в свою очередь к обмену капиталом материальным и экономическим. Поэтому социальный капитал, включающий в себя информацию об участниках сети (рынка), их экономических взаимоотношениях и производимых ими продуктах, оказывается той ценностью, в отношении которой совершается обмен между научно-проектировочными организациями и бизнес структурами.

Ключевые слова: социальная сеть, взаимодействие науки и бизнеса, инновации, социальный капитал, неформальные практики.

Постановка проблемы

В последние десятилетия представителями властных, научных, бизнес сообществ России предпринимаются планомерные усилия по выявлению источников капитала, ресурсов,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-06-00414.

возможностей, формулировке интересов в рамках государственных программ повышения эффективности экономической политики, поиску точек роста. Инновации в федеральных и городских программах формулируются как ключевая проблематика и определяются в большинстве программах с экономических позиций.

Локальная инновационная программа, принятая правительством г. Санкт-Петербурга в 2014 г., не является в этом ряду исключением. В 2014 г. городские власти утвердили Государственную программу Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге на 2015–2020 гг.» (Гос. Программа 2015–2020). В рамках данного нормативного акта выделена подпрограмма по инновационному развитию Санкт-Петербурга, которая нацелена на «развитие и эффективное использование инновационного потенциала Санкт-Петербурга». Если обратиться к индикаторам подпрограммы инновационного развития Санкт-Петербурга, то обращает на себя внимание доминирование в данном документе показателей, которые не имеют социального измерения. Так, в числе индикаторов, которые позволяют представителям властного сообщества измерить эффективность реализуемой подпрограммы по инновациям значатся следующие: темпы роста отгруженной инновационной продукции, доля организаций, осуществляющих технологические инновации, коэффициент изобретательской активности, количество кластеров в Санкт-Петербурге, количество предприятий и организаций в Санкт-Петербурге, производящих композиционные материалы и изделия из них. При этом такие важные факторы инновационного развития, как наука, квалифицированные кадры, малый и средний бизнес, практически не рассматриваются. Если же предусматривается расходование бюджетных средств на инновационные программы, то расходы на образование, науку формируются по остаточному принципу.

Опыт передовых экономик показывает, что для инновационного развития глобальных и локальных сообществ крайне

важным оказывается социальное измерение экономических институций и структур или, в терминологии М. Грановеттера, «социальной укоренности экономического действия». В связи с этим наука и бизнес как социальные институты являются, с одной стороны, как на локальном, так и на глобальном уровне, условием инноваций, с другой стороны, активным агентом инновационного процесса, определяющим контекст происходящего. Поэтому от того, как взаимодействуют между собой наука и бизнес, какова специфика и функции каждого из этих институтов зависит вектор инновационного развития.

Инновационный потенциал российских городов и локальных сообществ представляет собой многофакторную модель. Фактор взаимодействия науки и бизнеса в последние годы обретает новый формат. С одной стороны, сохраняются проблемы, связанные с институциональными взаимоотношениями, в которых основными участниками являются не только наука, бизнес, но и государство. Наиболее актуальными видятся проблемы регулирования и поиска эффективных механизмов интеграции науки и бизнеса с целью обеспечения инновационного развития. С другой стороны, следует понимать, что бизнес, в силу своей относительной ресурсной автономии отчужден от государства и способен к саморегуляции. Поэтому наряду с формальными институциональными механизмами следует учитывать неформальный характер связей между участниками данных образований, сетевое устройство. Именно неформальные связи, по мнению некоторых исследователей, «делают деятельность бизнес структур практически бесконтрольной и нерегулируемой со стороны государства. Предпринимательские сети легко преодолевают любые требования антимонопольных комитетов, минимизируют налоговые выплаты за счет перераспределения ресурсов, способны осуществлять самостоятельную кредитную деятельность для своих членов, а нормы действующего права подменяются собственными правилами и практиками» (Волков, Светульников, 2013. С. 79–84).

Становится очевидным, что пространство осуществления предпринимательской деятельности, в которой непосредствен-

ными участниками выступают научные и бизнес организации регулируется двумя механизмами — формальными (институциональными) и неформальными (в частности, возникающими в ходе сетевых взаимодействий) практиками, а последние оказывают влияние на первые, в ходе чего изменяются процессы принятия предпринимательских решений, конкурентная среда и рынок в целом. Поэтому изучение сетевых взаимодействий между научными организациями и бизнес структурами, позволяющее описать механизмы формирования и функционирования сетей представляется актуальной и практически значимой задачей.

Социальные исследования инновационного процесса

В российской научной литературе проблема инноваций в широком ее понимании, до недавнего времени не была объектом пристального внимания ученых. В социологической литературе проблема инновации и инновационного потенциала обычно связывается с экономической и научно-технической деятельностью, политикой, что мало отличается от подхода, доминирующего в экономических и политических текстах. Рассуждения о том, что существуют систематические исследования инновационных практик российской элиты как на региональном, так и на федеральном уровне, вообще отсутствуют. Объяснительные схемы, которыми оперируют отечественные исследователи, представляют собой пример трансляции взгляда «извне», из западной социологии, и потому требуют учета российского контекста.

Обзор немногочисленных работ отечественных социологов показывает, что социальный аспект инноватики, в частности, рассмотрение роли политической и экономической элиты, не является специальным сюжетом исследования. Эта проблематика в российских исследованиях имеет маргинальный статус. Даже краткий анализ литературы позволяет определить, что чаще всего категория «инновация» рассматривается в тех исследованиях, в которых анализируются повседневные практи-

ки экономических субъектов, в том числе и экономической элиты, бизнес-групп, деловых сообществ. Так С. Б. Авдашева, исследуя отечественные промышленные предприятия, входящие в бизнес-группы, проанализировала стратегии реструктуризации предприятий, механизмы принятия решений внутри бизнес-групп в переходный период (Авдашева, 2004. С. 3—27). Среди важных особенностей поведения, входящих и не входящих в бизнес-группы предприятий, по мнению автора упомянутого исследования — инновационные стратегии. Категорию «инновации на промышленном предприятии» С. Б. Авдашева трактует достаточно широко.

Научный интерес И. Б. Гуркова и В. С. Тубалова также сосредоточен на инновации в российской промышленности. Однако авторы этого исследования подошли к проблематике «инновации» комплексно и, согласно Руководству Осло, различают в деятельности промышленного предприятия (хозяйствующего субъекта) продуктовые и процессные инновации подразделяя процессные инновации на собственно технические и управленческие (административные). Согласно излагаемой точке зрения, административные (управленческие) инновации — это всегда изменения в социальных практиках и к их изучению применим весь накопленный инструментарий социальных наук. Кроме того, авторы обращают внимание на то, что возможно построение различных типологий инноваций, например, помимо продуктовых, технических, управленческих инноваций, различаются организационные внутрифирменные и организационные межфирменные, параллельные, последовательные, «синергистические» инновации» (Гурков, Тубалов, 2004. С. 30).

Предметом исследования О. В. Кобяка является культура хозяйствования на предприятиях машиностроения Беларуси в переходный период. Что касается инновационных процессов, то автор исследования предлагает их рассматривать как фактор в формировании культуры хозяйствования предприятия. В этой связи, директорат (экономическая элита) предприятий видится автором как генератор обновления, инициатор

инновационных процессов на машиностроительных предприятиях Беларуси (Кобяк, 2001. С. 51—55).

Проблеме спроса на инновационный человеческий капитал посвящена статья С. И. Агабекова. В работе предпринимается попытка прогнозирования динамики спроса на инновационный человеческий капитал в России с учетом различных социально-экономических сценариев и выявить влияние инновационного человеческого капитала на процесс развития высокотехнологического бизнеса. Исследователь замечает, что интерес к подобной проблематике не случаен и объясняется, в первую очередь притязаниями российской элиты, которая стремится сохранить определенное положение государства на международной арене. Что касается операционализации понятия, то инновационный человеческий капитал автор исследования определяет как совокупность специалистов в области естественных, технических наук, экономики, управления (Агабеков, 2001. С. 136).

Наряду с действием факторов, обусловленных спецификой человеческого капитала, нужно понимать, что инновационные процессы опосредованы социальным взаимодействием. И в условиях переходной экономики, когда имеет место слабость, ненадежность государственных механизмов регулирования экономических процессов и, как следствие этого, практически полное отсутствие доверия к власти со стороны бизнеса (Haber, Maurer, Razo, Frye et al., 2002a. P. 1017—1036), объективный рост издержек со стороны представителей научного и бизнес сообщества минимизируется за счет вовлечения социального капитала, который неизбежно накапливают участники инновационного процесса.

В современной социальной науке теория социального капитала, несмотря на концептуальную противоречивость, получила большое распространение (Castiglione, Deth, Wolleb, 2008). По нашему мнению, продуктивно использование нескольких подходов, которые проясняют понимание феномена социального капитала. Идею Ханифана о важности взаимовыручки, доверия в локальных сообществах подхватил П. Бурдьё

и представил собственную аргументацию в обоснование концепта «социальный капитал» (Бурдые, 2002. С. 60—74). По его мнению, социальный капитал носит инструментальный характер, объединяет свойства различаемых экономического, культурного капиталов и характерен как для отдельного индивида, так и для коллективного агента. Что касается структурного подхода Дж. Коулмана, то в его рамках социальный капитал определяется как некий ресурс определенной социальной группы и как необходимое условие, без которого невозможны реализация интересов и достижение поставленной цели (Коулман, 2001. С. 121—139). Основой для социального капитала является сеть, которая выстраивается участниками процесса взаимодействия.

Одним из измерений социального капитала, который формируется в процессе неформального взаимодействия науки и бизнеса является сетевой анализ. Изучение сетевых взаимодействий в сфере бизнеса ведется относительно недавно. Среди отечественных исследований преобладают работы экономической и педагогической направленности. В первых речь идет, как правило, о проблемах управления сетевыми структурами, а процесс взаимодействия рассматривается как процесс, направленный на поиск выгод. Обсуждается проблема дефицита информации, скорости движения информационных потоков в сети взаимодействия. И если речь идет об инновационном развитии, то чаще всего делаются выводы о роли информации в инновационном развитии (Родионова, 2015. С. 123—131).

В педагогических работах основной акцент ставится на сетевом взаимодействии образовательных организаций и работодателей, рассматриваются вопросы повышения качества образования, в том числе за счет ресурсов сетевой структуры образовательных организаций (Жикоренцева, 2015. С. 63—76; Силкина, Ваганова, 2015. С. 63—76).

В социологических работах чаще речь идет о коммуникативных аспектах взаимодействия участников сети и управления информационными потоками, обсуждаются социальные основания бизнес сетей, вопросы доверия и партнерства. При

этом авторы рассматривают экономические теории фирмы О. И. Уильямсона, Р. Коуза, Д. Норта, Г. Демсеца; теории агентских отношений М. Дженсена и У. Меклинга; эволюционной теории экономических изменений: Р. Нельсона и С. Уинтера; ресурсной концепции фирмы Г. Хамела и К. Прахалада, В. С. Катъкало; теории сетевого маркетинга: О. А. Третьяк, С. П. Куш; теоретических работ в экономической социологии М. Грановеттера, В. В. Радаева; теории доверия Ф. Фукуямы, П. Штомпки и других.

В западных работах обращает на себя внимание анализ социальной сети, проведенный G. Alvarez, который позволил определить основные механизмы управления и выделить этапы эволюции этих механизмов на трех уровнях. Актор (мотивации, доверие на других акторов, ожидания эффективности и справедливости, ожидания в отношении будущей связи, односторонние действия), отношения (справедливость, эффективность, совместные ожидания будущего отношений, качества отношений, деятельность и процессы) и контекст (встроенные отношения, внешние условия и контекст эволюции) (Alvarez, Pilbeam, Wilding, 2010. P. 165—182).

В целом, соотнося понятия и содержание человеческого капитала и социального капитала, мы соглашаемся со схемой, предлагаемой Г. В. Градосельской, в которой социальный капитал заключен в сети, а человеческий капитал — в узлах. Автор имеет в виду статичность показателей человеческого капитала и динамичность показателей капитала социального и рассуждает о том, что социальный и человеческий капиталы часто комплементарны (Градосельская, 2004. С. 36).

Включенность представителей науки и бизнеса в социальные практики оказывает непосредственное влияние на процесс формирования и реализации социального капитала. Кроме того, в процессе представления, обсуждения, принятия и внедрения инновации оказываются важны не только формальные механизмы, реализуемые в сетях, но и неформальные механизмы, создающие альтернативные пути реализации социального капитала участников сети. Поэтому мы в эмпирическом

исследовании исходили из того, что наиболее важными являются измерения оценок внутренней и внешней институциональной среды, формальных и неформальных факторов успешности бизнеса, эффективности взаимодействия внутри профессиональной организации.

Локальные практики взаимодействия науки и бизнес-сообщества: результаты эмпирического исследования

Планируя проведение исследования, мы осознавали, что у каждого участника взаимоотношений существует своя собственная стратегическая цель совершения обмена, которая предопределяет выбор действий в отношении конкретных партнеров или сетей взаимоотношений. Поскольку организация оказывается встроенной в деятельность разных сетей, управление отдельными транзакциями осуществляется на операционном уровне, а управление взаимоотношениями в устойчивой межфирменной сети относится к стратегическому уровню управления (Шерешева, 2014. С. 17–23). Поэтому в качестве объекта исследования были выбраны руководители и ведущие специалисты, осуществляющие стратегическое управление организацией.

В марте 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялся образовательный семинар, в ходе которого были представлены образцы инновационного теплового оборудования. В нем приняли участие крупнейшие представители научно-проектировочных организаций, строительных и монтажных компаний, дилеров теплового оборудования Центрального и Северо-Западного федерального округа (представители 18 научно-проектировочных организаций, предприятий-застройщиков и дилеров теплового оборудования).

Представленные организации:

1. ООО «ТД Прадо Северо-Запад»
2. ООО «АТР»
3. ООО «ИТР»
4. ООО «Сэтл Сити»

5. ООО «Регинжстрой»
6. ООО «Энержи»
7. ООО «Ивис»
8. ООО «Проект сервис»
9. ООО «ИНТРА ПРОЕКТ»
10. ООО «ИНТРА ПРОЕКТ»
11. ООО «Гранд»
12. ИСК «Интегралл»
13. «ЛЕННИИПРОЕКТ»
14. «ЛЕНПРОЕКТ»
15. «Энерго сеть девелопмент»
16. «Норман»
17. «Вега»
18. «Гипроруда»

В ходе семинара нами был проведен сплошной анкетный опрос представителей научно-проектировочных организаций и бизнес структур, основной целью которого было выявление проблем инновационного развития градостроительства, а также специфики взаимодействия научных организаций и бизнеса.

Должностной состав аудитории был следующим:

- представители научно-проектировочных организаций (19 респондентов): генеральный директор, ведущий инженер-проектировщик, инженер, главный специалист, проектировщик, начальник группы отопления;
- представители бизнес структур — дилеры оборудования, застройщики (6 респондентов): генеральный директор, начальник отдела снабжения, экономист отдела снабжения, менеджер отдела продаж, руководитель отдела продаж, монтажник. Нами были разработаны две анкеты для обследуемых групп, каждая из которых прошла экспертизу и была откорректирована с учетом замечаний представителя-эксперта в сфере градостроительства.

Среди представителей научно-проектировочных организаций, ответивших на вопрос, находились руководители предприятия 21,1% и наемные работники 73,7% (системные пропущенные — 5,2%). Средний возраст опрошенных — 43,4 года

(стандартное отклонение — 12,82 года), средний стаж работы — 20,63 года (стандартное отклонение — 11,99 года). Среди представителей бизнес структур, присутствовали руководители предприятия — 16,7% и наемные работники — 83,3%. Средний возраст опрошенных — 36,0 лет (стандартное отклонение — 13,47 лет), средний стаж работы — 16,67 лет (стандартное отклонение — 20,69 лет). Следует отметить существование значительного разброса показателей возраста и стажа, что указывает на наличие в научно-проектировочных организациях и бизнес структурах как молодых сотрудников, так и работников пенсионного возраста.

Как уже говорилось ранее, важным элементом во взаимодействии бизнеса и науки является внешняя и внутренняя институциональная среда, которая определяет успешность стратегии. Представители бизнеса выделили факторы, которые, по их мнению, определяют успех бизнеса в целом (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, определяющие успех бизнеса

Фактор	В процентах
Опыт	83,3
Квалифицированные сотрудники собственного коллектива	66,7
Партнерские связи	50,0
Связь с влиятельными людьми	50,0
Образование	33,3
Статус в профессиональном сообществе	16,7
Членство в профессиональных сообществах	16,7
Семейные связи	—
Деньги	—

Как выяснилось, наиболее значимыми для эффективного бизнеса являются те социальные сети, которые удастся выстроить как внутри организации, так и за рамками профессионального сообщества. Семья и друзья не рассматриваются как

важный социальный ресурс представителями бизнеса в сфере градостроительства. Это подтверждается и результатами исследования А. А. Юдиной, в котором статистически подтвердилась гипотеза о том, что в предпринимательских сетях преобладают слабые связи (Грановеттер, 2003)², и что семья включена в процесс ведения бизнеса только в случае специфических форм предпринимательства.

Деньги также не входят в число факторов, определяющих успех бизнеса. И это подводит нас к пониманию того, что связи в сообществе и те преимущества, которые получает индивид через доступ к ресурсам сети превалирует над экономическими благами. Это эмпирически подтверждает предположение высказанное П. Бурдые о том, что наращивание социального капитала понижает значимость капитала экономического (Бурдые, 2003).

В опросе руководителей научно-производственных и бизнес структур институциональный контекст оказался важным при ранжировании факторов, определяющих эффективность деятельности организации. Так, индикатор «препятствий эффективной деятельности», по мнению респондентов, представлен нестабильностью политико-экономической ситуации, дефицитом квалифицированных кадров, процедурой согласования проектов. При этом, если проанализировать по отдельности каждый их факторов, то речь идет об оценке институциональной среды, которая влияет и определяет возможности науки и бизнеса.

Власть, персонифицированная в элитном сообществе, является одним из главных коллективных агентов институциональной среды в современной России. Во многом региональная элита определяет и инновационные возможности городов как локальных сообществ. Так, в сравнительном исследовании

² Напомним, что по определению М. Грановеттера к сильным связям относятся связи между родственниками и друзьями, характеризующиеся постоянными контактами, а к слабым — связи между знакомыми, контакты с которыми нерегулярны.

четырёх российских регионов (Санкт-Петербург, Калининградская, Ростовская, Ленинградская области), проведенном сотрудниками СИ РАН показано, что инновационный потенциал региональной элиты невысок. «Вместе с тем, необходимо отметить, что для разных секторов элит и в различных регионах доминирующими оказываются не всегда одни и те же факторы. В большинстве случаев персональные характеристики, скорее выступают переменными, снижающими инновационный потенциал. В отдельных случаях они действуют благоприятно в отношении ориентаций на новшества», отмечают социологи (Быстрова, Дука, 2008. С. 116).

Проведенная оценка основных барьеров эффективности деятельности продемонстрировала, что наиболее значимыми для научно-проектировочных организаций являются проблемы не только социально-экономического и социально-политического контекста, хотя они и занимают первые позиции рейтинга, но и внутриорганизационные, личностные (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка по 10-балльной шкале
препятствий эффективной деятельности
научно-проектировочной организации**

Проблема	Средняя оценка, проекти- ровщики	Средняя оценка, бизнес
Снижение платежеспособности заказчиков	8,2	6,0
Нестабильность политико-экономической ситуации	7,4	6,3
Сжатые сроки исполнения проектной документации	6,5	—
Дефицит квалифицированных кадров	6,5	6,8
Отсутствие собственной гарантированной занятости	6,1	4,5
Процедура согласования проектов	5,9	6,3

Продолжение табл. 2

Проблема	Средняя оценка, проекти- ровщики	Средняя оценка, бизнес
Проблемы обучения персонала, наращивания профессиональных знаний	5,79	3,8
Наращение документооборота, отчетности перед заказчиком, властями	5,5	4,7
Отсутствие в коллективе желания работать с полной отдачей, «командного духа»	5,5	4,3
Конфликты в коллективе между сотрудниками, между сотрудниками и руководством	5,3	3,7
Проблемы, связанные с техническим обеспечением Вашей деятельности	4,5	3,6
Производственные издержки (аренда площадей, износ оборудования и проч.)	4,4	5,0
Высокая текучесть кадров в коллективе	3,6	3,7

Для представителей бизнес структур также значение имеют проблемы увеличения налогов (5,33 балла) и ужесточение требований со стороны чиновников (4,17 балла). Следует отметить, что представители бизнеса оказались более сдержаны в своих оценках. В связи с этим, несмотря на то, что анализируемые группы количественно неравномерны, можно предположить, что бизнес лучше адаптируется к изменяющимся условиям, располагая большими возможностями саморегулирования и выступая по отношению к проектировщикам в качестве заказчика их услуг. Поэтому в целом, проблемы социального контекста оказались важны для обеих групп, а организационные и личностные проблемы, по оценкам представителей бизнес структур, оказались менее актуальны.

Определяющим фактором выхода компании на инновационный уровень, по нашему мнению, является организационная культура. В этой связи участникам семинара было предложено

оценить те критерии, которые учитываются ими при заключении контрактов (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка по 10-балльной шкале
степени значимости факторов,
влияющих на заключение контракта**

Критерии, учитываемые при заключении контракта	Средняя оценка, проекти- ровщики	Средняя оценка, бизнес
Финансовая выгода от контракта	9,4	8,5
Честность и надежность заказчика-инвестора	9,5	7,3
Репутация заказчика (платежеспособность заказчика)	8,8	7,3
Предшествующий опыт партнерства, общих проектов с заказчиком	8,1	6,3
Наличие у заказчика связей в вышестоящих инстанциях, готовность содействовать в прохождении процедур согласования	6,9	6,0
Наличие родственных связей, общих друзей между инвестором проекта и проектной организацией	4,3	4,2

По результатам социологического исследования (case-study), выполненного А. М. Разумной, одним из ключевых рычагов воздействия на сторонние организации являются юридические обязательства и опасность распространения негативной информации. Респондентами отмечалось, что в случае если их подведет партнер по работе, они в первую очередь расскажут об этой ситуации своим знакомым, а данная информация дальше будет передана по межфирменным сетям связей. Опасность создания негативной репутации достаточно сильно сдерживает возможности проявления оппортунистического поведения (Разумная, 2009).

Поскольку информация становится одним из видов социального капитала сети, внутрисетевые информационные потоки могут становиться объектом управления. Осуществление управления сетью, ее сетевым потенциалом направляется на решение задач, связанных с формированием сетевого потенциала, необходимого для решения поставленных задач и достижения поставленных целей; развитием сетевого потенциала (качественно-количественного изменения всех показателей организаций — участников сетевого взаимодействия); реализацией сетевого потенциала (процесс преобразования компонентов в новый продукт) (Иванов, 2013. С. 429—435). При этом управление сетевыми ресурсами может осуществляться посредством формальных и неформальных практик. Поэтому наряду с явными критериями, влияющими на выбор партнера, могут существовать и латентные, неформальные механизмы, оказывающие непосредственное влияние на установление партнерских отношений и развитие сетей в сфере градостроительства.

В процессе выхода на рынок инновационного продукта заводы-производители стараются привлечь потенциальных покупателей и заказчиков, организуя различные мероприятия для представителей заинтересованных компаний. С помощью сетевых взаимодействий происходит распространение информации о новом продукте. Завод-изготовитель и/или сеть его дилеров организуют демонстрационные мероприятия для представителей заинтересованных организаций. Это могут быть проводимые непосредственно на производстве презентации, в том числе, включающие обучение применению данного оборудования, конференции и выставки. В данном случае заводы-изготовители, дилеры оказываются заинтересованы в привлечении проектировщиков, поскольку последние принимают решение о включении того или иного оборудования в проект застройщика, и, соответственно, непосредственно участвуют в формировании заказа, дальнейшем извлечении прибыли бизнес структурами и их развитии в целом.

Поэтому нам было важно понять, какие именно мероприятия оказываются наиболее эффективными в плане установле-

ния контактов и развития сетевых взаимодействий. Как наиболее полезные для установления партнерских отношений *представителями научно-проектировочных организаций* были отмечены поездки на производства для ознакомления с продукцией заводов и совместные культурные мероприятия, выезды, совмещенные с обучением (по 63,2%). Менее полезны, по мнению представителей научно-проектировочных организаций, специализированные семинары, на которые приглашаются специалисты одного направления работы (52,6%). Посещение проектных подразделений специалистами от производств, с целью обучения проектированию соответствующего оборудования, сочли полезными 21,1% респондентов. Наименее полезны для установления партнерских отношений видят посещение профессиональных выставок 15,8% респондентов, конференции с привлечением представителей бизнеса, заводов и производств (10,5%).

Таким образом, наибольший интерес проектировщиков представляет выездная деятельность, связанная с возможностями сочетать работу и досуг. При этом, как полагают респонденты, появляются наибольшие возможности для развития сети контактов. Для респондентов (63,2%) важно в ходе проводимых мероприятий получить конкретные знания о применении оборудования, узнать новые технологии производства (52,6% опрошенных), установить новые связи внутри профессионального сообщества (36,8%). Кроме того, 42,1% опрошенных указали, что проводимые мероприятия важны с точки зрения проведения досуга (например, если мероприятие проводится летом в курортном городе или включает в себя развлекательную программу).

В качестве наиболее полезных для установления партнерских отношений *представителями бизнес структур* были отмечены специализированные семинары, на которые приглашаются специалисты одного направления работы (83,3%) и посещение проектных подразделений специалистами от производств с целью обучения проектированию соответствующего оборудования (66,7%). Значительно менее важными видятся

поездки на производства для ознакомления с продукцией заводов, совместные культурные мероприятия, выезды и т. п., совмещенные с обучением и конференции с привлечением представителей бизнеса, заводов и производств (по 16,7%). Никто из опрошенных представителей бизнеса не отметил важности роли профессиональных выставок в установлении новых контактов.

На вопрос о том, чем именно полезны проводимые мероприятия, представители бизнеса ответили, что наиболее важна (для 83,3%) возможность получить конкретные знания о применении оборудования, узнать новые технологии производства и возможность установить новые связи внутри профессионального сообщества отметили 50,0%. Наименее значима для представителей бизнеса — возможность хорошо провести время (16,7%).

Сопоставив ответы респондентов относительно ценности тех или иных мероприятий и той роли, которую они играют в развитии сетей, следует отметить, что при общности мнения относительно важности обучающих поездок на производства, представители научно-проектировочных организаций большее значение придают наличию рекреационной компоненты и личного знакомства.

Так, представляет интерес указание респондентов-проектировщиков на важность личного знакомства с производителями и дилерами оборудования, знакомство с «живым» оборудованием. По мнению 5,3% респондентов, это предоставляет дополнительные возможности при установке оборудования в проекты. Эти два обстоятельства (желание хорошо провести время и лично познакомиться с представителями бизнеса) являются активно используемыми источниками формирования сетей между представителями научно-проектировочных организаций и бизнес структур. При этом те бизнес структуры, которые учитывают данное обстоятельство и выступают совместно с проектировщиками организаторами и спонсорами мероприятий (как правило, руководителей проектировочных организаций) получают в качестве бонуса шанс быть привле-

ченными к проекту застройщика. Этот неформальный обмен становится полноценным основанием для установления партнерства и развития сетей в сфере градостроительства.

Выводы

Из проведенного исследования следует, что в отношениях между научно-проектировочными организациями и бизнес структурами первые выступают в качестве реципиента, а вторые — в качестве донора. В результате их взаимодействия происходит обмен социальным капиталом, приводящий, в свою очередь к обмену капиталом материальным и экономическим. Поэтому социальный капитал, включающий в себя информацию об участниках сети (рынка), их экономических взаимоотношениях и производимых ими продуктах, оказывается той ценностью, в отношении которой совершается обмен между научно-проектировочными организациями и бизнес структурами. В итоге проектировщики получают доступ к актуальной информации о состоянии рынка, потенциальных заказчиках проектов и существующих инновационных разработках в данной сфере, а бизнес структуры снижают свои риски, увеличивая вероятность получения прибыли. Поэтому очевидно, что успех сетевого взаимодействия определяет успех каждого отдельно взятого участника сети и основой сетевого функционирования становится информационный обмен.

Недостаток информации является часто возникающим и серьезным препятствием во взаимодействии различных отраслевых структур. Информационные поля формируют сети исходя из необходимости совершения обменов, в первую очередь, с участниками данной сети, находящимися в непосредственной близости друг от друга. Поэтому потоки информации перераспределяются в ограниченном отраслевом пространстве, создавая в рамках отрасли некую информационную целостность. Однако выход на рынок порождает необходимость совершения обменов с другими отраслями, соответственно, появляется необходимость расширения сети и перераспределения информационных потоков между новыми участниками.

Последствия роста сетей в ходе межсекторального взаимодействия удачно описывает Н. Д. Родионова, определяя, что «в результате процесс поиска и налаживания партнерских отношений, включая заключение конкретных сделок и соглашений, требует более тщательного и долгого сбора и анализа информации о потенциальных партнерах. Кроме того, при межсекторальном взаимодействии объемы сделки могут быть существенно масштабнее, чем в рамках внутрисекторальных отношений, а, следовательно, иметь большие риски, что при отсутствии полной и достоверной информации может оказаться основополагающей причиной отказа от такого типа межсекторальных связей» (Родионова, 2015. С. 123–131).

Источники

- Авдашева С. Б. Бизнес-группы и их роль в развитии российских предприятий // Мир России. Социология, этнология. 2004. Т. XII. № 3. С. 3–27.
- Агабеков С. И. Проблемы спроса на инновационный человеческий капитал // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 136.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2003. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Быстрова А. С., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сборник научных трудов / Отв. ред. И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 116.
- Волков А. В., Светульников М. Г. Методы оценки предпринимательских сетей // Казанский экономический вестник. 2013. № 6 (8). С. 79–84.
- Государственная программа Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге на 2015-2020 гг.»: URL [http://cpqi.gov.spb.ru/programs/gosudarstvennaya-programma-sankt-peterburga-razvitie-promyshlennosti-i](http://cppi.gov.spb.ru/programs/gosudarstvennaya-programma-sankt-peterburga-razvitie-promyshlennosti-i) (доступно: 15.09.2016).
- Грановеттер М. Сила слабых связей / М. Грановеттер / Пер. З. В. Котельниковой // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 33–35.

- Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. С. 36.
- Гурков И. Б., Тубалов В. С. Инновации в российской промышленности // Мир России. Социология, этнология. 2004. Т. XII. № 3. С. 30.
- Жикоренцева Т. В. Проектирование содержания образования в сетевом взаимодействии разноуровневых образовательных систем как фактор достижения нового качества образовательных результатов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 235–239.
- Иванов Н. Г., Мызрова К. А. Особая роль знаний в сетевом взаимодействии организаций и предприятий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 429–435.
- Родионова Н. Д. Тенденции развития кооперации и технологического обмена в пространственно-сетевом взаимодействии субъектов инновационной системы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2015. № 2 (50). С. 123–131.
- Силкина Н. В., Ваганова Н. О. Особенности образовательной среды в сетевом взаимодействии образовательной организации с производством // Образование и наука. 2015. № 6 (125). С. 63–76.
- Кобяк О. В. Культура хозяйствования предприятий: социологический анализ // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 51–55.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
- Разумная А. М. Сетевая организация бизнеса: методология социологического исследования: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. 2009.
- Родионова Н. Д. Тенденции развития кооперации и технологического обмена в пространственно-сетевом взаимодействии субъектов инновационной системы / Н. Д. Родионова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2015. № 2 (50). С. 123–131.
- Шерешева М. Ю., Палт М. М. Согласование интересов стейкхолдеров в сетевом межфирменном взаимодействии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 3. С. 17–23.
- Alvarez G., Pilbeam C., Wilding R. Nestlé Nespresso AAA sustainable quality program: an investigation into the governance dynamics in

a multi-stakeholder supply chain network // Supply Chain Management: An International Journal. 2010. Vol. 15. № 2. P. 165–182.

Castiglione D., Deth van G., Wolleb J. The Handbook of Social Capital. Oxford University Press, 2008.

James F. Moore The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems Paperback — April 11, 1997.

Haber S., Maurer N., Razo A. Sustaining Economic Performance under Political Instability: Political Integration in Revolutionary Mexico / Haber S. (ed.) Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence. Hoover Institution Press, Frye T. Capture or exchange? Business lobbying in Russia // Europe-Asia Studies. 2002a. Vol. 54. № 7. P. 1017–1036.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Малинов

**НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ
ЗОН КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ И ПОГРАНИЧЬЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН¹**

Научный центр исследования зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН создан в 2016 г. для междисциплинарного изучения процессов «отчуждения» (маргинализации) культурных ценностей, событий, смыслов, а также феномена культурного пограничья, как места встречи и взаимодействия различных культурных традиций. Помимо анализа современных механизмов вытеснения и забвения культурного опыта, привлекается материал исторических, философских, литературно-художественных исследований.

Ключевые слова: маргинализм, поле культуры, мейнстрим, забвение, воспоминание, зона культурного отчуждения, империология, центр, периферия, детерминизм, профессионализм, дилетантизм, культурная память, пограничье, деконструкция

В 2016 г. в Социологическом институте РАН создан Научный центр исследования зон культурного отчуждения и пограничья (ЦИЗКОП СИ РАН). Направления исследований и основной коллектив Центра сложились в результате работы над проектом, получившим поддержку Российского научного фонда (№ 14-18-00192). Руководителем центра является кандидат философских наук С. А. Троицкий. Созданию Центра

¹ При поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-00192).

предшествовала серия совместных российско-украинских исследований 2012–2013 гг., направленных на изучение социокультурных реалий эпохи тоталитаризма.

Формирование нового «сетевого» подразделения, объединяющего исследователей из разных научно-образовательных институций, вызвано не только реализацией «грантовых» проектов, но и необходимостью исследовать те сегменты культурного поля, которые маргинализируются, намеренно вытесняются из сферы социального взаимодействия. Особенно интенсивно эти процессы стали проходить в XX в. Изучения требуют не только механизмы «зон культурного отчуждения» (термин С. А. Троицкого), воспроизводимые идеологическими системами, но и обратные процессы реактуализации маргинализованного культурного опыта, преодоления забвения, представленные практикой философской рефлексии и литературой. Смена культурных парадигм, проходившая в XX в., позволяет проследить действие механизма забвения актуальных прежде элементов культуры и припоминания того, что было вытеснено (утрата, забвение, мемориальная консервация и т. п.). Изучение зон культурного отчуждения, механизмов их формирования и деконструкции дает возможность нового описания и лучшего понимания культурных процессов. Нормальным механизмом функционирования культуры становится не только сохранение и воспроизводство ценностей (традиция), но и перманентное переформатирование культурного поля, «отчуждение» (маргинализация) одних культурных ценностей в пользу других. Из культурной памяти стираются или вуалируются определенные значения, смыслы, события, метафоры, целые культурные топосы и т. п. Специфика этих процессов не определяется простым дуализмом общепринятого (мейнстрима) и вытесненного культурного содержания. Взаимодействие доминирующих социокультурных форм и зон культурного отчуждения опосредуется зоной пограничья, где культура развивается на грани дозволенного и табуированного, запрещенного и допустимого, забвенного и конъюнктурного. Пограничью принадлежат и контактные зоны, в которых про-

исходит встреча разных культур. Существование на стыке культурных традиций, межкультурье далеко не всегда происходит бесконфликтно. Сценарий такого взаимодействия разворачивается в широком поле возможностей: от конфронтации до гибридизации и способен привести к различным результатам: от плодотворного симбиоза до культуроборческой химеры.

Предыдущий исследовательский опыт коллектива был сосредоточен на анализе прежде всего философского и литературно-художественного материала, опирающегося на ранее разработанные концепции топографической трактовки национальной культуры и теории «границ культуры». Новая исследовательская программа требует существенно более междисциплинарного подхода, опирающегося на методы сравнительно-исторического, генетического, культурно-исторического, дискурсивного, историографического, социокультурного анализа и др., позволяющих концептуализировать понятия «зон культурного отчуждения» и «пограничья». В качестве теоретико-методологического подспорья используются достижения постколониальной критики (Э. Саид), исследования пространства культурной инфильтрации, топосов интеркультурации, культурной гибридизации (Х. Бхабхи, Э. Соджи), трансформации поливалентной культуры в «третье пространство» — пространство культурного отчуждения (М. Л. Прэтт), концепция культурного архива (Б. Гройс), историография и культура памяти (Я. Ассман), описание топосов ресемантизации и ресиомитизации (Р. Лахман), дискурсивный анализ (М. Фуко), концепция «стигмы» (И. Гофмана) и «homo sacer» (Д. Агамбена).

На основе исторического и литературного материала предполагается исследование проблемы соотношения центра и периферии в идеологии областничества XIX в., которое рассматривается в широком контексте общественных движений (сибирское областничество, украинофильство, западноруссизм, российское областничество, казачий автономизм и др.). Исторический материал дает основание для социо-культурной кри-

тики власти, существующих моделей господства, концепции культурного доминирования. Механизмы зон культурного отчуждения, используемые в качестве инструмента политического подавления и господства, приводят к обеднению культурного содержания, ограничению культурных практик, примитивизации жизни, смысловой инфляции человеческого существования.

Направления деятельности Центра достаточно традиционные: проведение исследований, экспертная деятельность, организация научных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары), а также распространение и популяризация результатов исследований посредством публикаций и проведения летних и зимних школ.

IN MEMORIAM

О. Б. Божков

ЧТО ОСТАВИШЬ ПОСЛЕ СЕБЯ
Памяти Бориса Ивановича Максимова
(1934 – 2016)

Война пришла в его деревню уже в конце лета 1941 года. Боре было тогда 7 лет. Никогда не забуду его рассказ о том, как на краю оврага во время войны расстреливали партизан или «их пособников». Расстреливали не оккупанты, а свои же — деревенские, — кто пошел в полицаи. Уже будучи взрослым, в память о погибших односельчанах Борис своими руками сделал у этого склона Поклонный крест.

Этот крест — отнюдь не единственное, что он сделал своими руками в родной деревне Псоедь (Лужский район Ленинградской области, Осьминское поселение). По его инициативе вместе с односельчанами он дважды (как минимум) сохранял и реставрировал деревенскую часовню. В Осьмино, что в нескольких километрах от его родной деревни, он с друзьями пытался спасти церковь. И не его вина, что полностью её спасти не удалось. Не раз они ремонтировали мост через реку Сабба. И когда его все-таки смыло, Борис на свои средства и своими силами вместе со своим зятем и другом-односельчанином соорудили пешеходную переправу из бетонных столбов.

Его неграмотная мать, которая расписывалась крестиком, не поощряла его тягу к учению. А Борис рано научился читать и читал много. Мать отнимала у него книги, чтобы не жег зря керосин и дрова (он читал в свете топящейся печи). Электричество появилось в деревне только после войны. В своей деревне он окончил всего 7 классов, а потом ушел в ремесленное

училище. Но когда его мама получила серьезную травму, вернулся в деревню и до самой её смерти ухаживал за ней. И только похоронив её, уехал в город, экстерном сдал экзамены за весь оставшийся школьный курс и поступил на философский факультет Ленинградского университета. Хотя с детства у него проявились инженерные способности.

Будучи подростком (лет в 13—14) он смастерил ветряк, который должен был приводить в движение и крупорушку, и пилу, и другие необходимые домашние инструменты и приспособления¹.

А потом, уже после окончания университета, сам добился распределения на завод и там создал стенд для сборки гидравлических цилиндров. Вот как он рассказывал об этом в интервью Б. З. Докторову. «...выпускник философского факультета ЛГУ, с упоением окунулся в механизацию, скоро даже обогнал в росте инженеров с техническим образованием, меня повысили в должности до старшего инженера и поручали самые сложные устройства. А все вследствие энтузиазма, желания что-то изменить, улучшить, внедрить.

В одном цехе я обнаружил допотопный сборочный стенд гидравлических цилиндров. Я тут же подал рацпредложение по его усовершенствованию; это было очередное более чем из десятка предложений, уже поданных мною. В ответ мне принесли пачку чертежей, составленных каким-то институтом, с полной механизацией сборки. За изготовление сложного агрегата никто не брался. Я тоже отставил чертежи и принялся за реализацию своего рацпредложения. В различных цехах я высматривал забракованные, а то и просто плохо лежавшие узлы, стаскивал их в центральную лабораторию, принадлежащую отделу, и здесь компоновал в задуманный мной стенд.

Освоил работу на станках, электросварку, не говоря уже о слесарном деле... можешь поверить?! — бегал по террито-

¹ Более подробно об этом см.: *Божков О. Б. Простой нормальный хороший человек (городской портрет на деревенском фоне) // Человек. 2016. № 3.*

рии — настолько велико было мое нетерпение сотворить собственное детище. Я, конечно, действовал неправильно, воспользовавшись уходом начальника в отпуск — не дело инженера заниматься физическим изготовлением агрегата, что мне было и указано, за что и получил в качестве благодарности выговор. Но стенд стоял и действовал! Тогда только так и можно было двигать научно-технический прогресс. Фотографию стенда я храню до сих пор как свидетельство о реально сотворенной вещи, не единственной ли в жизни инженера, ученого-социолога?» (Максимов 2007: 6—7).

Эта тяга к продуктивной деятельности, к реальным результатам, которые можно увидеть, а может быть и пощупать, — важная черта характера Бориса — проявлялась всегда и во всем: и в труде, и в отдыхе, и в будни, и в праздники.

Наши профессиональные пути с Борисом совмещались многократно, но плотно, как минимум, дважды. Во-первых, в незабываемом и весьма эффективном проекте (1991—1993 гг.), инициатором которого были руководители одного из рязанских кооперативов. Суть проекта состояла в организации школы социологов для людей с высшим образованием. На призыв рязанцев откликнулись В. Костюшев и А. Тихонов, которые составили Устав этой очно-заочной школы, сформировали команду преподавателей, а затем (уже все вместе) и программу двухгодичного обучения. В эту команду, кроме уже названных, вошли Борис Иванович Максимов, Александр Эткинд и я. Немного позже мы пригласили Наталью Александровну Нечеву.

Это было совершенно уникальное образовательное учреждение. В течение учебного года мы каждый месяц приезжали в Рязань на 3—4 дня. За это время читались лекции, проверялись «домашние задания», ставились задачи учащимся на следующий месяц. Уже в первом году обучения был дан старт нескольким эмпирическим проектам, по результатам которых наши студенты писали дипломные работы.

Время было горячее. В эти годы проходили демократические выборы в органы «местного» (областного и городского)

самоуправления — формировались органы власти субъектов РФ. Весь преподавательский коллектив вместе со студентами включился в этот процесс. А. В. Тихонов «делился опытом» с партийно-хозяйственным активом Рязани. Б. И. Максимов работал с профсоюзами и крупнейшими промышленными предприятиями. В. Костюшев в то время изучал неформальные общественные движения, которые, естественно, были и в Рязани. А. Эткинд «взял на себя» высшую школу КГБ СССР (правда, скоро они объединились с Костюшевым и не без успеха пытались объединить курсантов этой школы с неформалами). Я контактировал с творческими союзами. Идея последнего «проекта» состояла в объединении этих маломощных союзов в более солидную организацию — «Союз творческих союзов». До сих пор удивляюсь, как нам хватало времени и энергии на всю эту бурную деятельность.

По инициативе Бориса Ивановича на ряде предприятий Рязани силами наших студентов было проведено полноценное социологическое исследование процесса внедрения бригадного подряда и арендных отношений. Кроме дипломных студенческих работ были написаны аналитические записки для руководства этих предприятий¹. В качестве председателя ГЭК мы пригласили Б. З. Докторова и выдали нашим выпускникам дипломы государственного образца, которые официально получили через высшую комсомольскую школу в Москве.

Второе плотное совмещение наших профессиональных траекторий также было с продолжением: Борис вместе со своей женой Людмилой Ивановной Максимовой участвовали, как минимум, в двух социологических экспедициях в Тверскую, Новгородскую и Вологодскую области в качестве интервьюеров. И здесь Боря, хотя уже чувствовал себя неважно, работал что называется «на всю катушку»: кроме «плановых»

¹ См. подробнее об этом: *Максимов Б. И.* Социология начала эпохи перемен (на примере Рязанской школы социологов); *Исайчева Д.* Что нам дала Рязанская школа социологии // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофафа / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 557—564.

интервью, они с Людой еще брали интервью у местных священников.

Народная мудрость гласит: «Человек должен построить дом, посадить дерево и воспитать сына». Дом был построен еще родителями Бориса, но он построил или восстановил не одну часовню и церковь. Что касается дерева, то Борис посадил целую сосновую рощу вдоль по берегу речки Саба, что течет близь его деревни. (Я гулял по этому сосняку в поисках маслят, правда, ничего не нашел — было очень сухо и рановато для грибов.) С сыновьями как-то не задалось, но он вырастил двух замечательных дочерей, а уже они родили в общей сложности четырех мальчиков, в которых Боря вложил очень и очень много. Так что жизнь вполне удалась.

Борис Иванович оставил нам огромное наследство. Мало кто может похвастать тем, что он оставил в мире после себя. А Боря оставил часовню, музей своей деревни, переправу через реку, сосняк. Кроме того, статьи и книги, которые написаны простым языком и к которым еще будут обращаться его потомки — коллеги социологи и историки. И, наконец, что тоже немаловажно, — он оставил множество друзей и светлую память о себе, а также немало добрых слов о своих друзьях и учителях. В уже упоминавшемся интервью, которое он дал своему тезке Борису Докторову, он очень тепло отзывался о своих учителях в социологии Генриаде Ивановне Хмаре, Альберте Васильевиче Баранове, Борисе Максимовиче Фирсове.

Источники

Божков О. Б. Простой нормальный хороший человек (городской портрет на деревенском фоне) // Человек. 2016. № 3.

Максимов Б. И. «Социолог как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 6—7.

Максимов Б. И. Социология начала эпохи перемен (на примере Рязанской школы социологов); Исайчева Д. Что нам дала Рязанская школа социологии // Социология вчера, сегодня, завтра. IV Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 557—564.

SUMMARIES

V. A. Barabokhina

Measuring the Family's Crisis Level

The article describes a method of measuring the crisis situation of the family, developed by charitable fund Korchakovsky Center (now the Foundation for Socio-Cultural Programs «Resources»). The method gives results in numerical form that gives us opportunity to provide an accurate representation of the level of distress in the family.

Keywords: criteria of crisis, the level of distress, the amount of intervention required, status.

A. G. Filipova

Actual Problems of Domestic Sociological Childhood Research.

The review of domestic sociological researches of the childhood on materials of the magazine "Sociological Researches" during 1990—2014 is presented in the article. The review allows to designate the leading subjects of childhood's studying, empirical problems of the organization, carrying out and interpretation of the obtained data, to characterize researches from the point of view of their localization, duration, age groups of children-informants, the methods of collecting and data processing.

Difficulties of children's studying are connected both with the empirical level of research, and with its theoretical and methodological bases, with development of sociology of the childhood as branch science. The Russian sociology of the childhood has problems of status uncertainty, dissociation of scientific community, an insufficient inclu-

siveness of young researchers. All these problems slow down development of the methodological bases of sociological researches of the childhood.

In conclusion of article it is submitted recommendations about strengthening of childhood sociology's status positions.

Keywords: childhood, sociological researches, sociology of childhood, scientific community

E. N. Volkova, I. V. Volkov, O. M. Isayeva

Children with Orphans and Children growing up in the Family: a Comparative Analysis of the Prevalence of Violence

The article contains the comparative analysis of child abuse incidence between orphans and children in families. The data were obtained with adapted version of International Child Abuse Screening Tool – Children version (ICAST-C). Orphans are significantly more often suffer from psychological and physical abuse in forms of severe discipline, fights, beating, harassment, threatening, humiliation and cursing. All forms of sexual abuse are equally represented in both groups. At school, orphan children are vulnerable to repeated acts of aggression from peers and to severe discipline methods from teachers.

Keywords: Child abuse and maltreatment, child abuse incidence, child orphans.

E. N. Volkova

On the issue of Developing a Methodology for Assessing the Prevalence of Violence against Children

Summary. The article covers the main methodological challenges of studying child abuse scale, connected to principal definitions, data collection obstacles, research procedure and interpreting the results. In order to get a valid estimation of child abuse scale, it is needed to have a complex of official statistics on children's situation in Russia, public and professional surveys, and psychological research of children with their social environment. All studies must follow ethical norms, keep participation voluntary, and prevent secondary traumatization. Orga-

nizing and fulfilling the research require special training of both researchers and data collectors.

Keywords: research methods, child abuse scale, child abuse, organizing the research.

M. V. Akulova

Factors Influencing the Formation of Responsible Parenthood in Families Affected by HIV Infection

This publication is dedicated to the issues of development of recommendations and wide implementation of the measures, devoted to prevention of risks of violation of child-parent relationships among women, who learned their diagnosis «HIV infection» during pregnancy, and assistance in preparing for the maternal role.

Also, it draws attention to the fact, that the legislation framework concerning issues of registration of adoption and guardianship by people with diagnosis, involving some risk of complications of chronic somatic diseases, is outdated and does not take into account the specifics of the course and development of the HIV infection, social portrait, high parental potential of women who accepted the diagnosis

Keywords: HIV infection, risk factors, pregnancy, inheritance, maternal role.

V. A. Odínokova, O. I. Kolpakova

Evaluation of Impact of HIV Prevention Programs by Adolescents at High Risk of Getting HIV

Article describes results of the study aimed at evaluation of impact of HIV prevention programs implemented in vocational schools from the point of view of adolescents who took part in these programs. The research was conducted in St. Petersburg and Kaliningrad in April 2015. It was based on RE-AIM model. To collect the data focus groups with adolescents aged from 16 to 18 years old were conducted. The research has shown that even though the reach of adolescents by prevention programs is relatively high and prevention activities are conducted in vocational schools on a regular basis, adolescents regard these interventions as dull and ineffective. The article describes factors

which from the point of view of adolescents reduce the effectiveness of HIV prevention, suggests what could be done to increase the effectiveness of preventive work, provides recommendations for stakeholders involved into HIV prevention among adolescents at high risk of getting HIV.

Keywords: impact, prevention, HIV, adolescents at high risk of getting HIV

V. A. Odinokova, J. P. Zakharova, M. M. Rusakova

Experience of a Sociological Survey of Children Living in State Care Institutions

In recent years, both in Russia and abroad there is growing interest in the issues of childhood. The circle of persons interested in obtaining relevant information about children expands. Social protection authorities, youth policy, education, child ombudsmen, experts in the field of evaluation of projects and programs have the need for such knowledge. The article discusses the experience of study in child care institutions that asked children about their well-being and rights. On the basis of the study we have examined the factors of reliability and validity of the survey of children, as well as how they can be improved. Recommendations are given for the survey of children, as well as areas for further development of methods of application of questionnaires to the children's audience.

Keywords: sociology, survey, children, children's state care institutions, reliability

O. V. Kuchmaeva

Approaches to the Evaluation of the Main Parameters of the Health of children-Orphans and Children Left Without Parental Care

In the article the possibilities of using different data sources and methodologies for assessing the health status of orphans and children deprived of parental care. The complexity of the evaluation and associated with a variety of objects and subjects of evaluation. It is advisable to use a set of data: statistical reporting, data sampling surveys and

departmental accounting, qualitative research, expert interviews. Methodological approaches Children's Fund UNICEF, the world health organization allow you to create a system of indicators for the analysis of health status. Important role in the analysis of health status of children left without parental care in Russia is played by with 2013 the clinical examination of various categories of children. Analysis of indicators of child morbidity, disability and mortality suggests the health problems of children-orphans, living in institutions.

Keywords: orphans, children deprived of parental care; child health; evaluation of health

G. V. Semya

Cross System Analysis between Russia and US Child Protection System

This cross cultural system analysis describes the Russian and U.S. child protection systems with reference to the legal, terminological difficulty matching, in view the social attitudes of the society. The article provides an overview of the goals, laws, and processes of the Russian and U.S. Child Welfare systems, a brief overview of each country's evolution of child protection policies. The comparison is carried out on the parameters of the system of prevention of social orphanhood and family placement of children-orphans. Current national data is provided when available from national sources and author's monitorings.

Keywords: cross cultural analysis, child protection system/child welfare system, data, legislation, prevention of separating a child from her/his family, foster care, kinship care, legal guardianship, adoption, orphanhood, orphan, orphanage, reunification of a child to family, alumni of orphanage.

G. V. Divisenko

Biographical analysis of the value-attitudinal structure life world

The article is devoted to the results of testing of methodological solutions for biographical study of the life of the world. The proposed

solution is based on a methodological position that the communicative situation autobiographical narrative provides a representation of the life of the world by means of rationalization and articulation. Reconstruction of value-attitudynogo measuring the life of the world on the basis of the analysis of the representation of events is possible by identifying events assessments of the individual's personal history and analysis of the actions carried out by the person in the described situations. Methodical decision biographical study of the life of the world requires a comprehensive approach to the collection of sociological data (obtained from informants autobiographies and projective autobiographical essay), as well as substantive and structural analysis of value-attitudynogo measuring the life of the world.

Keywords: autobiography, attitudes, biographical research, the life-world, methods, values.

E. A. Chikalova

Fatherhood in Focus of Western Sociological and Psychological Research: Problems and Prospects

The article provides a review of foreign studies devoted to the issues of fatherhood, considers the variations of conceptualisation of fatherhood and various typologies of the phenomenon, highlights the key problems and perspectives of the development of this research field in the context of modern transformations in the sphere of family.

Keywords: fatherhood, determinants of fathering, traditional fatherhood, modern fatherhood, father involvement, interdisciplinary approach.

I. I. Eliseeva

Evolution of Russian Households Structure: the Attempt to Explain

It is considered the current trends in the Russian households structure and their negative consequences in terms of the reproduction. The increase of the single-parent families and other households is explained by gender inequalities and strengthening the internal migration. The article is based on materials of the official Russian statistics, first of all, the All-Russian population census of 2002 and 2010.

Keywords: households structure, single-parent families, gender inequality, internal migration.

S. V. Lurie

Experience of Contemporary Russian Muslim Polygamous Families: Narrative Analysis

The article is devoted polygamous family in contemporary Russian Muslims. We investigate the questions of how polygamous family is perceived by Muslims, what emotions the Russian Muslim men and women are experiencing, what motives they are driven. These problems are considered on the examples of islam.ru site materials for 2009–2015. We conclude that contemporary Russian Muslim community with difficulty implements the idea of polygamy. Public assessment of this phenomenon is rather negative than positive. This is partly caused by the experience of Soviet and Russian system of education with its specific individualism and self-importance of women in family and society, the romanticizing of love and marriage, as well as the existence of the system of education in the context of Christian tradition in Russia, with its view of marriage as a sacred union of one man and one woman.

Keywords: archaic, narrative analysis, grounded theory, contemporary Russian Muslims, polygamous family

S. N. Ignatova

Social Inequality as the Norm

The growth of social inequality in the world, its reproduction in a larger scale makes it important purpose on the level of individual consciousness and everyday ideas. The analysis of data in the international research project «EUREQUAL: Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective» demonstrated a closeness of the images about social inequality in post-Soviet European countries. Semantic unity of this phenomenon speaks rather about deep normative line, which was formed not under the influence of changes, but as a result of continu-

ous transformation processes in consciousness, which started long before crucial demolition of societal order in these countries. Focus-group discussions on social inequality and quality represented inequality as a norm, and equality as a deviation. Problematic field in the picture of respondents is formed around the configuration of social inequality in their societies.

Keywords: social inequality, equality, Post-Communist Central and Eastern Europe, focus group discussion, discourse analysis

A. A. Yakovleva, P. A. Yerofeyeva

**The Non-Profit Sector as a Source of Social Capital
and Resource for Social Mobility.
By Setting the Research Objectives**

This article analyzes the new sociology of the nonprofit sector approach — consideration of public initiatives and non-profit organizations as a source of non-monetary social capital (Bourdieu, Koulman) and as a resource for individual intragenerational social mobility. It argued the relevance and analytical capabilities of this approach, including in correlation with the current Russian context. It presents reflections on possible methodological approach to the empirical study of these issues through the analysis of professional biographies of the representatives of the NGO sector.

Keywords: civil society, non-profit organizations, social capital, social mobility, biographical interview

A. S. Mishchenko

**«Innovators» as a Specific Socio-Professional Group
in Modern Russia. Her Status as the Formation
and Development Prospects**

Based on the survey data and in-depth interviews conducted in 2013–2014, in St. Petersburg the thesis of the specificity of innovators as a socio-professional group confirmed. The substantiation of types of resources of a professional group is given. The place of the innovators in the labor market is shown.

Keywords: innovators, labor market, social and professional group.

B. I. Maksimov

Labour Legislation and the Real Labour Relations Practices

Reveals contradictions between the labor legislation and practices. A detailed explanation of the legal implications of «illegal practices» is given. The role of employers, allowing some variation in the employment relationship underlined. Particular attention is paid to the problem of failure to leave. The conclusion about the presence of employees sufficiently broad legal rights, but inability to use them is made.

Keywords: labour laws, practices, employer, employee and labour relations.

E.V. Tykanova

Consolidation of Local Community in Challenging Situation Urban Area of Saint-Petersburg

The problem of unequal access of different social groups to spatial resources of a large city and emerging with alternatives is discussed (on example of St. Petersburg). The question looked into is how the decisions taken by the administrative meet the needs of the citizens and specific life situations.

Keywords: spatial resources, social groups, accessibility, citizens' needs.

A. N. Iretskiy

Pathological Variations of Transdisciplinary Mobility in Modern Science

The social and economic processes in modern science determine the future of countries and regions. Reduced productivity of the scientific community, the slow development of innovation, the degradation of the scientific staff of reproduction system in universities and scientific schools dramatically reduce the competitiveness and security of any state. Threats to the well-being of science engender the spread of pseudo-science, the general decline in the scientific culture of the population.

This problem is not only in front of the Russian scientific community. «Marginal» and «pseudo-science», in particular embodiments, «postmodern philosophy», has won some of the public space. The spread of this influence, some authors, such as E. P. Kruglyakov, A. juice Jean Bricmont [36], quite successfully counteract. This article examines the genesis and rasproctranenie pseudoscience as a social phenomenon, with examples from the history of the domestic institutions «psychology» and «psychotherapy».

Keywords: pseudo-science, the history of institutions, psychology, psychotherapy, analysis.

S. I. Boyarkina, N. V. Kolesnik

Innovations in city planning: network interaction of science and business

In the article the practices of science and business network interactions are analyzed by the results of conducted empirical research. The heads and leading experts exercising strategic control of the organization have acted as an object of the research. Problems detection of innovative town planning development and specifics interaction between the scientific organizations and business structures was a main objective. These interactions are resulted by the social capital exchange bringing in turn to the material and economical capital exchange. For this reason the social capital including information about network (market) participants, their economic relationship and the products made by them is so important. It becomes that value, concerning which the exchange between the scientific and business structures is made.

Keywords: social nets, science and business interaction, innovations, social capital, informal practices

A. V. Malinov

The Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences

The Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences is

designed for an interdisciplinary study of the processes of «alienation» (marginalization) of cultural values, events, meanings, as well as the phenomenon of cultural borderland, as a meeting place and the interaction of different cultural traditions. Besides the analysis of modern mechanisms of repression and neglect of cultural experience, material of historical, philosophical, literary and artistic studies is used.

Keywords: cultural mainstream, forgetting, remembering, cultural alienation zone of cultural alienation, center, periphery, determinism, while illogicality of professionalism, amateurism

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акулова Марина Витальевна, Akulova Marina V. — программный директор, НП «ЭСВЕРО», Москва, Россия, marakul@inbox.ru

Барабохина Вероника Альбертовна, Barabokhina Veronika A. — канд. псих. наук, педагог-психолог, Фонд социально-культурных программ «Ресурсы», v9218644792@gmail.com

Божков Олег Борисович, Bozhkov Oleg B. — старший научный сотрудник, руководитель научно-исследовательского центра «Биографический фонд», Социологический институт РАН, olegbozh@gmail.com

Бояркина Сания Исааковна, Boyarkina Saniya. I. — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, s.boyardkina@mail.ru

Волкова Елена Николаевна, Volkova Elena N. — докт. психол. наук, профессор, СПбГУ, факультет психологии. Санкт-Петербург, envolkova@yandex.ru

Волкова Ирина Владимировна, Volkova Irina V. — психолог, Нижегородский ресурсный центр «Детство без насилия и жестокости», Нижний Новгород, atrila@mail.ru

Дивисенко Константин Сергеевич, Divisenko Konstantin S. — канд. соц. наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, divis@inbox.ru

Елисеева Ирина Ильинична, Eliseeva Irina I. — докт. экон. наук, член-корр. РАН, зав. кафедрой статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, irinaeliseeva@mail.ru

Ерофеева Полина Андреевна, Erofeeva Polina A. — канд. политол. наук, преподаватель кафедры политологии и меж-

дународных отношений, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, polina.erofeeva@gmail.com

Захарова Юлия Петровна, Zakharova Yulia P. — менеджер проектов в ООО СПСБН «Стеллит», 4zet@mail.ru

Игнатова Светлана Николаевна, Ignatova Svetlana N. — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, s-ignatova@yandex.ru

Ирецкий Андрей Николаевич, Iretsky Andrew N. — кафедра гигиены с основами экологии, невролог, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова, iretzki25@gmail.com

Исаева Оксана Михайловна, Isayeva Oksana M. — канд. психол. наук, доцент кафедры Организационной психологии НИУ ВШЭ, Нижний Новгород, mom_nn@mail.ru

Колесник Наталья Викторовна, Kolesnik Natalia V. — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, n.kolesnik@socinst.ru

Колпакова Ольга Игоревна, Kolpakova Olga I. — канд. псих. наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, Региональная общественная организация в сфере благополучия населения «Стеллит», руководитель направления «Профилактические программы», kolpakova@ngostellit.ru

Кучмаева Оксана Викторовна, Kuchmaeva Oksana V. — докт. экон. наук, профессор, Департамент статистики и анализа данных НИУ ВШЭ, Москва, kuchmaeva@yandex.ru

Лурье Светлана Владимировна, Lurie Svetlana V. — доктор культурологии, канд. истор. наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, svlourie@gmail.com

Максимов Борис Иванович, Maximov Boris I. — канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН.

Малинов Алексей Валерьевич , Malinov Alexei V. — доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета, a.v.malinov@gmail.com

Мищенко Александр Сергеевич, Mishchenko Alexander S. — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, a_mis@rambler.ru

Одиноква Вероника Александровна, Odinokova Veronika A. — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН, Региональная общественная организация в сфере благополучия населения «Стеллит», руководитель направления «Инновационные программы и фандрайзинг», veronika.odinokova@gmail.com.

Русакова Майя Михайловна, Rusakova Maya M. — канд. соц. наук, старший научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского центра социологии детства Социологический института РАН, rusakova.maia@yandex.ru

Семья Галина Владимировна, Semya Galina V. — докт. психол. наук, зав. лабораторией развития социальных систем защиты детства Столичной финансово-гуманитарной академии, gvsemia@yandex.ru

Тыканова Елена Валерьевна, Tykanova Elena V. — канд. соц. наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, elenatykanova@gmail.com

Филипова Александра Геннадьевна, Filipova Alexandra G. — докт. соц. наук, доцент, профессор кафедры социальных наук ДВФУ, профессор кафедры философии и социологии КНАГТУ, alexgen77@list.ru

Чикалова Екатерина Азаматовна, Chikalova Ekaterina A. — канд. психол. наук, младший научный сотрудник, Социологический институт РАН, echikalova@mail.ru

Яковлева Анна Александровна, Yakovleva Anna A. — канд. соц. наук, научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), anna.yakovleva@hotmail.com

Согласно Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
призывающей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 16 лет»

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 7

Сборник научных трудов
Социологического института РАН

Редактор издательства *О. Э. Карпеева*
Корректор *А. С. Лобанова*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*

Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Гарнитура Octava.
Усл. печ. л. 28,5. Тираж 300 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 937–98–70

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12